



STUDIA
ROSSICA
GEDANENSIA

6 / 2019

Studia Rossica Gedanensia

6

Redakcja / Редакция / Edited by
Zbigniew Kaźmierczyk, Katarzyna Wojan

REDAKTOR NACZELNY / ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / EDITOR-IN-CHIEF

dr hab. Katarzyna Wojan, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

ZASTĘPCY REDAKTORA NACZELNEGO / ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

dr hab. Zbigniew Kaźmierczyk, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

dr hab. Żanna Śladkiewicz, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY / РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

dr Ewa Konefał (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – sekretarz / секретарь / secretary

dr Siarhei Padsasonny (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland) – redaktor / редактор / editor

dr Wanda Stec (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – redaktor / редактор / editor

dr Aneta Lica (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język polski / языковой редактор, польский язык / language editor, Polish

dr Tatiana Kopac (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / языковой редактор, русский язык / language editor, Russian

dr Olga Makarowska (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / языковой редактор, русский язык / language editor, Russian

dr Marta Noińska (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język angielski / языковой редактор, английский язык / editorial assistant, language editor, English

mgr Karolina Wielądek (Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – redaktor statystyczny, redaktor strony internetowej / статистический редактор, редактор веб-сайта / statistical editor, Website editor

dr hab. Radosław Kaleta (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland) – redaktor współpracujący / сотрудничающий редактор / cooperating editor

dr Jolanta Miturska-Bojanowska (Szczecin, Polska / Щецин, Польша / Szczecin, Poland) – redaktor współpracujący / сотрудничающий редактор / cooperating editor

mgr Justyna Widzicka (Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Polska / Издательство Гданьского университета, Польша / University of Gdańsk – Publishing House, Poland) – redaktor współpracujący / сотрудничающий редактор / cooperating editor

Projekt graficzny okładki / Графический дизайн обложки / Cover design: **Ekaterina Kaleta**

Na okładce: fragment obrazu *Dziwiąta fala* Iwana K. Ajwazowskiego (1850), płótno, olej, 221 x 332 cm, Państwowe Muzeum Rosyjskie w Petersburgu (Rosja) / На обложке: фрагмент картины *Девятый вал* И.К. Айвазовского (1850), холст, масло, 221 x 332 cm, Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге (Россия) / On the cover: a detail of the painting *The Ninth Wave* by Ivan K. Aivazovsky (1850), oil on canvas 221 x 332 cm, Russian Museum, Saint Petersburg (Russia)

Skład i łamanie w systemie InDesign / Набор и вёрстка текста в программе Индизайн / Computer-aided composition and typesetting in the system InDesign: Maksymilian Biniakiewicz

Printed in Poland

ISSN 2392-3644 (online); ISSN 2449-6715 (print)

© Copyright by the Authors and Editorial Board

Publikacja sfinansowana ze środków na utrzymanie potencjału badawczego Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego, dotacji Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza – Oddział Gdański – pochodzącej od prywatnych donatorów. / Публикация финансируется за счет средств, выделенных на поддержание исследовательского потенциала Филологического факультета Гданьского университета, и средств Литературного общества имени Адама Мицкевича (Гданьский отдел), полученных от частных дарителей. / This publication was financially supported with the research potential funds of the Faculty of Philology, University of Gdańsk, and a donation by the Gdańsk Division of the Adam Mickiewicz Literary Society, coming from private donor's contributions.

ADRES REDAKCJI / АДРЕС РЕДАКЦИИ / EDITORIAL BOARD OFFICE

Redakcja *Studia Rossica Gedanensia*

Wydział Filologiczny / Faculty of Languages, Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk

ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland

Tel. / Phone +48 58 523 31 65

e-mail: katarzyna.wojan@ug.edu.pl; zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl

DRUK I OPRAWA / ПЕЧАТЬ И ПЕРЕПЛЁТ / PRINTING AND BINDING

Zakład Poligrafii / Printing Plant, Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk

ul. Armii Krajowej 119/121, PL 81-824 Sopot, Poland

Tel. / Phone +48 58 523 14 49; +48 58 523 13 50; Fax: +48 58 551 05 32

Czasopismo naukowe gdańskich rusycystów. Podejmuje zagadnienia związane z językiem, literaturą i kulturą Rosji, a także komparatystyką. Ukazuje się raz w roku w wersji elektronicznej i drukowanej. Wersją referencyjną jest wersja elektroniczna. Do druku przyjmowane są teksty w języku polskim, rosyjskim i angielskim. Redakcja zastrzega sobie prawo redagowania tekstów. Wszystkie prace nadesłane do redakcji są poddawane anonimowej procedurze recenzyjnej. Prace należy przesłać zgodnie z *Wytycznymi dla autorów* umieszczonymi na stronie internetowej naszego rocznika.

Научный журнал гданьских русистов. Поднимает вопросы, связанные с языком, литературой и культурой России, а также компаративистикой. Выходит один раз в год в электронной и печатной версии. Базовой является электронная версия. К печати принимаются тексты на польском, русском и английском языках. Редакция оставляет за собой право редактировать тексты. Все работы, полученные редакцией, подвергаются анонимному рецензированию. Работы должны быть представлены в соответствии с *Правилами для авторов*, размещенными на сайте нашего ежегодника.

A periodical published by scholars in Russian studies in Gdańsk. Devoted to issues connected with Russian language, literature and culture, as well as with comparative studies. Published once a year. *Studia Rossica Gedanensia* is published in print and online. The online version is the primary one. Articles in Polish, Russian and English are accepted. The Editorial Board reserves the right to have the texts edited. Each paper submitted to the Editorial Board is subject to an anonymous review process. Papers are to be submitted in accordance with the *Guidelines for Authors* listed on the periodical's website.

Uniwersyteckie Czasopisma Naukowe / Academic Scientific Journals

<https://czasopisma.bg.ug.edu.pl/index.php/srg/index>

Czasopismo referowane i indeksowane w bazach / Индексирование и реферирование издания в базах данных / Abstracted and indexed by the international databases:

ARIANTA, BazHum, CEJSH, Google Scholar Citations, OCLC WorldCat, PBN, POL-Index

UNIWERSYTET GDAŃSKI • WYDZIAŁ FILOLOGICZNY

ГДАҢСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ • ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

UNIVERSITY OF GDAŃSK • FACULTY OF LANGUAGES

Studia Rossica Gedanensia

ROCZNIK / ЕЖЕГОДНИК / ANNUAL

6

Redakcja / Редакция / Edited by
Zbigniew Kaźmierczyk, Katarzyna Wojan



Tom wydany we współpracy
z Towarzystwem Literackim imienia Adama Mickiewicza –
Oddziałem Gdańskim



Gdańsk 2019

dr hab. Marcelina Grabska (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – przewodnicząca / chair

prof. dr hab. Franciszek Apanowicz (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

prof. dr hab. Valentina N. Avramova / проф. д.ф.н. Валентина Н. Аврамова (Uniwersytet Konstantyna Preslawskiego w Szumen, Bułgaria; Prezydium MAPRYAL / Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, Болгария; Президиум МАПРЯЛ / University of Shumen Episkop Konstantin Preslavski, Bulgaria, Presidium of MAPRYAL)

prof. dr hab., dr h.c. UMK Andrzej Bogusławski (prof. em., Uniwersytet Warszawski; Akademia Umiejętności, Polska / Варшавский университет; Польская академия знаний, Польша / University of Warsaw, Polish Academy of Arts and Sciences, Poland)

prof. dr hab. Nadezhda S. Bratchikova / проф. д.ф.н. Надежда С. Братчикова (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M. W. Łomonosowa, Rosja / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия / Lomonosov Moscow State University, Russia)

dr hab. Volodymyr V. Dubichynsky / д.ф.н. Владимир В. Дубичинский (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)

prof. dr hab. Ivan A. Esaulov / проф. д.ф.н. Иван А. Есаулов (Instytut Literacki im. A.M. Gorkiego w Moskwie, Rosja / Литературный институт им. А.М. Горького, г. Москва, Россия / Maxim Gorky Literature Institute in Moscow, Russia)

prof. dr hab. Tatyana M. Grigoryeva / проф. д.ф.н. Татьяна М. Григорьева (Sybirski Uniwersytet Federalny w Krasnojarsku, Rosja / Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия / Siberian Federal University in Krasnoyarsk, Russia)

prof. dr hab. Jerzy Kalisz (prof. em., Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Россия / Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland)

dr Ihar L. Karylau / к.ф.н. Игорь Л. Копылов (Instytut Językoznawstwa, Państwowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / Институт языкознания, Национальная академия наук Беларуси, г. Минск, Беларусь / Institute of Linguistics, National Academy of Sciences of Belarus in Minsk, Belarus)

dr hab. Hubert Łaszkiwicz, prof. KUL (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska / Католический университет Люблина им. Иоанна Павла II, Польша / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland)

prof. dr hab. Ludmiła Łuciewicz (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)

prof. dr hab. Valentina A. Maslova / проф. д.ф.н. Валентина А. Маслова (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Беларусь / Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus)

prof. dr hab. Valery M. Mokienko / проф. д.ф.н. Валерий М. Мокиенко (Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja / Санкт-Петербургский государственный университет, Россия / Saint Petersburg State University, Russia)

prof. dr hab. Aleksandr V. Motorin / проф. д.ф.н. Александр В. Моторин (Państwowy Uniwersytet Nowogrodzki im. Jarosława Mądrogo, Rosja / Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

prof. dr hab. Zbigniew Opacki (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

doc. dr Ludmiła V. Rychkova / доц. к.ф.н. Людмила В. Рычкова (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

prof. dr hab. Tatyana E. Shapovalova / проф. д.ф.н. Татьяна Е. Шаповалова (Państwowy Regionalny Uniwersytet Moskiewski, Rosja) / Московский государственный областной университет, Россия / Moscow State Regional University, Russia)

prof. dr hab. Dorota Urbanek (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)

prof. dr hab. Jan Wawrzyńczyk (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)

prof. dr hab. Georgy V. Vekshin / проф. д.ф.н. Георгий В. Векшин (Moskiewski Państwowy Uniwersytet Wydawniczo-Poligraficzny im. Iwana Fiodorowa, Rosja / Московский государственный университет печати им. Ивана Фёдорова, Россия / Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov, Russia)

prof. dr hab. Bogusław Żyłko (Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi, Polska / Гуманитарно-экономическая академия, Польша / University of Humanities and Economics in Lodz, Poland)

RECENZENCI / РЕЦЕНЗЕНТЫ / REVIEWERS

prof. dr hab. Anna Bednarczyk (Uniwersytet Łódzki, Polska / Лодзинский университет, Польша / University of Lodz, Poland)

prof. dr hab. Elena I. Beglova / проф. д.ф.н. Елена Ивановна Беглова (Niżnonowogrodzka Akademia Ministerstwa Spraw Wewnętrznych Federacji Rosyjskiej, Rosja / Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия / The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia)

dr hab. Jolanta Brzykcy, prof. UMK (Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska / Университет Николая Коперника в Торуне, Польша / Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland)

dr Olga V. Fedunina / к.ф.н. Ольга В. Федунина (Rosyjski Państwowy Uniwersytet Humanistyczny, Moskwa, Rosja / Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия / Russian State University for the Humanities in Moscow, Russia)

prof. dr hab. Stanisław Gawliński (Uniwersytet Jagielloński, Polska / Ягеллонский университет, Польша / Jagiellonian University in Kraków, Poland)

dr hab. Piotr Głuszkowski, prof. UMK (Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska / Университет Николая Коперника в Торуне, Польша / Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland)

prof. dr hab. Elena Ya. Grigoryeva / проф. д. пед. н. Елена Я. Григорьева (Moskiewski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny, Rosja / Московский государственный педагогический университет, Россия / Moscow State Pedagogical University, Russia)

dr hab. Jolanta Józwiak, prof. UKW (Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska / Университет Казимира Великого в Быдгоще, Польша / Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland)

prof. dr hab. Vladimir F. Martynov / проф. д. культ. Владимир Ф. Мартынов (Instytut Nauk Współczesnych im. A.M. Shirokova w Mińsku, Białoruś / Институт современных знаний им. А. М. Широкова, г. Минск, Беларусь / Institute of Modern Knowledge, Minsk, Belarus)

prof. dr hab. Svetlana L. Mishlanova / проф. д.ф.н. Светлана Л. Мишланова (Permski Państwowy Narodowy Uniwersytet Badawczy, Rosja / Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия / Perm State National Research University, Russia)

doc. dr Inessa I. Morozova / доц. к.ф.н. Инесса И. Морозова (Instytut Filozofii, Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / Институт философии, Национальная академия наук Беларуси, г. Минск, Беларусь / Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

doc. dr Natalya G. Muzychenko / доц. к.ф.н. Наталья Г. Музыченко (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

doc. dr Viktor A. Odinochenko / доц. к.ф.н. Виктор А. Одиноченко (Homelski Uniwersytet Państwowy im. Franciszka Skaryny, Białoruś / Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Беларусь / Francisk Skoryna Gomel State University, Belarus)

dr hab. Grzegorz Ojcewicz, prof. UWM (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska / Варми́ньско-Мазу́рский университет в Ольштыне / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

doc. dr Nina A. Plastinina / доц. к.ф.н. Нина А. Пластинина (Niżnowartowski Uniwersytet Państwowy, Rosja / Нижневартовский государственный университет, Россия / Nizhnevartovsk State University, Russia)

prof. dr hab. Georgy S. Prokhorov / проф. д.ф.н. Георгий С. Прохоров (Państwowy Uniwersytet Społeczno-Humanistyczny w Kołomnie, Rosja / Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия / Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies in Kolonna, Russia)

prof. dr hab. Tatyana I. Radomska / проф. д.ф.н. Татьяна И. Радомская (Rosyjski Państwowy Uniwersytet im. A.N. Kosygina, Moskwa, Rosja / Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, г. Москва, Россия / Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia)

doc. dr Tatyana P. Sidorova / доц. к.ф.н. Татьяна П. Сидорова (Homelski Regionalny Instytut Rozwoju Kształcenia, Białoruś / Гомельский областной институт развития образования, Беларусь / Gomel Regional Institute of Education, Belarus)

dr hab. Tadeusz Sucharski, prof. AP (Akademia Pomorska w Słupsku, Polska / Поморская академия в Слупске, Польша / Pomeranian University in Słupsk, Poland)

prof. dr hab. Elena N. Shirokova / проф. д.ф.н. Елена Н. Широкова (Niżnowogrodzki Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. Kozьmy Minina, Rosja / Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Россия / Minin Nizhny Novgorod Pedagogical University, Russia)

dr hab. Justyna Tymieniecka-Suchanek (Uniwersytet Śląski w Katowicach, Polska / Силезский Университет в Катовице, Польша / University of Silesia in Katowice, Poland)

Pamięci
Profesora Jerzego Kaliszana

SPIS TREŚCI

OD REDAKTORÓW	19
OT РЕДАКТОРОВ	21

STUDIA I ARTYKUŁY / ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

JĘZYKOZNAWSTWO / ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Валентина Маслова	
Антон Лавицкий	
СИНТЕЗ НАУК КАК ОСНОВА ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ	27
Лариса Рацибурская	
НОВЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМАНТЫ В РОССИЙСКИХ МЕДИА КАК СРЕДСТВО ОСВОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	37
Даики Хоригути (Daiki Horiguchi)	
АФФИКСАЦИЯ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	45

LITERATUROZNAWSTWO / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья Баханович	
ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ В ПРОЗЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ	59
Magdalena Dąbrowska	
„W PROZIE NIE MA ON SOBIE RÓWNEGO...” WIEŚ NIKOŁAJA KARAMZINA W „TYGODNIKU WILEŃSKIM” (1820 R.)	71
Piotr Głuszkowski	
РЕСЕРПЦЯ ТВОРЧОŚCI LITERACKIEJ МАКСЫМА ГОРЬКОГО W POLSCE	83
Мария Михновец	
КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	97
Инецца Морозова	
Н.А. БЕРДЯЕВ О ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА	107
Ксения Отева	
ПОЭТИКА ЖЕСТА В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО <i>КРОТКАЯ</i>	117

Siarhei Padsasonny В КРУГЕ ЭРОТИЗМА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: МИФЫ И ФАКТЫ	125
Георгий Прохоров ЕВРОПА В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА: КАРАМЗИН – ДОСТОЕВСКИЙ – ДАНИЛЕВСКИЙ	135
Максим Федоров ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ У ИСТОКОВ СОВЕТСКОГО САТИРИЧЕСКОГО И АГИТАЦИОННОГО ТЕАТРА	143
FILOLOGIA ŚLEDZCZA / СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ	
Grzegorz Ojcewicz Z FILOLOGII ŚLEDZCZEJ. PISARZE ROSYJSZY W ARCHIWUM WASILIJA MITROCHINA	157
FILOZOFIA I KULTUROLOGIA / ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Вера Белокрылова ФЕНОМЕН ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: АКЦИОЛОГИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ	185
Наталья Лазаревич ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ	195
Валерий Максимович ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В РАКУРСЕ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ	203
Виктор Одиноченко КОНЦЕПЦИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ: СРАВНЕНИЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ	215
Ольга Сташкевич ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТРУКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ	223
PRZEKŁADOZNAWSTWO / ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	
Людмила В. Кушнира О МЕТАЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА	233
PRZEKŁADY / ПЕРЕВОДЫ	
Татьяна Сидорова Н.Д. ГОРОДЕЦКАЯ, ПРИНЯТИЕ САМОУМАЛЕНИЯ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ (ПЕР. Т.П. СИДОРОВОЙ)	243
RECENZJE, OMÓWIENIA I POLEMIKI / РЕЦЕНЗИИ, ОБСУЖДЕНИЯ И ПОЛЕМИКА	
Małgorzata Krakowiak ROSIĘ WIDZIANA PRZEZ PRYZMAT POLSKIEGO REPORTAŻU LITERACKIEGO (MONIKA WISZNIOWSKA, ZOBACZYĆ – OPISAĆ – ZROZUMIEĆ. POLSKIE REPORTAŻE LITERACKIE O ROSYJSKIM IMPERIUM. KATOWICE: WYDAWNICTWO UNIwersYTETU ŚLĄSKIEGO, 2017)	261

Katarzyna Wojan

MONOGRAFIA PROFESORA JERZEGO KALISZANA *РУССКИЕ ОМОГРАФЫ*
 (FILOLOGIA ROSYJSKA / UNIWERSYTET IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU, NR 45,
 POZNAŃ: WYDAWNICTWO NAUKOWE UAM, 2017, SS. 144) 265

Jan Wawrzyńczyk

NOWA SONDA HASŁOWNIKOGRAFICZNA PIOTRA WIERZCHONIA 272

KRONIKA / ХРОНИКА

NEKROLOGI I WSPOMNIENIA / НЕКРОЛОГИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Jolanta Józwiak

Katarzyna Kuligowska

Wojciech Kamiński

WSPOMNIENIE O PROFESORZE JERZYM KALISZANIE 281

SPRAWOZDANIA NAUKOWE / НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ

Magdalena Dąbrowska

Ėrika Kuzmina

O БУНИНЕ И ГОРЬКОМ В ВАРШАВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
 (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ *БУНИН VS ГОРЬКИЙ:*
МЕЖДУ ДВУМЯ ЮБИЛЕЯМИ. ВАРШАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.
 КАФЕДРА РУСИСТИКИ. ВАРШАВА, 10–11 ОКТЯБРЯ 2019 Г.) 289

O AUTORACH / ОБ АВТОРАХ 294

CONTENTS

FROM EDITORS (IN POLISH)	19
FROM EDITORS (IN RUSSIAN)	21

STUDIES AND ARTICLES

LINGUISTICS

Valentina Maslova	
Anton Lavitsky	
SYNTHESIS OF RESEARCH DIRECTIONS AS A BASIS FOR THE EMERGENCE OF LEGAL LINGUISTICS	27
Larisa Ratsiburskaya	
NEW DERIVATIONAL FORMANTS IN RUSSIAN MEDIA AS A MEANS OF MODERN REALITY ASSIMILATION	37
Daiki Horiguchi	
AFFIXATION OF VERBS DENOTING ACTIONS ON SOCIAL MEDIA PLATFORMS	45

LITERARY STUDIES

Natalya Bakhanovich	
MAN AND RELIGION IN PROSE OF SMALL GENRES AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES	59
Magdalena Dąbrowska	
„IN PROSE HE HAS NO EQUAL...”. <i>THE COUNTRYSIDE</i> BY NIKOLAY KARAMZIN IN “TYGODNIK WILEŃSKI” (1820)	71
Piotr Głuszkowski	
RECEPTION OF MAXIM GORKY’S LITERARY WORKS IN POLAND	83
Maria Mikhnovets	
THE GEOPOLITICS OF THE CAUCASUS IN THE WORKS OF FYODOR DOSTOEVSKY	97
Inessa Morozova	
N.A. BERDYAEV ABOUT THE PERSONALITY AND WORK OF K.N. LEONTYEV	107
Kseniya Oteva	
POETICS OF GESTURE IN DOSTOEVSKY’S NOVEL <i>A GENTLE CREATURE</i>	117
Siarhei Padsasonny	
IN THE CIRCLE OF F.M. DOSTOEVSKY’S EROTICISM: MYTHS AND FACTS	125

Georgij Prokhorov	
EUROPE IN RUSSIAN CONSERVATIVE JOURNALISM OF THE 19TH CENTURY: KARAMZIN – DOSTOEVSKY – DANILEVSKY	135
Maksim Fedorov	
DEMYAN BEDNY AT THE ORIGINS OF THE SOVIET SATIRE AND PROPAGANDA THEATER	143
INVESTIGATIVE PHILOLOGY	
Grzegorz Ojcewicz	
FROM INVESTIGATIVE PHILOLOGY. RUSSIAN WRITERS IN VASILII MITROKHIN'S ARCHIVE	157
PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY	
Vera Belokrylova	
PHENOMENON OF HUMANISTIC EXPERTISE IN MODERN CONDITIONS: AXIOLOGICAL, SCIENTIFIC AND COMMUNICATIVE ASPECTS	185
Natalya Lazarevich	
EXISTENTIAL-ECOLOGICAL DIMENSION OF THE ULTIMATE HUMAN BEING	195
Valerij Maksimovich	
CREATIVITY OF THE INDIVIDUAL FROM THE PERSPECTIVE OF SEMANTIC IDENTIFICATION	204
Viktor Odinochenko	
THE CONCEPT OF AN INTERMEDIATE POSITION OF CULTURE: A COMPARISON OF BELARUS AND RUSSIA	215
Olga Stashkevich	
THE MAIN FORMS OF CONSTRUCTIVE CIVIC ENGAGEMENT AMONG YOUNG PEOPLE IN BELARUS	223
TRANSLATION STUDIES	
Lyudmila V. Kushnina	
ON THE METALANGUAGE OF TRANSLATION	231
TRANSLATIONS	
Tatyana Sidorova	
N.D. GORODETSKAYA, <i>ACCEPTANCE OF HUMILIATION AS A NATIONAL IDEAL</i> (TRANSLATION T.P. SIDOROVA)	243
REVIEWS, OVERVIEWS AND POLEMICS	
Małgorzata Krakowiak	
RUSSIA PERCEIVED THROUGH THE PRISM OF POLISH LITERARY REPORTAGE (MONIKA WISZNIOWSKA, <i>ZOBACZYĆ – OPISAC – ZROZUMIEĆ. POLSKIE REPORTAŻE LITERACKIE O ROSYJSKIM IMPERIUM</i> . KATOWICE: WYDAWNICTWO UNIwersYTETU ŚLĄSKIEGO, 2017)	261
Katarzyna Wojan	
MONOGRAPH BY PROFESSOR JERZY KALISZAN <i>РУССКИЕ ОМОГРАФЫ</i> (FILOLOGIA ROSYJSKA / UNIwersYTET IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU, NR 45, POZNAŃ: WYDAWNICTWO NAUKOWE UAM, 2017, SS. 144)	265

Jan Wawrzyńczyk A NEW DICTIONARY PROBE OF PIOTR WIERZCHOŃ	272
--	-----

CHRONICLE

OBITUARIES AND REMINISCENCES

Jolanta Józwiak Katarzyna Kuligowska Wojciech Kamiński REMINISCENCE OF PROFESSOR JERZY KALISZAN	281
--	-----

SCIENTIFIC REPORTS

Magdalena Dąbrowska Ėrika Kuzmina ABOUT BUNIN AND GORKY AT THE UNIVERSITY OF WARSAW. INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE <i>BUNIN VS GORKY:</i> <i>BETWEEN TWO ANNIVERSARIES</i> . UNIVERSITY OF WARSAW. DEPARTMENT OF RUSSIAN STUDIES, WARSAW, OCTOBER 10–11, 2019	289
ABOUT THE AUTHORS	294

OD REDAKTORÓW

„Studia Rossica Gedanensia” w szóstym już tomie mieszczą dwadzieścia pięć tekstów uczonych polskich i zagranicznych (z Białorusi, Rosji, a także Japonii), m.in. dziewiętnaście artykułów naukowych z zakresu językoznawstwa, literaturoznawstwa, filozofii i kultury intelektualnej, filologii śledczej oraz teorii przekładu, jeden przekład z zakresu rosyjskiej literatury religijnej, dwa omówienia monografii naukowych, jedną polemikę, sprawozdanie na temat najnowszych osiągnięć rusycystów warszawskich, a także tekst wspomnieniowy zawierający biogram naukowy zmarłego niedawno po- znańskiego rusycysty – prof. dra hab. Jerzego Kaliszana.

Wyrazem kilkuletniej, zacieśnionej współpracy z badaczami z Narodowej Akademii Nauk Białorusi, afiliowanymi przy Instytucie Filozofii oraz Instytucie Literaturoznawstwa, są publikacje autorstwa doc. dr Inesy Morozowej, dr Wiery Biełokryłowej, doc. dr Natalii Łazarewicz, prof. dr hab. Walerego Maksimowicza, a także młodszych pracowników – Natalii Bachanowicz i Olgi Staszkiwicz. Po raz kolejny na naszych łamach wyniki swych archiwalnych kwerend prezentuje dr Maksim Fiodorow, pracownik Działu Rękopisów Instytutu Literatury Światowej im. Maksima Gorkiego Rosyjskiej Akademii Nauk, będący członkiem zespołu badawczego realizującego na Uniwersytecie Gdańskim projekt naukowy w ramach Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki *Kultura polska wobec zachodniej filozofii ezoterycznej w latach 1890–1939*.

Wyjątkowo w naszym periodyku publikujemy fragment rozdziału książki Nadei D. Gorodeckiej *Acceptance of Humiliation as a National Ideal* (London 1938) (Н.Д. Городецкая, *Принятие самоумаления как национальный идеал*) w przekładzie Tatiany Sidorowej. Tym samym stajemy się pierwszym w Polsce pismem udostępniającym to wybitne dzieło rosyjskiej emigrantki i teologa w języku rosyjskim. W opinii prof. Grzegorza Ojcewicza całościowe zaprezentowanie tej książki na łamach „Studia Rossica Gedanensia” byłoby wielkim wkładem gdańskiej rusycystyki w badaniach nad współczesnymi studiami emigrantologicznymi.

Niniejszy tom został przygotowany we współpracy z Oddziałem Gdańskim Towarzystwa Literackiego imienia Adama Mickiewicza.

Katarzyna Wojan
Zbigniew Kaźmierczyk

ОТ РЕДАКТОРОВ

В шестой номер журнала „Studia Rossica Gedanensia” вошло двадцать пять текстов польских и зарубежных ученых (из Беларуси, России и Японии), в том числе девятнадцать научных статей по языкознанию, литературоведению, философии, культурологии, теории перевода и следственной филологии; один перевод фрагмента произведения русской религиозной литературы; два текста, в каждом из которых обсуждается научная монография; один полемический текст; научный отчет, касающийся последних достижений варшавских русистов; а также текст, посвященный памяти недавно ушедшего из жизни профессора Ежи Калишана и его научному наследию.

Свидетельством нескольколетнего тесного сотрудничества с исследователями Национальной академии наук Беларуси, аффилированными с Институтом философии и Институтом литературоведения, являются статьи к.ф.н., доцента Инессы Морозовой, к.филос.н. Веры Белокрыловой, к.филос.н., доцента Натальи Лазаревич, д.ф.н., профессора Валерия Максимовича, а также более молодых сотрудников – Натальи Баханович и Ольги Сташкевич. В очередной раз на страницах нашего журнала результаты своего архивного поиска представляет к.ф.н. Максим Федоров, сотрудник Отдела рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, член исследовательской группы, реализующей в Гданьском университете научный проект *Польская культура и западная эзотерическая философия 1890-1939 гг.* в рамках «Национальной программы развития гуманитарных наук».

Только в нашем ежегоднике публикуется отрывок из книги Надежды Даниловны Городецкой *Acceptance of Humiliation as a National Ideal* (London 1938) (*Принятие самоумаления как национальный идеал*), перевод Татьяны Сидоровой. Таким образом наш журнал становится первым изданием в Польше, публикующим на русском языке выдающуюся работу русской эмигрантки и богослова. По мнению профессора Гжегожа Ойцевича, целостное рассмотрение этой книги на страницах „Studia Rossica Gedanensia” было бы огромным вкладом гданьских русистов в современные эмигрантологические исследования.

Настоящий номер был выпущен в сотрудничестве с Гданьским отделом Литературного общества имени Адама Мицкевича.

Катажина Воян
Збигнев Казьмерчик

STUDIA I ARTYKUŁY
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ
STUDIES AND ARTICLES

JEZYKOZNAWSTWO
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS



СИНТЕЗ НАУК КАК ОСНОВА ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

ВАЛЕНТИНА МАСЛОВА

Витебский государственный университет им. Петра Машерова
Филологический факультет
Кафедра германской филологии
Московский пр. 33, 210038, г. Витебск, Беларусь
e-mail: mvavit@tut.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>

АНТОН ЛАВИЦКИЙ

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
Кафедра иностранных языков и межкультурных коммуникаций
ул. М. Шагала 8а, 210015, г. Витебск, Беларусь
e-mail: anton_lavitski@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>
(получено 23.10.2019; принято 3.11.2019)

Abstract

Synthesis of Research Directions as a Basis for the Emergence of Legal Linguistics

The necessity of close integration of the 21st century linguistics with various research directions in humanities and natural sciences is substantiated in the paper. The significance and the success of such an approach is proved on the example of legal linguistics. The shaping and development of this integrated research branch over the last decades have made it possible to solve conceptual and applied tasks which are outlined in the three main areas of legal linguistics: juridical and linguistic hermeneutics (the study of legal language as a special instrument of lawmaking and legal acts interpretation),

legal speech studies (communication in legal discourse) and court linguistic expert studies (which studies the text as an object of legal control).

Key words: integration, juridical and linguistic hermeneutics, legal discourse, legal linguistics, legal norm, linguistic expert studies

Резюме

В статье приводится обоснование необходимости тесной интеграции лингвистики XXI века с рядом гуманитарных и естественнонаучных направлений. На примере юрислингвистики доказывается значимость и успешность такого подхода. Формирование и развитие данной интегрированной научной отрасли позволили за последние десятилетия разрешить концептуальные и прикладные задачи, обозначенные в трех основных аспектах юрислингвистики: юрико-лингвистической герменевтике (изучение юридического языка как специального инструментария законотворческого и толкования правовых актов), правовом речеведении (коммуникации в правовом дискурсе) и судебной лингвистической экспертологии (исследующей текст как объект правового контроля).

Ключевые слова

интегативность, лингвистическая экспертология, правовой дискурс, правовая норма, юрислингвистика, юрико-лингвистическая герменевтика

Размышления о перспективах развития гуманитарных наук, выявление приоритетных направлений, тенденций и проблем актуальны и дискуссионны сегодня, тем более, что все время выявляются новые тенденции, появляются новые области научных знаний. Так происходит, например, в истории. Смена научной парадигмы в ней привела к тому, что, пользуясь словами Р. Фрумкиной (2009), «историки переключили свой интерес с описания событий на человека и его ментальность». Поэтому сейчас отношение детей и родителей в средневековой России – не менее важная тема для исследования, чем битвы Александра Невского.

Науки движутся в направлении взаимной интеграции, потому что сейчас ко всем наукам жизнь предъявила новые требования. Лингвистика тоже становится другой, она приобретает более высокий уровень синтеза с другими науками – от молекулярной биологии, генетики, нейрофизиологии, психологии до антропологии, нейролингвистики, аналитической философии. Ю.С. Степанов говорит, например, о синтезе научного, философского, художественного и религиозного подходов (см. его работы *Концепты. Тонкая пленка цивилизации, Мыслящий тростник* и др.). В последних его работах семиотика культуры понимается настолько широко, что фактически превращается в науку о человеке вообще (Степанов 2007: 4). Лингвистика становится телеономной. Под телео-

номностью мы понимаем такую методологию гуманитарного знания, в которой присутствует целесообразность, то есть знание способно создать некую объяснительную конструкцию, а не просто фиксировать и анализировать отдельные факты языка, даже такие сложные, как, например, модальность, синкретизм.

Такое понимание привело к полипарадигмальности лингвистических исследований. Термин *полипарадигмальность* в отечественную лингвистику ввела Е.С. Кубрякова в 90-е годы прошлого века. Этим термином называется ситуация в науке, когда одновременно используется несколько парадигм, например, при исследовании процессов словообразования в лингвистике, а наряду с системно-структурной парадигмой используется когнитивная и даже сравнительно-историческая. Согласно теореме Курта Геделя о неполноте, рано или поздно ни одна наука не сможет развиваться без привлечения методов и результатов другой. Доказательством тому может служить традиционная лингвистика, которая, как отмечается многими лингвистами (К. Ажеж, В.М. Алпатов и др.), зашла в тупик в анализе языковых фактов в рамках своей системы, то есть системно-структурного анализа.

Еще пример: теперь уже нет сомнений, что изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям и категориям культуры. Примером может быть также антропоцентрическая парадигма, при которой в центре лингвистических исследований оказывается человек говорящий и понимающий. Антропоцентрический принцип плавно перетекает в коммуникативный и диалогический, так как и человек, и его речь по природе своей диалогичны (Лавицкий 2015: 54): диалогичны все тексты, диалогично наше сознание, наш язык. По этому поводу еще М.М. Бахтин замечал, что формы языка человек узнает не из словарей и грамматик, а из живого общения: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои устойчивые типы таких высказываний, которые мы называем речевыми жанрами» (Бахтин 1979: 275); ср. русскую поговорку «Речь – это в другого втечь». Любой диалог как фон культуры и социума обуславливает использование культурологического и дискурсивного принципов.

Интегративность как отличительное свойство формирующейся новой лингвистики выражается, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении своих задач; во-вторых, интегративность проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована многогранностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Это обеспечивает многоаспектность при решении конкретной проблемы и одновременно способствует получению иной, часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Одна из самых интегративных наук на сегодняшний день – синергетика, с позиций которой рассматриваются отдельные проблемы языка; почти сформировалась синергетическая поэтика. Задачей синергетики становится изучение общих принципов и механизмов самоорганизации и саморазвития в сложных системах различной природы (Николис 1979: 54).

И. Пригожин, рассматривая неустойчивые системы в живой природе, увидел, что порядок непродуктивен, а продуктивен беспорядок и хаос. Порядок и хаос – это два аспекта единого целого, но с позиции каждого из них открывается иная картина мира. Идея динамического хаоса как источника самоорганизации может привести к возникновению новой сущности; так в русской лингвокультуре появились выражения типа *мысленные очи, очи сердца, внутреннее зрение* и т.д.

Особенно продуктивен синергетический подход для понимания сложной мистической поэзии, например, Марины Цветаевой:

Тусклостями: ущербленных жил / Скупостями, молодых сивилл / Слепостями, головных истом / Седостями: свинцом. Это будто бы акт ясновидения, происходит сакрализации ритма. Ритм у поэта – мера всех вещей, он управляет звуком, рождает тончайшую энергию инобытия.

Еще в XX в. американский лингвист Э. Сепир писал следующее:

Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка (Сэпир 1993: 237–238).

Пророчество Сепира сбылось. Возник целый ряд новых наук – от лингвокультурологии, этнопсихолингвистики до когнитивной и юрислингвистики, о которой мы поговорим далее.

Для бытия человека фундаментальное значение имеют язык, право, культура. Разобраться в сложностях их взаимодействия поможет юрислингвистика, которая интегрировала в себе не только лингвистику и право, но и социологию, лингвокультурологию, коммуникативную лингвистику, этику, лингвоконфликтологию и другие области знания. Юрислингвистика – это, прежде всего, лингвоправовой феномен, именно язык и право нужно признать важнейшими для общественного человека реалиями.

Впервые обратили внимание на связь языка и права в Германии в начале XIX века. Было сказано, что гражданам нужен понятный язык законов, документов различных ведомств и государственных учреждений. Однако только во второй половине XX века (70-е годы) после выхода в свет одноименной статьи А. Подлеха *Rechtslinguistik* (Podlech 1976: 105–106) новое лингвистическое направление получило ощутимый импульс для развития. В русскоязычном дискурсе серьезно вопросом изучения «преступных действий языка» (Арутюнова 1988: 315) начали заниматься на рубеже XX и XXI веков.

Юрислингвистика – это научная отрасль, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка, права, этики, социальной коммуникации. Она исследует юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права во взаимодействии с культурой и социумом. Право репрезентирует в языке обязательные для всех социальные нормы, установленные государством.

А.С. Александров считает, что невозможно объяснить сущность права, «оставаясь на собственно юридической почве» (Александров 2003: 4), то есть

понятие «право» – это также и продукт языка. Право рождается с помощью языка и познается, истолковывается с его помощью.

Развитию юрислингвистики способствовало понимание эффективности применения лингвистических знаний для судебных операций. Лингвистический анализ стал проводиться для установления авторства текста, фонетические явления стали изучаться с целью принадлежности высказывания конкретному человеку и т.д.

Важнейшие сущности, с которыми работает юрислингвистика, – это юридическая, или правовая, коммуникация, юридический дискурс, судебная лингвистическая экспертиза, юридико-лингвистическая герменевтика и др. Как видим, названные феномены – это, по своей сути, языковые феномены.

Юрислингвистику следует отнести к одному из самых прогрессивных направлений современной науки. Дело в том, что, возникнув на стыке «сложного диалектического взаимодействия юридического и языкового аспектов» (Лебедева 2000: 49), данная отрасль не «закрылась» в исследовательских подходах, методологическом аппарате, терминологическом тезаурусе наработками теорий языка и правоведения. Открытый характер юрислингвистики позволил ей за достаточно короткий срок разрешить целый ряд концептуальных и прикладных проблем, с чем на первых порах своего развития она не справлялась.

Постоянное расширение знаний и представлений юрислингвистики дало возможность включать в сферу ее влияния различные типы дискурсивных практик, в которых ранее любое проявление интереса со стороны лингвистики считалось чужеродным, ненужным, а порой и опасным. В рамках современной юрислингвистики можно выделить три подотрасли, каждая из которых аккумулирует в себе подходы различных научных направлений:

1. Юридико-лингвистическая герменевтика, занимающаяся изучением юридического языка как специального инструментария законотворческого и толкования правовых актов.
2. Правовое речеведение (коммуникация в правовом дискурсе).
3. Судебная лингвистическая экспертология, рассматривающая текст как объект правового контроля.

Небезосновательным является и мнение о необходимости включения в фокус исследовательского внимания юрислингвистики вопросов, связанных с проблемами государственного, социального, социально-политического, идеологического и др. регулирования коммуникации, например, поддержка языков малых народностей, функционирование национальных языков и так далее. Н.Д. Голев еще 20 лет назад предложил назвать данное направление *лингвоюрисстикой* – научной отраслью рассмотрения «тех преломлений естественного языка (его норм и закономерностей), которые возникают при его приближении к юридической жизни и тех его преобразований, которые возникают при его “прохождении через юридическую призму”» (Голев 1999: 12). Иными словами, лингвоюрисстика должна заниматься изучением юридического языка как особой системы, аккумулирующей нормы и традиции права, по отношению к языку естественному – зеркалу национальной культуры.

Постоянный генезис подотраслей юрислингвистики проявляется, прежде всего, в том, что они достаточно активно привлекают методологию различных научных парадигм, используют для формирования собственного терминологического аппарата синтез понятийных представлений, оформленный в философии, социологии, педагогике, психологии, экономике, математике и т.д.

Так, юридико-лингвистическая герменевтика интегрирует в себе исследования лингвистов, юристов, социологов, психологов, IT-специалистов, журналистов и др. Это позволяет достаточно успешно изучать не только вопросы языковой специфики юридического текста (структура, лексика, синтаксис), но и проводить детальный анализ правовой грамотности языковой личности, особенностей ее правового информирования и функционирования технологического инструментария указанного вида деятельности. Известный французский философ и просветитель Ш. Монтескье писал: «Слова законов должны пробуждать у всех людей одни и те же идеи, никогда не следует в законе употреблять неопределенные понятия, стиль законов должен отличаться точностью и краткостью» (Монтескье 1999: 193). Однако в современных реалиях, когда экспертная оценка любого текста, в том числе и юридического, практически не ограничена каналами распространения, интерпретация правовых документов нередко становится средством манипуляции языковым сознанием, орудием дестабилизации социально-правовых и политико-экономических отношений в обществе, что в значительной степени усиливает требования к языку как первичному средству реализации закона. Первичность языка здесь объясняется его гносеологической и превентивной (предупреждающей) функциями, реализация которых требует алгоритмической системы правового информирования, обозначенной для адресата как достоверная и имеющая обратную связь. При этом юридический текст зачастую обезличен, то есть не имеет указаний на адресата и адресанта, но сохраняет свои прагмалингвистические свойства: иллокутивную и перлокутивную силу – указания на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, предупреждения отказаться от них. Иллокутивная сила юридического документа имеет статус правовой нормы, обязательной для исполнения.

Внешняя интерпретация юридического документа является обязательным условием нормального функционирования правового пространства. Дело в том, что специальный текст – это лишь некая оболочка нормы закона, его материальная структура. Сама же норма как когнитивная единица, детерминирующая поведение языковой личности, воспринимается и осмысливается сознанием, где не может быть полностью обособлена от других правовых норм: она «встраивается» в систему уже имеющегося правового контента, организованного ранее полученными правовыми знаниями и социальным опытом. А.В. Поляков по этому поводу отмечает: «Правовая норма находится не в тексте, а в психосоциокультурной действительности, бытийствуя как идеально-материальный феномен», она «конституируется не одним правовым текстом, а всей совокупностью текстов данной культуры (интертекстом)» (Поляков 2007: 9). Таким образом, внешняя интерпретация становится социальным опытом, необходимым для формирования целостного представления о правовой норме

(ее значения, принципах функционирования, применительной практике и т.д.). О значимости социального опыта – взаимоотношений с другими членами социума – в процессе формирования понятия нормы пишет американский исследователь Д. Уолшем:

В какие бы взаимодействия ни вступали «я» и «другой», «я», преследуя свои цели, должен принимать во внимание действия «другого» и наоборот. Когда оба принимают в расчет друг друга, возникают общие экспектации по отношению к действиям каждого из них. Эти экспектации и структурируют взаимодействие. Чем чаще повторяется взаимодействие, тем более единообразными и стандартизированными становятся эти экспектации. Так рождается норма, структурирующая в глазах индивидов определенные ситуации взаимодействия (Лившиц 1994: 109–110).

Еще более глубокой видится интегративная основа судебного речеведения, в рамках которого рассматривается самый широкий спектр проблем фундаментального и прикладного характера. Коммуникация в правовом дискурсе включает в себя изучение психо- и прагмалингвистических аспектов речевой деятельности субъектов правовых отношений практик (судьи, адвоката, обвиняемого и т.д.), а также обстоятельств речевого взаимодействия (процессуальные правовые практики как особый вид коммуникации). Однако границы правового дискурса, как и его участники, сегодня понимаются достаточно широко и не всегда очерчены институционально: «Неудачно “вылетевшее” слово меняет не только ход деловых событий (...) может обернуться уголовным наказанием» (Осадчий 2007: 9). Иными словами, практически любой текст, равно как и его автор, в различных обстоятельствах является объектом/субъектом лингво-правового контроля, то есть частью правового дискурса. Здесь будет уместно привести мнение, согласно которому «в результате определенной „химической реакции“ – при возникновении правовой коммуникации – возникает право» (Поляков 2011: 36).

Достаточно значимой в социальном плане является разработка концепции делинквентной языковой личности, требующей привлечения концепций и подходов ряда гуманитарных и естественнонаучных парадигм: философии (для работы с понятиями истины, умышленности), юриспруденции (для идентификации правовых критериев оценки делинкветности и корректировки подходов профилактической правовой работы), психологии (для исследования причин и особенностей делинквентного поведения), психиатрии (для глубокого анализа психиатрического состояния делинквента и аффективных состояний), информатики (для изучения технических и технологических параметров виртуальной коммуникации и цифровых информационных платформ как площадок реализации преступной речевой деятельности), педагогики (для идентификации пробелов в образовательно-воспитательной среде формирования делинквентной личности) и др.

Наиболее востребованным сегодня является экспертологическое направление юрислингвистики – отрасль, ориентированная на решение, в первую очередь, прикладных задач специального экспертного изучения текста на предмет соответствия его содержания правовым нормам. Большинство исследователей

выделяют несколько типов экспертной лингвистической работы, каждый из которых сопряжен с определенным видом правового регулирования: распространение порочащих сведений и клевета, оскорбление, экстремистская деятельность, угроза. Отдельно выделяют почерковедческую экспертизу. Полагаем, что следует также отметить такой вид экспертного исследования, как описание речевого/психолингвистического портрета преступника. Данное направление достаточно известно в процессуальной правоприменительной практике, однако его концептуальные теоретические основы (без чего невозможно достичь высокого уровня прикладной реализации) пока не осмыслены окончательно и активно разрабатываются в настоящее время.

Интегративную основу формирования и развития судебной лингвистической экспертологии предопределило широкое понимание сущности объекта специального исследования – текста, как любого вида семиотического знака в любой форме его реализации (устный, письменный, креолизованный и т.д.). При этом текст для эксперта-лингвиста – это не обособленная материальная сущность, он всегда имеет контекст: «отдельные слова и выражения (*вне учета всех дискурсивных обстоятельств коммуникации – курсив наш*) не могут быть предметом вербальных правонарушений», ибо «отдельное слово, взятое из словаря, не отнесено к действительности – это просто слово, единица языка» (Осадчий 2007: 9). Очевидно, что для исследования всех дискурсивных обстоятельств речевого взаимодействия современной лингвистике не хватило бы ни теоретической базы, ни методологического инструментария. По этому поводу 10 лет назад К.И. Бринев отмечал, что «исследования в области лингвистической экспертизы сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи» (Бринев 2009: 15). Однако современная юрислингвистика, ориентированная на глубокую межпредметную интеграцию, смогла во многом преодолеть данную проблему, привлечь знания и подходы целого ряда гуманитарных и естественнонаучных парадигм, что позволило теоретически обосновать и верифицировать новые методики экспертного анализа текста: параметризации, триангуляции, концепт-анализа и др.

Выводы

1. Признание целостности как основополагающего принципа бытия обязывает принять любую жизненно уместную (и нужную) теорию. Интегративность обеспечивает целостную рефлексивную, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. Идея интегративности в науках оказалась соответствующей духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, объединяющего методы и положения ряда междисциплинарных наук, затрагивающих проблемы человека и его сознания в языке, языка в человеке, культуре, обществе и др.

2. Юрислингвистика – одна из современных лингвистических отраслей, которая интегрирует в себе не только знания, сформировавшиеся на стыке инте-

ресов языка и права, но и успешно использует концепции других наук: философии, психологии, конфликтологии, информатики, экономики, педагогики и др.

3. Язык являет собой первичный инструмент правового регулирования, так как реализует в правовом пространстве гносеологическую и превентивную функции. Правовая норма имеет материальную языковую оболочку, однако ее когнитивная сущность формируется в представлениях языковой личности как конструирующая и связанная отношениями с другими нормами единица системы правового самосознания.

4. Правовая коммуникация – особая форма речевого взаимодействия, реализующегося в юридическом дискурсе. Данный вид дискурса, хотя и ограничен процессуальными правовыми и правоприменительными практиками, не связан с институциональными обстоятельствами.

5. Одно из важнейших направлений юрислингвистики – судебная лингвистическая экспертология, рассматривающая текст как объект правового регулирования и контроля. Интегативность основы современной лингвистической экспертологии воплотилось в успешном привлечении теоретических знаний и прикладных разработок, в первую очередь, методологического характера из различных гуманитарных и естественнонаучных направлений.

Библиография

- Aleksandrov, A.S. (2003). *Vvedenie v sudebnuû lingvistiku*. N. Novgorod: Nižegorodskáâ pravováâ akademiâ [Александров, А.С. (2003). *Введение в судебную лингвистику*. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия].
- Arutûnova, N.D. (1988). *Tipy âzykovyh značenij. Ocenka. Sobytie*. Moskva: Nauka [Арутюнова, Н.Д. (1988). *Типы языковых значений. Оценка. Событие*. Москва: Наука].
- Bahtin, M.M. (1979). *Problema rečevyh žanrov*. V: Vočarov, S.G. (Sost.). *Ėstetika slovesnogo tvorčestva*. Moskva: Iskusstvo: 237–280 [Бахтин, М.М. (1979). *Проблема речевых жанров*. В: Бочаров, С.Г. (Сост.). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство: 237–280].
- Brinev, K.I. (2009). *Teoretičeskââ lingvistika i sudebnââ lingvističeskââ ěkspertiza*. Barnaul: Altgra [Бринев, К.И. (2009). *Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза*. Барнаул: АлтГПА].
- Frumkina, R. (2009). *Psiholingvistika kak projekt*. *Polit.ru*. 15.06.2009. [Фрумкина, Р. (2009). *Психоллингвистика как проект*. *Полит.ру*. 15.06.2009]. (Online) <https://polit.ru/article/2009/06/15/psyling/> (доступ 18.09.2019).
- Golev, N.D. (1999). *Ūridičeskij aspekt âzyka v lingvističeskom osvešenii*. V: Golev, N.D. (Red.). *Ūrislingvistika–1*. Barnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta: 11–58 [Голев, Н.Д. *Юридический аспект языка в лингвистическом освещении*. В: Голев, Н.Д. (Ред.). *Юрислингвистика–1*. Барнаул: Изд-во Алтайского университета: 11–58].
- Lavickij, A.A. (2015). *Kommunikativnoe prostranstvo regional'nyh gazet: žanry, važnejšie koncepty*. Dissertaciâ kandidata filologičeskikh nauk. Vitebsk [Лавицкий, А.А. *Коммуникативное пространство региональных газет: жанры, важнейшие концепты*. Диссертация кандидата филологических наук. Витебск].
- Lebedeva, N.B. (2000). *O metaâzykovom soznanii ūristov i predmete ūrislingvistiki*. V: Golev, N.D. (Red.). *Ūrislingvistika–2*. Barnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta: 56–71 [Лебедева, Н.Б. (2000).

- О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики. В: Голев, Н.Д. (Ред.). *Юрислингвистика*–2. Барнаул: Изд-во Алтайского университета 2000: 56–71].
- Livšic, R.Z. (1994). *Teoriâ prava*. Moskva: Izdatel'stvo BEK [Лившиц, Р.З. (1994). *Теория права*. Москва: Издательство БЕК].
- Monteskè, Š.L. (1999). *O duhe zakonov*. Moskva: Mysl' [Монтескье, Ш.Л. (1999). *О духе законов*. Москва: Мысль].
- Nikolis, G., Prigožin, I. (1979). *Samoorganizaciâ ot dissipativnyh struktur i uporiadočennosti čerez fluktuacii*. Moskva: Mir [Николис, Г., Пригожин, И. (1979). *Самоорганизация от диссипативных структур и упорядоченности через флуктуации*. Москва: Мир].
- Osadčij, M. (2007). *Pravovoj samokontrol' oratora*. Moskva: Al'pina Biznes Buks [Осадчий, М. (2007). *Правовой самоконтроль оратора*. Москва: Альпина Бизнес Букс].
- Podlech, A. (1976). *Rechtslinguistik*. V: Grimm, D. (Hrsg.). *Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften*:105–116.
- Polákov, A.V. (2007). *Kommunikativnaâ koncepciâ prava (genezis i teoretiko-pravovoe obosnovanie)*. Avtoreferat dissertacii. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPBGU [Поляков, А.В. *Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование)*. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ].
- Polákov, A.V. (2011). Normativnost' pravovoj kommunikacii. *Pravovedenie*, 5: 27–45 [Поляков, А.В. (2011). Нормативность правовой коммуникации. *Правоведение*, 5: 27–45].
- Sèpir, È. (1993). *Izbrannye trudy po âzykoznaniiu i kul'turologii*. Moskva: Progress [Сэпир, Э. (1979). *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Прогресс].
- Stepanov, Ū.S. (2007). *Koncepty. Tonkaâ plenka civilizacii*. Moskva: Âzyki slavânskikh kul'tur [Степанов, Ю.С. (2007). *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. Москва: Языки славянских культур 2007].



НОВЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМАНТЫ В РОССИЙСКИХ МЕДИА КАК СРЕДСТВО ОСВОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ЛАРИСА РАЦИБУРСКАЯ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Институт филологии и журналистики

Кафедра современного русского языка и общего языкознания
ул. Большая Покровская, 37, 603000, г. Нижний Новгород, Россия

e-mail: racib@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

(получено 23.09.2019; принято 6.10.2019)

Abstract

New Derivational Formants in Russian Media as a Means of Understanding Modern Reality

The paper analyzes cognitive and pragmatic aspects of the new derivational formants (-инг, -оид, -гейт, мега-, нано-, кибер-, крипто-, евро-) in media neologisms as a means of reflection and evaluation of the contemporary socio-political reality.

Key words: word-formation, derivatives, derivational formants, media, cognitive studies, pragmalinguistics

Резюме

В статье анализируются новые словообразовательные форманты (суффиксы -инг, -оид, суффиксоид -гейт, префикс мега-, префиксоиды нано-, кибер-, крипто-, евро-) в медийных новообразованиях в когнитивном и прагматическом

аспектах как средство отражения и оценки актуальной социально-политической реальности.

Ключевые слова: словообразование, новообразования, словообразовательные форманты, медиа, когнитивистика, прагмалингвистика

В эпоху Интернета и цифровых технологий роль медийных средств возрастает. Именно медиа диктуют моду на речевое поведение социума, «создают новые коммуникативные нормы, особую мегакультуру, формируют языковое сознание масс» (Клушина 2018: 7). Дискурс СМИ является средоточием процессов деривации в современных славянских языках: «... деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей» (Коряковцева 2016: 9).

Результаты деривационных процессов – новообразования – также отражают специфику усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для определенного периода времени словообразовательных способов и средств. Новообразования – это слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания. Созданные в определенной речевой ситуации лексические новообразования представляют для исследователя ценный материал, на основании которого можно судить о лингвокреативных способностях языковой личности и об особенностях словотворческого процесса в целом (Плотникова 2017: 308).

На рубеже XX-XXI вв. в деривационных процессах русского и других славянских языков активизировались новые словообразовательные форманты.

Вестернизация, американизация и варваризация российской жизни отразилась в новообразованиях с английским суффиксом *-инг*: *вининг, водкинг, коньякинг, приколинг, сексинг, троллинг, шокинг* и под. (Коряковцева 2016: 51); *На островах получил распространение балкони́нг - прыжки в бассейн с балкона* (телеканал «Россия-24», 31.05.2018). В российских СМИ данный суффикс активно присоединяется к основам имен собственных:

Это ведь уже не псаки́нг, когда выводят на трибуну неграмотную девочку, с которой и спорить смешно (Макспарк, 23.11.2015); *Кадыри́нг - это тьюнинг по-русски* (Retrans, 29.02.2016); *Надеюсь, «псаки́нг» как форма общения со СМИ приказал долго жить* (Свежие новости, 19.02.2017); *Лекция была более чем актуальна, поскольку некоторые ученики этой гимназии участвовали в местных «навальнингах»* (Завтра, 13.08.2017); ср. также польские *wodking, grilling, kawing, piwing, plazing, чешские piving, dýdžeing*.

Подобные новообразования в большинстве своем имеют негативную оценочность. «"Инговое цунами" заимствований, вызванное американоманией (...) и растущим русско-английским билингвизмом, обусловило полное усвоение суффикса *-инг* и превращение его в терминологический элемент с процессуальным значением, который регулярно присоединяется к основам существительных,

не имеющих процессуальной семы в лексических значениях» (Коряковцева 2016: 85).

В эпоху глобализации, постмодерна и «медийного бума», когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, растёт спрос на скандальную информацию, представляющую мир в упрощённом виде (Коряковцева 2016: 37). Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид *-гейт* со значением 'политический скандал':

Германия в шоке от «Меркельгейта» (Окно в Россию, 30.10.2013); *О чем умолчал Обама в своем обращении: «Хиллари-гейт» все-таки возможен* (Московский комсомолец, 13.01.2016); *Хилларигейт* покруче Уотергейта (Ахаг.az, 30.10.2016); *«Трамп-гейт»* российской блогосферы вывел основной вопрос именно этого политика: зрелость фашистских настроений (Forum.msk.ru, 19.12.2016); *Трампгейт* состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь разные последствия (Макспарк, 14.01.2017); *«Пенелопагейт»*, как теперь именуют события во Франции (ТВЦ, 01.02.2017); *«Пенелопа-гейт»* серьёзно подтачивает шансы Фийона (Аргументы и факты, 07.02.2017); *Или же мы наблюдаем более сложные игры, учитывая, что практически одновременно с событиями в Кемерово случился «улюкаевгейт»* (Тайга.инфо, 16.11.2016); *о развитии «Бабченкогейта»* (телеканал «Россия-24», 01.06.2018); *Чем полезен «Слуцкий-гейт»?* Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и каждого (Коммерсантъ, 26.03.2018); *Все это, получившее название «Скрипальгейта», уже порядком надоело* (НТВ, 09.02.2019).

Суффиксоид *-гейт* может присоединяться к основам не только личных имен собственных, но и других существительных, которые также могут быть связаны с определенными скандальными и резонансными событиями:

И что дальше в «новичок-гейте»? (радио «Бизнес FM», 07.04.2018); *Во-первых (...) «паспорт-гейт»* направлен не на Зеленского, который еще не приступил к обязанностям президента, а на Порошенко (...) а во-вторых, что раздача паспортов РФ на Донбассе не будет массовой (Facebook.com., 29.04.2019); *«Мытищи-гейт»*: «Новая газета» опубликовала расследование на тему выборов в Мытищах 18 сентября (Т), 05.12.2016); *оттуда торчат достаточно большие уши «Украина-гейта»* (1-й телеканал, 24.04.2019); ср. также: польские *kasynogate, seksgate, sznapsgate, Tuskgogate*; чешские *bobrgate, zombigate, Bruselgate, jelcingate, Kremlingate*.

Использование суффиксоида *-гейт* является популярным манипулятивным приемом. Исследователи указывают на социокультурные факторы продуктивности данного суффиксоида, связывая ее с частотой скандалов, вызванных аморальным поведением политиков и представителей правящих кругов. Показательно, что «гейтмания» характерна в большей степени для тех «постмодернистских» славянских СМИ, которые нацелены не на качество информации, а на форму ее подачи (Коряковцева 2016).

«Пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей образуются в текстах российских (...) СМИ» с помощью интернационального суффикса *-оид* со значением подobia (Коряковцева 2018: 41):

Ельциноиды, путиноиды, навальноиды... (политико-психологический этюд). Суффикс «-оид» я буду использовать для обозначения тех людей, кто воспринимает любое невосторженное высказывание в адрес своего кумира как личное оскорбление, как покушение на нечто сверхзначимое (если использовать психологический язык). В этом смысле настоящих коммунистов можно назвать **лениноидами** (Эхо Москвы, 09.08.2013, https://echo.msk.ru/blog/russkiysvet_dot_narod_dot_ru/1132768-echo/).

Исследователи отмечают, что созданию пейоративных отонимических помпона на *pertinentia* на -оид сопутствует метафорическая мотивация и т.н. «формально-семантическая конденсация», в результате чего появляются окказиональные экспрессивы – семантически нерегулярные дериваты со значением ‘умственно недоразвитое человеческое существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой’ (Коряковцева 2018: 42).

Можно отметить также специфику функционирования в российских медиа новых префиксов, и в частности размерно-оценочного префикса *мега-*:

Наноцены на мезгаздорвье (Российская газета, 06.12.2016); *Это была мезгасвадьба* (НТВ, 27.08.2017); *Небензя назвал происходящее мезгапровокацией* (радио «Бизнес FM», 06.04.2018); *Мезгасрочных новостей пока никаких* (НТВ, 03.12.2016); *Пожилый человек может быть мезгаполезен* (1-й телеканал, 12.02.2018); *Сможет ли дочь Синди Кроуфорд повторить успех своей мезгазнаменитой матери* (1-й телеканал, 11.03.2018); *Это мезгамасштабная трагедия* (телеканал «Россия 24», 27.03.2018); *Поговаривают, что израильская школа политической риторики, которой сопровождается проект «Зеленский», настроена на мезгаактивную, но ювелирную работу по российскому направлению* (m.facebook.com, 29.04.2019); ср. также польские *superpatriota*, *hyperpatriota*, *megapatriota*. В редких случаях префикс *мега-* сочетается с именами собственными: **Мега-Герд**. *Пожалуй, вся жизнь Зиновия Герда, столетний юбилей которого 21 сентября отмечала вся страна, была вопреки* (Новое дело. Нижний Новгород, 29.09.2016).

В связи с достижениями научно-технического прогресса на рубеже XX–XXI вв. актуализировались префиксоиды *нано-*, *кибер-*, *крипто-*. *Нано-* один из ключевых суффиксов десятилетия (Орехов 2014: 287). Неодериваты с *нано-* (‘равный миллиардной доле исходной единицы измерения’, ‘имеющий мельчайшие, микроскопические размеры’, ‘связанный с частицами таких размеров’ (Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 161–162) обычно используются для номинации инновационных технологий и их результатов:

Наноцеллюлоза – и сделанная из неё **нанобумага** – пользуются повышенным вниманием среди изобретателей миниатюрных устройств (Наука и жизнь, 12.10.2016, <https://www.nkj.ru/news/29731/>); **Наноробот** стреляет в десятку (Российская газета, 22.11.2016, <https://rg.profkiosk.ru/article.aspx?aid=514474>); В Приморье разработали «**наношоколад**» с водорослями. Продукт отличается от уже выпускаемого на местной кондитерской фабрике аналогичного шоколада значительно меньшим размером частиц ингредиентов и особыми питательными свойствами. За это новая технология получила название «**наношоколад**» (Российская газета, 29.03.2017, <https://rg.ru/2017/03/29/reg-dfo/v-primore-razrabotali-nanoshokolads-vodorosliami.html>).

По мнению ученых, именно *нано-* составляет пару-литоту для суперлативов *супер-* и *мега-*. «Не секрет, что вне терминологического контекста слово, образованное с помощью префиксоида *нано-*, чаще всего приобретает иронический оттенок, квинтэссенцией которого

стало слово 'бананотехнологии' (около 80 упоминаний в блогах за 2013 г.)» (Орехов 2014: 288):

***Наночистка.** За что Анатолий Чубайс уволил две трети менеджеров «Роснано» (Лента.ru, 25.05.2015, <https://lenta.ru/articles/2015/05/25/rosnano/>); «Нано» поможет продать товар (...) К 2020 году у каждого россиянина будет **наноквартира** и **нанозарплата** (...) **Нанозарплата** звучит правдоподобно, особенно при макроценах (...) **Нанопрезидент** правит нанонародом, который жрет **нанобананы**, а свои **нано-«Калины»** моет в **наномойке**. И все это - в **нано-России** (www.metronews.ru, 28.10.2010); От **наноЧубайса** я никаких результатов не видел, в том числе и **нанорезультатов** (радио «Вести FM», 18.04.2016).*

Нестандартная сочетаемость префиксоида *нано-* с именами собственными способствует экспрессивизации новообразований.

В связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением Интернета в жизнь современного общества актуализировался также префиксоид *кибер-* с семантикой 'относящийся к технической кибернетике (автоматической системе управления)', 'связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении', 'оснащенный, оборудованный компьютерами' (Козулина, Левашов, Шагалова 2009):

*В числе самых перспективных разработок – проект «**Киберсердце**», с помощью которого будет возможно через специальное приложение на смартфоне оценить состояние сердечно-сосудистой системы (Патриоты Нижнего, 2017, № 48, <http://nn-patriot.ru/?id=26699>); В Суругутском районе стартует **киберолимпиада** (Суругутинтерновости, 08.11.2018, <https://in-news.ru/news/obshchestvo/v-surgutskom-rayone-proydet-pervaya-otkrytaya-kiberolimpiada.html>).*

В медийных текстах появляются новообразования с данным префиксоидом для обозначения новых компьютерных, информационных и интернет-реалий, объектов виртуальной реальности:

*Пора всерьез отнестись к угрозе **кибератак** (ИноСМИ, 20.05.2013, <http://inosmi.ru/world/20130520/209142744.html>); США и Россия создадут «горячую линию» для предотвращения случайной **кибервойны** (ИноСМИ, 19.06.2013, <http://inosmi.ru/world/20130619/210205763.html>); США и Россия подписывают соглашение о создании линии связи по **кибербезопасности** (ИноСМИ, 18.06.2013, <http://inosmi.ru/russia/20130618/210145773.html>). Подобные новообразования выполняют не только номинативную, но и экспрессивно-оценочную функцию, которая обусловлена прежде всего семантикой исходных слов, ср. также: **Кибервойска** будут сформированы в Вооруженных силах Армении (РИА Новости, 28.10.2014, <http://ria.ru/world/20141028/1030527743.html>); **Иностранные кибершпионы** активизировались в России (14.05.2015, <http://www.info-smi.ru/inostrannye-kibershpiony-aktivizirovalis-v-rossii/>); **киберсолдаты** (Наша Версия, 10.11.2016, <https://versia.ru/xakery-vedut-vojny-v-internete>); **Атаки без возмещения. Как страховые компании защищают своих клиентов от киберрисков** (Коммерсантъ, 12.12.2016, <https://www.kommersant.ru/doc/3156735>); **Кибер-дружины** сформируют из студентов и старшеклассников, и они займутся противодействием распространению в Интернете негативного контента для детей (Российская газета, 28.03.2017, <https://rg.ru/2017/03/28/reg-skfo/v-karachaevo-cherkesii-sozdadut-kiber-druzhiny-dlia-borby-s-gruppami-smerti.html>); **Киберугрозы** постоянно эволюционируют (РИА Новости, 10.07.2017, <https://ria.ru/world/20170710/1498230051.html>); **Киберорда**. В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки*

(Новая газета, 28.08.2017, <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/27/72930-kiber-orda>); *Россия на британские и американские киберобвинения ужеотреагировала* (телеканал «Россия-24», 02.05.2018); *Обсуждается создание киберармии* (НТВ, 07.04.2019); *Некогда вольное виртуальное пространство, разрекламированное как прообраз грядущего рая, захвачено и разграничено киберполицией и киберпреступностью, кибервойсками и кибершпионами, кибертеррористами и киберморалистами* (Независимая газета, 11.02.2019); *У Маклейн есть все шансы стать первой в истории лунной кибервзломщицей* (телеканал «Россия-24», 25.08.2019); *Пролетарии всех киберстран, объединяйтесь! На Глобальной конференции в Гааге даже Запад согласился, что с интернетом надо что-то решать* (Коммерсантъ, 18.04.2015, <http://www.kommersant.ru/doc/2712459>).

В последнем случае экспрессивность усиливается прецедентным текстом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в рамках которого возникает и функционирует новообразование.

В последние годы в связи с распространением криптовалюты возросла продуктивность префиксоида *крипто-* с семантикой 'относящийся к тайному, невяжному, скрытому...' (Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 126). В большинстве своем дериваты с *крипто-* называют реалии, связанные с криптовалютой:

*Отказавшись от идеи тотального запрета, корейские власти собираются принять ряд жестких мер по деанонимизации **крипторынка*** (Rusbase, 18.01.2018, <https://rb.ru/opinion/pochemu-padaet-kriptorynok/>); *В Госдуме предложили создать **крипторубль*** (Взгляд, 07.11.2018, <https://vz.ru/news/2018/11/7/949583.html>); *Люди в **криптомире** получают деньги в биткоинах и эфирах. «Афиша Daily» обсудила с ними, на что тратит заработанную **криптозарплату**, удобно ли вообще получать зарплату в **крипте** и когда мы наконец будем покупать обеды за биткоины* (Афиша Daily, 02.10.2018, <https://daily.afisha.ru/brain/10220-udobno-li-do-sih-por-poluchat-zarplatu-v-bitkoinah-otvechayut-lyudiz-kriptomira/>); *Здание **криптофермы** уже опечатано* (телеканал «Россия 1», 23.05.2019). Оценочность, ироничность новообразований с префиксоидом *крипто-* обусловлена семантикой и оценочностью исходных слов, а также контекстом: *Мир охватила **криптолихорадка** (...) Ушел ли **криптопоезд** для рядовых пользователей? (...) Последний писк **криптомоды** (...) Выделяют даже две группы: **криптоанархисты** (...) и **криптореалисты*** (1-й телеканал, 02.07.2017, https://www.1tv.ru/news/2017-07-02/328076-bitcoin_virtualnyy_mylnyy_puzyr_ili_realnyy_shans_razbogatet/); *Многие считают Берию **криптолибералом** (...) Я чувствую себя **криптопсихиатром** (...) Мы можем продолжить после **крипторекламы*** (телеканал «Россия 1», 11.09.2019).

Актуальность европейских политических событий для современной России способствовала вовлечению в деривационные процессы префиксоида *евро-*, топонимическая семантика которого во многих новообразованиях совмещается с оценочным компонентом, ср.:

евроконтакты (Лавров проверил **евроконтакты**. Россия и ЕС продолжают взаимодействие, несмотря на кризис в отношениях, Лента.ru, 20.05.2015, <https://lenta.ru/articles/2015/05/19/eurominist/>); *евросанкции* (Продлены антикрымские **евросанкции**, Вести.ru, 25.06.2016, <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2766145>); *евродепутат* (93 **евродепутата** призвали Меркель не строить «Северный поток – 2». Текст послания был распространен в среду в Брюсселе. «Позиция Германии по «Северному потоку – 2» идет вразрез с целями европейского Энергетического союза и увеличивает энергетическую зависимость ЕС от России», – говорится в документе, Независимая газета, 07.11.2018, <http://www.ng.ru/>

news/632148.html); и **еврояичница** (*Еврояичница на российском газе. Молдавский премьер хочет получить от Москвы дешевые энергоносители и Приднестровье*, Московский комсомолец, 12.09.2012, <http://www.mk.ru/politics/2012/09/12/747921-evroyaichnitsa-narossiyskom-gaze.html>); **евродруг** (*Станет ли Испания еще одним «евродругом» России (...) Да, Мадрид не Лондон, и особо злостным врагом Москву не там считают. Но наиболее точной характеристикой данного этапа отношений могут считаться слова из песни Высоцкого «и не друг, и не враг, а так»: рассчитывать на поддержку Испании так же, как на поддержку Австрии, Венгрии или Кипра, России не приходится*, Взгляд, 04.10.2018, <https://vz.ru/opinions/2018/10/4/944602.html>); *Себя он называет еврореалистом* (телеканал «Россия-24», 26.05.2019).

Оценка, как правило, негативная, формируется в подобных случаях семантикой, а также стилистически сниженной окраской исходных слов:

Труба под давлением. Евробюрократы пытаются перекрыть «Северный поток – 2». Глава директората Еврокомиссии по энергетике Доминик Ристори заявил в Киеве, что новый газопровод, по мнению ЕС и ЕК, не содействует диверсификации поставок топлива в Европу (РИА Новости, 10.04.2018, <https://ria.ru/economy/20180410/1518229049.html>); *У Сноудена тоже мало шансов – «евролеваки» при закулисной поддержке России уже выдвигали его два года назад* (Собеседник, 2015, № 35, http://pressa.ru/files/issue/private/sobesednik/2015/35-2015/raw_issue/sobesednik-2015-35-2015.pdf); *Выжимают из тебя пот, чтобы превратить его в брызги шампанского для евродевок* (Завтра, 2013, № 24, <http://zavtra.ru/blogs/zadelo-42>); ... *прежде чем скулить об изъятой с родных просторов еврожратве, следовало бы задуматься, так ли уж была она хороша* (Литературная газета, 17-23.12.2015, <http://lgz.ru/article/-50-6536-17-12-2015/esh-ne-khochu/>); *Европатриоты сами развалият Украину* (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 20.07.2015); *На Украине евромечта не сбылась* (телеканал «Россия-1», 30.03.2016); *Мог сказать: слушай, Владимир, тебя и меня достала вся эта еврошпана* (телеканал «Россия-1», 09.07.2017).

Анализ медийных неодезиватов, таким образом, «не только дает представление об активности и продуктивности новых словообразовательных типов, моделей, аффиксов, но и позволяет понять, каким именно образом в языковом сознании в ходе номинации осмысливаются новые явления современной общественной жизни» (Коряковцева 2016: 10).

Изучение новообразований в структуре текста «позволяет представить, как картина мира пропущена через индивидуальное сознание автора, выявить особенности авторского использования словообразовательных средств, в которых находит отражение индивидуальный опыт автора, его особое мировоззрение» (Плотникова 2017: 320).

Библиография

- Klušina, N.I. (2018). *Mediastilistika*. Moskva: Flinta [Клушина, Н.И. (2018). *Медиастилистика*. Москва: Флинта].
- Kozulina, N.A., Levašov, E.A., Šagalova, E.N. (2009). *Affiksoidy russkogo ázyka. Opyt slovará-spravočnika*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriá [Козулина, Н.А., Левашов, Е.А., Шагалова, Е.Н. (2009). *Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника*. Санкт-Петербург: Нестор-История].

- Korâkovceva, E.I. (2016). *Očerki o âzyke sovremennyh slavânskikh SMI (semantiko-slovoobrazovatel'nyj i lingvokul'turologičeskij aspekt)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach [Коряковцева, Е.И. (2016). *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach].
- Korâkovceva, E.I. (2018). *Internacionalizaciâ, demokratizaciâ i «mediatizaciâ» slavânskikh âzykov v usloviâh globalizacii (slovoobrazovatel'nyj aspekt)*. V: *Globalizacja a języki słowiańskie*. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach: 33–47 [Коряковцева, Е.И. (2018). *Интернационализация, демократизация и «медиа-тизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект)*. В: *Globalizacja a języki słowiańskie*. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach: 33–47].
- Orehov, B.V. (2014). *Superminimum i nanoderžava: prefiksoidy v âzyke interneta*. V: Ahapkina, Â.È., Rahilina, E.V. (Red.). *Sovremennyy russkiy yazyk v internete*. Moskva: Âzyki slavânskikh kul'tur: 281–290 [Орехов, Б.В. (2014). *Суперминимум и нанодержава: префиксоиды в языке интернета*. В: Ахапкина, Я.Э., Рахилина, Е.В. (Ред.). *Современный русский язык в интернете*. Москва: Языки славянских культур: 281–290].
- Plotnikova, L.I. (2017). *Leksičeskie novoobrazovaniâ v russkom âzyke: raznoaspektnyj analiz*. V: P'âsova, S.V. (Red.). *Teoriâ i praktika onomastičeskikh i derivatologičeskikh issledovanij*. Majkop: Izd-vo «Magarino.G.»: 304–323 [Плотникова, Л.И. (2017). *Лексические новообразования в русском языке: разноаспектный анализ*. В: Ильясова, С.В. (Ред.) *Теория и практика ономастических и дериватологических исследований*. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.»: 304–323].



АФФИКСАЦИЯ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ¹

ДАИКИ ХОРИГУТИ (DAIKI HORIGUCHI)

Университет Иватэ (Япония)
Iwate University
Faculty of Humanities and Social Sciences
Morioka, Ueda 3-18-8, Iwate, 020-8550, Japan
e-mail: sirdspuksti@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0724-6209>
(получено 21.09.2019; принято 20.10.2019)

Abstract

Affixation of Verbs Denoting Actions on Social Media Platforms

The analysis reveals that the verbs related to social media are actively derived. Affixes, especially prefixes, show their word-building potential in combination with the considered verbs, as well as with native verbs. Except for *лайкать* 'like', *тегить* 'tag' and *шерить* 'share', the analyzed verbs function as verbs of communication and often follow the same derivational models.

Affixation is activated by the temporal and spatial perception of action and its derivation. The instantness and punctuality of action are realized by clicking a button on a social media platform. It should be noted that there are certain productive prefixes whose spatial semantics match that of the verbs. Despite their spatial meanings, these prefixes do not yield significant semantic modification and they form aspectual counterparts for non-prefixed verbs. Secondary imperfectivization has been attested for prefixed verbs with various aspectual modifications.

Key words: affixation, Russian, prefix, suffix, word-formation, social media

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МEXT/JSPS KAKENHI (16K16815).

Резюме

Анализ показал, что активно образуются производные глаголы, относящиеся к социальным сетям. Аффиксы, особенно префиксы, проявляют свой словообразовательный потенциал в сочетании как с рассмотренными глаголами, так и с исконными глаголами. Глаголы, кроме *лайкать*, *тегить* и *шерить*, функционируют как глаголы сообщения и нередко созданы по тем же самым словообразовательным моделям.

За счет аффиксации актуализируется пространственно-временное восприятие действия в социальных сетях и его деривационное оформление. Весьма характерна моментальность и точечность действия, которое осуществляется одним нажатием кнопки. Следует отметить продуктивные префиксы, пространственная семантика которых сходится с семантикой глагола. Несмотря на свои пространственные значения, эти префиксы не вносят значимую семантическую модификацию, тем самым образуя видовой коррелят беспрефиксальным глаголам. В силу грамматической категории вида у префиксальных глаголов с разными модификациями уже намечается вторичная имперфективация.

Ключевые слова: аффиксация, русский язык, префикс, суффикс, словообразование, социальные сети

Предварительные замечания

В XXI веке одним из решающих источников появления новых слов является интернет, без которого нельзя представить современную жизнь. В последнее десятилетие языковая деятельность человека активно происходит в социальных сетях. Они оказывают огромное влияние на нашу коммуникативную и информационную жизнь. Актуализация их роли находит свое отражение и в словообразовании. Словообразование, в том числе глагольное, в интернет-пространстве обусловлено расширяющимися возможностями и необходимостью обозначения новых реалий и их модификаций. Социальные сети породили новые реалии, которые нельзя было вообразить до их появления – *лайк*, *репост*, *френд*, *отфрендить*. Сами платформы социальных сетей, как имена собственные, мотивируют слова, обозначающие использование соответствующих платформ – *фейсбучить* (Facebook), *твиттерить* (Twitter), *инстаграмить* (Instagram), *вконтактить/вконтачить* (ВКонтакте), *скайпить* (Skype), *ватцапнуть* (Whatsapp), *перископить* (Periscope). Как видно, глаголы являются англицизмами с определенными русскими аффиксами. На данный момент они относятся к неологизмам, о чем свидетельствует тот факт, что в тексте они часто могут оформляться графическими средствами, например кавычками. Они представляют собой интернет-жаргонизмы, и часть из них успела войти по меньшей мере в электронные лексикографические ресурсы, в которых помечены как «интернет», «компьютерное», «молодежное». Некоторые глаголы еще не упрочились в плане ударения (*пóстить/постить*) и орфографии основы

(*инстаграмить/инстаграммить, твитить/твитить, шерить/шэрить/шарить*).

Изучение динамического аспекта словообразования в быстро развивающемся интернет-пространстве наглядно демонстрирует «деятельностный характер» словообразования (Земская 2009: 207), раскрывает лексико-грамматические тенденции в языке, а также проливает свет на обострение метаязыкового сознания говорящего при порождении новых слов, особенно с заимствованными основами (Хоригути 2017: 307). Согласно Г.Н. Трофимовой, «большинство освоенных компьютерно-сетевых заимствований активно участвуют в процессах русского словообразования, что также свидетельствует и об их русскоязычной адаптации, и об их устойчивости в качестве характерных примет языкового вкуса интернет-эпохи в России» (Трофимова 2009: 268). В рамках изучения интернет-коммуникации исследуется словообразование в социальных сетях или шире – в интернет-пространстве. Однако большинство рассматриваемых производных составляют именные неологизмы, а глагольные производные представлены в ограниченном объеме (Муравьев, Панченко, Обьедков 2014: 451–454; Шмелева 2015: 47–48; Степанова и Бохиева 2018: 628).

Итак, данная статья посвящается анализу аффиксации глаголов, обозначающих различного рода действия в социальных сетях. Выделено три крупнейшие платформы *Facebook, Twitter, Instagram* и восемь главных действий, осуществляемых в социальных сетях – *like* ‘нажать кнопку «нравиться»’, *share* ‘поделиться’, *comment* ‘написать комментарий’, *post* ‘опубликовать что-либо’, *repost* ‘опубликовать снова’, *tweet* ‘опубликовать сообщение на платформе Twitter’, *retweet* ‘поделиться сообщением на платформе Twitter’, *tag* ‘отметить, упомянуть’, от которых образованы производные глаголы.

Языковые факты взяты из русскоязычных электронных ресурсов при помощи поисковой системы *Google* и базы данных СМИ *Integrum*. Используются тексты разных жанров: тексты СМИ, форумы, блоги, интернет-комментарии, записи в социальных сетях. Поиск примеров был проведен в течение первых двух недель августа 2019 года. Следует сделать оговорку о технических трудностях при запросе интересующих глагольных форм с помощью данных систем. Как правило, в интернет-текстах довольно часто встречаются опечатки. Особенно это касается глаголов, формально похожих на другие глаголы: *отпустить* и *отпустить*, *растегнуть* и *растегнуть*. Также системы не различают омонимы: исконный глагол *стегать* и гипотетический префиксальный глагол *стегать*, образованный от *тегать*. При обработке эмпирических данных такие глаголы были исключены вручную, но местами не полностью. В обоих источниках были запрошены инфинитивная форма, а также формы настоящего и прошедшего времени и формы повелительного наклонения. Варианты орфографии основы рассматриваются как один глагол (например, *твитить/твитить, тегить/тегить*).

Суффиксация

Нами было выбрано 34 глагола, обозначающих 11 действий. Они имеют суффиксы *-а-*, *-и-*, *-ну-* и *-ану-*. Если первые два суффикса аспектуально немаркированы и образуют глаголы несовершенного вида, то последние два обладают аспектуальными значениями и производят глаголы совершенного вида.

От названий конкретных социальных сетей образованы глаголы со значением деятельности 'пользоваться соответствующей социальной сетью'. Суффикс *-и-* функционирует в глаголах *твиттерить/твитить*, *фейсбучить*, *инстаграмить*: *Вооружившись «табельными» LG Optimus G, журналисты чекинулись, твитили, фейсбучили и инстаграмили из незнакомых мест далекой чужбины по полной программе* (adsl.kirov.ru). Суффиксы *-ова-/и-рова-*, служащие обычно для образования отыменных глаголов от основы иноязычного происхождения, не столь характерны для рассматриваемых глаголов. Констатирован также ряд возвратных форм: *Кай Метов поздравил всех с праздником, заранее пожелал всем хорошего Нового года, а также призвал всех активнее «инстаграмиться» и «фейсбучиться»* (blagoveshensk.ru).

Действия, осуществляемые в социальных сетях, обозначаются при помощи суффиксов *-и-* и *-а-*: *Очень часто люди в погоне за контентом начинают **постить** все подряд, находят умные заголовки и даже не тратят время на прочтение* («Бренд личности. Пошаговая инструкция по созданию деловой репутации», Полина Правда); *Надо одну статью, которая всем подойдет и которую все будут **лайкать** и **репостить*** («Контент-Технология. Как, где и о чем говорить с клиентами», Майя Богданова). Сферу употребления производного слова могут определить и сами суффиксы. Например, у глагола, обозначающего комментирование в интернет-пространстве, можно отметить семантическую дифференциацию на основе суффиксов: *комментить* и *комментнуть* употребляются в значении 'написать комментарий в интернете', ср. общеупотребительный глагол на *-и-рова-* *комментировать*: *Может мы просто поможем друг другу? Что-то типа: ты меня **комментишь**, я тебя **комментчу*** (talk.pr-cy.ru).

Среди глаголов весьма распространен суффикс *-ну-*, образующий глаголы совершенного вида со значениями однократности и моментальности. Актуализация данного суффикса объясняется тем, что действие не расчленяется на фазы, осуществляется мгновенно при щелчке, то есть нажатии соответствующей кнопки: *Можно прямо попросить аудиторию **лайкнуть** или **шернуть** пост* (smmportal.ru); *Ты **постнула** ее неудачную фотку, выставила ее лицемеркой и двуличной!* (Instagram); *Иногда друзья делятся наблюдениями из новой для себя части жизни. И я тоже хочу поделиться и **комментнуть** от себя* (Facebook). Функционально глагол на *-ну-* составляет аспектуальную пару с беспрефиксальным глаголом: *Денис, да не, админы как всегда забыли, что когда-то **постили** это, и решили **постнуть** еще раз* (ВКонтакте); (...) *никто не хочет лишний раз залогиниваться, чтобы **лайкать** и **комментить**. Даже когда очень хочется **лайкнуть** и **комментнуть*** (Livejournal, орфография исправлена).

Суффикс *-ану-*, являющийся экспрессивным, разговорным и просторечным вариантом суффикса *-ну-* (Шелякин 2008: 161), констатирован у ряда глаголов,

однако он менее употребителен по сравнению с суффиксом *-ну-*: *Официальный аккаунт премьер-министра России Дмитрия Медведева в сети микроблогов Twitter «лайкнул» запись одного из пользователей о популярном британском сериале «Шерлок» (nation-news.ru); А мои не хотят вести блоги и снимать. Иногда только могут что-то писануть и комментануть, и то все реже и реже. Это им не интересно (livejournal.com); Трамп твитанул про новенькие и умненькие ракеты (inosmi.ru).*

Префиксация

Далее проанализируем префиксацию. График отображает сочетаемость глаголов с 20 префиксами в целом, а также в зависимости от суффиксов. Столбцы представляют префиксацию 34 глаголов, а три разные линии представляют префиксацию соответственно 12 глаголов на *-и-* и *-а-*, 11 глаголов на *-ну-* и 11 глаголов на *-ану-*.

Каждый префикс проявляет свой потенциал присоединения к глаголам в совершенно разной степени. Среди трех суффиксов наиболее активную префиксацию можно наблюдать у глаголов на *-и-* и *-а-*, где префиксы *за-*, *на-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *про-* присоединяются ко всем 12 глаголам. У глаголов на *-ну-* сохраняется примерно такая же дистрибуция, но в меньшей степени. Глаголы с *-ану-* допускают префиксацию очень редко. Поскольку невозможно определить точное количество употреблений словоформ, в количественных данных о сочетаемости аффикса с основой, которые показаны на графике, равноценны довольно частотные глаголы (*запостить* – более 4,5 миллиона употреблений), малочастотные глаголы (*дотвитить* – примерно 40 употреблений) и даже окказиональные глаголы (*подрепостить* – 3 употреблений).

Механизм рассмотренного типа глагольного словообразования объясняется принципом аналогии, то есть семантического взаимодействия префикса и обо-

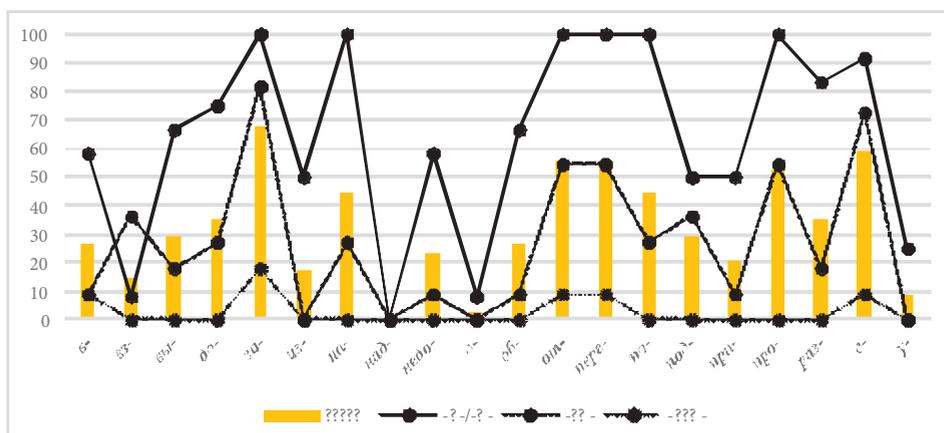


График 1. Префиксация для 34 глаголов в целом и ее дистрибуция в зависимости от суффиксов *-и-/а-*, *-ну-* и *-ану-* (все показатели даны в процентном отношении)

Источник: собственная разработка

значаемого глаголом действия. Далее рассмотрим префиксы в соответствии с частотностью.

Самым продуктивным по сочетаемости с глаголами является префикс за- в значении 'фиксация', а также, возможно, в инхоативном значении. Данный префикс по этому же значению и значению избыточности продуктивен в молодежном и компьютерном сленгах (Соколова 2009: 60). Значение «фиксация» нивелируется и префикс функционирует как «чистовидовой» префикс. Данные префиксальные глаголы как глаголы СВ наряду с беспрефиксальным глаголом НСВ функционально образуют видовую пару: *Когда Олег Артемьев был в космосе, он регулярно **твитил**. Однажды он **затвитил** фото нашего острова (Sakhalin.info); Мы в AdMe.ru проанализировали самые **залайканные** публикации, темы и хештеги этой соцсети (adme.ru); Если в правильное время **запостить** фото, то можно сорвать гораздо больше лайков, чем обычно (ru.doinstam.com); В Twitter теперь нельзя «**заинстаграмить**» (речь идет о том, что созданные в «Инстаграме» фотографии перестали отображаться в «Твиттере»; примечание наше. – Д.Х.) (robinzon.tv); Предварительно Гройсман «**затегал**» главу Закарпатской ОГА, чтобы тот не пропустил важное сообщение от главы Кабмина (ru.tsn.ua).*

Префикс с- может актуализировать пространственную семантику 'с чего-либо' при сочетании с глаголами *постить* и *твитить*: *Можно было бы, конечно, сказать, что Варламов **ствитил** твит у Алёши (newsland.com).* В таком случае префикс может быть синонимичен русскому префиксу пере- и интернациональному префиксу re-. Согласно этой интерпретации префикс дублирует семантику первичного префикса в сочетании с глаголами и может показаться излишним: *Можно ли **срепостить** все записи с группы себе на страницу? (zismo.biz); Хочу дать вам пару советов как сделать так, чтобы присланный вами совет заметили больше людей, которые могут вас тут же «зафолловить» в вашем твиттере или просто «**сретвитить**», если им понравится увиденное (lifehacker.ru).* Кроме того, префикс указывает на однократность действия, выражение которого характерно для разговорной речи: *Грех не **скомментить** (ВКонтакте); ср. аналогичную конструкцию с с-глаголами – Грех не станцевать/спеть.*

У префикса от- наиболее часто констатируется финитивное значение. *Не **отинстаграмил** – не поел! С одной стороны, это часть современной культуры, с другой – на первый взгляд обычная булочка с корицей попала в объектив неслучайно! (tgraph.io); Все же он мог сказать о кампании 2016 года и о том, что последовало словами Veni, Vidi, Tweeti (Я пришел, увидел, **оттвитил**) (ursa-tm.ru); Смущает и даже пугает, честно говоря, такая маниакальность в попытках все свои действия **оттвиттерить** и **отфейсбучить** (izhevsk.ru, орфография исправлена).* Глагол, как и непрефиксальные и другие префиксальные глаголы, может распространяться изъяснительной придаточной частью с союзом *что* или сопровождаться прямой речью и полноценно функционировать в качестве глагола сообщения: *Пока все выражают соболезнования, Дмитрий Медведев уже **оттвитил**, что «Европа и Азия должны объединиться в борьбе с терроризмом (...)*» (petrimazera.com). Префикс придает глаголу интенсивное значение с оттенком осуждения, что подчеркивается словосочетанием *по полной (про-*

грамме): *Каждого из журналистов можно в любой момент «откомментировать по полной» и «оценить» в соцсети или на сайте, где этот журналист имеет несчастье работать в настоящий момент* (kaluga24.tv). Префикс может также проявлять аннулятивное значение, то есть отмену ранее совершенного действия: *Такой лайк сразу выдаст тебя с головой, и в следующую секунду ты, покрываясь холодным потом, жмешь на злополучное сердечко вновь, чтобы «отлайкать» фото обратно...* (maximonline.ru).

Полисемный префикс *пере-* чаще всего проявляет рефактивность и чрезмерность действия, обилие объектов и превосходство над кем-либо в названном действии: *В Facebook чего-то квакнул, что-то перетвитил, что-то перепостил, ты – экстремист* («Эхо Москвы»); *Наконец-то можно перечитать и перепробовать все рецепты из «Одноклассников», перелайкать посты в Instagramе и на законных основаниях сидеть в Фейсбуке днями напролет* (multiurok.ru, орфография исправлена); *Зеленский перелайкал Порошенко*. (politnavigator.net); *Кадыров перетвитил Белых почти в два раза* (Gorodkirov.ru). Следует отметить употребление нескольких *пере-* глаголов в прочных синтаксических конструкциях. Это дефисная и инфинитивная конструкции, указывающие на обилие объектов, сравнительная конструкция с *пере-* глаголом и *недо-* глаголом, конструкция с вопросительными «кто кого *пере-* глагол»: *Лайкать-перелайкать: самые популярные фото звезд в Instagram за все время* (beauty.ua); *Там лайкать не перелайкать!* (forums.drom.ru); (...) *порой лучше недолайкать, чем перелайкать* («Новый Омск»); *С этим миром информационных технологий мы будто участвуем в гонке, кто кого перелайкает и перекомментит* (livelib.ru, орфография исправлена).

Префикс *про-* на основе пространственных значений ‘сквозь’, ‘всеохватно’ перфективизирует глаголы разных тематических групп: *Например, мой пост охватил 1000 человек, то есть, 1000 человек его увидели: кто-то вскользь, кто-то прочитал. А прокомментировали, лайкнули, репостнули или совершили какое-либо еще действие с постом – 100 человек* (zen.yandex.ru); *Современный пользователь в интернете привык, что каждая единица информации может быть прокомментирована или пролайкана* («Национальный банковский журнал»); *Трам протвитил, что Мэтью Витакер, руководитель аппарата генпрокуратуры, будет назначен и. о. генпрокурора* (spektrnews.in.ua). Пространственная семантика префикса более наглядно прослеживается при наличии обстоятельств, относящихся к глаголу: *Матвей зафолловил меня, пролайкал мои фотографии вдоль, поперек, по горизонтали и сбоку, потом мы стали переписываться* (Cosmopolitan). Не характерны глаголы с пердуративным значением в сочетании с определенным промежутком времени.

Префикс *на-* в сочетании со множеством объектов указывает на куммулятивность. *Путин заставил россиян натвитить 170 000 сообщений* (rscnews.ru). Префикс *на-* также связан с добыванием чего-либо путем названного действия: *Я, например, «натвитила» себе книгу (...). Такие книги дарили автору каждого 30-го твита* (ojunka.blogspot.com); *Идея состоит в том, что каждый клиент сам может «налайкать» скидку и установить свою цену на товар* (znaj.ua). Префикс *на-* в отдельных случаях может выражать семантику клеветы: (...) *ты*

могла бы **натвитить** или **нафейсбучить**, что Boots мерзавцы – не прислали оплаченную штуку и не возвращают деньги, что быстро могло наделать негативного для них шума (...) (Livejournal). Однако констатировано также употребление глагола, где, возможно, префикс используется по модели глагола *написать*, то есть он изначально выражает пространственную семантику ‘поверх’, которая сходится с семантикой действия: *В общем, я хочу **напостить** об иероглифах и околоиероглифических письменностях, и как они превращаются в алфавитные, и никто меня не остановит!* (fanfics.me).

Глаголы с префиксом *по-* обозначают делимитативно-аттенуативные действия: *Надо **попостить** еще немного фоточек с прежней длиной волос* (Facebook); *Пришлось **многие** фотографии с телефона сразу удалять после отправки в Инстаграм, поэтому немного **поинстаграмлю**, давно я это не делала в ЖЖ* (Livejournal, орфография исправлена). Нередко они сочетаются в качестве инфинитива-определения со словом «любитель»: *Любитель «**поинстаграмить**» Маликов активно делится своими фотографиями с подписчиками.* (ok.ru); *Хорошая новость для любителей «**потвитить**».* Социальная сеть Twitter увеличила количество символов в твитах в два раза до 280 знаков (tabsgame.ru). В некоторых случаях у префикса ослабевают делимитативно-аттенуативная семантика: *Потегай ребят и сделай репост в сториз* (picgra.com); *Попросила некоторых знакомых (...) «**поретвитить**» все это дело* (ochevidets.ru). Также по аналогии с исконным глаголом *поделиться* образован глагол *пошериться*: *Дада, таким рассказом **пряма** хочется **пошериться!*** (sweek.com).

Семантической монотонностью отличается префикс *до-* со значением completeness действия: *Вот и «**пялитесь**» в телефон в кровати – то твиттер дочитать, то инстанграм **долайкать**, то в фейсбуке **отметиться*** (nyanyadoma.ru); *Как русские «**долайкали**» Трампа до президентства* (заголовок, news.sputnik.ru).

Префикс *раз-* обозначает аннулятивность ранее совершенного действия: *В сети появилось приложение Facebook Page Unliker, с помощью которого можно пересмотреть все свои лайки в Facebook и без лишних усилий «**разлайкать**» неактуальные и неинтересные страницы* (ProTV.ua). Пространственное значение префикса ‘в разные стороны’ проявляется в сочетании с глаголами, обозначающими распространение объекта. В таком случае сходится семантика префикса и характера самого глагола: *Конечно, можно залить в интернет и **раствитить** серию анонимных видеороликов, снятых непонятно где и непонятно кем* (newsland.com); *Давайте поддержим ребят и **расшерим** этот пост!* (ВКонтакте). Помимо этих производных констатировано авторское производное *раствитить* в значении ‘объявить об отправке кого-либо в отставку в Твиттере’; *Госсекретарь США Майкл Помпео заявил, что останется на своем посту до тех пор, пока Дональд Трамп не «**раствитит**» его* (Газета.ru).

Префикс *вы-* не продуктивен, однако *вы-*глаголы отличаются тем, что часто используются в конструкциях, подчеркивающих результативность или нерезультативность. Вообще говоря, данная функция наблюдается у заимствованных глаголов; некоторые предложения с *вы-*глаголом следует считать скороговорками, порой не имеющими отношения к действительности (Хоригути 2019:

267): Трамп твитил-твитил, да не **вытвитил** (tradernet.ru); Тридцать три блогера репостили, репостили, репостили, репостили, да не **вырепостили!** (ВКонтакте). У префикса проступает пространственная семантика в сочетании с глаголами, обозначающими выставление объекта: *Значит, пора вновь опустить градус серьезности и выложить (так долго думал над словом «постить», или спостануть или **выпостить**, короче, выкрутился) фотографию не фотографа!* (golos.io, пунктуация исправлена).

Префикс *под-* проявляет, скорее, не пространственную, а аттенуативную семантику и отдельные лексические значения ‘подправить’, ‘подытожить’: *О, раз уж тут **подпостили** слегка, оставляю самые любимые вещи от Дореволюционного советчика* (forum.igromania.ru); *Эту картинку я еще немного «**подинстриграмил**» в цветах – другой вариант у меня в паблике на ВКонтакте* (Livejournal); *Дэвид также благополучно долетел до Спрингбанка в этот вечер, и таким вот сообщением «**подтвиттил**» итог дня: Finally home, that was an AWESOME day!* (vikitavel.ca).

Пространственное восприятие ‘внутри’, выражаемое префиксом *в-*, не столь актуально при совершении действий в социальных сетях: *Есть даже тут в архиве данный адрес, но решил **впостить** сюда* (paradiz.ru).

Префикс *об-* придает глаголу интенсивное значение, которое исходит от пространственного значения ‘на все стороны’: *Я вот разрываюсь между желанием писать длинные портянки с подробным описанием виденного и десятком фотографий ВК, где их могут **облайкать** и **обрепостить** (...)* (diary.ru). В примере *Естественно, появились желающие все это дело обсудить, **обкомментировать*** (otvet.mail.ru) префикс «подстраиает» глагол *комментировать* под близкий по значению однопрефиксальный глагол *обсудить*, где префикс *об-* лексикализован, и образует глагол *обкомментировать*.

Префикс *недо-* однозначно указывает на инкомплетивность действия: *События стремительно происходят и потому лучше перепостить, чем **недопостить**, так как важное можно пропустить* (sgvavia.ru).

Префикс *при-* выражает аттенуативную семантику и пространственную семантику присоединения: *Мы предлагаем немножко **прилайкать** ваши фото и видео* (theinsta-stalker.com); *Правила розыгрыша: Поставить лайк видео, **перепостить** на свою страницу и **притегить** 10 друзей!* (Facebook).

Префиксом *из-* не актуализируется пространственная семантика, а обозначается семантика интенсивности, порой приводящая к расходованию чего-либо путем реализации названного действия: *Позже он нам **искомментил** и **излайкал** все фотки на Фейсбуке* (gyoko-demon.diary.ru, орфография исправлена); *Конкуренты не смогут «**излайкать**» ваш рекламный бюджет* (Livejournal).

Остальные префиксы *вз-*, *у-* и *о-* малопродуктивны и производные относятся, скорее, к окказионализмам. Вовсе не констатирован глагол с префиксом *над-*.

В нашем материале в меньшей степени представлены префиксально-суффиксальные глаголы на *-ну-* (*залайкнуть*, *запостнуть*), а на *-ану-* констатированы еще меньше: *Отдельной строкой хочу попросить зайти, заценить и **залайкнуть** нашу страничку на фейсбуке* (livejournal.com); *Прям вот так и тянет **запостнуть** какую-нибудь цитатку какой-нибудь модной московской поэтессы*

(stapico.com); *Тем более что большинству из нас ничуть не жалко что-то лайкнуть-перелайкнуть – благо бесплатный вай-фай на работе, дома, в метро (...)* («Московский комсомолец»); *Если вы лайкали, но не делали репост – разлайкнуть, лайкнуть снова, сделать репост (появится картинка с предложением это сделать)* (litnet.com). В сочетании с глаголами на -ну- и -ану- придаваемая префиксом семантика не меняется.

Говоря об аспектуальном словообразовании, в русском языке вторичная имперфективация посредством суффикса -ива- констатирована у производных глаголов в форме -лайкивать, -постивать/-пощивать, -комменчивать, -шеривать/-шаривать, -твичивать. Глаголы в основном встречаются в имперфективных контекстах – аналитическое будущее, сочетание с фазовыми глаголами, выражение ненужности действия, координация с другими глаголами несовершенного вида, которые употребляются в качестве однородных членов предложения. Например, *Я не буду перепостивать призыв к Путину вводить войска* (livejournal.com); *Теперь непримиримые девять прошлых месяцев враги начинают налайкивать друг друга, поздравлять* (business-class.su).

Не исключено также образование вторичных имперфективов (залайкивать, запостивать) от за-глаголов, которые, на наш взгляд, входят в так называемую видовую тройку вместе с беспрефиксальным и префиксальным глаголами (лайкать – залайкать – залайкивать). К примеру, *Чтобы получить письмо от важного человека, нам вовсе не нужно было «залайкивать» ему «стену»* (niklife.com.ua); *Все же по возможности буду заходить и отсматривать, отслеживать, откомменчивать, оценивать ваш труд* (hleborochka.ru). Количественный анализ вторичной имперфективации необходим в дальнейшем исследовании.

Заключение

Анализ показал, что активно образуются производные глаголы, относящиеся к социальным сетям. Аффиксы, особенно префиксы, проявляют свой словообразовательный потенциал в сочетании как с рассмотренными глаголами, так и с исконными глаголами. Глаголы, кроме лайкать, тегить и шерить, функционируют как глаголы сообщения и нередко созданы по тем же самым словообразовательным моделям.

За счет аффикации актуализируется пространственно-временное восприятие действия в социальных сетях и его деривационное оформление. Весьма характерна моментальность и точность действия, которое осуществляется одним нажатием кнопки. Следует отметить продуктивные префиксы, пространственная семантика которых сходится с семантикой глагола. Несмотря на свои пространственные значения, эти префиксы не вносят столь значимую семантическую модификацию, тем самым в формальном плане образуя видовой коррелят беспрефиксальным глаголам. В силу грамматической категории вида у префиксальных глаголов с разными модификациями уже намечается вторичная имперфективация.

Библиография

- Horiguti, D. (2017). *Metaazykovaâ refleksia v zerkale prefiksacii zaimstvovannyh glagolov v rusском âzyke*. V: Iŭčankaŭ, V. (Red.) *Stylistyka: mova, maŭlenne i tĕkst*: 27–32 [Хоригути, Д. (2017). *Метаязыковая рефлексия в зеркале префиксации заимствованных глаголов в русском языке*. В: Iŭčankaŭ, V. (Ред.) *Стылістыка: мова, маўленне і тэкст*: 27–32].
- Horiguti, D. (2019). *Realizaciâ sintaksičeskih konstrukcij u prefiksальnyh zaimstvovannyh glagolov v rusском âzyke*. V: Szumska, D., Ozga, K. (Red.) *Âzyk i metod*. 6: 259–268 [Хоригути, Д. (2019). *Реализация синтаксических конструкций у префиксальных заимствованных глаголов в русском языке*. В: Szumska D., Ozga, K. (Ред.) *Язык и метод*. 6: 259–268].
- Murav'ev, N.A., Pančenko, A.I., Ob'edkov, S.A. (2014). Neologizmy v social'noj seti Facebook. *Komp'ŭternaâ lingvistika iintellektual'nye tehnologii*, 13: 440–454 [Муравьев, Н.А., Панченко, А.И., Обьедков, С.А. (2014). Неологизмы в социальной сети Facebook. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 13: 440–454].
- Sokolova, S. (2009). «Zasmotrite i zacenite»: produktivnost' pristavki za- v sovremennom rusском âzyke. *Polârnyj vestnik*. 12: 43–63 [Соколова, С. (2009). «Засмотрите и зацените»: продуктивность приставки *za-* в современном русском языке. *Полярный вестник*. 12: 43–63].
- Stepanova, I.Ž., Bohieva, M.V. (2018). Semantičeskie neologizmy âzyka Interneta. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniâ*, 2(69): 626–629 [Степанова, И.Ж., Бохиева, М.В. (2018). Семантические неологизмы языка Интернета. *Мир науки, культуры, образования*, 2(69): 626–629].
- Šelâkin, M.A. (2008). *Kategoriâ aspektual'nosti rusского glagola*. Moskva: Izdatel'stvo LKI [Шелякин, М.А. (2008). *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва: Издательство ЛКИ].
- Šmeleva, E.Â. (2015). Internet-kommunikaciâ: novye tendencii v rusском slovoobrazovanii. *Verhnevolžskij filologičeskij vestnik*. 2: 46–52 [Шмелева, Е.Я. (2015). Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании. *Верхневолжский филологический вестник*. 2: 46–52].
- Trofimova, G.N. (2004). *Âzykovej vkus Internet-èpohi v Rossii: funkcionirovanie rusского âzyka v Internete: konceptual'no-sušnostnye dominanty*. 2-oe izd. Moskva: Rossijskij universitet družby narodov [Трофимова, Г. Н. (2004). *Языковой вкус Интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. 2-ое изд. Москва: Российский университет дружбы народов].
- Zemskaa, E.A. (2009). *Slovoobrazovanie kak deâtel'nost'*. 4-oe izd. Moskva: URSS [Земская, Е.А. (2009). *Словообразование как деятельность*. 4-ое изд. Москва: URSS].

LITERATUROZNAWSTWO
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES



ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ В ПРОЗЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

НАТАЛЬЯ БАХАНОВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт литературоведения
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь
e-mail: Natali_ja@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9360-6455>
(получено 14.09.2019; принято 20.09.2019)

Abstract

Man and Religion in Prose of Small Genres at the Turn of the 19th–20th Centuries

The paper is devoted to religious self-identification in Belarusian and Polish prose of small genres at the turn of the 19th–20th centuries. The overlap and differences in interpretation are distinguished. It is shown how the identified differences are related to the confessional history of peoples, in particular, to the dominant confession, and its impact on the culture.

Key words: denomination, person, personality, prose of small genres, religion, self-identification, turn of the century

Резюме

Рассматривается религиозная самоидентификация личности в белорусской и польской прозе малых жанров на рубеже XIX–XX ст. Выделяются общие, созвучные времени интерпретации, а также специфичные для каждой из литератур. Показывается, как выявленные отличия связаны с конфессиональной

историей народов, в частности с доминантным вероисповеданием, и их влияние на культуру.

Ключевые слова: конфессия, человек, личность, проза малых жанров, религия, рубеж веков, самоидентификация

Традиционный уклад основан на религиозном мировоззрении: литература, а часто и семейные истории, хранят отпечатки прошлого, в котором человек не может прикоснуться к еде без молитвы, регулярно посещает храм, исповедуется и причащается. Религиозные ритуалы и сейчас сопровождают нас от рождения до смерти (крестины, венчание, отпевание), замещая древнюю инициационную функцию. Годовые христианские праздники, вслед за природными циклами, стабилизируют повседневность, а библейские законы регламентируют взаимодействие с другими людьми. Поэтому именно религиозная идентичность на протяжении долгого времени была решающей в определении этнической, а позднее и национальной принадлежности личности. В белорусском и польском прошлом традиционно маркером причисления человека к той или иной группе были язык, на котором он говорит, и тип храма, который он посещает. На территории Беларуси «результаты переписи 1897 г. строились на (...) вероисповедании и языке» (Чернявская, online), что было проявлением идеологизированности, а значит и политизированности данной демаркации.

В связи с отсутствием однозначного определения религии под нею будет пониматься система мышления и действий, основанная на идеи связи человека со сферой непроявленного, что позволяет ему считать свое существование осмысленным и предоставляет объект для служения чему-то более значимому, чем он сам. Религиозная идентичность в первую очередь связана с конфессиональной принадлежностью, которая обычно наследуется, предопределенная рождением в конкретном общественно-культурном окружении, и мало подвергается изменениям. Более того, в истории крестьянское сословие сопротивлялось переменам, которые не раз проводились в принудительном порядке. На конфессиональное самоопределение человека на белорусской и польской землях влияли внешние факторы: во-первых, опыт «укрепления» Речи Посполитой путем введения общей религии – униатства, во-вторых, попытка «обрусения» колонизированного белорусского и польского населения самодержавной властью, принятая в XIX ст. Это усложнило этнонациональную самоидентификацию человека и даже стало причиной создания на белорусско-литовских землях знаменитых «тутэйших» жителей. Вместе с тем конфессиональная заданность от рождения не всегда означает согласие верующего, в связи с чем не менее важным аспектом становится личный поиск связи с высшим началом Вселенной, что предусматривает также выработку отношения к институту религии. Особенно актуальным это стало на рубеже XIX–XX вв. в связи с достижениями западноевропейской философии и прорывом в развитии естественных наук. Трансцендентные поиски свойственны многим героям прозы малого жанра, что свидетельствует о неопровержимой значимости темы религии в жизни лич-

ности в период социально-политических преобразований. Литературоведы же обращаются к этому вопросу нечасто и касаются отдельных авторов, не исследуя целостно и системно. Тем более не проводился сравнительный анализ этой темы в белорусской и польской литературах и прозе малых жанров в частности. Рассматривая обозначенное проблемно-тематическое поле, важно учитывать принадлежность писателя и выявленного им героя к определенному социальному слою, их конфессиональную историю и степень их религиозности.

На рубеже веков человек столкнулся с необходимостью гармонизировать унаследованную систему знаний с обновленной картиной мира, что и демонстрируют средствами реализма польские позитивисты и белорусские литераторы на волне ускоренного развития. Одной из показательных характеристик прогрессивного героя выступает вера в науку и разум, которые претендуют занять место того, что находится за пределами осязаемого опыта. Литераторы проверяют на прочность новоприобретенные человеком принципы, примером чего выступают рассказы *Widzenie* Болеслава Пруса и *Старый профессор*¹ Максима Горьцкого. В их центре находятся люди «от науки» – варшавский хирург и белорусский профессор, одинаково поставленные перед выбором между выверенными истинами и традиционными представлениями. Авторы обосновывают невозможность разрыва с трансцендентным, в котором сконцентрирован многовековой опыт человечества. Взаимодействие героев со сферой непроявленного показывает их естественную слабость и психологическую нужду в чувстве защищенности, пусть даже и иллюзорном, а потому и готовность признать существование невидимого, особенно в критические моменты. Сквозь это и другие произведения польского писателя проходит евангельская цитата: «Любите врагов ваших (...) Делайте добро тем, кто вас ненавидит и гонит». В испуге за судьбу сына доктор Черский делает шаг в сторону признания Всевышнего и оправдывается перед собой:

Nie tylko bowiem ani na chwilę nie stracił świadomości, ani rozsądku, ale jeszcze wznosił się na wyższy szczebel moralnego rozwoju, a to nie jest zapowiedzią obłąkania. A jeżeli zniknięcie wizerunku Chrystusa było «znakiem», to i w tym razie nic by mu już grozić nie powinno. Wszakże spełnił rozkaz, czyniąc dobrze tym, którzy go pokrzywdzili... (Prus 1936: 25: 20).

Героя рассказа Горьцкого беспокоит сама возможность изменить науке, и решение дается несколько сложнее, хоть на кону стоит жизнь жены. Внутри него идет диалог:

Вольгачка, Вольгачка, ты і навука – усё жыццё маё. Ты, – кажа, – ахарашыла для мяне навуку, а без цябе і навука ні ўва што. (...) Не, – кажа, – навука вышэй за цябе, навука вышэй за ўсё, і без навукі мне было б нудна нават з табою, хоць ты адна і найлепшая для мяне ўва ўсім свеце. І ты памрэш, і я памру, а навука не павінна памерці і здрады не павінна цярэць (Гарэцкі 1984: 1: 290–291).

В итоге он соглашается выполнить народный ритуал, но это не помогает женщине выжить. Существенно для понимания становления самого Горьцкого

¹ Названия художественных произведений здесь и далее даются в переводе автора статьи – Н. Баханович.

го наличие у рассказа представленной в комментариях в собрании сочинений альтернативной концовки, согласно которой жена поправляется, а в следующем году они уже ждут ребенка.

Вряд ли стоит усматривать прямое наследование белорусским автором польского, речь идет скорее об ощущении злободневных проблем личности в конце XIX – начале XX ст. На вопрос, способен ли научно-технический прогресс заменить потребность человека в трансцендентном – религии или даже предрасудках (в зависимости от сферы жизни и статуса человека), авторы однозначно отвечают отрицательно.

Новые горизонты человеческого бытия в мире приковывают внимание и к такой сфере деятельности человека, как самореализация на службе Богу в храме или монастыре. В центре рассказов *Pokusa* Стефана Жеромского, а также *Черничка* и *Ошибка* Горецкого находятся представители института религии. У польского автора это 19-летний выпускник семинарии, еще не успевший принять сан, у белорусского – старшая и младшая монахини, собирающие традиционную ежегодную дань у населения. Писатели сталкивают героев с преимуществами обычной мирской жизни, искушая ею. В тотальной аскезе будущего священника сквозит неполнота проживания жизни:

Jeżeli siadał, to na samym brzeżku krzeselka, jak gdyby się lękał, by w chwili nastąpić mogącego wniebowzięcia o stołek sutanną nie zawadzić, chodził na paluszkach, jakby pod podeszwami sandałów miał mistyczne jakieś druciki, chroniące od pyłu ziemi, przemawiał językiem niesłychanie biblijnym, unikał ludzi, szeptał modlitwy na widok dziewcząt wiejskich... (Żeromski [*Pokusa*], online).

Импрессионистическое описание утра и весеннего пробуждения природы сливается у автора с переживанием героем религиозного экстаза. Однако внезапно эти высшие духовные ощущения разрушает музыка флирта как воплощение любви и радости бытия двух случайно встреченных героем молодых людей, которые поют песню.

В рассказе *Черничка* Горецкого старшая героиня вобрала набор классических требований и подчеркнуто аккуратно выполняет церковные предписания. Монахиня настолько сжилась со своей социальной ролью, что отрицает все натуральные проявления жизни, а в ее описании автор даже использует художественный прием овеществления:

Шчупянецца і пачынае варушыць вуснамі, механічна і завучана шэпчучы словы малітвы. (...) Як машынная цацка, з боку на бок ківаецца чарніца на «бядзе», калі то тое, то тое кола па чарзе то праваліцца ў калюгу, то выскачыць на груды (Гарэцкі 1984: 1: 140).

И в рассказе *Ошибка* нет сочувствия к старшей монахине: рассказчик не скрывает отрицательного отношения к ее неопрятному внешнему виду, почти полному отсутствию половых признаков, к заученному выполнению ею своих обязанностей. Зато хозяйева дома с сочувствием относятся к молодой героине, видя ее интерес к мирской жизни: «У маладой, пад той сціпласцю і нуднай пажытасцю, усё штосьці мітусілася і іграла. (...) Часам апошняя бліскавічка ра-

даснай усмешкай прабяжыць па пухлых вуснах і жоў, яшчэ глыбей, захаваецца пад наўмыснай стродкасцю» (Гарэцкі 1984: 1: 139–140).

Аскетизму монахинь противопоставляется естественность и счастье продолжения рода обычными людьми, принимающими жизнь во всех проявлениях. Автор описывает, как жена «села карміць дзіця, не саромліва, а з правам маці, разгарнуўшы цьмяна-белыя грудзі» (Гарэцкі 1984: 1: 138). К тому же жители монастыря оказываются не лишеными тех же недостатков, что и миряне, хоть показанную греховную страсть оценить непросто. Ведь не из-за меркантильности или личных нужд старшая монахиня отваживается на кражу иконы, а из-за желания иметь в монастыре красивую и ценную вещь.

Монахиня, присваивающая артефакт и покрывающая поцелуями хозяина, чтобы избежать наказания, выглядит достаточно провокационно для белорусской литературы, в которой декаданс проявился слабо. В младопольской же прозе есть и более откровенные, натуралистические попытки подвергнуть сомнению путь служения Богу в монастыре. В рассказе *Przed świtem* Владислав Реймонт противопоставляет два взгляда на возможность приблизиться в земной жизни к Богу. Их носители – молодой человек в госпитале, которому осталось жить считанные часы, и сестра милосердия, молящаяся за его душу. Безымянный герой не соглашается на исповедь, высказывает протест Богу, отбирающему у него жизнь, живет преимущественно телесными ощущениями, в отличие от эмоционально скованной сестры, которая почти «отсутствует» в произведении, потому что все художественное пространство занимает личность мужчины. В предсмертной горячке он натуралистически, без пошлости описывает парижские оргии, в которых некогда участвовал, сравнивая физиологическое переживание оргазма с криками божества (эти фрагменты присутствуют не во всех изданиях произведения). Герой просит монахиню раздеться, чтобы в последний раз увидеть красоту женского тела, но та остается глуха и молча покидает его:

– Siostra jest cudownie piękną! – szepnął znowu i uniósł się na poduszkach. — Tak, niesłuchanie piękną. Pod tym okropnym strojem kryją się cuda, przeczuwam je, widzę nawet, widzę... – zatrzymał się, bo znowu brakło mu głosu. Zakonnica wyszła, przytykając drzwi za sobą (Rejmont 1902: 12).

Бога, который, согласно Писанию, есть любовь, можно познать посредством взаимоотношений полов, к Богу близки дети, о которых герой просит позаботиться (купить им игрушек) монахиню, вверяя ей для этих целей все имеющиеся у него деньги.

Еще смелее приоткрывает завесу жизни в монастыре Мария Кшимуская-Ивановская в рассказе *Stygmat* (и во всем одноименном прозаическом сборнике), героиня которого переживает внутреннюю борьбу из-за любовной связи с мужчиной, разрываясь между необходимостью подчинения закону и извечным инстинктом телесной любви. Конфликт одинаково сильных импульсов оборачивается целым спектром чувств, с которыми сложно справиться. Даже вериги не помогают сдержать себя:

Kolczastym sznurem biodra opasała, a co noc krwi ciepłej strumienie spływały strugą, wzdłuż giętkiego ciała... Rozwijala się... Żyła. Mury klasztorne stłumić nie zdołały ognia, co w piersi jej płonął, rozlewając się na zewnątrz cichym uśmiechem błogosławionych (Krzymuska 1906: 76).

Монахиня в отчаянной борьбе с собой осваивает целый ряд неведомых ей ранее женских ролей – от пылкой любовницы до заботливой матери для своего тайного любовника.

В подобном «психологическом эксгибиционизме» ощущается влияние теоретика и практика новой антропологической концепции Станислава Пшибышевского. Свой *Requiem aeternam* он начинает с перефразирования древнейшего текста: «Na początku była chuć. Nic prócz niej, a wszystko w niej» (Przybyszewski, online). В творчестве этого автора взаимоотношения мужчины и женщины показаны как первооснова бытия, при этом он утверждает, что его интересует в первую очередь столкновение двух душ. Младопольская проза малых жанров ярко иллюстрирует совершенные Зигмундом Фрейдом кардинальные изменения в гуманитаристике и искусстве. Это было не что иное, как протест против Христианства, в котором женщина имела только два возможных облика – Матери и Блудницы, причем социально допустимым был только первый. Для более «девственной» белорусской литературы такой взгляд остается актуальным и в начале XX в. «Одно только я отмечу: ежели вы преклоняетесь перед женщиной, то, стало быть, или девственности ее, или материнству челом бьете. Да оно и понятно, – ведь, лишь в этих двух видах женщина выступает, третьего же, очевидно, и быть не может» (Багдановіч 2001: 2: 45), – говорит герой рассказа *Мадонна* Максима Богдановича. В воплощении этой идеи и заключается притягательность образа мадонны как «соли всей живописи» раннего времени.

Такое отличие между польской и белорусской литературой, вкуче с другими факторами, стоит связывать и с разницей в вероисповедании народов. В сравнении с костелом, который вел жесткую храмовую политику, заставляя отказаться от предрассудков и контролируя даже фольклор, православная церковь была лояльнее, «временами даже стремилась согласовать языческие праздники с церковными обрядами» (Кабржыцкая 2011: 29). Чем более крепкими были сдерживающие узы, тем более агрессивной становилась реакция на них, которой и является альтернативное видение человека в польской литературе. Своеобразным способом сопротивления жесткому канону по сути был и модернизм, который так хорошо «прижился» на католическом Западе и в литературе «Молодой Польши» с ее сомнениями в существовании Бога.

В то же время на рубеже XIX–XX вв. сильный религиозный стержень, организовывающий жизнь польских католиков, в литературе ощущается довольно сильно. О нем свидетельствует наличие литературных «гимнов» священнослужителям, с честью несущим тяготы своего сана. Примером выступает рассказ *Książd Piotr* Казимежа Пшервы-Тетмайера, как и факт победы произведения в конкурсе журнала *Czas* в 1895 г. среди 87 других. Петр Заланский, офицер уланского полка, решил отмолить грехи своего рода как его последний представитель. Шляхтичу, вековой задачей которого была работа на земле и военные действия, сложно было вживаться в новую, непривычную роль (он чуть не

сбежал на Венгерскую войну). Колоритный и многогранный герой собственноручно ухаживает за огородом, разговаривает с цветами и, главное, поддерживает бедноту. В мирской жизни он одиннадцать раз выходил на дуэль, а сейчас просит положить ему в могилу саблю, потому что за 50 лет служения так и не смог избавиться от привычек и каждый день выполняет военные упражнения. Старый ксендз ни о чем не жалеет и доволен судьбой: «I powiedz mi, może być coś piękniejszego na ziemi, jak dusze Bogu, ojczyźnie i ludzkości skarbić?» (Tetmajer 1916: 97). Пшерва-Тетмайер показывает мистическое переживание героем «машины мира», ощущение близости смерти, а затем и переход в мир иной любимого всеми служителя культа. Несмотря на запоминающийся портрет священнослужителя и поддержку католичества, на рубеже веков произведение рассматривали как атаку на польское духовенство: «Taka kreacja bohatera nie spotkała się z pochwałą ze strony Kościoła. Nie spodobało się zwłaszcza to, że ksiądz dba bardziej o parafian, niż o kościół», – утверждает Изабелла Гжелак (Grzelak 2008: 65).

Еще одним доказательством в пользу позитивного позиционирования духовенства в польской прозе малого жанра выступает рассказ *Proboszcz z Szetyny* Марии Хаген-Шверин, также сосредоточившейся на предсмертной ночи уважаемого прихожанами ксендза. Из его воспоминаний становится известным путь к профессии – сиротство и нехватка родительской любви, невозможность жениться на любимой. Обстоятельства содействовали проявлению в герое самых высоких человеческих качеств:

Miał niedolę i nędzę do wspierania. Wziął się do pracy gorliwie z całą wytrwałością gorącej duszy a uczuciem dziecka, którego nie doznał, nie pamiętając matki, miłością dla siostry, dla narzeczonej, dla żony i syna, tymi wszystkimi uczuciami, których znać mu nie było dane, ukochał parafię swoją, Kościół i służbę Bożą. Znaną była dokoła pobożność proboszcza z Szetyny, miłosierdzie jego i wpływ zbawienny, jaki wywierał na lud swojej wioski (Hagen 1895: 398).

Рассказы Пшервы-Тетмайера и Хаген-Шверин наполнены атмосферой святости и утверждают добрые дела как обязательный атрибут жизни польского католического духовенства. Белорусская литература не оставила подобного масштаба образов служителей культа, хоть представители церкви фигурируют в творчестве Якуба Коласа, а также ксендза Казимира Сваяка (*Что Юрка на вече видел* и др.). Зато обращает на себя внимание персонаж другого характера – духовно прекрасный деревенский мученик в рассказе *Великий пост* Змитрака Бедули. Когда в конце жизни Левон стал одиноким и бездомным, он постепенно перестал есть и перешел на воду. В образе аскетического героя автор показывает высший пример личности, которая «характеризуется максимальными требованиями к себе и значительно меньшими требованиями в отношении других» (Чернявская 2003: 141). Со временем женщины стали относиться к Левону как к святому и приходили поклониться – настолько красивым стал в своей аскезе обычный бедняк. Считается, что для белорусского менталитета характерно наличие «образа „святого человека” как гармонизатора сакрального и профанного путем праведной жизни» (Чернявская, online). Писатель создал образ местного Будды, сознание которого настолько возвысилось и преобра-

зилось, что даже изменилась форма его молитвы: «Што ж, – думаў ён, – тое, што ў сэрцы маім, мне трэба казаць богу, а не тое незразумелае, як мяне людзі навучылі...» (Бядуля 1986: 2: 70). Такая интерпретация темы человека и религии разрушает веками складывавшиеся представления о святости человека: по Бедуле, к Богу можно приблизиться и иными, даже неожиданными путями. Терпение и страдание через аскезу и служение могут трансформироваться в радость бытия и даже помощь другим.

Конфессиональная история белорусского и польского народов на территории, отошедшей под власть Российской империи после распада Речи Посполитой, сходна, но ее художественная интерпретация в прозе малых жанров отлична. Польские писатели, с большим уважением относящиеся к религиозным чувствам человека, зафиксировали тенденцию негативного влияния иноземного господства. В рассказе *Poganin* Жеромского рассказчик говорит о себе как о «chorym na Moskali» и описывает крестьянина, пострадавшего от мероприятий по «обрусению» населения. Плохо одетый человек, пасущий общественный скот, похож на типичного балта, чем подчеркивается исконное право поляков распоряжаться своей землей. Это бывший солтыс, уважаемый и грамотный житель деревни, который сейчас ведет себя сдержанно и даже не желает вспоминать прошлое: «Coś ja nie przypomnę... dawny to czas – szeptał jakby do siebie szyderczo. — Dawny to czas... ja teraz russki muzyk, prawosławny...» (Żeromski, online). Писатель показывает отказ человека от веры, разочарование в Боге в результате противоправных действий, совершаемых на протяжении XIX в. самодержавной властью:

Jakby Pan Bóg na niebie byli, jakby był sprawiedliwy, toby na świecie nie było tego katowstwa. Widziałem ja Moskwę, Niżni-Nowgorod – tam moskiewskiego luda moc. Jeśli w naszej religii prawda – to za cóż tamto wszystko w błędach żyje? Gadki księdzowskie! Tu nie ma prawdy – to gdzie ona? W niebiesiach? – Hej – pieniędzy to nabiorą za tę gadkę popy a księdze! Ja się na prawosławnego podpisałem, tam, w tym Niżnim, ale mi i cerkiew, i kościół – tfu! (Żeromski [*Poganin*], online).

В рассказе Жеромского *Do swego Boga*, продолжающем данную тему, героями выступают верующие католики из-под Брестчины, что свидетельствует об актуальности проблемы и для белорусского населения. Когда русские солдаты забили нагайками сына, не хотевшего называться русским, дедушка «записал» себя и внука в чужую веру. С того момента каждый год перед Пасхой они осуществляют четырехдневную пилигримку (путь только в одну сторону составляет около трехсот км) из Драгичина в Варшаву: «Co roku tak chodzą we dwoje – odkąd na wiarę cudzą zapisani. Grzesznicy oni wielcy oboje, zdrajcy oboje...» (Żeromski [*Do swego Boga*], online). Поступок наделенных развитым чувством морали и веры крестьян достоин уважения, и автор сочувствует героям, осознавая масштабы совершенного над ними насилия. По дороге домой белорусские мученики погибают в лесу от холода, а природа словно «отпевает» своих детей.

Спустя два десятка лет крестьянин Коласа в рассказе *На ночлеге* с легкостью решает конфессиональный вопрос, ставший причиной трагедии в жизни героев Жеромского:

А Тамаш, скінуўшы капялюш і ўзняўшы на неба вочы, гаварыў пацеры. Іншыя малітвы ён гаварыў і па-каталіцку і па-праваслаўнаму – нікому не хацеў крыўды рабіць Тамаш. Зоры, як Божыя матылёчкі, трапыхаліся, дрыжалі, і іх бляск пераліваўся дзівоснымі колерамі незлічонах агнёў. За лугам чуць-чуць выступала сваім чорным абрысам зубатая палоска яловага лесу, а над ім мігацелі чырвоныя стужкі трывожных зарніц. Наўкол было так спакойна, так ціха і лагодна, што душа мімаволі адрывалася ад зямлі і ляцела ў невядомую высь, каб зліцца з хараством, з бязмежнасцю гэтага таёмнага, неразгаданага свету, і нейкая беспрычинная радасць разыходзілася па ўсім целе (Колас 2008: 228–229).

Так человек отдает дань тому культурному пространству, в котором он родился, приобщаясь к Богу посредством переживания красоты окружающего мира, что позволяет героям Коласа искать Бога и за пределами религии, в окружающем мире (*Мысли в дороге* и др.). Последнее отражает такое качество белорусского менталитета, как христианский пантеизм, в котором «Бог – посредник между природой и человеком» (Чернявская, online). И в цикле *Сказки жизни* Коласа также господствует пантеистическая атмосфера: в царстве природы автор зачастую является наблюдателем, который мудро понимает и принимает весь мир, будто его всезнающий хозяин. В данном случае речь идет о чем-то универсальном, однако свобода православия в отношении языческих верований, как и сама конфессиональная история белорусов, стали причиной особой наполненности именно нашей литературы «народным и мифопоэтическим пантеизмом – глубоким ощущением витаистской силы в природе» (Конан 2007: 109).

Несогласие с предлагаемыми религией догмами белорусские авторы выражают иначе, о чем свидетельствует сложный и противоречивый рассказ *Присяга* Горецкого. В нем Тарас под присягой Богу не выдает работающих у него белых крепостных, однако отношение автора к нему непростое, так как поступок не в полной мере сознательный:

І замоўчаў Тарас. З туманам уваччу, падняўшы для прысягі руку, падыходзіў к сталу, да чорнага сукна з металічным раскрыжованым богам і святою кнігаю ў бліскачай цвёрдай вокладцы. І неспадзеўкі скапыціўся і ледзь не заваліўся: аборына раскруцілася на назе, і ён другой нагою ступіў на яе канец.

– Скажу! – раптам прашаваліў ён вуснамі, але спазніўся: не пачуў яго ніхто, войчанька сівы завёў ужо тое, што належыцца. Присяга пачалася (Гарэцкі 1984: 1: 201).

Крестьянин не видит своей внутренней правды, а только грех перед Богом, как и спасенные им от наказания люди. Никто из них не способен критически оценить ситуацию и увидеть ее правдивую суть, значит все понесут в жизнь разрушающее чувство вины. И эпиграф к этой части произведения («Тяжело вырваться из цепей темноты!») отражает неспособность героев осознать совершенное над ним преступление. Рассказ показывает не силу, а скорее личностную несостоятельность крестьянина, особенно мучительную из-за высоко развитой морали и безупречной духовной чистоты. Религия предлагает готовые нормы и правила поведения, опираясь на которые человек делает выбор, – так происходит подмена искренней веры и внутренней морали внешними законами. Горецкий, опережая время, требовал от личности умения ориентироваться между навязанной догмой и собственной совестью, «металлическим распятым

богом» и внутренним критиком и законодателем. Выбор в пользу второго означал необходимость самостоятельно вырабатывать духовные опоры и ценностные ориентиры, способные обновляться по мере приобретения новых знаний и опыта. Лично сформированная система ценностей дает фундамент для гармоничного взаимодействия с собой и другими, а вина и страх – сложные чувства, на которых держится любая религия и с которыми следует учиться справляться. Это нельзя назвать бунтом против Бога, а только констатацией необходимости обновления религии как института для адаптации важной сферы бытия личности к постоянно изменяющейся реальности. Хотя текст не лишен влияния Ф. Ницше, утверждавшего, что противопоставление добра и зла, лежащее в основе любой религии, должно быть преодолено.

Религиозная самоидентификация личности приобретает и другие неожиданные повороты в творчестве Бедули – в рассказах *Панас на небе* и *Сон Анупрэя*. В них крестьянин претендует попасть в рай, согласно распространенному взгляду, что страдалец при жизни обязательно получает облегчение на небе. После смерти Панасу вспоминаются только несерьезные грехи, и он с уверенностью просит Петра открыть райские врата. Но тот направляет героя в ад за то, что пил, не молился, не уделял должного внимания хозяйству и колотил жену. Считающееся заслугой на земле совсем не является гарантом праведности: согласно замыслу, человек попадает в те условия, которых заслуживает и которые позволяют ему в жизни себя максимально проявить, если применить ум и старание. Святой вынуждает крестьянина научиться грамоте, что тому удастся на протяжении только одной недели, поэтому Панас все же направляется в ад:

Бач, які ты невучоны, якое ты «цёмнае мужыччо»! Вось і тваё апраўданне нікчэмнае. Чалавеку трэба толькі хацець. Бач, як хутка ты навучыўся чытаць, калі прыступілі, як той кажа, нажом да горла! Нябось, каб хацеў, дык бы на зямлі шмат чаго добрага зрабіў. А цяпер вон у пякельніцу, душа гультайская! Не мазоль мне вачэй, лайдацюга! (Бядуля 1986: 2: 137).

Автор посредством иронии и юмора показывает личную ответственность человека за свою судьбу. Похожим образом развиваются события и в рассказе *Сон Анупрэя*, в котором крестьянин после похорон ожидает небесного воздаяния за тяготы жизни:

Не плакаў ніколі: я горшы за ўсіх – думаў ён... Тапталі твар яго гразнымі ботамі, здэкаваліся над ім... Часам кроў з вачэй лілася, сэрца было ранена, твар скрыўлены быў ад страшэннага болю, а ён маўчаў, бо што ж, – думаў ён сам сабе, – ці я маю вартасць якую, каб мяне шанавалі?.. І да апошняй мінуты ён аб сваёй крыўдзе нікому слаўца не сказаў і гэтак Богу душу аддаў... (Бядуля 1986: 2: 59).

После зачтения его земной истории Бог заплакал, намереваясь дать Анупрэю первое место среди святых, но просьба крестьянина получать каждое утро водку и селедку изменило планы Всевышнего. Автор показывает, что несознательный и примитивный человек вряд ли достоин оправдания и освобождения, несмотря на свои страдания. Показательно, что такую оригинальную концепцию предложил представитель иудейского вероисповедания, формировавшийся в православном окружении.

Духовные поиски героев в творчестве каждого автора носят различный характер, но выделяются и общие, созвучные времени тенденции. Так, христианская традиция несмотря на явные мировоззренческие изменения, по-прежнему обладает высокой значимостью. Литераторы осмысливают ряд одинаковых тем: проверяют на прочность новоприобретенные научные принципы в повседневной жизни (*Старый профессор* Горецкого, *Widzenie* Пруса), высказывают свое отношение к целесообразности посвящения человеком себя профессиональному служению Богу в храме или монастыре (*Черничка, Ошибка* Горецкого, *Pokusa* Жеромского). Выделяются и специфические тенденции освещения темы взаимодействия человека с институтом религии: в польской литературе это положительный образ представителя духовенства (*Książdz Piotr* Пшервы-Тетмайера, *Proboszcz z Szetyny* Хаген-Шверын), обвинение колонизаторов в ослаблении веры и трагедии человека (*Poganin, Do swego Boga* Жеромского); в белорусской – в качестве святого человека предлагается равновеликий священнослужителю образ деревенского мученика (*Великий пост* Бедули). Подобные расхождения обусловлены влиянием доминантных вероисповеданий – католичества и православия, которые накладывают отпечаток на ментальность человека и отношение к институту религии. По-модернистски более смелая младопольская проза малых жанров затрагивает сексуальные аспекты жизни и предлагает идею познания Бога через взаимодействие полов (*Przed świtem* Реймонта, *Stygmat* Кшимуской-Ивановской, творчество Пшибышевского). Белорусским же авторам свойственны сравнительно более жесткие требования к человеку как личности, реализующиеся в идеях необходимости формировать собственные духовные опоры и убеждения (*Присяга* Горецкого) и персональной ответственности за свою жизнь (*Панас на небе, Сон Анупрея* Бедули).

Библиография

- Bagdanovič, M. (2001). *Poŭny zbor tvoraŭ*. T. 2. Minsk: Belarusaâ navuka [Багдановіч, М. (2001). *Поўны збор твораў*. Т. 2. Мінск: Беларуская навука].
- Bądulá, Z. (1986). *Zbor tvoraŭ*. T. 2. Minsk: Mastacká litaratura [Бядуля, З. (1986). *Збор твораў*. Т. 2. Мінск: Мастацкая літаратура].
- Černávskaâ, Ū.V. *Belorusy: ot "tutëjšyh" k nácii* [Чернявская, Ю.В. *Белорусы: от "тутэйшых" к нации*. (Online) http://lib100.com/social_psychology/belarusians/html/ (доступ 13.09.2019)].
- Černávskaâ, Ū.V. (2003). *Ličnost' i kul'tura*. Minsk: Belarus' [Чернявская, Ю. (2003). *Личность и культура*. Минск: Беларусь].
- Grzelak, I. (2008). Kilka uwag o „Księdzu Piotrze” Kazimierza Przerwy-Tetmajera. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Polonica*, 11: 59–70.
- Hagen, M. (1895). *Pani Choryńska*. Lwów: w drukarni W.A. Szyjkowskiego.
- Garècki, M. (1984). *Zbor tvoraŭ*. T. 1. Minsk: Mastacká litaratura [Гарэцкі, М. (1984). *Збор твораў*. Т. 1. Мінск: Мастацкая літаратура].
- Kabržyckaâ, T.V., Hmâľnicki, M.M., Dzúkava, È.Û. (Red.) (2011). *Fal'klor i litaratura: fenomen belarуска-pòľska-ŭkrajnskagakuľturnaga sumežža*. Minsk: Knigazbor [Кабржыцкая, Т.В. Хмяльніцкі, М.М., Дзюкава, Э.Ю. (Рэд.) (2011). *Фальклор і літаратура: феномен беларуска-польска-ўкраінскага культурнага сумежжа*. Мінск: Кнігазбор].

- Kolas, Ā. (2008). *Zbor tvoraŭ*. T. 5. Minsk: Belaruskā navuka [Колас, Я. (2008). *Збор твораў*. Т. 5. Мінск: Беларуская навука].
- Konan, U. (2007). *FilosoŭskiĀ poglĀdy Ākuba Kolasa: pastanoŭka prablemy*. V: *Kalasaviny. Ākub Kolas i Āgo akruŭŕenne: materyaly navuk. kanf. (3 listapada 2005 h., h. Minsk)*. Minsk: Vydavecki Cĕntr BDU: 103–114 [Конан, У. (2007). *Філасофскія погляды Якуба Коласа: настаноўка праблемы*. В: *Каласавіны. Якуб Колас і яго акружэнне: матэрыялы навук. канф. (3 лістапада 2005 г., г. Мінск)*. Мінск: Выдавецкі Цэнтр БДУ: 103–114].
- Krzymska, M. [Theresita (ps.)] (1906). *Stygmat*. Warszawa: Jan Fiszer.
- Prus, B. (1936). *Pisma*. T. 25. Warszawa: Gebethner i Wolff.
- Przybyszewski, S. (1904). *Requiem aeternam: trzecia księga Pentateuch'u*. Lwów: Księgarnia Polska. (Online) <http://literat.ug.edu.pl/stachp/002.htm> (доступ 13.09.2019).
- Rejmont, W. (1902). *Przed świtem*. Warszawa: Gebethner i Wolff.
- Tetmajer, K. (1916). *Tryumf Nowele*. Kraków: nakładem J. Czerneckiego.
- Żeromski, S. *Do swego Boga*. (Online) https://pl.wikisource.org/wiki/Do_swego_Boga (доступ 13.09.2019).
- Żeromski, S. *Poganin*. (Online) <https://pl.wikisource.org/wiki/Poganin> (доступ 13.09.2019).
- Żeromski, S. *Pokusa*. (Online) [https://pl.wikisource.org/wiki/Pokusa_\(Żeromski\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Pokusa_(Żeromski)) (доступ 13.09.2019).



„W PROZIE NIE MA ON SOBIE RÓWNEGO...”
WIEŚ NIKOŁAJA KARAMZINA
W „TYGODNIKU WILEŃSKIM” (1820 R.)

MAGDALENA DĄBROWSKA

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej, Katedra Rusycystyki
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: m.dabrowska@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4014-4725>
(nadesłano: 20.10.2019; zaakceptowano 22.10.2019)

Abstract

„In prose he has no equal...”

The Countryside by Nikolay Karamzin in „Tygodnik Wileński” (1820)

The paper presents the Polish translation of the sketch *The countryside* by Nikolay Karamzin, published in the periodical “Tygodnik Wileński” (1820, no. 174, 15th November, p. 258–265; translated and commented by Zygmunt Bartoszewicz) from the perspective of: 1. the programme, structure and subjects of “Tygodnik Wileński” (sections, Polish and West-European literature, Rossica, translations of the works by Karamzin: *The History of the Russian State, Sierra-Morena, My Confession*), 2. specificity of the translation (omitted and badly translated passages, cultural contexts). The background is the history of the translations of the works by Karamzin into Polish at the beginning of the 19th century (the role of “Tygodnik Wileński”).

Key words: Nikolay Karamzin, *The Countryside*, prose, translation, “Tygodnik Wileński”.

Abstrakt

Artykuł zawiera omówienie polskiego tłumaczenia szkicu Nikołaja Karamzina *Wieś*, opublikowanego w czasopiśmie „Tygodnik Wileński” (1820, nr 174, 15 listopada, s. 258–265; tłumacz i komentator: Zygmunt Bartoszewicz) z perspektywy: 1. programu, struktury i tematyki „Tygodnika Wileńskiego” (działy, literatura polska i zachodnio-europejska, rossica, tłumaczenia utworów Karamzina – *Historia państwa rosyjskiego*, *Sierra-Morena*, *Wyznanie moje*), 2. specyfiki tłumaczenia (fragmenty pominięte i błędnie przetłumaczone, konteksty kulturowe). Tło stanowią dzieje tłumaczeń dzieł Karamzina na język polski na początku XIX wieku (rola „Dziennika Wileńskiego”).

Słowa kluczowe: Nikołaj Karamzin, „Wieś”, proza, tłumaczenie, „Tygodnik Wileński”

Wieś oraz *Wyznanie moje* Nikołaja Michajłowicza Karamzina (1766–1826) ukazały się w dwóch kolejnych numerach „Tygodnika Wileńskiego” z 1820 roku (Karamzin 1820a: 258–265; Karamzin 1820b: 291–303). Nazwisko autora, wybitnego rosyjskiego prozaika i poety, sentymentalisty i preromantyka, prekursora prozy psychologicznej oraz historycznej, wydawcy czasopism i almanachów literackich, reformatora rosyjskiego języka literackiego, wreszcie twórcy monumentalnej *Historii państwa rosyjskiego*, padło we wspólnym dla obu „odcinków” publikacji tytule – *Wyjątki z pism Karamzina prozą*, a jego sylwetka została nakreślona w poprzedzających każdy z nich szkicach krytycznoliteracko-komparatystycznych (*Wyjątki... 1820: 257–258; Dalsze wyjątki... 1820: 289–291*)¹. Pod całością publikacji widnieje podpis Zygmunta Bartoszewicza, ucznia filologa klasycznego, profesora Cesarskiego Uniwersytetu Wileńskiego Gotfrieda Ernesta Groddcka, sugerujący, że spod jego pióra wyszły zarówno owe szkice wstępne, jak i tłumaczenie. Wzmianka o Groddcku wydaje się w tym kontekście uzasadniona ze względu na to, że był on współpracownikiem „Tygodnika Wileńskiego” w 1815 roku, a w latach 1805–1806 współredaktorem „Dziennika Wileńskiego”, również przybliżającego polskim czytelnikom spuściznę Karamzina (zob. Домбровска 2013: 328–333). W „Dzienniku Wileńskim” w 1806 roku ukazały się przekłady *Podróży z Moskwy do Trojeckiego klasztoru, z niektórymi historycznymi pamiątkami...* (Karamzin 1806: 231–257; zob. Dąbrowska 2018: 29–42) oraz *Panteonu autorów rosyjskich*, dającego wyobrażenie o rosyjskich pisarzach różnych czasów, od legendarnego Bojana, przez Symeona Połockiego i Teofana Prokopowicza, do przedstawicieli różnych faz Oświecenia: Antiocha Kantemira, Wasilija Triediakowskiego i Michaiła Łomonosowa. Równie ważne jak opublikowanie samego *Panteonu autorów rosyjskich* stało się opatrzenie go przedmową przez Józefa Kossakowskiego, przedstawiającego Karamzina jako pisarza, który od wydania w 1801 roku *Słowa pochwalnego historycznego Katarzynie II* „więcej coraz sławy nabywa”, sam zaś *Panteon autorów rosyjskich* prezentującego jako „obrazy przez Artystów, większą częścią Rosjan, szty-

¹ W zapisach bibliograficznych przedmowy do *Wsi* i *Wyznania mojego* oraz same te utwory zostaną potraktowane jako odrębne całości.

chowane z krótkim każdego biograficznym opisem” (Literatura rosyjska 1806: 166, 167). Już więc przykłady z „Dziennika Wileńskiego” pokazują, że do czasu ukazania się *Wyjątków z pism Karamzina prozą* w „Tygodniku Wileńskim” polscy czytelnicy mieli możliwość zapoznania się z dziełami Karamzina oraz komentarzami do nich, niemniej były to inne utwory, a komentarze oświetlały odmienne aspekty jego bogatej twórczości (por. Kowalczyk 1977: 3–16). Tłumaczenia dzieł pisarza na język polski ukazywały się początku XIX wieku nie tylko w czasopiśmie, ale także jako wydania książkowe, by wymienić przekład Ignacego Buysona pierwszej części *Listów rosyjskiego wojażera* (Karamzin 1802), znanych w czasach późniejszych pod tytułem *Listy podróżnika rosyjskiego*. Na osobne odnotowanie zasługują pozycje zagubione lub niepotwierdzone, do których należą tłumaczenia: *Julii* z 1798 roku, znane jedynie ze świadectw bibliograficznych Karola Estreichera i Stiepana Ponomariowa (Estreicher 1903: 3: 8: 109; Пonomарев 1883, passim), oraz niedatowane *Biednej Lizy*, odnotowane przez biografę Karamzina, Michaiła Pogodina, opierającego się na relacji Fiodora Glinki, który miał widzieć jej polskie wydanie podczas swojego pobytu na Wołyniu (zob. Погодин 1866: 243).

Niniejsze studium wypełnią rozważania o roli oraz miejscu przekładu *Wsi* w „Tygodniku Wileńskim” oraz w całości *Wyjątków z pism Karamzina prozą*, a także o specyfice ich przekładu na język polski. Ta ostatnia deklaracja nie oznacza, że wpisuje się ono w nurt badań translatorycznych. Ustalenia na ten temat staną się tylko kontekstowym uzupełnieniem studiów prasohistorycznych i historycznoliterackich zorientowanych na *rossica* w wileńskich wydawnictwach periodycznych oraz polską recepcję spuścizny Karamzina. Z tej perspektywy „Tygodnik Wileński” nie był omawiany ani w jednej książkowej publikacji na jego temat Wiktora i Haliny Czernianinów (Czernianin, Czernianin 2011), ani w przywołanych przez nich pracach o życiu kulturalnym nad Wilią Wacława Ciechowskiego (Ciechowski 1910, passim), Stanisława Pigoń (Pigoń 1929: 29–42) czy Wiktora Piotrowicza (Piotrowicz 1930: 72–78). Tylko w charakterze kontekstu interpretacyjnego zaistnieje w artykule przekład *Wyznania mojego*, rozpatrzony (przez tę samą autorkę) w osobnym studium z punktu widzenia jego zbieżności typologicznej z *Mikołaja Doświadczyńskiego przypadkami* Ignacego Krasickiego (zob. Dąbrowska 2017: 187–195). Pomysł przyjęcia tej perspektywy podsunął zresztą autor komentarza poprzedzającego polski przekład *Wyznania mojego*, piszący o tym, że rosyjski i polski twórca niezależnie od siebie „na jedną myśl wpadli” i że ich talenty „zbiegły się” (Dalsze wyjątki... 1820: 289, 291). Zapowiadając, że przedmiotem rozpatrzenia stanie się miejsce i rola *Wsi* w „Tygodniku Wileńskim”, należy dodać, że na plan pierwszy wysunie się jego zawartość z 1820 roku, czyli szósty z ośmiu roczników, które ujrzały światło dzienne.

To znane wileńskie czasopismo naukowo-literackie wychodziło w latach 1815–1822. Najczęściej kojarzone jest z debiutem Adama Mickiewicza (wiersz *Zima miejska*, 1818) oraz działalnością Towarzystwa Szubrawców. Mianem „naukowo-literackiego” określał je już, podobnie jak wspomniany „Dziennik Wileński”, Stanisław Pigoń (Pigoń 1829: 29). W chwili powstania było tygodnikiem, w 1818 roku przekształcono je w dwutygodnik. Pomysłodawcą i pierwszym redaktorem był Joachim Lelewel, który w liście do ojca z 3 września 1815 roku pisał: „Namawiam go [tj. Aleksandra Żółkowskiego – M.D.], żeby tu w Wilnie nowe pismo periodyczne otworzył: Tygodnik Wileń-

ski, do którego oczywiście ja największym będę motorem, jużem do tego materiałów sowicie przygotował” (Lelewel 1878: 211). Po nim piśmem kierowali Michał Baliński, Ignacy Szydłowski i Michał Olszewski. Pierwszy numer wyszedł z datą 21 listopada 1815 roku.

„Tygodnik Wileński” wyrósł z programu oświeceniowego, opartego na hasle „przyjemne z pożytecznym”. Wskazuje na to motto, stanowiące, według ustaleń Czernianinów (Czernianin, Czernianin 2011: 32–33), przeróbkę fragmentu wiersza Tomasza Kajetana Węgierskiego *List do człeka łączącego smak z umiejętnością i umiejącego cenić uczonych*. Wiersz ten należy do „przekładów i parafraz” tego poety sporządzonych z utworów Woltera. Motto do czasopisma brzmi: „O! jak to miło widzieć, przez wspólne staranie, / Że nauki początek biorą i wzrastanie”. Dwuwiersz Węgierskiego był zaś następujący: „Jak mi jest miło widzieć, że na twe staranie / Początek swój nauki biorą i wzrastanie” (Węgierski 1974: 176). Pod piórem redaktorów „Tygodnika Wileńskiego” nastąpiło przesunięcie akcentu z jednostki, która przyczyniała się do rozwoju nauki, na zbiorowość, którą w domyśle był zespół tworzący pismo. Zasada „przyjemne z pożytecznym” wybrzmiewała także w zamieszczanych w nim wypowiedziach redakcyjnych.

Taki wydzźwięk mają początkowe partie zapowiedzi wydawania czasopisma w 1820 roku, dalej wypełnionej wyszczególnieniem typów pozycji zaplanowanych do zamieszczenia:

Zamiarem starań wydawcy jest połączyć w tym piśmie z przyjemną zabawą ciekawe oraz (o ile to być może) interesujące i pożyteczne wiadomości, mianowicie o rzeczach własnego kraju. Przeto, powieści oryginalne, z dziejów narodowych, zwyczajy i sposób życia mieszkańców rozmaitych prowincji składających niegdyś polską, wiadomości o pisarzach, lub też ludziach pod innym względem do sławy ojczyzny należących, nie ogłaszane dotąd drukiem prace, nade wszystko poetów naszych; tudzież lekkie, a trafne w sposobie dowcipnej satyry malowidła obyczajów współczesnych, mieścić się będą w Tygodniku, nie wyłączając i pism innych, byleby tylko nieprzeładowanych głęboką erudycją, i nie nadto poważnych, te bowiem jako dla ogółu czytelników niedogodne przywoitsze znajdują miejsce w Pamiętnikach wyłącznie naukom i umiejętnościom poświęconych; między którymi a zupełnie ulotnymi pisemkami, Tygodnik środkowe chce zapełniać miejsce (Uwiedomienie 1820: 383)².

Pozycje literackie, zarówno oryginalne, jak i niewymienione wyżej przekłady, zajmowały w „Tygodniku Wileńskim” znaczące miejsce. Odzwierciedlały one zjawiska klasycystyczne i sentymentalne, przy czym pierwsze głównie w poezji, drugie zaś przede wszystkim w prozie. Przekłady występowały często jako „wyciągi z dzieł cudzoziemskich”, pióra m.in. Anne Louise de Staël, François Rudolpha Weissa, Josepha Aleksandra de Ségur, François de Fénelona czy właśnie Nikołaja Karamzina (Czernianin, Czernianin 2011: 35). Ten katalog nazwisk jest oczywiście niepełny, wypada uzupełnić go przede wszystkim o Szekspira, którego ustęp z *Hamleta* w przekładzie Stanisława Trembeckiego i z rzucającym światło na niego przypisem redakcyjnym został opublikowany w pierwszym numerze pisma z 1820 roku (Szekspir 1820:

² Fragmenty z „Tygodnika Wileńskiego” są przytaczane zgodnie ze współczesną ortografią. Współczesna ortografia jest wprowadzona także w cytatach rosyjskich ze *Wsi*; z tego powodu ich źródłem jest wydanie z 1988 roku (zob. Карамзин 1988: 228–232).

1–4). Z pełniącymi różne funkcje przypisami spotkamy się także w opublikowanych w piśmie przekładach utworów Karamzina. Pierwsze dziesięciolecie XIX stulecia były wciąż okresem „mody na przypisy”, rozpoczętej w czasach Oświecenia i ogarniającej w równym stopniu autorów rozpraw naukowych, jak prozaików i poetów (zob. Mazurkova 1993: 101–102).

Wiktor i Halina Czernianinowie wymienili Nikołaja Karamzina wśród twórców utworów publikowanych w „Tygodniku Wileńskim”, ale nie udało im się zidentyfikować ich wszystkich. Przy omawianiu zawartości prozatorskiej pisma wyszczególnili co prawda opowieść *Sierra-Morena* (Karamzin 1821: 8–16), ale nie przypisali jej Karamzinowi, stwierdzając, iż „nie można jednoznacznie określić pochodzenia powieści” (Czernianin, Czernianin 2011: 74). „Pewien Rosjanin” – jeśli posłużyć się podtytułem dzieła w polskim przekładzie – pozostał niezidentyfikowany. W odniesieniu do *Sierry-Moreny* badacze ci sformułowali jeszcze dwa wnioski, z którymi trudno się zgodzić. Po pierwsze, zakwalifikowali ją do prozy powieściowej, zapewne pod wpływem tego, że w „Tygodniku Wileńskim” została opublikowana w dziale *Powieści*, gdy tymczasem bardziej trafne jest zaliczenie jej do gatunku opowieści. Karamzin nie był powieściopisarzem w klasycznym – wypracowanym dopiero w „dojrzałym” XIX wieku – znaczeniu tego słowa, a sentymentalisci, których był on reprezentantem, uprawiali na przełomie XVIII i XIX stulecia raczej małe formy prozatorskie (opowieść) lub gatunki o programowo „poszatkowanej” strukturze (podróż) aniżeli powieść. Po drugie, Czernianinowie traktowali ten utwór jako sentymentalny, nie zauważając w nim przejawów preromantyzmu (zob. Suchanek 1991: 145–146). Problemom z atrybucją nie należy się dziwić, o czym pisali zresztą sami badacze: „identyfikację (...) utrudnia brak nazwisk autorów, a w zamian stosowanie niewiele mówiących formułek: «z angielskiego», «z francuskiego», «z rosyjskiego» itp.; często brak w ogóle jakiegokolwiek wzmianki o pochodzeniu danego utworu”, dodając, że „pomijanie nazwisk autorów i tłumaczy, przy jednoczesnym przerabianiu tytułów, to zjawisko przejęte przez wiek XIX z poprzedniego stulecia” (Czernianin, Czernianin 2011: 70).

Wprawdzie w przytoczonej zapowiedzi wydawania pisma w 1820 roku była mowa jedynie o dziełach pisarzy polskich, to ze względu na obecność w komentarzach poprzedzających *Wieś* i *Wyznanie moje* wzmianek o Krasickim *Wyjątki z pism Karamzina prozą* nie pozostają w sprzeczności z zarysowanym programem. Publikacji o Krasickim napotykaemy w piśmie więcej, by wymienić informację o opublikowaniu w 1819 roku jego „*Dzieł poetyckich (...)*”, nakładem Towarzystwa Typograficznego w Wilnie” (zob. Czernianin, Czernianin 2011: 44).

Jeżeli przedmowę do *Wyznania mojego* wypełnia w całości jego porównanie z *Nikołaja Doświadczyńskiego przypadkami* w zakresie fabuły i sposobu postaciowania oraz wymowy ideowej, to w przedmowie do *Wsi* wzmianka o Krasickim sprowadza się do jednego zdania:

Talent Karamzina ma niejakiś podobieństwo z naszym Krasickim: rozsądek jego czysty i naturalny, ukształcony jest dobrym wychowaniem; serce ma czułe i najpiękniejszą napojone moralnością; a wesołość i żywy dowcip, połączony z darem delikatnej i przyjemnej satyryczności, rozlewa najśłodszy wdzięk po jego pismach, i po kilkakrotnym odczytaniu, jeszcze nowe ukazuje powaby, i mocno ku sobie pociąga (Wyjątki... 1820: 258).

Przed lekturą *Wsi* czytelnicy dowiadawali się, że „należy Karamzin w swoim narodzie do najpiękniejszych ozdób literatury”, wypowiadających się „tak w wiązanej, jak i niewiązanej mowie” (Wyjątki... 1820: 257). O ile jednak na polu poetyckim Karamzin miał w Rosji silną konkurencję, autorów przewyższających go talentem, o tyle – jeśli raz jeszcze zacytować słowa, które zostały wprowadzone do tytułu niniejszego artykułu – „w prozie nie ma sobie równych” (Wyjątki... 1820: 257). Za wyróżniki Karamzina jako prozaika autor przedmowy uznał:

... wielką znajomość i czystość języka, łatwość w pisaniu, i razem najściślejszą poprawność, słodycz i wdzięk stylu; (...) z drugiej zaś strony, mocne i czyste objęcie rzeczy, o której pisze, prawdziwość myśli, jasność i porządek w wyobrażeniach i wysłowieniu (Wyjątki... 1820: 257–258).

Wspominając o przedstawicielach rosyjskiej poezji górujących talentem nad Karamzinem, autor przedmowy mógł mieć na myśli Gawriiłę Dierżawina. Przeróbka jego wiersza *Perseusz i Andromeda* (1807) pióra Emeryka Staniewicza została opublikowana w wileńskim periodyku w tym samym roku co przekład *Wsi i Wyznania mojego* (Dierżawin 1820: 178–183). Jeżeli jednak *Perseusz i Andromeda* znalazła się w nim ze względu raczej na osobę Staniewicza niż Dierżawina, jako ogniwo ciągu jego przekładów i parafraz, do których należą także sąsiadujące z tym wierszem *Śpiewy ludu litewskiego* (Śpiewy... 1820: 177–178), to *Wieś i Wyznanie moje* miały przybliżyć czytelnikom twórczość samego Karamzina w różnych jej „odsłonach”.

Notka o Karamzinie poprzedzająca *Wieś* nie przekazuje wiadomości biograficznych. Taki charakter ma zaś krótki przypis redakcyjny do tego utworu, zawierający informację, że pisarz pochodził z Kazania³, i przez to sugerujący, iż *Wieś* wykazuje się cechami autobiograficznymi.

Ze spisu treści dziesiątego tomu „Tygodnika Wileńskiego”, w którym ukazały się *Wieś i Wyznanie moje*, wynika, że jego zawartość została zgrupowana w czterech działach: *Poezja, Historia, Powieści i romanse* oraz *Pisma rozmaite*. *Wieś i Wyznanie moje* wraz z przedmowami do nich znalazły się wśród „powieści i romansów”. Współcześni edytorzy zaliczają *Wieś* do licznych Karamzinowskich „rozmyślań, szkiców, zapisków i podróży” (zob. Карамзин 1988: 228). Ze spisu treści wynika, że na tom ten złożyły się także *Wyjątki z historii Rosyjskiej P. Karamzina* (zob. Kowalczyk 1977: 4), również przełożone przez Zygmunta Bartoszewicza i włączone do działu *Historia*. Czytelnicy „Tygodnika Wileńskiego” zyskiwali więc wyobrażenie także o spuściźnie historiograficznej Karamzina. Z dopisków do tytułów *Wsi i Wyznania mojego* wynika, że ich teksty tłumacz zacerpnął z ósmiotomowego moskiewskiego wydania dzieł Karamzina z lat 1803–1804. Porównanie dziewiętnastowiecznych wydań *Wsi* w zbiorach dzieł Karamzina (chodzi o tom siódmy, również wydania drugiego z 1814 roku oraz trzeciego z 1820 roku) z przekładem w „Tygodniku Wileńskim” pozwala zauważyć różnicę dotyczącą wchodzącego w skład tego utworu fragmentu zatytułowanego *Dzień mój*: jeśli w rosyjskich wydaniach *Dzień mój* występuje jako część składowa *Wsi* (zob. Карамзин 1814: 151–162; Карамзин 1820: 117–125; por. Карамзин 1988: 228–232), to spis treści i tekst główny „Tygodnika Wileńskiego” zdają się sugerować, iż są to dwie osobne pozycje i tak też w związku z tym mogły zapisać się one w świadomości Pola-

³ Informacja nie jest ścisła. Pisarz urodził się 1 (12) grudnia 1766 roku w guberni symbirskiej.

ków. Jako osobne całości wymienili je Witold Kowalczyk i Ryszard Łużny (Kowalczyk 1977: 4; Łużny 1975: 23). *Wieś i Wyznanie moje* ukazały się po raz pierwszy w pismach założonych przez Karamzina: „Moskowskij żurnał” z 1792 roku był miejscem publikacji *Wsi*, „Wiestnik Jewropy” z 1802 roku – *Wyznania mego*.

Do przytoczonej zapowiedzi wydawania „Tygodnika Wileńskiego” w 1820 roku wypada wrócić w kontekście *Wsi i Wyznania mego* jeszcze z jednego powodu. Chodzi mianowicie o umiejscowienie „Tygodnika Wileńskiego” w „środku” rynku czasopiśmienniczego, pomiędzy periodykami o profilu poważnym a pisemkami z „łżejszymi” treściami. W pewnym sensie owo „wyśrodkowanie” wileńskiego pisma przejawiało się w wyborze utworów Karamzina: *Wieś* miała wymowę poważną, *Wyznanie moje* było przykładem pisarstwa żartobliwo-satyrycznego.

Wieś jest szkicem prozatorskim o zorientowaniu refleksyjnym. Bieg narracji określa następująca sytuacja wyjściowa: po latach nieobecności bohater wraca do wiejskiego ustronia, stanowiącego dla niego symbol stanu naturalnego, nieskażonego wpływem cywilizacji. Nie ma w nim okazałych gmachów, bo wszelkie potrzeby zaspokaja mały domek, niepotrzebne są wyszukane rozrywki, które z powodzeniem zastępuje widok rozciągający się z okna. W drugiej części szkicu – po nakreśleniu tej sytuacji wyjściowej – zostaje odtworzony porządek dnia, od samotnej przechadzki po wschodzie słońca, przez poranny i południowy posiłek, oddzielone lekturą na łonie przyrody, kąpiel pod gołym niebem i poobiednią drzemkę, podwieczorek w postaci malin świeżo zerwanych przez ogrodnika, do ponownie samotnej przechadzki przy zachodzie słońca i świetle księżyca. Tak spędzony dzień staje się jakby metaforą ludzkiego życia, w którym przeplatają się wydarzenia oraz emocje o różnym charakterze i natężeniu, w rezultacie tworząc harmonijną całość. W szkicu pobrzmiewają echa filozofii Jeana-Jacques’a Rousseau, opartej na przeciwstawieniu natury i cywilizacji, skonkretyzowanych tu w postaci wsi położonej na krańcach Europy i zachodnich metropolii Paryża i Londynu: jeśli tytułowa wieś jest położona wśród nietkniętej ręką ludzką przyrody, to wielkie miasta zdominowały ogrody stworzone przez człowieka według stylu francuskiego lub angielskiego. Mimo braku warstwy zdarzeniowej w dosłownym tego słowa rozumieniu czytelnik nie ma poczucia statyczności świata przedstawionego. Przeciwnie, można mówić o jego dynamice, wynikającej, po pierwsze, z przyjęcia podróży w przestrzeni i czasie (po najbliższej okolicy, rozpoczętej o poranku i zakończonej nocą) jako osi konstrukcyjnej, oraz, po drugie, z zaznaczenia w świecie przedstawionym ruchów, dźwięków i barw. Postrzeganie przez narratora otoczenia określiły światopogląd religijny i lektura literatury pastoralnej. Wybór na schemat konstrukcyjny pieszej wędrowni zbliża *Wieś* do popularnej w czasach Karamzina odmiany szkicu podróżniczego, nazywanej „przechadzką” (zob. Dąbrowska 2006: 9–20; Dąbrowska 2016: 73–82).

W związku z tym, że przedmiotem rozpatrzenia nie jest sam szkic rosyjskiego pisarza, ale jego polski przekład, zakończmy ogólne uwagi o nim komentarzem Grigorija Gukowskiego:

Сюжет по себе вообще никогда не интересует Карамзина; для него важна тональность произведения, а не события внешнего мира, о котором идет в нем речь. (...) Сюжет совсем исчезает в очерках Карамзина. Таков очерк *Деревня* (...) – это стихотворение

w prozie o sładostnym uединении на лоне природы, изящное, тонкое, лирическое. Картины природы здесь сливаются с образами эмоций, ради которых они i написаны, i переливаются w лирические размышления. Музыка речи организует этот своеобразный сплав. Душевный мир человека, удалившегося от дел мира сего, счастье ухода от действительности, w свое „я” – вот содержание очерка. *Деревня*, как *Бедная Лиза*, открывала новые горизонты читателям, привыкшим k произведениям четкого i рационального „внешнего” смысла i не знавшим до Карамзина, что можно словом не сообщать факты i мысли, а внушать „невывразимое”. Картина вечера w Деревне – это уже поэзия Жуковского с его вечерними лирическими пейзажами (Гуковский 1941: 78).

Gukowski sytuuje zatem *Wieś pomiędzy Biedną Lizą* tegoż autora a wierszem Wasilija Żukowskiego *Niewyraźalne* (1819) oraz jego liryką pejzażowo-medytacyjną. Dalszy krok rosyjskiej literatury w tym zakresie wiąże z *Poematami prozą* (1878–1882) Iwana Turgieniewa.

Polski tłumacz zachował układ *Wsi* oraz jego ogólny wydźwięk ideowy. Jakość przekładu nie jest jednak wysoka. Bliski kompletności spis typów jego niedoskonałości można stworzyć już na podstawie pierwszego akapitu szkicu, odgrywającego rolę swoistej ekspozycji sytuacyjnej:

Благословляю вас, мирные сельские тени, густные, кудрявые рощи, душистые луга i поля, златыми класами покрытые! Благословляю тебя, тихая речка, i вас, журчащие ручейки, w нее текущие! Я пришел k вам искать отдохновения (Карамзин 1988: 228).

Opiewam was spokojnej wsi cienie, gęste krzaki, woniejące równiny, i złotymi kłosami pokryte pola! Opiewam ciebie spokojna rzeczko, i was, co do niej bieżycie, szumne ruczaje! Przychodzę do was ulgi szukać (Karamzin 1820a: 258).

Tłumaczowi zdarzało się więc, po pierwsze, opuszczać dłuższe lub krótsze partie tekstu, oraz, po drugie, dobrać nieodpowiadające intencji autorskiej słowa i wyrażenia, przy czym owo rozmijanie się z zamiarem autorskim oznaczało również zmianę rejestru stylistycznego wypowiedzi oraz osłabienie lub całkowite usunięcie osadzenia w kontekstach kulturowych.

W przytoczonym pierwszym akapicie tłumacz pominął epitet *кудрявые*, odnoszący się do rzeczownika *рощи*, który do tego przełożył nie jako *zagajniki*, lecz *krzaki*. Obniżenie rejestru stylistycznego przez tłumacza wyczuwa nawet czytelnik słabo odczytany w literaturze pięknej, na co dzień posługujący się językiem potocznym. Nieobecność w polskim przekładzie słowa *zagajnik* zubaża całość o kontekst kulturowy w postaci sentymentalnej literatury miłosnej. *Zagajnik* był przecież tradycyjnym miejscem spotkań sentymentalnych kochanków, by – posługując się przykładem z literatury rosyjskiej – wymienić *Biedną Lizę* Karamzina. W innym miejscu słowo *zagajnik* zostało przetłumaczone jako *гęstwина* (Karamzin 1820a: 263), co również nie w pełni oddaje istotę rzeczy. Jeżeli prześledzić translatorskie wybory w zakresie leksyki, to okaże się, że są zarówno przypadki, gdy jedno słowo tłumacz przekłada różnie (jak właśnie omówione wyżej), jak i przypadki, kiedy posługuje się jednym słowem w miejscach, w których rosyjski pisarz wykorzystuje różne (jak słowo *природzenie*, mające także znaczenie *jestestwo*, występujące tam, gdzie Karamzin wprowadził słowa *натура* lub *природа*; zob. Karamzin 1820a: 258–259, Karамзин 1988: 228; por. Linde 1951: 677).

Najobszerniejszym fragmentem *Wsi*, którego czytelnicy nie znaleźli w „Tygodniku Wileńskim”, były rozważania narratora na tematy botaniczne czy też, według słów Karamzina, jego „botanizowanie” na łące (Karamzin 1988: 230). Nie chodzi o samo kontemplowanie przyrody, ale o wyszukiwanie roślin do zielnika. Z tego wynika nagromadzenie tu nazw traw i kwiatów. Nieobecność tego ustępu oznacza, że mniej czytelne staje się wpisywanie się spaceru narratora w schemat podróży oświeceniowej, której jeśli nie stałym, to na pewno częstym składnikiem było właśnie tworzenie zielnika z roślin zerwanych po drodze. Zajmowali się tym nie tylko znakomici przyrodznawcy, ale także osoby niezwiązane z nauką, nie „wielce uczeni botanicy” (Karamzin 1988: 231), lecz amatorzy zbierający rośliny dla przyjemności i zamiast opisami naukowymi opatrujący je poetyckimi impresjami (por. Bourguet 2001: 294–304).

Wynotowanie wszystkich językowych odstępstw od oryginału (słowo блюдо zostało przetłumaczone jako *pólmisek* zamiast *potrawa* itp.; por. Kowalczyk 1977: 10) nie wchodzi wprawdzie w zakres niniejszego artykułu, ale warto poczynić dwa wyjątki w tym zakresie i przyjrzeć się tym partiom szkicu Karamzina, w których polski tłumacz albo posłużył się figurami stylistycznymi lub odniesieniami kulturowymi, nieobecnymi w oryginale, albo, przeciwnie, pominął zastosowane przez rosyjskiego pisarza środki stylistyczne lub konteksty kulturowe. Z pierwszą sytuacją mamy do czynienia wtedy, gdy słowa *удар зпoma* (*uderzenie pioruna*)⁴ z tekstu wyjściowego tłumacz przełożył jako *pocisk piorunu*; zamiast działania zjawiska zostaje wymieniony przedmiot, który do niego doprowadza, co wskazuje na obecność synekdochy w odmianie zbliżonej do *pars pro toto*. Z drugą sytuacją spotykamy się w opisie przyrody w południe: Karamzin pisze o Sylfidzie, tłumacz zaś wprowadza w tym miejscu słowo *motyl*; dla rosyjskiego prozaika pierwszoplanowe było zatem odniesienie do żeńskiej odmiany ducha czy żywiołu powietrza Sylfa, istoty, której wyróżnikami były zwiewność, wiotkość i smukłość (zob. Sylfy, online), gdy tymczasem polskiego tłumacza w zupełności zadowoliło wskazanie na gatunek opisywanego owada (por. *Ornipholidotos sylpha* z rzędu motyli), przy pominięciu dodatkowych konotacji, w tym skojarzeń z duszą (*Psyche*), w mitologii przedstawianej jako młoda dziewczyna ze skrzydłami motyla (por. Abramowiczówna, Appel 2006: 150). Przed 1791 rokiem powstał wiersz *Sylfida*, przypisywany Karamzinowi (w oparciu o jego korespondencję z zaprzyjaźnionym poetą Iwanem Dmitrijewem), którego część opisową wypełnia obraz lotu motyla, ale w którego zakończeniu pojawia się wzmianka o Psyche (Карамзин 1966: 364, 404). Polscy czytelnicy mieli ograniczone możliwości dotarcia do tych głębszych sensów, nie tylko dlatego, że nie znali wiersza o Sylfidzie, ale przede wszystkim z powodu wyboru dokonanego przez tłumacza, sprowadzającego całość do opisu przyrody. Przykłady każdej grupy rozwiązań można mnożyć.

Zawartość literacka wileńskiego pisma, zarówno rodzima, jak i obca, nie zyskała wysokiej oceny bardziej wymagających czytelników, do których należał Józef Ignacy Kraszewski:

„Tygodnik Wileński” [...] był zbieraniną płaskich wierszy, tłumaczonych powieści, które i w oryginale niewiele były warte, i prawdziwych śmieci literackich. [...] Najlepszą jego częścią były poezje, których wspomnieć bez wzdrygnięcia niepodobna: tłumaczenia *Kantat* [Jeana Baptiste

⁴ Przekład własny – M.D.

– M.D.] Rousseau, tłumaczenia satyr, tłumaczenia piosnek, trioletów, epigramatów, tłumaczenia z Horacjusza i Wergiliusza, tłumaczenia bajek, tłumaczenia z tłumaczeń (Kraszewski 1972: 49).

Z grona badaczy krytyczny okazał się Pigoń, zwłaszcza w stosunku do ostatnich numerów:

Pismo w ostatnim okresie swego istnienia przedstawiało się dość żałośnie: bezbarwne, wyprane z wszelkiej intencji społecznej, po prawdzie też i literackiej, pracowicie wypełniało szczupłe swe obszary tłumaczeniami: to przeróżnych opisów podróży, to wierszy (m.in. także poezji Dierżawina), wreszcie, i to przeważnie, powiastkami, zwłaszcza zaś ulubionymi naówczas tzw. „orientalnymi”, przerabianymi z różnych anonimowych, francuskich zapewne, wzorów (Pigoń 1929: 30).

Takie wrażenie można odnieść podczas kwerendy całości „Tygodnika Wileńskiego” albo przynajmniej jego większych segmentów. Jeżeli jednak ocenia się poszczególne publikacje osobno i umieszcza je w szerszym – wykraczającym poza zawartość czasopisma – kontekście, okazuje się, że odgrywają one dużą rolę i że rola ta jest często nie do przecenienia. Tak jest w przypadku przekładu *Wsi* i przedmowy do niego, podobnie jak „bliźniaczego” wobec niego przekładu *Wyznania mojego* i przedmowy do niej. Dwuczęściową przedmowę do *Wyjątków z pism Karamzina prozą* Ryszard Łużny nazwał „pierwszą polską oryginalną charakterystyką Karamzina” (Łużny 1975: 17). Oddając do rąk polskich czytelników *Wieś* i *Wyznanie moje*, nawet jeśli tłumaczenia były ułomne, redaktorzy „Tygodnika Wileńskiego” zapoznawali ich z dwoma obliczami prozy Karamzina i tym samym rosyjskiej prozy oświeceniowej w ogólności.

Bibliografia

- Abramowiczówna, Z., Appel, W. (2006). *Słownik polsko-starogrecki*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.
- Bourguet, M.-N. (2001). *Odkrywca*. W: *Człowiek Oświecenia*. Przeł. M. Woźniak i in. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Volumen: 267–321.
- Ciechowski, W. (1910). Czasopisma polskie na Litwie (1760–1864). *Kwartalnik Litewski*, 2–5, passim.
- Czernianin, W., Czernianin, H. (2011). *Wokół „Tygodnika Wileńskiego” 1815–1822. Studia i szkice*. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT; Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe.
- Dalsze wyjątki... (1820): [Bartoszewicz Z.]. Dalsze wyjątki z Karamzina. *Tygodnik Wileński*, 175 (30 listopada): 289–291.
- Dąbrowska, M. (2006). Przechadzki i przejażdżki samotnych marzycieli. Z dziejów rosyjskiej prozy sentymentalnej przełomu XVIII i XIX wieku. *Studia i Szkice Sławistyczne*, 7: 9–20.
- Dąbrowska, M. (2016). *Samotność / odosobnienie w twórczości pisarzy rosyjskich przełomu XVIII i XIX wieku (z zawartości czasopism literackich)*. W: Arciszewska, K., Kalita, L., Patocka-Sigłowy, U. (Red.). *Samotność – aspekty, konteksty, wymiary*. T. 1. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego: 73–82.
- Dąbrowska, M. (2017). *Karamzin i Ignacy Krasicki (wokół „Wyjątków z pism Karamzina prozą” z „Tygodnika Wileńskiego” 1820 roku)*. W: Dąbrowska M., Gluszkowski P. (Red.). *Mikołaj Karamzin i jego czasy*. Warszawa: Instytut Ruscystyki Uniwersytetu Warszawskiego: 187–195.
- Dąbrowska, M. (2018). „Podróż z Moskwy do Trojeckiego klasztoru, z niektórymi historycznymi pamiętkami” Nikołaja Karamzina w strukturze czasopisma „Więstnik Jewropy” oraz całokształcie spuścizny pisarza. *Polilog: Studia Neofilologiczne*, 8: 29–42.
- Dierżawin, G. (1820). *Perseusz i Andromeda. Kantata*. „Tygodnik Wileński”, 159 (31 marca): 178–183.

- Dombrowska, M. (2013). „*Dennik Vilenski*” (1805–1806) o obščestvennoj i literaturnoj žizni Rossii. V: Nikitina, A.H., Zaindinova, T.A. (Red.). *Slavânskie âzyki i kul'tury: prošloe, nastoâšee, budušee*. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj lingvističeskij universitet: 328–333 [Домбровска, М. (2013). „*Денник Виленски*” (1805–1806) о общественной и литературной жизни России. В: Никитина, А.Х., Заиндинова, Т.А. (Red.). *Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее*. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет: 328–333].
- Estreicher, K. (1903). *Bibliografia polska*. Cz. 3. T. 8(19). Kraków: Spółka Księgarzy Polskich.
- Gukovskij, G.A. (1941). *Karamzin*. V: *Istoriâ russkoj literatury. V 10 tomah*. T. 5: *Literatura pervoj poloviny XIX veka*. Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941–1956: 55–105 [Гуковский, Г.А. (1941). *Карамзин*. В: *История русской литературы. В 10 томах*. Т. 5: *Литература первой половины XIX века*. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР, 1941–1956: 55–105].
- Karamzin N. (1802). *Listy ruskiego wojażera. Przekładania Ignacego Buysona*. Cz. 1. Wilno: Drukarnia Akademicka.
- Karamzin, N. (1806). Podróż z Moskwy do Trojeckiego klasztoru, z niektórymi historycznymi pamiętkami, przez P. Karamzina. *Dziennik Wileński*, 5 (czerwiec): 231–257.
- Karamzin, N.M (1814). *Derevnâ*. V: *Sočineniâ Karamzina*. T. 7: Izd. 2-oe, umnožennoe devâtym tomom. Moskva: Tipografiâ S. Selivanovskogo: 151–162 [Карамзин, Н.М. (1814). *Деревня*. В: *Сочинения Карамзина*. Т. 7. Изд. 2-ое, умноженное девятым томом. Москва: Типография С. Селивановского: 151–162].
- Karamzin, N. (1820a): [Karamzin N.]. *Wieś*. *Tygodnik Wileński*, 174 (15 listopada): 258–265.
- Karamzin, N. (1820b): [Karamzin N.]. *Wyznanie moje*. List do wydawcy dziennika. *Tygodnik Wileński*, 175 (30 listopada): 291–303.
- Karamzin, N.M. (1820c). *Derevnâ*. V: *Sočineniâ Karamzina*. T. 7: Izd. 3-oe, ispravlennoe i umnožennoe. Moskva: Tipografiâ S. Selivanovskogo [Карамзин, Н.М. (1820). *Деревня*. В: *Сочинения Карамзина*. Т. 7. Изд. 3-ье, исправленное и умноженное. Москва: Типография С. Селивановского: 117–125].
- Karamzin, N. (1821): [Karamzin N.]. *Sierra-Morena*. Wyjątek z pism pewnego Rosjanina, tłumaczenie z rosyjskiego, przez W.S.P. *Tygodnik Wileński*, 13 (15 lipca): 8–16.
- Karamzin, N.M. (1966). *Sil'fida*. V: Karamzin, N.M. *Polnoe sobranie stihotvorenij*. Moskva–Leningrad: Sovetskij pisatel': 364 [Карамзин, Н.М. (1966). *Сильфида*. В: Карамзин, Н.М. *Полное собрание стихотворений*. Москва–Ленинград: Советский писатель: 364].
- Karamzin, N.M. (1988). *Derevnâ*. V: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo žitelâ*. *Izbrannâ proza*. Murav'ev, V.B. (Red.). Moskva: Moskovskij rabočij: 228–232 [Карамзин, Н.М. (1988). *Деревня*. В: Карамзин, Н.М. *Записки старого московского жителя*. *Избранная проза*. Муравьев, В.Б. (Red.). Москва: Московский рабочий: 228–232].
- Kowalczyk, W. (1977). O polskich tłumaczeniach utworów Mikołaja Karamzina. *Slavia Orientalis*, 1: 1–36.
- Kraszewski, J.I. (1972). *Pamiętniki*. Danek, D. (Red.). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Lelewel, J. (1878). *Listy Joachima Lelewela*. T. 1: *Oddział pierwszy. Listy do rodzeństwa pisane*. Poznań: nakładem Księgarni J.K. Żupańskiego.
- Linde, S.B. (1951). *Słownik języka polskiego*. T. 4. (Wydanie trzecie fotooffsetowe: *Słownik języka polskiego przez Samuela Bogumiła Linde*. T. 4. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1858). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Literatura rosyjska (1806): [B.a.]. Literatura rosyjska. *Dziennik Wileński*, 5 (maj): 166–178.
- Łużny, R. (1975). *Mikołaj Karamzin*. W: Galster, B., Kamionkova, J., Sierocka, K. (Red.). *Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytniej literatury rosyjskiej w Polsce*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich: 7–24.

- Mazurkova, B. (1993). *Literacka rama wydawnicza dzieł Franciszka Dionizego Kniaźnina (na tle porównawczym)*. Katowice: Uniwersytet Śląski.
- Mity i Sylfy: Mity, legendy i wierzenia z całego świata: leksykon. (Online) <http://mityczne.pl/sylfy/> (dostęp 20.10.2019).
- Pigoń, S. (1929). *Z dawnego Wilna. Szkice obyczajowe i literackie*. Wilno: Wydawnictwo Magistratu m. Wilno.
- Piotrowicz, W. (1930). *W nawiasie literackim. Szkice z zagadnień kultury, literatury i teatru*. Wilno: Polska Drukarnia Nakładowa „Lux”.
- Pogodin, M (1866). *Nikolaj Mihajlovič Karamzin, po ego sočineniám, piš'mam i otzyvam sovremenikov: materialy dlâ biografii*. Č. 1. Moskva: Tipografiâ A.I. Mamontova [Погодин, М. (1866). *Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии*. Ч. 1. Москва: Типография А.И. Мамонтова].
- Ponomarev, S. (1883). *Materialy dlâ bibliografii literatury o N.M. Karamzine: k stoletiu ego literaturnoj deatel'nosti: k stoletiu ego literaturnoj deatel'nosti (1783–1883)*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaâ akademiâ nauk [Пономарев, С. (1883). *Материалы для библиографии литературы о Н.М. Карамзине: к столетию его литературной деятельности (1783–1883)*. Санкт-Петербург: Императорская академия наук].
- Suchanek, L. (1991). *Preromantyzm w Rosji*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Szekspir, W. (1820). Monolog Hamleta. (Akt III. Scena I). Wytłumaczony przez Stanisława Trembeckiego ze znajomej pod tym tytułem sztuki Szekspira. *Tygodnik Wileński*, 154 (15 stycznia): 1–4.
- Śpiewy... (1820): Śpiewy ludu litewskiego. Tłumaczone przez Emeryka Staniewicza. Śpiew siódmy. *Tygodnik Wileński*, 159 (31 marca): 177–178.
- Uwiedomienie... (1819): [B.a.]. Uwiedomienie. *Tygodnik Wileński*, 153 (31 grudnia): 383–384.
- Węgierski, K. (1974). *Wiersze wybrane*. Gomulicki, J.W. (Red.). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Wyjątki... (1820): [Bartoszewicz, Z.]. Wyjątki z pism Karamzina prozą. *Tygodnik Wileński*, 174 (15 listopada): 257–258.



RECEPCJA TWÓRCZOŚCI LITERACKIEJ MAKSYMA GORKIEGO W POLSCE

PIOTR GŁUSZKOWSKI

Uniwersytet Warszawski

Wydział Lingwistyki Stosowanej, Katedra Rusycystyki

ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa

e-mail: p.gluzkowski@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0002-6820-7302

(nadesłano: 2.11.2019; zaakceptowano: 15.11.2019)

Abstract

Reception of Maxim Gorky's Literary Works in Poland

The paper explores the reception of Maxim Gorky's literary works in Poland in 1900–2018. At the beginning of the 20th century Gorky was among the most-translated Russian authors. Translations of his works were published in the former Polish territories under all partitions (Russian, Prussian and Austrian). In the years 1918–1939/1945, despite anti-Soviet attitudes of a significant part of Polish society, Gorky was still very popular. In the times of the Polish People's Republic (1945–1989), the writer was characterized by the historians of Russian literature as a classic Soviet writer and the founder of the Socialist Realism. Polish scholars usually repeated views of their Soviet colleagues. Recently Gorky's works attract attention rather of Polish writers and publicists (Józef Hen, Adam Michnik, Sylwia Frołow, Krzysztof Varga) than of historians of literature.

Key words: Maxim Gorky, Alexei Peshkov, reception, Józef Hen, Russia, USSR, Russian literature

Резюме

Восприятие литературного творчества Максима Горького в Польше

В статье представлены особенности восприятия литературного творчества Максима Горького в Польше в 1900–2018 гг. В начале XX в. его произведения часто переводились на польский язык (в Российской империи, Австро-Венгрии и Германии). В 1920–1930 гг., несмотря на антисоветские настроения, Горький пользовался в Польше большой популярностью. В 1945–1989 гг. польские литературоведы, вслед за советскими учеными, представляли Горького как классика советской литературы и основателя метода соцреализма. В последнее время к творчеству Горького чаще обращаются писатели и публицисты (Юзеф Хен, Адам Михник, Силвия Фролов, Кшиштоф Варга), чем историки литературы.

Ключевые слова: Максим Горький, восприятие, Юзеф Хен, Россия, СССР, русская литература

Maksym Gorki to z pewnością jeden z najbardziej znanych pisarzy rosyjskich. Na swą popularność pracował od 1892 roku, kiedy to zaczął przygodę z literaturą jako nikomu nieznanemu pisarz-samouk. Już po kilku latach był jednym z najchętniej czytanych rosyjskich dramaturgów i beletrystów. Po śmierci Antona Czechowa i Lwa Tołstoja stał się najpopularniejszym autorem w Rosji. Gorki przez wiele lat walczył z caratem, nic więc dziwnego, że uznaje się go za jeden z symboli rewolucji rosyjskiej. Po jego książkach sięgali chętnie nie tylko Rosjanie, ale również zachodnioeuropejscy czytelnicy. Na początku XX stulecia znaczną część jego utworów przetłumaczono na kilkanaście języków europejskich. Po rewolucji 1917 roku, mimo że krytykował przewrót październikowy i poczynania Lenina, był zdecydowanie najpopularniejszym prozaikiem w Rosji bolszewickiej. Szczyt jego sławy przypadł na przełom lat 20. i 30. XX wieku, kiedy powrócił do Związku Sowieckiego. Nakłady jego dzieł sięgały wtedy wielu milionów egzemplarzy, a jego autorytet wykraczał daleko poza sfery kulturalno-literackie. Zdaniem części badaczy jedynie uwarunkowania polityczne sprawiły, że Gorki nie otrzymał Literackiej Nagrody Nobla. Marina Cwietajewa wyraziła dezaprobatę po przyznaniu tej nagrody Iwanowi Buninowi w 1933 roku, podkreślając, iż ta bardziej należała się Gorkiemu, który był całą epoką literacką, w odróżnieniu od Bunina będącego jedynie końcem epoki (Марченко 2017: 86, 152).

Gorki to z pewnością postać nieoczywista: z jednej strony walczył o sprawiedliwość społeczną i „lepszemu jutro”, pomagał dziesiątkom pisarzy (Wiktor Szklowski, Władysław Chodasiewicz, Nina Berberowa) i wstawał się za represjonowanymi „białymi”, w tym za rodziną carską (Wielki Książę Gawriła Romanow), z drugiej zaś legitymizował władzę bolszewików, zaprowadzony przez nich terror czy też budowę Kanału Białomorskiego. Nie ulega jednak wątpliwości, że był to jeden z klasyków prozy rosyjskiej i radzieckiej, którego utwory na trwałe zapisały się w historii literatury.

Problem z jednoznacznym odczytaniem postawy Gorkiego w latach 1905–1936 (od rewolucji 1905 roku i pierwszej emigracji aż do śmierci) sprawił, że polscy badacze bardzo różnie interpretowali jego dzieła. W artykule pokażę, jak wyglądała recepcja jego twórczości literackiej w Polsce, poczynając od pierwszych przetłumaczonych utworów i wzmianek aż do 2018 roku. Postaram się również wyjaśnić, co spowodowało, iż twórczość Gorkiego była tak różnie oceniana przez naukowców oraz dlatego w ostatnim dziesięcioleciu częściej jest tematem refleksji publicystów, pisarzy i badaczy teatru niż literaturoznawców. Swe rozważania rozpocznę od kwestii: dlaczego trudno pisać obiektywnie o Gorkim i dlaczego nie powstała jeszcze jego wyczerpująca biografia naukowa.

Maksym Gorki doczekał się wielu biografii, szkiców i artykułów. Najwięcej z nich powstało w Związku Sowieckim, w którym przedstawiano go jako przyjaciela Lenina, Stalina i innych bolszewików, a także jako wzór dla młodych literatów. Przez wiele lat był tam na równi z Puszkinem najchętniej wspominanym i cytowanym pisarzem. W latach 1955–1960 co roku pisano ponad 600 prac na temat jego życia i twórczości (Лукирская, Морщихина 1965).

W latach 80. Nina Berberowa, pracując nad biografią jego kochanki, baronowej Mury Budberg, zauważyła:

Jeśli chodzi o Gorkiego, to nie doczekał się do dziś biografii. (...) Jego listy są wydane w fragmentach i z pewnością nie wszystkie, jego zdjęcia ucierpiały od czerwonego ołówka cenzora, jego stosunki z współczesnymi mu są wypaczone. Trzy tomy *Летописи жизни и творчества* [*Kroniki życia i twórczości* – P.G.] roją się od błędów i niedoróbek: imiona wymienione w indeksie nie znalazły się w tekście, a imiona z tekstu nie weszły do indeksu; wyszczególnione są *odjazdy*, ale nie ma *przyjazdów* (i na odwrót); można znaleźć listy odebrane, a brak wysłanych (i na odwrót). Jego wyjazd z Piotrogradu do Moskwy w 1920 roku w ogóle nie został zanotowany (Берберова 1997: 206).

Do podobnego wniosku doszedł w latach 90. profesor Donald Fanger; wyrażał zdziwienie, iż nikt dotąd nie odważył się stworzyć szczegółowej biografii pisarza. Żadna ze znanych mu rosyjskich i angielskich prac nie pretenduje do miana „pełnowymiarowej monografii” (Fanger 1998: 283–284).

Od owych wypowiedzi upłynęło kilka dziesięcioleci – wciąż brak jest kanonicznego opracowania biografii Gorkiego. Rosyjscy badacze po upadku Związku Sowieckiego przez długi czas nie zajmowali się tą postacią. Oczywiście można mówić o wyjątkach¹, ale nie ma wątpliwości, że na kilkanaście lat pisarz popadł w „niełaskę” środowiska naukowego. Jest to zrozumiałe, gdyż wielu naukowców było przekonanych, iż przez lata siłą narzucany temat twórczości Gorkiego został wyczerpany.

Sytuacja zmieniła się blisko dziesięć lat temu, kiedy w obiegu naukowym zaczęły się pojawiać nowe źródła, przede wszystkim licząca przeszło dziesięć tysięcy listów korespondencja pisarza znajdująca się w archiwum Instytutu Literatury Światowej Rosyjskiej Akademii Nauk (Спиридонова 2010; 2014; Московская 2018). Z perspektywy czasu i w świetle nowych dokumentów można spojrzeć na Gorkiego inaczej: nie ma już konieczności pisania o nim z pozycji marksizmu, nie ma już tematów tabu (kry-

¹ Wszystkie prace Wadima Baranowa, Ludmiły Spiridonowej i Natalii Primoczki, którzy bez względu na koniunkturę rzetelnie badali twórczość Gorkiego.

tyka rewolucji październikowej, stosunek do Lenina, redakcja gazety „Nowaja Żyźń” stojącej w opozycji do „Prawdy” i zamkniętej przez bolszewików itd.) (Głuszkowski 2019: 41–51). Kilkudziesięciu rosyjskich literaturoznawców co roku publikuje nowe materiały dotyczące twórcy.

W XXI wieku powstało kilka biografii Gorkiego, jednak większość z nich jest skierowana do masowego czytelnika i ma na celu przede wszystkim popularyzację twórczości pisarza (Басинский 2006; Петелин 2007; Быков 2016; Никитин 2018). W ostatnich latach napisano dwie biografie polityczne oparte na źródłach, które niestety po macoszemu traktują twórczość literacką autora *Matki* (Yedlin 1999; Чони 2018). Wydaje się, że główną przyczyną braku wyczerpującej biografii jest pojawianie się zbyt dużej liczby nowych faktów, co jest efektem kwerend badaczy publikujących nowe źródła. Najbardziej znani badacze twórczości Gorkiego boją się uogólnień i pominięcia licznych faktów, dlatego koncentrują się głównie na odmitologizowaniu jego postaci i pracach poświęconych jednemu wybranemu problemowi (Спиридонова 1994, 2004, 2013). Ogrom spuścizny literackiej pozostawionej przez pisarza oraz szeroki krąg jego znajomości i działalności sprawiają, że nikt jeszcze nie podjął się napisania wyczerpującej biografii. Z pewnością Gorki jest na nowo odkrywany przez rosyjskich badaczy, co najlepiej pokazał 2018 rok, w którym obchodzono jubileusz 150-lecia narodzin pisarza i który zaowocował dziesiątkami nowych wartościowych prac.

Jak już wspominałem, Maksym Gorki wdarł się na literacki Parnas w Rosji i szybko zyskał uznanie rosyjskich czytelników (Rudziewicz 2013: 91–98). Polacy żyjący w Cesarstwie Rosyjskim i czytający po rosyjsku mogli poznawać jego twórczość już od 1892 roku. Jego młodzieńcze utwory były często niedopracowane pod względem warsztatowym, co nie osłabiało ich wydziwku, a dodatkowo wzmacniało nimb pisarza-samouka, który prostymi zdaniami opisywał problemy nizin społecznych (głównie robotników). Na pierwsze przekłady na język polski trzeba było czekać zaledwie kilka lat. Już w 1900 roku wydano pierwszy tom opowiadań, który szybko znalazł swoich czytelników i stał się sygnałem do tłumaczeń kolejnych utworów. O popularności Gorkiego na początku XX wieku w Polsce świadczy liczba przekładów *Pieśni o zwiastunie burzy* – w samym 1902 roku została przełożona przez trzech tłumaczy i wydrukowana we wszystkich trzech zaborach, w sumie przetłumaczono ją kilkanaście razy (zob. Grzegorzczak 1955: 725–726). Do 1918 roku na język polski przełożono większość przedrewolucyjnych utworów Rosjanina, w tym wybór pism w dwóch tomach z lat 1904–1906 (Sielicki 1968: 89). Gorki na początku XX wieku był już bardzo znanym pisarzem, w związku z czym wydawnictwa nie ryzykowały wiele, decydując się na opublikowanie jego utworów. Te sprzedawały się dobrze we wszystkich zaborach. Szczególnie dużą popularnością cieszył się wśród komunizujących robotników. W 1905 roku wyrazili oni poparcie dla Gorkiego w związku z jego manifestem o rewolucji 1905 roku i zaangażowaniem w obalenie caratu. Dużą sympatię zdobył też wśród galicyjskich chłopów, którzy z jego twórczością mogli się zapoznać na łamach „Przyjaciela Ludu” (Sielicki 1969: 163).

Warto dodać, że utwory Gorkiego wystawiano na scenach wszystkich trzech zaborów, np. *Mieszczanie* byli grani w Krakowie (1902), Lwowie (1903), Przemyślu (1913), Poznaniu (1903), Warszawie (1906) i Łodzi (1910), również *Na dnie* i *Dzieci słońca*

weszły do repertuaru polskich teatrów w Austro-Węgrzech, Cesarstwie Rosyjskim i Niemczech (Sielicki 1968: 105).

Z pewnością lata 1918–1939 to ciekawy okres w polskiej recepcji dzieł Gorkiego. Nieprzypadkowo powstało już na ten temat kilka prac (Ryter 1967; Sielicki 1969: 163–184). Z racji stosunkowo dobrego rozpoznania problemu przez innych badaczy wspomnę jedynie o najważniejszych tendencjach z tego okresu. Warto podkreślić, że w międzywojniu Gorki był rozpoznawany przez przeciętnego polskiego czytelnika. Ukazała się wtedy większość przekładów jego utworów pisanych podczas „drugiej” emigracji, choć nie były one już tak popularne jak *Matka* i autobiograficzna trylogia.

Po odzyskaniu niepodległości przez Polskę zainteresowanie dziełami Gorkiego wzrosło. Wpłynęło na to kilka czynników. Przede wszystkim Rosja bolszewicka, a potem Związek Sowiecki były jednym z dwóch głównych wrogów odrodzonej Polski. Nic więc dziwnego, że Gorki, uważany za ikonę rewolucji, szybko stał się obiektem zainteresowania licznych polskich badaczy. Większość potępiała go, traktując jako bolszewika dążącego do rozpętania permanentnej rewolucji i nie zagłębiając się w jego teksty. Dobrym przykładem będzie spojrzenie Stanisława Zdziarskiego, który w 1919 roku na podstawie wybranych tekstów pisarza stwierdził, że ten nawołuje do anarchii, sam zaś jest epigonem i satelitą Lwa Tołstoja i Fiodora Dostojewskiego – „heroldów anarchii” (Zdziarski 1919: 38). Według niego młodzieńcze utwory Gorkiego były napisane z „niepospolitą energią i siłą”, dzięki czemu przynajmniej do 1905 roku wyrażał społeczny protest. Niestety, czas pokazał, że ze szlachetnego protestu pozostały jedynie zużyte slogany. „(...) kiedy pseudo-rewolucja wypełzła ze swoich nor podziemnych, okazało się, że hasła one wszystkie górnolotne rozpadły się, jak łachmany spłowiałe i zelzałe, bo nie pochodziły z duszy człowieczej, ale ze zwierzęcej pożądlivości” (Zdziarski 1919: 38). Zdziarski dokonał również analizy najgłośniejszej powieści pisarza – *Matki*. „Według Gorkiego należy odrzucić wszelką kulturę oraz zasady, na jakich opiera się państwo i społeczeństwo. Celem zaś życia – dogodzenie instynktom bydlęcym, i w tym kierunku człowiek nie powinien spotykać żadnych przeszkód. Tak głosił współczesny Zarathustra rosyjski...” (Zdziarski 1919: 100) – dodawał ironicznie polski badacz. Zdziarski, podobnie jak znaczna część polskich krytyków, utożsamiał Gorkiego z bolszewikami, krwawą rewolucją, terrorem i groźbami wobec Polski. Pobieżna znajomość jego dzieł sprawiała, że wielu polskich badaczy nie miało pojęcia, iż w latach 1917–1918 wydał w gazecie „Nowaja Żyżń” cykl artykułów zatytułowany *Mysli nie na czasie*. Głównym tematem kilkudziesięciu tekstów była właśnie kultura w czasie rewolucji, którą Gorki rozumiał inaczej niż bolszewicy. Dlatego też wielokrotnie nawoływał do ochrony dóbr kultury, ratowania płańdrowanych bibliotek, pomocy pisarzom i artystom, a także cywilizowania prymitywnej i zezwierzęconej Rosji poprzez kulturę. Protestował również przeciwko anarchii: „Z anarchią zawsze wypada walczyć, ale czasem trzeba też umieć przezwyciężyć swój własny strach przed ludem” (Gorki 2016b: 461). Wybiórcze analizowanie twórczości Gorkiego sprawiała, że tysiące Polaków traktowało go jako nowego Czyngis-Chana (Sielicki 1969: 166–167).

Polscy krytycy literaccy praktycznie nie komentowali sporu Gorkiego z bolszewikami; nie zastanawiali się nad przyczyną jego emigracji i związkami z ZSRS po śmierci Lenina. Krytyczne wypowiedzi pisarza o bolszewikach były chętnie odnotowywane przez polską prasę, jednak rzadko opatrywano je wyjaśnieniem. Geneza konfliktu po-

zostawała dla przeciętnego polskiego czytelnika nieznaną, a głównym celem wzmianek o listach Gorkiego do władz ZSRS była chęć pokazania problemów narastających wśród bolszewików (*Niewdzięczny Gorki* 1925).

W 1932 roku w związku z 40-leciem działalności literackiej rosyjskiego twórcy ukazał się m.in. artykuł Jana Bersona – sowietologa związanego z obozem sanacyjnym – który również stanowi dobry przykład podejścia znacznej części polskich czytelników do Gorkiego: „Dla nas, Polaków, był, jest i pozostanie na wieki – obcym, egzotycznym, wrogim nawet, choć pełnym talentu, zjawiskiem. Obcy był jako «bosiak», może jeszcze bardziej obcy jest jako bolszewicki «państwowiec»” (Otmar 1932: 3). Z pewnością na stosunek większości Polaków do Gorkiego wpłynął jego powrót do Związku Sowieckiego. I choć pisarz nie przerwał działalności literackiej, dla wielu polskich publicystów stał się urzędnikiem legitymizującym władzę sowiecką. Na recepcję jego twórczości nie wpłynęło ocieplenie polsko-sowieckich stosunków na przełomie lat 20. i 30., którego rezultatem było podpisanie paktu o nieagresji w 1932 roku.

Nie oznacza to jednak, że Polacy nie czytali Gorkiego. Wśród robotników był on jednym z najpopularniejszych pisarzy (Hryniewicz 1932: 54). Jego utwory i wypowiedzi o nim publikowano w „Kulturze Robotniczej”, „Naprzód” „Gazecie Robotniczej” czy „Robotniku”. Najbardziej obiektywne informacje zamieszczały periodyki literackie z poczytnymi „Wiadomościami Literackimi” na czele. W międzywojniu trudno było ignorować Gorkiego, którego sztuki chętnie grano w teatrach niemalże całej Europy, a jego samego często wskazywano jako głównego kandydata do Literackiej Nagrody Nobla (również w 1924 roku, kiedy to nagroda została przyznana Władysławowi Reymontowi). O Gorkim wspominali też najwybitniejsi polscy humaniści, m.in. Aleksander Brückner, Marian Zdziechowski czy Jan Kucharzewski, przyznając, że nie sposób zajmować się Rosją, czy też literaturą rosyjską, nie uwzględniając jego utworów.

Po 1945 roku polscy czytelnicy zostali zmuszeni do masowego czytania literatury rosyjskiej i sowieckiej. Gorki, którego w ZSRS uznano za wzór do naśladowania dla pisarzy socrealizmu, stał się jednym z najczęściej drukowanych autorów zagranicznych, a jego książki automatycznie trafiły na listę lektur. Warto podkreślić, że znaczna część korespondencji i publicystyki pisarza z lat 1917–1933 została celowo „zapomniana” przez sowieckich historyków literatury, a w rezultacie także polskich. Dobrym przykładem są 16-tomowe *Pisma*. W tomie 16 poświęconym korespondencji za lata 1917–1919 nie znajdziemy żadnego listu (Gorki 1957). Pisarz prowadził wtedy ożywioną korespondencję z wieloma osobami i wielokrotnie wyrażał swoje niezadowolenie z przejścia władzy przez Lenina. Próżno również wśród dzieł Gorkiego doszukiwać się cyklu *Myśli nie na czasie*, mimo że sam autor wydał go w oddzielnej książce, która do ZSRS trafiła dopiero w czasie pierestrojki. Można odnieść wrażenie, że polscy historycy literatury rosyjskiej unikali pisania o Gorkim. Nie powstała żadna biografia autora *Matki*, a polscy badacze zdecydowanie chętniej zajmowali się wczesną twórczością pisarza niż okresem porewolucyjnym. Sytuacja ta dobrze świadczy o polskim literaturoznawstwie czasów PRL. Potencjalni gorkoznawcy wiedzieli, że ich prace będą porównywane z monografiami i artykułami sowieckich badaczy, zdawali sobie sprawę, że nie otrzymają wglądu do wszystkich dokumentów z archiwum Gorkiego (kilkanaście tysięcy listów) oraz że będą musieli cenzurować lata 1917–1921 i znaczną część jego wypowiedzi z okresu sowieckiego.

Polscy badacze unikali podawania informacji o krytycznym podejściu Gorkiego do przewrotu bolszewickiego. Jako jeden z nielicznych Jerzy Lenarczyk tłumaczył jego postawę strachem przed „anarchistycznym wybuchem żywiołu drobnomieszczaństwa i chłopstwa” i „niewiarą w możliwość zwycięstwa rewolucji socjalistycznej w kraju zacofanym gospodarczo i kulturalnie” (Lenarczyk 1966: 47). Polscy badacze z obowiązku powoływali się na sowieckich klasyków literaturoznawstwa (np. Anatolija Łunaczarskiego), podkreślając międzynarodowe znaczenie Gorkiego, jego wpływ na rozwój sowieckiej literatury, walkę z caratem i literaturą mieszczańską (Lenarczyk 1966: 49; Jakóbiec 1976: 505–541). Nic więc dziwnego, że wiele trudnych miejsc jego biografii próbowano omijać. I tak np. Jerzy Lenarczyk, wyjaśniając emigrację Gorkiego w latach 20. XX wieku, ograniczył się jedynie do informacji, że wyjazd odbył się „ze względów zdrowotnych i za radą Lenina” (Lenarczyk 1966: 48).

Zarówno Lenarczyk, jak i inni polscy autorzy dużą uwagę poświęcali kwestii „Gorki a sprawa polska”. Mottem do zgłębiania tego zagadnienia były słowa samego pisarza z listu do publicysty i krytyka literackiego Wilhelma Feldmana: „Jako człowiek, który chyli czoła przed narodem polskim, niezmordowanym w swej walce o wolność, jestem gorącym wielbicielem literatury polskiej i cieszyłbym się niezmiernie, gdybym mógł zapoznać naród rosyjski z życiem duchowym jego braci złączonych z nim wspólnotą krwi” (Gorki 1960: 527–528). Z perspektywy czasu śmiało można powiedzieć, że Gorki nie interesował się szczególnie Polską i jej kulturą. Znał jednak wielu polskich pisarzy i kanon literatury polskiej. Jego kontakty z Polakami i literaturą polską były także jednym z głównych kierunków poszukiwań Franciszka Sielickiego, który w swej monografii opisał literackie spotkania Gorkiego z polską klasyką: Henrykiem Sienkiewiczem, Władysławem Reymontem, Stefanem Żeromskim, Stanisławem Brzozowskim (Sroka 1958: 115–128; Lenarczyk 1969: 172–195; Sielicki 1971).

Tak jak przed wojną, tak i po 1945 roku dramaty Gorkiego były chętnie wystawiane na deskach polskich teatrów. Przeszło 25 jego utworów doczekało się inscenizacji w teatrach kilkunastu polskich miast. Przy okazji niektórych spektakli krytycy teatralni przypominali czytelnikom rolę i znaczenie Gorkiego. Dobrym przykładem jest recenzja *Jegora Bułyczowa* wystawionego w Warszawie przez Teatr Śląski na deskach Teatru Polskiego napisana przez Tadeusza Brezę. Autor zachwycał się sztuką, wychwalając wielkość pisarza: „Gorki, to nie dramatopisarz, to żywioł. Trudno o jego dialogach mówić jak o dialogach, bo w pojęciu *dialogu* tkwi poniekąd jakaś misterność, a w słowie *Bułyczowa* nie ma misterności, tak jak jej nie ma w Niagarze. Jest siła, pełnia, skala! (...) Cóż to za pisarz” (Breza 1966: 350–351).

Na Gorkiego inaczej patrzyła polska emigracja. Pojawiał się w wypowiedziach i felietonach jej najwybitniejszych przedstawicieli. Gustaw Herling-Grudziński poświęcił mu nawet szkic, w którym próbował wyjaśnić zagadkę jego śmierci (Herling-Grudziński 1997: 299–331). Pisał o Gorkim jak o twórcy, który dla stabilizacji finansowej i „wygodnego życia” sprzedał się Stalinowi i swym nazwiskiem firmował budowę komunizmu z Kanałem Białomorskim na czele (Горький, Авербах, Фирин 1934).

Po 1989 roku polscy badacze nie byli już zmuszani do wybierania tematów zgodnych z sowieckimi badaniami nad literaturą. Wraz z licznymi zagadnieniami dotyczącymi polsko-rosyjskiej współpracy rewolucyjno-wyzwoleńczej porzucono praktycznie problem analizy twórczości rosyjskiego pisarza. *Matka* Gorkiego została usunięta

z listy lektur w polskich szkołach średnich, Gorki przestał być autorytetem, znaczna część jego utworów nie przetrwała nawet na liście lektur rusycystyk.

Jeszcze przed ostatecznym upadkiem ZSRS Rosjanom udało się doprowadzić do wydania *Mysli nie na czasie*. Część z artykułów ukazała się nawet w przekładzie na język polski w drugim obiegu, jednak nie wzbudziła większego zainteresowania historyków literatury rosyjskiej i rosjoznawców (Gorki 1986). Temat cyklu podjął jedynie Franciszek Sielicki, ale w swym artykule starał się tonować spór pomiędzy bolszewikami i Gorkim (Sielicki 1987: 41–56). Do wydania kolejnej części Gorkowskich felietonów w Polsce doszło dopiero w 1998 roku w poświęconym temu twórcy numerze „Literatury na Świecie” (nr 10). Była to pierwsza próba głębszej refleksji nad Gorkim po latach posuchy. Wybór tekstów miał za zadanie pokazać polskiemu czytelnikowi, jak błędna była interpretacja światopoglądu pisarza w czasach PRL. W numerze oprócz wspomnień o Gorkim (Nina Berberowa, Władysław Chodasiewicz, Jurij Annienkow) pojawiły się prace współczesnych badaczy (Wiaczesław Iwanow, Donald Fanger) i wreszcie niepublikowane wcześniej utwory pisarza, w tym wybrane artykuły z cyklu *Mysli nie na czasie* (Gorki 1998: 80–116).

Na przełomie XX i XXI wieku Gorkim w Polsce zajmowały się pojedyncze osoby. Jedną z nich był Józef Hen, który w 2006 roku napisał powieść w znacznej mierze poświęconą temu autorowi. Osia powieści były dwa przemieszane ze sobą wątki: jeden dotyczył amerykańskiego slawisty prowadzącego prywatne śledztwo w sprawie zmarłego przyjaciela, drugi zaś, zdecydowanie ciekawszy, dotyczył przełomowych momentów w życiu Maksyma Gorkiego. Książka pełna jest cytatów z wypowiedzi autora *Matki* oraz innych wybitnych pisarzy z jego otoczenia. Bez wątplenia Hen przeprowadził kwerendę, wczytując się dokładnie w dzieła swojego bohatera oraz wspomnienia kontrowersyjnej Niny Berberowej. Z narracji Hena wynika, że Gorki był postacią wielką i tragiczną. Pomagał wszystkim i tylko dzięki niemu przeżyli Władysław Chodasiewicz, Nina Berberowa, Wiktor Szklowski i wielu innych pisarzy (Hen 2006). Dzięki wnikliwej lekturze cyklu *Mysli nie na czasie* Hen trafnie zauważył, że dla Gorkiego najważniejsze było zakończenie „wielkiej wojny” i ocalenie rosyjskiej kultury przed zniszczeniem (głównie przed rewolucją i wojną domową). Pisarz rzeczywiście bał się, że rewolucja zniszczy Rosję bardziej niż jarzmo tatarsko-mongolskie i wszystkie wcześniejsze wojny. Najciekawsze wydają się jednak obszerne fragmenty dotyczące relacji pomiędzy Leninem i Gorkim. Mimo że na ten temat napisano setki prac, do dzisiaj jest to kwestia sporna, która czeka na opublikowanie nowych źródeł². Hen pisał, że Lenin i Gorki znali się wyjątkowo dobrze i darzyli się szacunkiem, podkreślał również, iż nie było żadnego innego pisarza, który przez tyle lat dyskutowałby z przywódcą bolszewików. Gdyby Gorki pisał o swoim Leninie, „byłaby to rzecz o człowieku, który chciał bogom wykraść ogień – i przeliczył się z siłami. Bo całe zamierzenie było nie na miarę rodzaju ludzkiego. Wziął na siebie straszliwy ciężar – i zginął przywalony tym ciężarem. Bo czymże innym była jego choroba niż krachem pokonanego organizmu?” (Hen 2006). Hen opisywał Gorkiego i Lenina z pasją równą Aleksandrowi Sołżenicynowi,

² Gorki napisał szkic na temat swych relacji, który później gruntownie przerezagował i „wygładził”. W ostatnich latach pojawiły się nowe listy Gorkiego do Lenina.

który stworzył portret tego drugiego na marginesie wielotomowego *Czerwonego koła* traktującego o upadku Cesarstwa Rosyjskiego (Solżenicyn 1990).

Bez wątpienia coraz mniej Polaków zna Gorkiego, choćby z tego powodu, że od ćwierć wieku próżno szukać go w kanonie lektur. Jednak sytuacja ta pozwala wielu osobom „odkryć” pisarza bez ideologicznego balastu. Wydaje się, że taki cel postawiła przed sobą publicystka Sylwia Frołow, która w 2016 roku w książce *Bolszewicy i apostołowie. Osiem portretów* zamieściła obszerny szkic *Mistrz i dyktatorzy* ogólnie opowiadający o życiu i znaczeniu Gorkiego (Frołow 2014: 13–111). Dla młodszych czytelników, którzy nie znali wcześniej „zwiastuna rewolucji” lub mieli o nim mgliste wyobrażenie jako o jednym z wielu pisarzy sowieckich, szkic ten musiał być bardzo odkrywczy. Autorka koncentrowała się głównie na okresie porewolucyjnym, dużo uwagi poświęciła kobietom w życiu Gorkiego i tajemnicy jego śmierci. Próbowwała również pokazać fenomen Gorkiego, który w ciągu kilku lat stał się jednym z najbardziej znanych pisarzy w Rosji i chyba jako jedyny ze świadków rewolucji cieszył się popularnością zarówno w Cesarstwie Rosyjskim, jak i w ZSRS. Bez wątpienia jest to świetny materiał dla dziennikarza piszącego z zacięciem historycznym i chyba jedyny sposób, aby przywrócić zainteresowanie Gorkim wśród przeciętnych polskich czytelników.

Maksym Gorki pojawia się również jako pomysłodawca i redaktor monografii zbiorowej *Kanał Białomorsko-Bałtycki imienia Stalina: historia budowy 1931–1934* w książce Mariana Sworzenia poświęconej biografiom sowieckich luminarzy wychwalających budowę Kanału Białomorskiego. Publicysta przedstawił Gorkiego jako sowieckiego „arcykapłana”, który sprzedał się Stalinowi w zamian za dostatnie życie i „rząd dusz” (Sworzeń 2017: 17, 19). Nie miał wątpliwości, że Gorki był budowniczym morderczego systemu i jego beneficjentem, za co powinien zostać osądzony przez mieszkańców dzisiejszej Rosji. Sworzeń błędnie sugeruje czytelnikom, że rosyjski twórca nie miał zasad i obojętne mu było, czy mieszka w faszystowskich Włoszech, komunistycznym Związku Sowieckim czy też innym państwie. Szkic ten jest dobrym przykładem próby zaszufładowania Gorkiego i przedstawienia go jedynie jako pisarza, który za profity sprzedał się Sowietom. Autor pracy o sowieckich luminarzach zapomniał o złożonym tle historycznym, mając pretensje do Gorkiego m.in. za to, że ten w latach 30. potępiał zwalczany przez siebie od dziesięcioleci carat (Sworzeń 2017: 17, 19).

Mimo że w Polsce panuje moda na nowe przekłady klasyki rosyjskiej (np. *Bracia Karamazow* Fiodora Dostojewskiego, *Wykop/Dół* Andrieja Płatonowa, *Mistrz i Małgorzata* Michaiła Bułhakowa), to twórczość Gorkiego przez długi czas nie mogła się doczekać nowego tłumaczenia³. Jest to tym dziwniejsze, że nie wszystkie utwory pisarza ukazały się w Polsce, a nawet krytycy nieprzepadający za Gorkim przyznają, iż jego dzieła należą do klasyki literatury światowej. Z tym większą radością należy odnotować wydaną w 2016 roku książkę *Rosja* zawierającą w znacznej mierze nieznanie polskiemu czytelnikowi utwory Maksyma Gorkiego⁴. Oprócz poszerzonego przekładu felietonów z cyklu *Mysli nie na czasie* do tomu weszły tzw. *Portrety literackie*, czyli wspomnienia Gorkiego o pisarzach (m.in. Antonie Czechowie, Sergiejju Jesieninie,

³ Po 1989 roku została wznowiona jedynie *Matka* w serii Arcydziała Literatury Światowej wydawanej przez madryckie wydawnictwo Club International de Libro Polska: (Gorki 2000).

⁴ Tłumaczem jest Małgorzata Buchalik (Gorki 2016b).

Lwie Tołstoj), działaczach społecznych i politykach (Włodzimierzu Leninie, Sawwie Morozowie) oraz Rosji z czasów jego młodości. Warto pochylić się nad wstępem pióra Adama Michnika, który już w pierwszych zdaniach zauważył, że książka pokazuje nam Gorkiego, „jakiego nie znamy. Znamy ikonę literatury stalinowskiej, nudnego i spodłonego piewę sowieckiego komunizmu, którego doszczętnie obrzydziły kilku pokoleniom obowiązkowe lektury szkolne. Ale oto inny Maksym Gorki – bystry obserwator Rosji rewolucyjnej i bolszewickiej, namiętny krytyk carskiego samodzierżawia i okrutnej dyktatury” (Michnik 2016: V). Wielokrotnie powtarzający, że jest „antysowieckim rusofilem”, i świetnie czytany w literaturze rosyjskiej Michnik zdumiał się, że Gorkiego nie można zaszufładować jako pisarza, „który stał się twarzą dla stalinowskiej polityki mordy i upodlenia kultury rosyjskiej”, gdyż była to postać o wiele bardziej skomplikowana, o wielu odcieniach szarości. Dotychczasowa postawa Michnika jest charakterystyczna dla polskiej inteligencji wychowanej w czasach PRL, która najczęściej ma już z góry wyrobione zdanie na temat Gorkiego i, niestety, przekazuje je młodszemu pokoleniu.

W omawianiu postrzegania Gorkiego w ostatnich latach nie sposób pominąć przetłumaczonej na język polski książki *Diavolina* węgierskiego pisarza György Spiró o Olimpiadzie Czertkowej – służącej, opiekunce i prawej ręce Maksyma Gorkiego (Spiró 2017). Jest to kolejna próba ukazania autora *Matki* jako pisarza uwikłanego w politykę, który często musiał ratować się kłamstwem, aby wybrać mniejsze zło (powrót do ZSRS, wyjazd na Sołowki itd.). Podobnie jak w przypadku Hena widać, że postać Gorkiego zafascynowała Spiró. Węgierski pisarz wyraźnie próbował zrozumieć jego motywacje działania i wyjaśnić, jakie relacje panowały pomiędzy nim i sowiecką władzą; jaki miał stosunek do Lenina i Stalina; czy powrócił z emigracji ze względu na brak pieniędzy, chęć sprawowania władzy czy też szczerze wierzył, że państwo Stalina zamienia się w komunistyczny raj? *Diavolina* stała się dla pisarza i publicysty Krzysztofa Vargi inspiracją do refleksji na temat Gorkiego i jego stosunku do władzy w czasach totalitaryzmu. Varga nie ma wątpliwości, że Gorki został wykorzystany przez Stalina: „Fascynujące, jak bardzo artyści lgną do władzy, jak władza artystom imponuje, gdy tymczasem władza wyłącznie artystami się wysługuje, jeśli akurat są jej potrzebni” (Varga 2017). Podkreślał jednak, że rosyjski pisarz nie był wyjątkiem i również wielu innych wybitnych artystów dało się uwieść i wykorzystać tyranom.

Gorkiego usunięto w Polsce z kanonu lektur szkolnych, na próżno szukać nowych wydań, a tym bardziej nowych przekładów jego najbardziej znanych dzieł w księgarniach i bibliotekach, pozostała za to na deskach teatru. Tak jak na początku XX stulecia, tak i dziś największą popularnością cieszą się *Letnicy* (grani w 12 teatrach po 1989 roku)⁵, *Na dzień* (9), *Wassa Żelaznowa* (3), *Barbarzyńcy* (2), *Dzieci słońca*, *Mieszczanie*, *Jegor Bułyczow i inni* (1). Próbę czasu i zmianę systemu przetrwała tylko klasyka, a mniej znane dramaty są wystawiane z rzadka lub w ogóle. Z pewnością Gorki nie jest ulubionym obiektem sporów krytyków teatralnych, choć w specjalistycznej prasie pojawiają się artykuły na temat inscenizacji jego sztuk (Kocur 2006: 14–15; Łapicka

⁵ Dnia 9 listopada 2019 roku w Teatrze Narodowym odbyła się premiera *Letników* w reżyserii Macieja Prusa.

2016: 58–59; Wakar 2016: K4; Kociński 2017: 64). Popularność Gorkiego w teatrze została również odnotowana przez rusycystów (Krycka-Michnowska 2018: 216–232).

Zaskakujące jest, jak rzadko literaturoznawcy sięgają do spuścizny Gorkiego. Oprócz Pauliny Baranowskiej, która w 2013 roku opublikowała kilka artykułów w prestiżowych rusycystycznych czasopismach i obroniła pracę doktorską o typologii postaci w jego wczesnej twórczości (Baranowska 2013a: 197–224; 2013b 126–133; 2015), próżno szukać badaczy zajmujących się jego utworami, nie mówiąc już o szerszym spojrzeniu na jego poglądy i działalność pozaliteracką. Oczywiście prace o Gorkim powstają, jednak są to pojedyncze artykuły, najczęściej pisane na marginesie innych tematów badawczych (Madej-Cetnarowska 2008: 121–133). Wzmianki o Gorkim częściej pojawiają się w tłumaczeniach prac zachodnich badaczy lub w literaturze wspomnieniowej (Berberowa 1998; Figes 2009; Nabokov 2017: 399–414). Kolejnym potwierdzeniem niedużego zainteresowania polskich badaczy rosyjskim klasykiem była zorganizowana 10–11 października 2019 roku w Katedrze Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego konferencja „Bunin vs Gorki. Między jubileuszami”, w której zdecydowaną większość uczestników stanowili obcokrajowcy.

W artykule starałem się prześledzić recepcję dzieł Gorkiego w Polsce, poczynając od pierwszych wzmianek o pisarzu i tłumaczeń jego utworów na przełomie XIX i XX wieku, a kończąc na najnowszych artykułach poświęconych jego twórczości. Generalizując, można stwierdzić, że do 1918 roku polscy czytelnicy poznawali Gorkiego i szczerze zachwycali się jego twórczością. Lata międzywojnia to fascynacja pomieszana z niechęcią i wrogością, na którą wpłynęły relacje polsko-sowieckie. Bez wątplenia w latach 20. i 30. XX wieku polscy czytelnicy (i to nie tylko intelektualiści) znali dobrze twórczość Gorkiego, dużo pisano na jego temat i chętnie tłumaczono najważniejsze utwory. Kolejny okres to lata PRL, kiedy rosyjski pisarz był przedstawiany jako jeden z klasyków literatury światowej. Na język polski tłumaczono nie tylko jego utwory, ale również jego korespondencję i prace gorkoznawców. Wielka szkoda, że po 1989 roku twórczość Gorkiego jest obecna w zasadzie tylko w teatrze. Brakuje nowych tłumaczeń, nowych wydań i przede wszystkim nowego spojrzenia na jego twórczość. W 1966 roku René Śliwowski w przedmowie do wydania korespondencji Gorkiego z innymi pisarzami stwierdzał: „(...) z tych obecnie udostępnianych materiałów wyłania się nowa sylwetka Gorkiego – krytyka, biografa, historyka literatury, wydawcy, protektora młodych talentów. (...) Postać Gorkiego wyłania nam się w całej złożoności, zostaje niejako odbrazowiona, a przez to staje się bliższa, zrozumialsza, plastyczniejsza i prawdziwsza” (Śliwowski 1966: 11). Po wydaniu nowych źródeł, zarówno tych z okresu Cesarstwa Rosyjskiego, jak i Związku Sowieckiego, pochodzących z Rosji/ZSRS i emigracji, po dziesiątkach ważnych publikacji, które ukazały się nie tylko w Federacji Rosyjskiej i wreszcie po refleksji na temat Gorkiego pióra znanych pisarzy warto znów pochylić się nad twórczością „zwiastuna rewolucji”.

Bibliografia

Baranowska, P. (2013a). „Kwestia kobieca” w twórczości Maksyma Gorkiego. *Slavia Orientalis*, 2(62): 197–224.

- Baranowska, P. (2013b). Patriarchat na zakręcie: kobieta i mężczyzna w Rosji na przełomie XIX i XX wieku (opowiadanie Maksyma Gorkiego *Urlop*). *Przegląd Rusycystyczny*, 2(35): 126–133.
- Baranowska, P. (2015). *Typologia postaci we wczesnej twórczości Maksyma Gorkiego*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr hab. A. Wołodźko-Butkiewicz, Uniwersytet Warszawski, Wydział Lingwistyki Stosowanej, Warszawa, <http://depotuw.ceon.pl/handle/item/1465> (dostęp 15.09.2018).
- Basinskij, P.V. (2006). *Gor'kij. Moskva: Molodaâ gvardiâ* [Басинский, П.В. (2006). *Горький*. Москва: Молодая гвардия].
- Berberowa, N. (1998). *Podkreślenia moje. Autobiografia*. Przeł. E. Siemaszkiewicz. Warszawa: Noir sur Blanc.
- Berberova, N. (1997). *Čajkovskij; Železnaâ ženšina*. Moskva: Izdatel'stvo imeni Sabašnikovych [Берберова, Н. (1997). *Чайковский; Железная женщина*. Москва: Издательство имени Сабашниковых].
- Breza, T. (1966). *Krasnowiecki i inni – za: Lenarczyk, J. Maksym Gorki*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych.
- Bykov, D. (2016). *Gor'kij. Moskva: Molodaâ gvardiâ* [Быков, Д. (2016). *Горький*. Москва: Молодая гвардия].
- Čoni, P. (2018). *Gor'kij – politik*. Sankt Peterburg: Aletejâ [Чони, П. (2018). *Горький – политик*. Санкт Петербург: Алетея].
- Fanger, D. (1998). Niezwykłe sprzeczności Maksyma Gorkiego. Przeł. J. Jarniewicz. *Literatura na Świecie*, 10: 283–291.
- Figes, O. (2009). *Tragedia narodu. Rewolucja rosyjska 1891–1924*. Przeł. B. Hrycak. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.
- Frołow, S. (2014). *Apostołowie i bolszewicy. Osiem portretów*. Wołowiec: Czarne.
- Głuszkowski, P. (2019). Polemika Maksyma Gorkiego z kadetami i bolszewikami na łamach gazety „Nowaja Żyźń”. *Acta Neophilologica*, 1(21): 41–51.
- Gor'kij, M., Averbah, L.L., Firin, S.G. (Red.) (1934). *Belomorsko-baltijskij kanal imeni Stalina: istoriâ stroitel'stva*. Moskva: Obědinenie gosudarstvennyh knižno-žurnal'nyh izdatel'stv [Горький, М., Авербах, Л.Л., Фирин, С.Г. (Ред.) (1934). *Беломорско-балтийский канал имени Сталина: история строительства*. Москва: Объединение государственных книжно-журнальных издательств].
- Gorki, M. (1957). *Wybór listów*. W: Gorki, M. *Pisma*. T. 16. Przeł. J. Dmochowska. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy: 203–205.
- Gorki, M. (1960). Nieznany list Maksyma Gorkiego. *Slavia Orientalis*, 4: 527–528.
- Gorki, M. (1986). *Myśli nie na czasie*. Przeł. A. Poraj (J. Lubach). Warszawa: Wydawnictwo WIS.
- Gorki, M. (1998). Niewczesne rozważania. Przeł. J. Gondowicz. *Literatura na Świecie*, 10: 80–116.
- Gorki, M. (2000). *Matka*. Przeł. H. Górka. Warszawa: Club Internacional del Libro Polska.
- Gorki, M. (2016a). *Myśli nie na czasie*. W: Gorki, M. *Rosja*. Przeł. M. Buchalik. Kraków: Universitas: 415–537.
- Gorki, M. (2016b). *Rosja*. Przeł. M. Buchalik. Kraków: Universitas.
- Grzegorzczak, P. (1955). *Nota bibliograficzna*. W: Gorki, M. *Pisma w 16 tomach*. T. 5. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy: 725–726.
- Hen, J. (2006). *Bruliony Profesora T*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Herling-Grudziński, G. (1997). *Siedem śmierci Maksyma Gorkiego*. W: Herling-Grudziński, G. *Godzina cieni: eseje*. Warszawa: Czytelnik: 299–331.
- Hryniewicz, Z. (1932). *Czytelnictwo w bibliotekach Robotniczych Związków Zawodowych*. Warszawa.
- Jakóbiec, M. (Red.) (1976). *Historia literatury rosyjskiej*. T. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe: 505–541.

- Kociński, W. (2017). Na śmietniku życia. *Śląsk: Miesięcznik Społeczno-Kulturalny*, 5: 64.
- Kocur, M. (2006). O uciekaniu z teatru. *Teatr*, 11: 14–15.
- Krycka-Michnowska, I. (2018). Dramaturgia Maksyma Gorkiego w Polsce. *Studia Interkulturowe Europy Wschodniej*, 11: 216–232.
- Łapicka, K. (2016). Upagnionia wizyta. *Teatr*, 3: 58–59.
- Lenarczyk, J. (1966). *Maksym Gorki*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych.
- Lenarczyk, J. (1969). *Maksym Gorki a literatura polska*. W: Fiszman, S., Sierocka, K. (Red.). *O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich: 172–195.
- Lukirská, K.P., Moršihina, A.S. (1965). *Literatura o M. Gor'kom. Bibliografiâ 1955–1960*. Moskva: Nauka [Лукирская, К.П., Морщицина, А.С. (1965). *Литература о М. Горьком. Библиография 1955–1960*. Москва: Наука].
- Madej-Cetnarowska, M. (2008). *O nowym „Zwiastunie burzy” Maksyma Gorkiego. Literacka i transpozycja filozofii „wspólnego czynu” Nikołaja Fiodorowa*. W: *Słowianie w Europie*. T. 3. Kraków: Collegium Columbinum: 121–133.
- Marčenko, T.V. (2017). *Ruskaâ literatura v zerkale Nobelevskoj premii*. Moskva: Azbukovnik [Марченко, Т.В. (2017). *Русская литература в зеркале Нобелевской премии*. Москва: Азбуковник].
- Michnik, A. (2016). *Przedmowa*. W: Gorki, M. *Rosja*. Kraków: Universitas: V–VII.
- Nabokov, V. (2017). *Wykłady o literaturze rosyjskiej*. Przeł. Z. Batko. Warszawa: Aleteja: 399–414.
- Moskovskaâ, D.S. (Red.) (2018). *M. Gor'kij i A. Bogdanovič: družba roždennaâ na beregah Volgi*. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Московская, Д.С. (Ред.) (2018). *М. Горький и А. Богданович: дружба рожденная на берегах Волги*. Москва: Художественная литература].
- Niewdzięczny Gorki (1925). *Gazeta Poranna*, 7392.
- Nikitin, E. (2018). *Sem' žiznej M. Gor'kogo*. Nižnij Novgorod: Dekom [Никитин, Е. (2018). *Семь жизней М. Горького*. Нижний Новгород: Деком].
- Otmarski [Berson, J.] (1932). Jubileusz Maksyma Gorkiego. *Gazeta Polska*, 273: 3.
- Petelin, V. (2007). *Žizn' Makima Gor'kogo*. Moskva: Centroligraf [Петелин, В. (2007). *Жизнь Максима Горького*. Москва: Центролиграф].
- Rudziewicz, I. (2013). *Vospriâtie v Polše v načale XX veka Gor'kovskih literaturnyh dostiženij i podhodak kul'turnomu razvitiu*. *Acta Polono-Ruthenica*, 17: 91–98 [Rudziewicz, I. (2013). *Восприятие в Польше в начале XX века Горьковских литературных достижений и подхода к культурному развитию*. *Acta Polono-Ruthenica*, 17: 91–98].
- Ryter, Z. (1967). *Maksym Gorki w krytyce polskiej do roku 1939*, <http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/22517> (dostęp 10.09.2018).
- Sielicki, F. (1968). Gorki w przekładach i na scenie Polski międzywojennej. *Przegląd Humanistyczny*, 5: 89–109.
- Sielicki, F. (1969). Gorki w polskiej krytyce lat 1918–1939. *Slavia Orientalis*, 2: 163–184.
- Sielicki, F. (1971). *Maksym Gorki w kręgu spraw polskich*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax.
- Sielicki, F. (1987). Felietony Maksyma Gorkiego z cyklu „Myśli nie na czasie”. *Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze*, 10, s. 41–56.
- Śliwowski, R. (1966). *Wstęp*. W: *Korespondencja Maksyma Gorkiego z pisarzami*. Warszawa: Książka i Wiedza: 8–12.
- Sołżenicyn, A. (1990). *Lenin w Zurychu*. Przeł. P. Herzog. Warszawa: Editions Spotkania.
- Spiridonova, L.A. (1994). *M. Gor'kij: dialog s istoriej*. Moskva: Nasledie [Спиридонова, Л.А. (1994). *М. Горький: диалог с историей*. Москва: Наследие].

- Spiridonova, L.A. (2004). *Novyj vzglád*. Moskva: Institut mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk [Спиридонова, Л.А. (2004). *Новый взгляд*. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук].
- Spiridonova, L.A. (Red.) (2010). *Gor'kij v zerkale èpohi: neizdannââ perepiska*. Moskva: Institut mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk [Спиридонова, Л.А. (Ред.) (2010). *Горький в зеркале эпохи: неизданная переписка*. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук].
- Spiridonova, L.A. (2013). *Nastoâšij Gor'kij: mify i real'nost'*. Moskva: Institut mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk [Спиридонова Л.А. (2013). *Настоящий Горький: мифы и реальность*. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук].
- Spiridonova, L.A. (Red.). (2014). *Gor'kij: neizvestnye stranicy istorii: materialy i issledovaniâ*. Moskva: Institut mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk [Спиридонова, Л.А (Ред.) (2014). *Горький: неизвестные страницы истории: материалы и исследования*. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук].
- Spiró, G. (2017). *Diabolina*. Przeł. I. Makarewicz. Warszawa: Czytelnik.
- Sroka, M. (1958). Stanisław Brzozowski i Maksym Gorki. Materiały do biografii Brzozowskiego. *Twórczość*, 2: 115–128.
- Sworzeń, M. (2017). *Czarna ikona. Bielomor. Kanał bielomorski. Dzieje. Ludzie. Słowa*. Warszawa: Wydawnictwo Sic!.
- Varga, K (2017). Pisarz w butach Stalina, czyli artyści i despoci. *Gazeta: Duży Format*, 22 maja 2017.
- Wakar, J. (2016). Ludzka menażeria. *Dziennik: Gazeta Prawna*, 73, dod. *Kultura*: K 4.
- Yedlin, T. (1999). *Maxim Gorky: A Political Biography*. Westport: Greenwood Publishing Group.
- Zdziarski, S. (1919). *Dżingis-Chan zmartwychwstały. Studia z psychopatologii rosyjskiej*. T. 2. Poznań: Księgarnia Św. Wojciecha.



КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

МАРИЯ МИХНОВЕЦ

Санкт-Петербургское Государственное бюджетное учреждение культуры
«Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского»
ул. Достоевского д. 2/5, 191002, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>
(получено 30.08.2019; принято 5.10.2019)

Abstract

The Geopolitics of the Caucasus in the Works of Fyodor Dostoevsky

The paper explores the geopolitics of the Caucasus in Fyodor Dostoevsky's sociopolitical works. The writer clearly sees the Caucasus as being part of the Russian Empire and its most recent acquisition. An important feature of the region is its fundamental “otherness”, however its nature and identity are not explored. The paper focuses in particular on the religious affiliation of the Caucasus, which Dostoevsky sees as homogeneous in its symbolic connection with the Muslim world.

Key words: Dostoevsky, *A Writer's Diary*, geopolitics, the Caucasus, worldview

Резюме

Статья посвящена вопросу о месте Кавказа в системе геополитических воззрений Ф.М. Достоевского. На материале публицистики писателя показано, что Кавказ в его картине мира является территорией, принадлежащей Российской империи и недавно вошедшей в ее состав. Характерной чертой региона оказывается его

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020/18.

принципиальная «инаковость», однако вопрос о ее специфике не проблематизируется. Особое место в статье посвящено вопросу о религиозной принадлежности Кавказа, который для Достоевского оказывается гомогенным в своей символической причастности к мусульманскому миру.

Ключевые слова: Достоевский, *Дневник писателя*, геополитика, Кавказ, картина мира

В русистике сформировался огромный корпус исследований, которые можно объединить общей широкой темой «русская литература и Кавказ». Начало ее научному осмыслению было положено еще в 40. годах XX в. советским литературоведом грузинского происхождения В.С. Шадури (Шадури 1948), и с тех пор различные аспекты художественных и публицистических произведений русских писателей изучались в свете самых разнообразных методологий (Layton 1994; Эйдельман 1990; Багратион-Мухранели 1994; Чхаидзе 2015; Иванеско 2018 и др.). Обусловлено такое количество работ в том числе самой спецификой отечественной литературной традиции: кавказская тема является едва ли не сквозной для всей русской словесности XIX века. Для русской литературы Кавказ является не менее важным топосом, чем Петербург, Москва или Крым. Точно также, как о петербургском или усадебном текстах русской литературы, можно говорить о кавказском тексте русской литературы.

Изучению кавказской темы в творчестве Ф.М. Достоевского посвящено лишь несколько работ. Отчасти это обусловлено тем, что при всей обширности географии перемещений и путешествий Достоевский не посещал Кавказ. Также кавказский регион не становился местом действия в художественных произведениях писателя, среди многочисленных героев творчества Достоевского только Аким Акимович и Алей из «Записок из мёртвого дома» связаны с Кавказом, и кавказский мотив имеет характеро- и сюжетообразующую функции. Компаративистскому анализу образов этих героев посвящена работа китайского исследователя Ми Сюйян (Сюйян 2017). Косвенно касается кавказской темы статья П.В. Алексеева, посвященная мусульманскому востоку в поэтике писателя (Алексеев 2013). Отечественный философ и литературовед В.К. Кантор несколько раз упоминает Кавказ в рамках изучения вопроса о культурно-философском национализме и т.н. «имперском кризисе» *Дневника писателя* (Кантор 2010: 256–258), но в цели работы не входит развернутое обращение к кавказской теме.

Исследование же представлений Ф.М. Достоевского о Кавказе в геополитическом аспекте предпринимается впервые, сама традиция изучения творчества писателя под этим углом зрения находится на начальной стадии формирования (Щербинин, Щербинина 2018). Изучение того, какими характеристиками наделяется Кавказ в публицистическом, эпистолярном и художественном наследии писателя, позволяет не только заполнить «белое пятно» на геополитической карте в картине мира Достоевского, но и внести существенные дополнения в систему представлений о специфике его мышления, особенностях понимания

взаимоотношения Запада и Востока, славянского и западного, православно-го и мусульманского миров. Настоящее исследование выполнено в традициях методологии постколониальных исследований.

Ещё в 1854 году Кавказ в восприятии Достоевского являлся частью Российской империи. В этом году в письме брату Михаилу от 30 января – 22 февраля Достоевский рассказывает о возможных местах своей ссылки после сибирской каторги, и город Семипалатинск видится им как «почти киргизская степь» и в этом качестве противопоставляется «нашему» Кавказу, который для писателя «все-таки Россия» (Достоевский 1985: XXVIII (1): 172). Подобной точки зрения придерживается Достоевский и в 1870-х гг.: в набросках к *Дневнику писателя* за 1876 год появляется фраза: «Кавказцы – наши земли» (Достоевский 1981: XXIII: 305).

При этом Кавказ для него – своеобразная отметка «края мира», пограничная линия «своего» пространства. Так, например, в Записках из *Мёртвого дома* писатель размышляет о бегунах, которые всю жизнь проводят в скитаниях: «У нас в остроге мне указывали на одного из таких бегунов (...). Бывал он и на южной русской границе за Дунаем, и в киргизской степи, и в Восточной Сибири, и на Кавказе – везде побывал» (Достоевский 1972: IV: 174). Все перечисленные регионы на момент написания книги относительно недавно вошли в состав Российской империи, были фронтами государства и поэтому появление в размышлениях пишущего такого ряда топонимов неслучайно.

В рамках этой же логики возникает ряд топонимов в *Дневнике писателя* за 1873 год в главе *Влас*. Достоевский, размышляя о феномене старчества предполагает, откуда могут прийти за советом: «Живет этот старец, положим, в Херсонской губернии, а к нему едут или даже идут пешком из Петербурга, из Архангельска, с Кавказа и из Сибири» (Достоевский 1980: XXI: 33). Достоевский выстраивает ряд «Петербург–Архангельск–Кавказ–Сибирь», все дальше перемещаясь от административного центра к периферии. Заметим, что подобное сближение Кавказа и Сибири впервые появляется еще в его рецензии *Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года*. Материал был опубликован в февральском номере журнала «Время» за 1861 год и традиционно приписывается Достоевскому. Писатель привлекает внимание к феномену читательской реакции на выход в свет любого нового произведения: начинается «муссированье нового громадного произведения, и до того взмывают и до того муссируют, что это взмыливанье отзывается наконец и в Сибири, и на Кавказе, и даже в Остзейских провинциях, где, как известно, живут немцы, печатающие по-русски» (Достоевский 1984b: XXVII: 147). Остзейские провинции – территории современных стран Прибалтики, которые вошли в состав Российской империи в начале XVIII века после окончания Северной войны и которые обладали при этом существенной долей автономии. Перечисляя в одном ряду Кавказ, Сибирь и Прибалтику, Достоевский подчеркивает особый статус этих земель, акцентирует их «инаковость».

Подобная мысль повторяется и в *Дневнике писателя* за май 1876 года. В статье *Областное новое слово* Кавказ понимается как окраинный источник притока «новых сил», но представлен таким же «чужим», как и Рига:

И не вся ли Россия, напротив, притекала и толпилась в Петербурге и Москве, во все полтора столетия сряду, и, в сущности, сама себя и вела, непрерывно обновляясь свежим притоком новых сил из областей своих и окраин, в которых, мимоходом говоря, задачи были совсем одни и те же, как и у всех русских в Москве или Петербурге, в Риге или на Кавказе, или даже где бы то ни было (Достоевский 1981: XXIII: 6).

Таким образом, на протяжении ряда лет Достоевский неизменно объединяет Кавказ, Сибирь, «Остзейские провинции», «киргизские степи» (территории современного Казахстана) как земли, не являющиеся исконно русскими, населенные собственными этносами и лишь отчасти ассимилировавшимися. Эти регионы оказываются в роли своеобразного «своего иного» (Лекке, Чхаидзе 2018: 14): они, с одной стороны, включены в состав Российской империи, с другой стороны, осознаются русским писателем как инородные, «иные».

Подобное понимание места Кавказа в составе Российской империи прослеживается и в статье *По поводу выставки из Дневника писателя* за 1873 год. Достоевский рассуждает о современной ему пейзажной живописи и ее национальной специфике:

Я, конечно, не говорю, что в Европе не поймут наших, например, пейзажистов: виды Крыма, Кавказа, даже наших степей будут, конечно, и там любопытны. Но зато наш русский, по преимуществу национальный, пейзаж, то есть северной и средней полосы нашей Европейской России, я думаю, тоже не произведет в Вене большого эффекта (Достоевский 1980: XXI: 70).

Для Достоевского Крым, Кавказ, степи – безусловно «наши», то есть административно закреплены за территориями российского государства. Но исходя из контекста всего высказывания видно, что в картине мира писателя эти регионы не являются русскими, «нашими».

Такое понимание сопровождается у Достоевского рядом особенностей. Писатель не проблематизирует вопрос о коренном населении Кавказа, для него самобытного населения Кавказа будто бы и нет. Достоевский не задается вопросом о специфике его инаковости. В то же время в российском обществе проявлялась совершенно противоположная тенденция: выявить особенности определенного края. Так, например, в середине XIX века русское географическое общество было озабочено вопросом о необходимости исследования Кавказа. В 1860 году выходит большой труд Д.И. Романовского *Кавказ и кавказская война* (Романовский 1860). Знаменательно, что в журнале «Заря» в 1870 году печатался и рассказ *Вечный муж* Достоевского, и статья *Русские люди на Кавказе* А.И. Руновского – военного пристава при плененном Шамиле, опубликовавшего ранее записки о ходе Кавказской войны, о мюридизме, газаве и о самом имаме. И упомянутые нами выше, и другие работы описывали этнографические и конфессиональные особенности Кавказа, в них обращалось внимание на различие в ментальности кавказских народов. Достоевский же не проявляет интерес к природе кавказского края, не задается вопросами о различиях между многочисленными кавказскими этносами.

При этом в публицистике у Достоевского последовательно проведен колониально-империалистический взгляд на Кавказ. Для него Кавказ – «младший брат» великоруса:

Вы тревожитесь, чтобы «старший брат в семье» (великорус) не оскорбил как-нибудь сердца младшего брата (татарина или кавказца) (...). Позвольте, что ж это такое? Русская земля принадлежит русским, одним русским, и есть земля русская, и ни клочка в ней нет татарской земли. Татары, бывшие мучители земли русской, на этой земле пришлецы (Достоевский 1981: XXIII: 127).

В этой логике получается, что великорус волен поступать с коренным населением Кавказа так, как ему угодно. Достоевский в *Дневнике писателя* за июль-август 1876 года в главе *Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах* с сочувствием воспроизводит мнение корреспондента «Московских ведомостей» об уместности переселения татар из Крыма и подчеркивает опыт положительного влияния прихода русских на Кавказ:

«Московские ведомости» выражают желание «не жалеть о татарах» и т. д. не для одной лишь политической стороны дела, не для одного лишь закрепления окраин, а выставляют и прямо экономическую потребность края. Они выставляют, как факт, что крымские татары даже доказали свою неспособность правильно возделывать почву Крыма и что русские, и именно южнорусы – на это гораздо будут способнее, и в доказательство указывают на Кавказ (Достоевский 1981: 54–55).

Достоевский при этом не уточняет, имеет ли он в виду приезд русских квалифицированных специалистов на Кавказ или же появление там русского населения. В любом случае, писатель транслирует колониальную установку: коренные народы находятся на более низком уровне развития цивилизации по сравнению с метрополией, и задача метрополии – «помочь» этим народам, вне зависимости от их собственного желания или согласия. Стоит, тем не менее, заметить, что речь идет о дальнейшем развитии края с учетом его природных особенностей. Не предполагается экспансия, ведущая к вывозу ресурсов и др.

Важным материалом для понимания места Кавказа в системе геополитических представлений Достоевского являются статьи, опубликованные им в *Дневнике писателя* в 1876–1878 годах. На эти годы выпали события Балканской войны, во время которой христианские славянские народы Балкан сражались за независимость от мусульманской Османской империи. Россия оказывала поддержку братьям-славянам, в русском обществе был большой патриотический подъем, и за военными действиями внимательно следил Достоевский. При этом один из фронтов войны пролегал на Кавказе, более того, современная официальная отечественная историография определяет в качестве одной из дат завершения Кавказской войны, в общей сложности длившейся едва ли не целый век, именно 1878 год, апеллируя к тому, что в этом году в последний раз на Кавказе применялась артиллерия. Поэтому активный интерес Достоевского к событиям и проблематике Балканской войны, обусловленной, главным образом, столкновением двух конфессий, мог быть распространен и на Кавказский фронт. Но пристальное внимание Достоевского не было обращено на Кавказ, парадок-

сальным образом причина этого заключается в том, что в геополитической картине мира Достоевского Кавказ не является христианским регионом.

Об этом свидетельствует, например, статья *Лакейство или деликатность?*, опубликованная в *Дневнике писателя* за ноябрь 1877 года. Предпосылкой для ее написания стал *Путевой дневник* князя В.П. Мещерского, который отправился в Турцию через Кавказ и останавливался в Тифлисе. Заметка Мещерского *Понедельник, 17 октября, в Тифлисе* была опубликована 4 ноября в газете «Московские ведомости». В ней автор описывает пленных турок и рассуждает о российской «слабости»: Россия желает «рисоваться перед Европой». Этот сюжет обращает на себя внимание Достоевского, и он приводит в *Дневнике писателя* целый фрагмент заметки Мещерского:

Пленные паши выехали из Тифлиса. Их хотели везти на перекладных, но они взбунтовались и изволили объявить, что не поедут, ибо не привыкли к русским телегам. Вследствие этого им поданы были почтовые кареты и рессорные экипажи, с шестернями лошадей к каждому экипажу. На это они изволили заявить свое удовольствие, и, вследствие огромного числа забранных под них лошадей, бедные проезжающие по Военно-Грузинской дороге будут сидеть трое суток без лошадей. А офицеру русской службы, сопровождающему их, назначено 50 коп. суточных, и посадили его не в карету, а как сажают прислугу в омнибус! Все это гуманность! («Моск. ведом.» № 273) (Достоевский 1984: XXVI: 70).

Далее писатель рассуждает о том, что есть подлинная гуманность, а что есть «деликатность» в услуге европейского мнения, приводит наравне с тифлисским сюжетом и другие примеры подобного «либерального» отношения к врагам в угоду взглядам, устремленным на Россию со стороны Европы. В своих размышлениях Достоевский не прибегает к событиям сражений на Кавказском фронте, не затрагивает вопрос о потерях коренного населения Кавказа, о возмущении православных тифлисцев в связи с почестями, оказанными русскими пленным туркам-мусульманам. Писатель откликается только на те события, которые соответствуют занимавшей его в то время проблематике: преклонению «либералов» перед Европой и – шире – взаимоотношениям Европы и России. Поглощенность Достоевского, как и русской интеллигенции в целом, этим вопросом, привела к тому, что кавказская проблематика им не улавливалась. К 1860–1870 годам военные, историки, путешественники уже подошли к вопросу осмысления Кавказа, но петербургская и московская интеллигенция еще не обращала на этот регион свое пристальное внимание, ее взгляд устремлен на Европу.

Вероятно, поэтому Достоевский полностью игнорирует важнейшую составляющую конфликта, лежащего в основе описанного Мещерским эпизода, которая вытекала из геополитического положения Кавказа: из его пограничного положения между христианским и мусульманским миром. Писатель не задается вопросом о существовании христианского Кавказа, находящегося на границе с мусульманским миром. На карте его геополитических представлений нет ни православной Армении, ни православной Грузии, которые на протяжении

веков страдали от нападений мусульманской Османской империи также, как и балканские народы.

Достоевский, по сути дела, исключает Кавказ из ореола распространения православных народов. Так, например, в записных подготовительных тетрадях Достоевского к *Дневнику писателя* читаем:

Пишут, что мы охладели к Восточному вопросу. Это неправда: народ не охладел.... (...) Вот в постановке вопроса народностей и национальностей вопрос о Востоке, о восточных христианах слился в народном понятии не в одно человеколюбие и не в одну политическую задачу (...). Восточный вопрос – русский по преимуществу, национальный, народный и всегда популярный (Достоевский 1982: XXIV: 307).

При всей важности для Достоевского вопроса о восточных христианах, такими для писателя являются только славянские народы, в то время как положение южных христиан – кавказских народов – не проблематизируется. Получается, что славянское едва ли не стоит выше и важнее собственно христианского. Более того, Кавказ в сознании Достоевского оказывается гомогенным в своей символической причастности к мусульманскому миру.

В *Дневнике писателя* за 1876 год в главе *Кифомокиевщина* Достоевский пишет о России как христианской стране и размышляет о роли мусульманских народов (крымских, казанских татар, сторонниках шариата на Кавказе) в ее составе, но опять-таки христианские народы Кавказа не упоминаются (Достоевский 1981: XXIII: 124–126). Более того, в главе *В продолжение предыдущего* Достоевский предполагает возникновение ситуации, при которой кавказские мусульманские народы могли бы взволноваться и пойти против христианской России, поддержав мусульманскую Турцию. Однако факт существования христианских кавказских народов, которые могли пострадать в таком случае от мусульман, он снова опускает:

Беспокойство, обнаружившееся в некоторых местностях Кавказа, (...) должно напомнить нам, что православный великорус живет в семье, что он не единственный, хотя и старший сын России (...). Чем виноват этот старший сын в семье, что мусульманин-кавказец, этот младший сын в семье, так восприимчив насчет своей веры и с такими понятиями, что, идя против турок, старший сын идет уже и против него и всего мусульманства?.. Вы тревожитесь, чтобы «старший брат в семье» (великорус) не оскорбил как-нибудь сердца младшего брата (татарина или кавказца) (Достоевский 1981: XXIII: 127).

И из этого фрагмента, и из приведенных выше цитат видно, что Достоевский понимает территорию Кавказа и населяющие ее народы как неотъемлемые составляющие в составе единой «братской» Российской империи, подчеркивает их кровную связь. И такая «братская» связь, в системе современных представлений, подразумевает равные права всех народов и конфессий. Но для Достоевского народы Кавказа – «младшие братья» великорусов, они находятся на вторых ролях в составе государства, это национальные и религиозные меньшинства, которые не могут претендовать на равные права с русскими. Кроме того, из проблематики снова выпадают православные народы Кавказа, они не упоминаются ни как братья по вере, ни даже как «младшие братья», они не существуют на геополитической карте Достоевского.

Встает вопрос о том, почему христианские народы Кавказа остаются вне поля зрения Достоевского. С одной стороны, можно сделать вывод о том, что для писателя вопрос национальности оказывается едва ли не важнее вопроса вероисповедания. С другой стороны, находясь в рамках методологии постколониальных исследований, можно предположить, что Достоевскому были свойственны черты типично имперского, колонизаторского сознания. В его представлении периферия империи имела гомогенный характер и у отдельно взятого региона, который не был включен в какую-то другую проблематику, беспокоившую писателя, выделялась только ведущая характеристика. Для писателя не был характерен интерес к этнокультурным особенностям того или иного окраинного региона Российской империи, в его картине мира они не имели собственного символического капитала. Этнографический и антропологический интерес не был свойственен сознанию писателя, и его видение Кавказа является очередным тому подтверждением.

Третье объяснение может быть дано при условии выхода за пределы методологии постколониальных исследований и обращении к особенностям историкофилософских воззрений Достоевского, а также специфике источников его знания о текущих событиях. Исследователями неоднократно приводились примеры, подтверждающие, что творческое сознание Достоевского чутко реагировало на опубликованную в газетах и журналах информацию, опубликованные статьи органично входили как в художественные, так и публицистические произведения писателя. При этом значима была ведущая проблема, которая больше всего занимала в тот или иной период Достоевского. В исследование этой проблемы он углублялся, и ее утверждение и обоснование было важнее, нежели всестороннее изучение ее противоречий и органичной сложности. Она служила своеобразным фильтром в отборе материала, на который реагировал писатель. Кавказская тема была на страницах печати конца 1870 годов, но тем не менее большее внимание уделялось балканским событиям, именно на них был сосредоточен общественный интерес. Для сознания Достоевского, поглощенного в то время славянским вопросом и взаимоотношениями мусульманского и христианского мира, было достаточно фактического знания об одном регионе. Для утверждения своей позиции по славянскому и христианскому вопросу писатель выбрал те сведения, которые лежали на поверхности. Внутренней потребности в поиске дополнительных примеров и аргументов, этнокультурных и геополитических параллелей, которые бы привели к появлению специального, углубленного интереса к Кавказу и его геополитическому положению, у Достоевского, поглощенного «русской идеей», не было.

Библиография

- Alekseev, P.V. (2013). Musul'manskij vostok v poëtike F.M. Dostoevskogo. *Vestnik Omskogo universiteta*, 4: 298–301 [Алексеев, П.В. (2013). Мусульманский восток в поэтике Ф.М. Достоевского. *Вестник Омского университета*, 4: 298–301].

- Bagratiun-Muhraneli, I. L. (1994) Kavkaz kak utopiã ruskoj klassičeskoj literatury. *Vestnik TGPU*, 9: 83–88 [Багратион-Мухранели, И.Л. (1994). Кавказ как утопия русской классической литературы. *Вестник ТГПУ*, 9: 83–88].
- Čhaidze, E. (2015). Politika i issledovanie rusko-gruzinskih literaturnyh svâzej v Gruzii: s sovetskogo perioda po postsovetskij. *Toronto Slavic Quartaly*, 53: 92–112 [Чхаидзе, Е. (2015). Политика и исследование русско-грузинских литературных связей в Грузии: с советского периода по постсоветский. *Toronto Slavic Quartaly*, 53: 92–112].
- Dostoevskij, F.M. (1972). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1972). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1980). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1980). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1981). *Polnoe sobranie sočinenij*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф. М. (1981). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1982). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский Ф.М. (1982). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1984a). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1984a). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1984b). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1984b). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1985). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф. М. *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Ėjdel'man, N. (1990). *Byt' možeť za hrebtom Kavkaza (Russkaã literatura i obšestvennaã mysľ pervoj poloviny XIX v. Kavkazskij kontekst)*. Moskva: Nauka [Эйдельман, Н. (1990). *Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст)*. Москва: Наука].
- Ivanenko, A.E. (2018). Kavkazskie plenniki na imperskom frontire. *Novoe prošloe*, 3: 8–18 [Иваненко, А. Е. (2018). Кавказские пленники на имперском фронтире. *Новое прошлое*, 3: 8–18].
- Kantor, V.K. (2010). «Sudit' Bož' ŭ tvar'». *Proročeskij rafos Dostoevskogo*. Moskva: Rossijskaã političeskaã ènciklopediã [Кантор, В.К. (2010). «Судить Божью тварь». *Пророческий пафос Достоевского*. Москва: Российская политическая энциклопедия].
- Layton, S. (2005) *Russian Literature and Empire: conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lekke, M., Čhaidze, E. (2018). *Rossiã – Gruzii – Gruziiã posle imperii*. V: Lekke M., Čheidze E. (Red.). *Rossiã – Gruziiã posle imperii: sbornik statej*, Moskva: 31–55 [Лекке, М., Чхаидзе, Е. (2018). *Россия – Грузия – Грузия после империи*. В: Лекке, М., Чхаидзе, Е. (Ред.). *Россия–Грузия после империи: сборник статей*, Москва: 31–55].
- Romanovskij, D. I. (1860). *Kavkaz i Kavkazskaã vojna. Publičnye lekcii, čitannye v zale Passaža general štaba polkovnikom Romanovskim D.I.* Sankt-Petersburg [Романовский, Д. И. (1860). *Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа генерал штаба полковником Романовским Д.И.* Санкт-Петербург].
- Šaduri, V. (1948). *Russkie pisateli o Gruzii*. Tbilisi: Zarã Vostoka [Шадури, В. (1948). *Русские писатели о Грузии*. Тбилиси: Заря Востока].
- Šerbinin, A.I., Šerbinina N.G. (2018). Kartirovanie slavãnskogo mira v «Dnevnikе pisatelã» F.M. Dostoevskogo. *Rusin*, 54 (4): 292–302 [Щербинин, А.И., Щербинина Н.Г. (2018). Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. *Русин*, 54 (4): 292–302].
- Sűjãn, Mi. (2017). Kavkazskij motiv v «Zapiskah iz Mertvogo doma» F.M. Dostoevskogo: skvoz' prizmu polemiki s M.Ū. Lermontovym. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriã: Voprosy obrazovaniã: ŗzyki i special'nost'*, 14 (4): 728–742 [Суюян, Ми. (2017). Кавказ-

ский мотив в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: сквозь призму полемики с М. Ю. Лермонтовым. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, 14 (4): 728–742].



Н.А. БЕРДЯЕВ О ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

ИНЕССА МОРОЗОВА

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии

Центр социально-философских и антропологических исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь
e-mail: inesmorozova@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3566-331X>
(получено 24.08.2019; принято 22.09.2019)

Abstract

N.A. Berdyaev about the Personality and Work of K.N. Leontyev

The paper presents an analysis of Berdyaev's perception of Leontyev's system of philosophical, aesthetic and religious views, taking into account the evolution of his thinking, the controversial and extraordinary personality of Leontyev in the context of social realities of the second half of the 19th century and in the context of theoretical constructions of representatives of Russian idealistic philosophy.

Key words: personality, aesthetics independent on morality, aesthetics, conservatism, religiosity

Резюме

В статье представлен анализ восприятия Н. Бердяевым системы философских, эстетических, религиозных взглядов К. Леонтьева, с учетом эволюции его мышления, противоречивой и неординарной личности К. Леонтьева в контексте общественных реалий второй половины XIX века и в контексте теоретических построений представителей русской идеалистической философии.

Ключевые слова: личность, внеморальный эстетизм, эстетика, консерватизм, религиозность

К 145-летию со дня рождения Н.А. Бердяева

Известный русский философ XX века Н.А. Бердяев, многообразное творческое наследие которого насчитывает почти 500 работ различного уровня, переведенных на двадцать языков мира, неоднократно обращался к личности и творчеству К.Н. Леонтьева, достаточно противоречивого и неординарного представителя русской общественно-политической, литературной и философской мысли второй половины XIX столетия, высоко ценимого целой плеядой выдающихся мыслителей русской идеалистической философии, среди которых В. Розанов, Вл. Соловьев, С. Булгаков, П. Струве, В. Зеньковский и многие другие. Сам факт такого обращения к творчеству Леонтьева свидетельствует об огромном интеллектуальном потенциале этого парадоксального и, несомненно, одаренного представителя XIX века, для которого он был мало характерен в своей неповторимо индивидуальной явленности и самобытности. Поиск духовных, социальных и эстетических ориентиров определяет принадлежность Леонтьева к кругу трагических фигур минувшей эпохи, чье многогранное творческое наследие не вписывается в рамки своего времени, беспощадно отвергнувшего слишком смелые и неординарные утверждения преждевременного мыслителя. Суждения Леонтьева, произнесенные более ста лет тому назад и обращенные, безусловно, к реалиям социокультурного процесса XIX века, не утратили своей актуальности для нынешних поколений, о чем свидетельствует тот факт, что его имя уже более тридцати лет активно фигурирует в исследовательской практике. Но открытие Леонтьева принадлежит именно представителям русского религиозно-философского ренессанса, которых притягивала его сложная и антиномичная система мировоззрения, и Бердяев здесь не является первооткрывателем.

Именно Розанов, фактически открывший Леонтьева для последующих поколений, создал ряд статей о личности и творчестве писателя. Ценность наблюдений Розанова заключается в том, что в них определены основные элементы мировоззрения Леонтьева (натурализм, эстетизм, религиозность), выявлены отличия леонтьевских идей от славянофильской традиции и историософии Н. Данилевского (Розанов 1990: 296), отмечены точки соприкосновения с Ф. Ницше и Т. Карлейлем (Розанов 1995: 517). Розанов пронизательно усматривает в Леонтьеве предшественника неоромантических течений рубежа XIX-XX веков, преждевременность и неписываемость Леонтьева в схему общественных и эстетических течений и направлений XIX века. И, конечно, вполне понятно и объяснимо, принимая во внимание сложный комплекс мировоззрения Леонтьева, утверждение Розанова в начале XX века:

(...) время его придет. И, вот, когда оно «придет», Леонтьев в сфере мышления, наверное, будет поставлен впереди своего века и будет «заглавною головою» всего у нас XIX столе-

тия (...). В нем есть именно мировой оттенок, а не только русский. Собственно, он будет оценен, когда кончится «наш век», «наша эпоха», с ее страстями, похотями и предрассудками (...). Леонтьев был именно «пифагореец нового века», вот будущего века, вот грядущего века (Розанов 1995: 656).

Весьма ценными представляются суждения Вл. Соловьева, отличающиеся строгим академизмом, на которые будет ссылаться Бердяев, выстраивая теоретические умозаключения по осмыслению леонтьевского наследия. Соловьев, близко знавший Леонтьева и высоко оценивавший его интеллектуальное дарование, в статье, написанной для Энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона, в сжатой форме классифицирует основные положения мировоззрения Леонтьева, выявляет специфику леонтьевского «охранения» и отличие его от традиционного славянофильства и официального консерватизма. Соловьев, так же как и Розанов, усматривает в Леонтьеве, эстете и имморалисте, предшественника Ницше, однако констатирует весьма спорное утверждение об отсутствии цельности в мировоззрении Леонтьева (Соловьев 1993: 322).

Не менее важными в понимании сложного комплекса леонтьевских идей следует признать наблюдения и Булгакова, причислившего Леонтьева за независимость и свободу интеллекта к числу самых передовых умов в Европе. Более всего философа интересует эстетизм Леонтьева, рассматриваемый как главенствующий принцип его мироощущения, определяющий именно европейское, а не русское начало в Леонтьеве. По мнению Булгакова, стремление Леонтьева «стать по ту сторону добра и зла» выделяет его из всей русской общественной мысли, сближая с позицией Ницше и определяя его реакционность, приводящую к совершаемому в Леонтьеве кризису новой культуры, который осознается как «эстетический мятеж против обмещавшего века» (Булгаков 1993: 2: 561).

Безусловно, наследие представителей русского религиозно-философского ренессанса является научной основой, точкой отсчета для развития леонтьеведения. Синтезированная, антиномичная система мировоззрения мыслителя, его «футуро-эсхатология» привлекала пристальное внимание религиозных философов, вызывая полярные оценки и суждения. И, вне всякого сомнения, именно Бердяеву принадлежит пальма первенства, ведущее место в изучении творческого наследия Леонтьева. В начале XX столетия Бердяев предпринимает первую попытку осмысления мировоззрения писателя в статье К. Леонтьев – философ реакционной романтики. В ней Бердяев не только повторяет, или, точнее, систематизирует данные до него определения основных мировоззренческих положений Леонтьева – его реакционный романтизм и эстетизм, византизм и ницшеанство, религиозный аскетизм и пр., но и подвергает критике отдельные установки, пропуская через призму собственной концепции мировосприятия. Подобная критика приводит к отрицанию религии «страха» Леонтьева и христианства «трансцендентного эгоизма», т. е. спасительного только для собственной души; к неприятию и осознанию несостоятельности натуралистического метода в историософских построениях Леонтьева (Бердяев 1994: 2: 255).

В 1926 г. выходит в свет одна из самых интереснейших книг о мыслителе Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли), написанная Бердяевым в жанре философской биографии, являющаяся существенным вкладом в развитие леонтьеведения и по сей день остающаяся ценным теоретическим источником для ученых. В ней, наряду с освещением фактов основных жизненных этапов Леонтьева, осуществлен серьезнейший анализ историко-философских, культурологических, эстетических, литературных и политических взглядов, дана блистательная характеристика сложной и неординарной личности, вскрыты причины драматической судьбы талантливого представителя ушедшего столетия. Это был человек, прекрасно осознающий свою внешнюю привлекательность, одаренность и тонкий вкус; самолюбивый и тщеславный, смелый и бескомпромиссный в поступках и словах, жизненное и творческое кредо которого определяют двумя словами – против течения. Исключительность жизни этого человека определялась потребностью «разрешить проблему личной судьбы» (Бердяев 1991: 1: 151), для которого субъективное гораздо важнее любых объективных реалий, что и вызовет пристальный интерес Бердяева:

Он занят самим собой перед лицом вечности. Поэтому он не находит себе места, меняет профессии, не может ни на чем успокоиться. Он то врач, то консул, то литератор, то цензор, то монах. Он решает объективные вопросы в связи с субъективным вопросом своей судьбы. Стиль его жизни, стиль его писаний совершенно объективный. Он из тех, для кого субъективное и объективное отождествляются. Такие люди особенно интересны (Бердяев 1991: 1: 151).

Неудивительно, что личность Леонтьева вызовет самые противоречивые оценки: от восторженных и лестных до уничижительных и резко отрицательных, но суть в том, что все они свидетельствуют о сложной, трагической фигуре в истории русской литературы и общественной мысли второй половины XIX века, о чем неоднократно выскажутся писавшие о Леонтьеве. Однако демонстративное противостояние устоявшемуся общественному мнению, безапелляционность выводов и суждений, дерзкое нарушение традиционности порождает умственное одиночество и непонимание, болезненно ощущаемое Леонтьевым. Общественное мнение брезгливо отбросит немодные сентенции Леонтьева, подписав приговор отчуждения и безызвестности. Существование Леонтьева (до 40 лет) в реальной жизни находилось в границах внеморального эстетизма и романтизма, где нравственный критерий растворялся в эстетическом, усиливая тем самым леонтьевское противостояние социуму. Эстетическая система ценностей Леонтьева, так называемый внеморальный эстетизм является основополагающим для развития целого спектра его разнохарактерных и разномасштабных воззрений, будь то общественно-политических, культурно-исторических или религиозных, трансформированных в философско-публицистическом и художественном наследии.

Придавая универсальный характер эстетическому, Леонтьев определяет доминирующий и основополагающий критерий совершенства явлений – красоту. Он настойчиво постулирует самоценность красоты как главной категории эстетики. Леонтьев отбрасывает нравственный компонент в эстетическом критерии

(красота для него – вне нравственности, она нейтральна), разграничивая моральный и эстетический уровни, «оказываясь в плену секулярного эстетизма, т. е. отделившегося от этики», декларируя принципы неморального эстетизма. Общим законом красоты, по Леонтьеву, является «разнообразие в единстве», что вплотную подводит его эстетическую позицию, точнее, неразрывно связывает с декларируемым принципом неравенства. Критерий неравенства, словности, эта своеобразная «метафизическая интуиция об иерархии человеческого бытия» столь же универсален и приложим ко всему у Леонтьева, сколь универсален эстетический критерий. Нарушение «антропологической истины» неравенства воспринимается Леонтьевым катастрофически-губительным в онтологическом плане. «(...) Сословный строй, неравноправность граждан, разделение их на неравноправные слои и общественные группы есть нормальное состояние человечества», – полагает мыслитель, и именно отсюда исходит его «эстетическое неприятие буржуазной действительности» (Леонтьев 1993: 166), сближающее Леонтьева с представителями западноевропейского романтизма.

Нравственное, этическое в онтологическом плане Леонтьев не отрицает, в его системе ценностей нет места утилитарной морали, ибо именно в ней он усматривает некую безнравственность. Выпадение морального начала, а точнее примат эстетического над этическим, расширяет границы приемлемости прекрасного, эстетически привлекательными для Леонтьева становятся трагическое и демоническое, различные проявления силы, все героическое, выдающееся, что сближает его с Карлейлем, Гобино, Ницше, Рескиным. Эстетический дуализм Леонтьева расценят как «эстетическое изуверство», «пессимистический аморализм» (Франк 1993: 354), с чем принципиально не согласится Бердяев: «(...) с более глубокой точки зрения ни К.Н., ни Ницше не были аморалистами. В конце концов, К.Н. видел в красоте добро, а в уродстве – зло» (Бердяев 1991: 1: 199), усматривая проповедь Леонтьевым и Ницше особой, аристократической морали, «морали жизни в красоте».

Бердяев выявляет в Леонтьеве наличие целого ряда черт, присущих именно западному типу, а не исконно русскому (эстет, романтик, аристократ, не народник и не националист, обладающий натуралистическим мышлением, латинской ясностью и четкостью мысли) (Бердяев 1991: 1: 150), усложняющих, по мнению философа, понимание и признание Леонтьева среди кругов российской интеллигенции второй половины XIX века, разъединяющих Леонтьева со славянофильством и народничеством и выводящих его за рамки XIX столетия, определяя исключительность положения вне школ и направлений. По мнению Бердяева, Леонтьев не только не разделял традиционно-славянофильского отрицательного отношения к католицизму, но имел положительные католические симпатии, которые под конец у него возросли. Ему нравится религиозный фанатизм католиков, их крепость и активность в отношении к своей вере. Католики «и нам могут служить добрым примером». Он считает «католиков очень полезными не только для всей Европы, но и для России».

Бердяев определит Леонтьева далеко стоящим от славянофильства, ибо, по мнению философа,

у него другое понимание христианства, не допускающее никаких гуманитарных элементов, другая мораль, аристократическая мораль силы, он совсем не верил в народ, совершенно отрицательно относился к национализму, он совсем не народник, славянофилы же были народниками, натуралистическая социология переходит у него в апокалиптику и оценки эстетические совпадают у него с оценками религиозными (Бердяев 2001: 97).

Поэтому, относя Леонтьева (с известной долей условности) к представителям славянофильской ориентации, исследователи отмечают, что Леонтьев занимает особое, промежуточное положение, всегда – «над», пытаясь синтезировать теоретические построения различных направлений. А. Янов в крупной концептуальной работе рассматривает отношение Леонтьева к славянофильству и определяет его место в истории русского консерватизма. Ученый скрупулезно анализирует историческую концепцию Леонтьева, выявляет существенные отличия основных ее положений от славянофильской традиции, развиваемых, по мнению Янова, в русле утопического консерватизма, и определяет Леонтьева антиподом национализма и славянофильства (Янов 1969: 102), следуя в своих оценках за Бердяевым.

Бердяев считает Леонтьева реакционным романтиком, отвергающим европейский буржуазный эгалитаризм и эвдемонизм, определяет влияние А. Герцена, Н. Данилевского и Вл. Соловьева на формирование мировоззрения Леонтьева, выявляет точки соприкосновения с позицией П. Чаадаева в понимании проблемы исторических перспектив развития России, усматривает в Леонтьеве предшественника О. Шпенглера и Ницше, признает автономность натуралистических, эстетических и религиозных мотивов в мирозерцании Леонтьева и определяет дуалистическим тип его религиозности, не имеющий основания претендовать на истинно христианский.

Струве, полемизируя с Бердяевым, считает Леонтьева выразителем именно истинного православного христианства, в отличие от Достоевского и Соловьева, находит точки соприкосновения с религиозным пессимизмом Н. Гоголя, принципиально усматривает в историческом построении Леонтьева близость с «западничеством» И. Тургенева и Чаадаева (Струве 1992: 95). Примечательно обращение к наследию Леонтьева Г. Флоровского, который находит в эстетизме Леонтьева латинские, западные мотивы (параллель с Л. Блуа), расценивает Леонтьева замкнутым в границах романтического натурализма, продолжающего традиции Ап. Григорьева, определяет близость натуралистической историософии Леонтьева с морфологией истории Вл. Одоевского, Герцена и Данилевского (Флоровский 1991: 203–204), расширяя и уточняя тем самым наблюдения Бердяева.

Особенно важным представляется иной взгляд Бердяева на имморализм Леонтьева и Ницше, понимаемый как проявление совершенно другой морали, морали ценностей, а не морали человеческого блага. Бердяевский тезис «сверхличная ценность выше личного блага» (Бердяев 1991: I: 203), открывает перспективу качественно нового подхода к решению столь сложной проблемы и подрывает незыблемость устоявшихся схем. Важно отметить, что современный исследователь А. Корольков расценивает леонтьевский эстетизм чужеродным западно-европейскому романтизму, более оптимистически окрашенному, полемизируя

тем самым с Бердяевым и целым рядом исследователей. Автор пронизательно указывает на факт открытия Леонтьевым эстетических, этических и социальных норм, которые еще пробивают себе дорогу в современной науке и требуют объективных оценок (Корольков 1991: 60).

А. Сивак стремится развенчать устоявшиеся штампы в отношении Леонтьева и отбросить «устаревшие» оценки Бердяева. Так, выявляя специфику консерватизма Леонтьева (в первую очередь именно область общественно-политических взглядов), Сивак верно указывает на точки соприкосновения с позициями М. Каткова и других представителей консервативной мысли России и оспаривает мнение Бердяева относительно интеллектуально-философского одиночества и оригинальности Леонтьева (Сивак 1991: 15). Однако, не признавая имморализм Леонтьева и призывая по-новому рассматривать его «мораль ценностей», что очень важно и актуально, исследователь принимает точку зрения Бердяева и вступает в противоречие с самим собой, указывая на нетипичность, оригинальность и неписываемость Леонтьева в схему традиционных направлений. Думается, что такое «расщепление» неправомерно, поскольку только комплекс всех мировоззренческих установок того или иного писателя позволяет судить о принадлежности к тому или иному направлению.

Особое внимание философ уделяет рассмотрению литературного опыта Леонтьева, признавая за ним большое художественное дарование, невзирая на факт отсутствия художественной цельности в его произведениях. Бердяев определяет Леонтьева новым и оригинальным художником для своего времени, романтиком и реалистом с преобладанием эстетизма, стоящим в стороне от «большого пути» русской литературы («почти не русский художник»). Бердяев считает повесть Исповедь мужа лучшим художественным творением Леонтьева:

Очень тонкая вещь, новая по духу, в русской литературе единственная в своем роде. Она отражает очень тонкий эротизм сложной души, столь не похожей на людей шестидесятых годов, столь чуждой им. Психология любви человека средних лет к молодой девушке, согласие отказаться от неё и помочь её любви к другому – всё это описано с тонкостью и изяществом, почти не бывшими в русской литературе (Бердяев 1991: 1: 60).

На факт экзистенциальности творчества Леонтьева в современной исследовательской литературе указывалось неоднократно. Бердяев в своей фундаментальной работе также выделял отдельные экзистенциальные мотивы и проблемы, представленные у Леонтьева, однако не определял терминологически этот круг проблем в границах экзистенциальности. Общим местом в экзистенциальном мироощущении, как известно, является так называемая «пограничная ситуация», отражающая момент субъективного осмысления собственного одиночества и противопоставленности миру, вселенной. Леонтьев, в сущности, никогда из этой ситуации не выпадал, на протяжении всей своей жизни оставаясь одиноким мыслителем и художником. Умственное одиночество и непонимание порождалось демонстративным противостоянием устоявшемуся общественному мнению, безапелляционностью выводов и суждений, дерзким нарушением традиционности (особенно в области «морали»). В эпоху популяризации либеральных и демократических идей, отрицания эстетики, консерватизм и внемом-

ральный эстетизм Леонтьева выглядят не модно, архаично, что и подчеркивает Бердяев.

Ю. Иваск, создавший концептуальное исследование, признанное в научных кругах самой лучшей фундаментальной творческой биографией Леонтьева, в которой скрупулезно рассматриваются в хронологической последовательности жизненные и творческие периоды литератора и в которой, можно считать, впервые представлен аспект взаимоотношений Леонтьева и Розанова (Иваск 1995). Следует указать, что выявление специфики мировоззрения Леонтьева (эстетизм, натурализм, реакционный романтизм и т.д.) и проведение параллелей (Ницше, Карлейль, Рескин и др.) основано у Иваска на теоретических концепциях религиозных философов рубежа веков, особенно на построениях Бердяева, и в этом отношении он не предлагает новых подходов.

Бердяев неоднократно обращается к личности и наследию Леонтьева на протяжении всей своей творческой деятельности. В более позднем сочинении Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века (Бердяев 2001) философ значительное внимание уделяет рассмотрению комплекса леонтьевских идей, развивая и углубляя прежние свои оценки и суждения, что, в свою очередь, способствует формированию ясного и наиболее полного представления о месте и роли Леонтьева в общественной мысли XIX столетия. Нужно отметить, что тема «Россия и Европа» является существеннейшей для Леонтьева. Таковы реалии эпохи, в которой он живет и творит:

Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией. Хотели верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет свой путь, своя судьба, что в России только и возможна еще культура на религиозной основе, подлинная духовная культура. В русском сознании очень остро ставилась эта тема (Бердяев 1990: 162).

Леонтьев отстаивал идею византизма, в основе которой – самодержавие, церковное православие и дисциплина. В отношении развития России он предлагает схему, включенную, по определению современных исследователей (следующих за Бердяевым), в так называемый гептастилизм (Фетисенко 2012: 82), т. е. своеобразное семистолпие будущего культурного развития России; вот основных пять пунктов этой схемы:

- 1) Государство должно быть пестрым, сложным, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирепости.
- 2) Церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот.
- 3) Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национально обособленном от Запада единстве. (Или совсем, например, не танцевать, а молиться Богу, а если танцевать, – то по-своему выдумать или развить народное до изящной утонченности и т. п.).
- 4) Законы, принципы власти должны быть строже; люди должны стараться быть лично добрее; одно уравновесит другое.
- 5) Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе (Леонтьев 1993: 385–386).

Культура для Леонтьева не мыслима без религиозных ценностей, без ореола святости и духовности. Это хорошо понимает Бердяев, неоднократно апеллировавший к выводам и оценкам Леонтьева: «Культура всегда духовна по своей

природе, не духовной может быть лишь цивилизация, культура же всегда связана со священным преданием, с культом предков» (Бердяев 2001: 570). Подчеркивая оригинальность леонтьевской мысли, считая Леонтьева одним из самых блестящих русских умов, Бердяев, тем не менее, безапелляционно констатирует:

Он отличался большой проницательностью (...). Он предвидел возможный декаданс культуры, он многое сказал раньше Ницше, Гобино, Шпенглера. У него была эсхатологическая направленность. Но следовать за Леонтьевым нельзя, его последователи делаются отвратительными (Бердяев 2001: 570).

Тем самым возводя на пьедестал духовное одиночество Леонтьева, которого Струве считал «огромным явлением русской духовной культуры, и знать о нем и его должен всякий, кто желает блюсти и ценить культуру» (Струве 1992: 97).

Таким образом, антиномичный мировоззренческий синтез Леонтьева и его эстетико-художественная платформа весьма скрупулезно проанализированы в концептуальных исследованиях Бердяева, убедительно подтвердившего неоспоримый факт того, что Леонтьев представляет собой оригинальную и довольно одинокую фигуру в истории русской литературы и общественной мысли, разнообразное творчество которого не вписывается в рамки ни текущего литературного процесса второй половины XIX века, ни конкретного направления общественно-научного знания в чистом виде, тем самым определяя основные константы современного леонтьеведения.

Библиография

- Ānov, A.L. (1969). Slavânofily i Konstantin Leont'ev. *Voprosy filosofii*, 8: 97–106 [Янов, А.Л. (1969). Славянофилы и Константин Леонтьев. *Вопросы философии*, 8: 97–106].
- Berdâev, N.A. (1991). *Konstantin Leont'ev: očerk iz istorii russkoj religioznoj žizni*. V: N.A. Berdâev o russkoj filosofii. Č.1. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: 149–284 [Бердяев, Н.А. (1991). *Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной жизни*. В: Н.А. Бердяев о русской философии. Ч.1. Свердловск: Издательство Уральского университета: 149–284].
- Berdâev, N.A. (1994). *K K. Leont'ev – filosof reakcionnoj romantiki*. V: *Filosofiâ tvorčestva, kul'tury i iskusstva*. T. 2. Moskva: Iskusstvo: 246–274 [Бердяев, Н.А. (1994). *К. Леонтьев – философ реакционной романтики*. В: *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 2. Москва: Искусство: 246–274].
- Berdâev, N.A. (2001). *Russkaâ ideâ*. V: *Vyzantizm y slavjanstvo. Velykij spor*. Moskva: ÈKSMO-Press [Бердяев, Н.А. (2001). *Русская идея*. В: *Византизм Vizantizm i slavânstvo. Velikij spor*. Москва: ЭКСМО-Пресс].
- Berdâev, N.A. (1990). *Smysl istorii*. Moskva: Mysl' [Бердяев, Н.А. (1990). *Смысл истории*. Москва: Мысль].
- Bulgakov, S.N. (1993). *Pobeditel' – Pobeždennyj: (sud'ba K.N. Leont'eva)*. V: *Sočineniâ v dvuh tomah*. T. 2. Moskva: Nauka: 546–563 [Булгаков, С.Н. (1993). *Победитель – Победенный: (судьба К.Н. Леонтьева)*. В: *Сочинения в двух томах*. Т. 2. Москва: Наука: 546–563].
- Fetisenko, O.L. (2012). *Geptastilisty: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i učeniki*. Sankt-Peterburg: Puškinskij dom [Фетисенко, О.Л. (2012). *Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики*. Санкт-Петербург: Пушкинский дом].

- Florovskij, H.V. (1991). Evrazijskij soblazn. *Novyj mir*, 1: 180–211 [Флоровский, Г.В. (1991). Евразийский соблазн. *Новый мир*, 1: 180–211].
- Frank, S.L. (1993). *Mirosozercanie Konstantina Leont'eva*. V: *K. Leont'ev, naš sovremennik*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Černyševa: 350–355 [Франк, С.Л. (1993). *Миросозерцание Константина Леонтьева*. В: *К. Леонтьев, наш современник*. Санкт-Петербург: Издательство Чернышева: 350–355].
- Ivask, Ū.P. (1995). *Konstantin Leont'ev (1831–1891). Žizn' i tvorčestvo*. V: *K. Leont'ev: pro et contra: ličnost' i tvorčestvo K. Leont'eva v ocenke ruskikh myslitelej i issledovatelej: antologija*. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta: 229–650 [Иваск, Ю.П. (1995). *Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество*. В: *К. Леонтьев: pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология*. Kn. 2. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института: 229–650].
- Koroľ'kov, A.A. (1991). *Proročestva Konstantina Leont'eva*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPBGU [Королюков, А.А. (1991). *Пророчества Константина Леонтьева*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ].
- Leont'ev, K.N. (1993). *Izbrannye pis'ma 1854–1891*. Sankt-Peterburg: Puškinskij fond [Леонтьев, К.Н. (1993). *Избранные письма 1854–1891*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд].
- Rozanov, V.V. (1995). *Neocenimyj um*. V: *O pisatel'stve i pisatelâh*. Moskva: Respublika: 651–657 [Розанов, В.В. (1995). *Неоценимый ум*. В: *О писательстве и писателях*. Москва: Республика: 651–657].
- Rozanov, V.V. (1990). *Pozdnie fazy slavânofiľstva*. V: *Nesovmestimye kontrasty žitiâ*. Moskva: Iskusstvo: 282–303 [Розанов, В.В. (1990). *Поздние фазы славянофильства*. В: *Несовместимые контрасты жития*. Москва: Искусство: 282–303].
- Sivak, A. (1991). *Konstantin Leont'ev*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta [Сивак, А. (1991). *Константин Леонтьев*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета].
- Solov'ev, V.S. (1993). *Konstantin Leont'ev*. V: *K. Leont'ev, naš sovremennik*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Černyševa: 321–325 [Соловьев, В.С. (1993). *Константин Леонтьев*. В: *К. Леонтьев, наш современник*. Санкт-Петербург: Издательство Чернышева: 321–325].
- Struve, P. (1992). Konstantin Leont'ev. *Russkaja literatura*, 3: 93–97 [Струве, П. (1992). Константин Леонтьев. *Russkaâ literatura*, 3: 93–97].

ПОЭТИКА ЖЕСТА
В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО *КРОТКАЯ*

КСЕНИЯ ОТЕВА

Российский государственный институт сценических искусств
Кафедра литературы и искусства
ул. Моховая, 34, 191028, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: kseniia.oteva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6141-6443>
(получено 12.09.2019; принято 9.10.2019)

Abstract

Poetics of Gesture in Dostoevsky's Novel *A Gentle Creature*

The paper studies poetics of gesture in *A Gentle Creature* by Dostoevsky. Characters' body and facial expressions are seen as replies in the non-verbal dialogue between protagonists. Dynamics of the key kinetic complexes is described: gestures of looking reveal the desire to understand the other, mocking gestures mark the theme of vanity and movement to/from each other shows the will to establish or avoid the dialogue. It is concluded that the eponymous Gentle Creature expresses her view of the world not through words, but rather through gestures, which are recalled and re-interpreted by the narrator.

Key words: *A Gentle Creature*, Dostoevsky, dialogue, facial expression, gesture

Резюме

Статья посвящена поэтике жеста в повести Достоевского *Кроткая*. Телесные и мимические движения интерпретируются как реплики в невербальном диалоге между героями. Описана семантика ключевых кинетических комплексов: жесты смотра связаны с желанием понять другого, жесты насмешки – с те-

мой гордыни, жесты движения то навстречу друг другу, то прочь – с приглашением к диалогу или отказом от него. Сделан вывод о том, что точка зрения на мир Кроткой в повествовании явлена не столько через ее прямое слово, сколько через жесты, которые припоминает и заново интерпретирует рассказчик.

Ключевые слова: *Кроткая*, Достоевский, диалог, жест, мимика

В широком смысле жест в литературе – это любое зафиксированное автором кинетическое или мимическое движение персонажа. По определению Г.Е. Крейдлина, под жестом следует понимать единицу телесной моторики человека – «значимые движения рук, ног, корпуса или лица» (Крейдлин 2002: 46). К.Г. Исупов подчеркивает, что «„внутренней формой” жеста является свернутое высказывание»: улыбка, взгляд, поза человека прочитываются как невербальные реплики (Исупов 2015: 146).

Впервые поэтика телесного в произведениях Достоевского была описана в статье И.З. Белобровцевой *Мимика и жест у Достоевского* (1978 г.). Исследовательница обратила внимание на то, что пластика героев в произведениях писателя часто идет в разрез с нормальной психологической реакцией на событие (Белобровцева 1978: 197). Р.Г. Назиров в статье *Жесты милосердия* в романах Достоевского (1983 г.) задал направление исследования жестов у Достоевского как проявления христианской «символизации быта» (Назиров 2005: 128). Продолжая эту традицию, ученые сегодня противопоставляют сакральные и профанные жесты в романах писателя. С.Б. Пухачев, например, показывает, что герои, способные к прозрению и постижению Божественной правды, совершают мистериально наполненные жесты; в моменты же отпадения от истины происходит «искажение самой сути сакрального жеста» (Пухачев 2006: 11). По мысли В.И. Габдуллиной, вводя в повествование ритуально окрашенные жесты поклона и поцелуя, автор задает в произведении религиозную норму. Эти же жесты, показанные исключительно в бытовом ключе, символизируют нравственное искажение идеала (Габдуллина 2008: 51).

Таким образом, жесты в произведениях Достоевского часто понимаются как своего рода символический код, расшифровка которого ведется в контексте представлений о христианском мировоззрении писателя. Уклон в изучение мистериального наполнения телесного заставляет достоевковедение недооценивать его психологический аспект, а также художественную роль в развитии сюжета произведения. Между тем, в повести *Кроткая* невербальное взаимодействие Закладчика и Кроткой – важнейший уровень диалога между героями.

Повесть построена как постепенное припоминание героем событий, приведших к страшной трагедии. Повествование переполнено указаниями на жесты, причем у Закладчика и Кроткой сходная партитура телесного поведения: кинетический рисунок их образов складывается из жестов смотрения, насмешки и движения. Жесты смотрения связаны с желанием понять другого, проникнуть в его внутренний мир; жесты насмешки, напротив, – с отказом от понимания

и любовного принятия. Жесты движения то навстречу друг другу, то, наоборот, прочь задают ритм притяжений и отталкиваний между двумя людьми, которые то делают шаг к диалогу, то замыкаются в молчании. Фабула всех этих жестов образует высказывание: Закладчик и Кроткая поочередно пытаются сблизиться, но вместо этого неуклонно отдаляются.

Попытка героя постичь чужую точку зрения на мир, правду другого, приведшую к страшной трагедии, начинается со взгляда на тело мертвой женщины. Жест вглядывания приобретает в контексте повести метафизическую глубину. Зарождение чувства к другому человеку герой выражает через слово, связанное со зрением: «Тут-то я и заметил ее в первый раз особенно» (Достоевский 1982: 7). Далее он пристально наблюдает за героиней, пытается предугадать ее реакции на свои слова и поступки, фиксирует каждое мимическое движение. Исповедуясь перед воображаемыми слушателями, он признается, что его вглядывание в другого не было бескорыстным: он хотел не столько понять внутренний мир Кроткой, сколько научиться управлять им. Жест смотрения у Закладчика связан как с любовью и любованием, так и с установлением своей власти. Попытки манипулировать в контексте рассказа соединены с мотивом ослепления: пока Закладчик вглядывается в Кроткую, чтобы контролировать ее чувства и мысли, он неспособен увидеть мир с ее точки зрения.

Припоминая первые встречи с Кроткой, рассказчик несколько раз указывает на жесты насмешки, которые в контексте его сознания соотносятся с темой гордыни. Герой «позволил себе усмехнуться на ее вещи» (Достоевский 1982: 7), подчеркивая ничтожность принесенного заклада. Унижение Кроткой вызывает его торжествующий смех. По мере развития действия жест насмешки уходит из мимического репертуара героя, но импульс осмеяния растворяется в его слове: по наблюдению М.М. Гиришмана, в речи Закладчика „«гордость» и даже издевка становятся особой ритмико-интонационной линией” (Гиришман 1982: 333).

Первый интерес к Закладчику выражается у Кроткой в жесте вглядывания. Цитата из Гете заставляет героиню впервые увидеть в ростовщике человека: «Она быстро и с большим любопытством, в котором, впрочем, было много детского, посмотрела на меня» (Достоевский 1982: 9). Жест смотрения равносителен установлению контакта с другим. Вместе с тем, «насмешливая складка» (Достоевский 1982: 9) на лице отражает ее глубокое сомнение в том, что ростовщика можно уважать и любить. Кроткая внимательно вглядывается в лицо Закладчика, пытаясь обнаружить в нем человечность, которую он прячет за маской холодности и строгости, и в то же время насмешкой защищает от цинизма его поведения и профессии. Скепсис Кроткой в отношении другого, приобретая по ходу повествования экзистенциальный масштаб, постепенно разрастается до неверия в возможность подлинного диалога и понимания между людьми.

Н.Г. Михновец, размышляя о диалоге сознаний в повести Достоевского, писала о неслиянности голосов Кроткой и Закладчика: точка зрения героини в произведении „явлена опосредованно, как бы внутри повествования от первого лица, как бы внутри «точки зрения» героя” (Михновец 1996: 162). По мысли исследовательницы, в акте припоминания событий, приведших к самоубийству

Кроткой, Закладчику открывается возможность существования принципиально иного мировидения. При этом в произведении не так много диалогов, где Кроткая говорит, и нет ни одного развернутого высказывания героини о том, что она думает и чувствует. Правда Кроткой прорывается в повествовании не столько через ее прямое слово, сколько через жесты. Закладчик скрупулезно восстанавливает их в памяти, но его понимание ограничено. Рассказывая о сватовстве и первых днях брака, он описывает горячность и порывистость Кроткой через слова с семантикой движения навстречу: «были порывы, бросалась обнимать меня» (Достоевский 1982: 15). Он видит в этом свидетельство того, что жена подчинится ему и будет его любить. Но в этом спонтанном проявлении теплоты можно обнаружить и другое послание, которое игнорирует Закладчик, – желание инициировать диалог. Вместо того, чтобы откровенно рассказать о себе, Закладчик язвительно нападает на ценностный мир Кроткой: критикует великодушие молодежи, провозглашает диктат денег в семейной жизни. Повествуя о ее реакции на эти разговоры, Закладчик не восстанавливает в памяти ее ответные реплики, зато дважды почти в одних выражениях описывает, как она смотрела на него: «Раскрывала большие глаза, слушала, смотрела и умолкала» (Достоевский 1982: 13); «потом начала примолкать, совсем даже, только глаза ужасно открывала, слушая, большие, большие такие глаза, внимательные» (Достоевский 1982: 14). Кроткая как будто не может поверить, что в словах героя заключена окончательная правда о нем. Жест смотрения выражает напряженное желание заглянуть в душу собеседника.

По плану героя, любовь Кроткой должна пройти через испытание – разглядеть человека за образом презираемого всеми ростовщика. Он парадоксально надеется, что любящая женщина оправдает его вопреки тому, что он говорит и как себя ведет, и разглядит благородство за показным цинизмом, великодушие – за черствостью. Кроткая хочет того же самого, но не может пробиться к внутреннему человеку, спрятанному за внешним поведением героя. Жесты насмешки выражают неприятие молодой женой того образа мужа, который он для нее создал: «я вдруг увидел улыбку, недоверчивую, молчаливую, нехорошую» (Достоевский 1982: 14). По мере нарастания отчуждения между супругами Закладчик все чаще ловит на лице Кроткой ироническое выражение: она начинает «фыркать» на мелочность и скудость жизни в его доме, отчетливее становится «насмешливая складка» (Достоевский 1982: 15). Насмешка – это демонстративный жест, направленный на разрушение принятой героем риторики молчания.

Бунт Кроткой – отчаянная попытка заставить другого заговорить. Она с вызовом спрашивает Закладчика о прошлом, пытаясь больше задеть его и тем самым подвигнуть к диалогу. Насмешливая улыбка превращается в злобный хохот. Закладчику кажется, что жена «жаждет унижительных (...) объяснений» (Достоевский 1982: 19), не понимая, что она дошла до отчаяния и «жаждет» разговора вообще. «Бунтующие» жесты Кроткой связаны с развитием мотива движения: она бьет носком по полу, топает ногами, демонстративно уходит из квартиры. Но Закладчик ни разу не выходит из себя в ответ на ее провокации. Нарочитое отсутствие жеста становится маской, под которой он тщательно

прячет от жены свою душу: герой подчеркивает, что в ответ на истерический припадок «даже не сделал движения» (Достоевский 1982: 17).

Р.Н. Поддубная отметила, что в свидании Кроткой с Ефимовичем тоже есть диалогическая мотивировка – желание понять историю Закладчика: „Она пытается обнаружить содержание их конфликта, чтобы определить свое к нему отношение и свое в нем место, чтобы стать либо на сторону мужа, либо на сторону «мира», «общественного мнения»” (Поддубная 1978: 64). Но, как пишет исследовательница, вопрошание героини не увенчивается ответом, после разговора с Ефимовичем она по-прежнему не понимает, что за человек ее муж. Вернувшись со свидания, Кроткая убеждена в неизбежности объяснения. В одном абзаце несколько раз повторяются жесты смотрения, показывающие, что она напряженно ждет от Закладчика реакции: «Придя домой, она села на стул и уперлась в меня взглядом», «смотрела она уже с торжественным и суровым вызовом» (Достоевский 1982: 20). Однако Закладчик игнорирует приглашение к разговору.

Уход от объяснения становится последней каплей, после которого Кроткая берет в руки револьвер. Кинетическое интонирование сцены с револьвером построено на жестах смотрения: герой, встретившись взглядом с женой, плотно закрывает глаза. В контексте повести, где смотрение связано с мотивом понимания, решение Закладчика закрыть глаза на то, что жена подняла на него оружие, можно интерпретировать как нежелание услышать ее боль и отчаяние. Так же решительно Закладчик отказывает Кроткой в ее безмолвной просьбе о великодушии и доброте. В сцене с самоваром Кроткая последний раз смотрит на Закладчика с надеждой на понимание; жест насмешки и жест смотрения превращаются в отчаянную мольбу о помощи: «и вдруг, видя, что я смотрю на нее, она бледно усмехнулась бледными губами с робким вопросом в глазах» (Достоевский 1982: 22). Однако Закладчик «равнодушно отвел глаза» (Достоевский 1982: 22). После этого Кроткая теряет надежду на возможность понимания и окончательно отстраняется от мужа.

Осознав, что жена забыла о нем, Закладчик становится инициатором диалога, которого она отчаянно добивалась в начале истории. Жесты героя описывают его устремленность по направлению к Кроткой, желание преодолеть установившийся между ними барьер: он падает к ее ногам, берет ее за руки. Однако теперь героиня отстраняется от мужа, препятствует сближению: «Она опять вздрогнула и отшатнулась» (Достоевский 1982: 28). Описывая спонтанное мимическое движение на лице жены, Закладчик использует определение «строгое удивление» (Достоевский 1982: 28) – в литературоведении уже писали о том, что эта жестовая деталь рифмуется со строгостью в воспитательной системе Закладчика, которую он многократно подчеркнул в начале рассказа (Гиршман 1982: 334; Пис 1997: 193).

В достоевсковедении звучала мысль о том, что в душе Закладчика не происходит возрождение, он по-прежнему пытается навязать Кроткой свою волю. Так, по мысли Т.А. Касаткиной, герой не способен к равенству в любви, и, падая на колени перед женой, он навязывает ей отношения идола и идолопоклонника (Касаткина 2015: 418). Жесты героя действительно

указывают на его стремление вознести Кроткую над собой, чему она противится – сцены целования ног заканчиваются истерическими припадками. Но в то же время в кинетическом рисунке Закладчика есть жест, указывающий на глубину его раскаяния и сострадания: заламывание рук над спящей женой – знак осознания своей вины и готовности к возрождению: «Я ломал руки над ней, смотря на это больное существо на этой бедной коечке» (Достоевский 1982: 29).

Описывая реакцию жены на его внезапный выход из молчания, Закладчик использует характеристики, которые можно отнести к «странным» жестам по определению Белобровцевой (Белобровцева 1978: 197); они указывают на глубокие переживания в душе героини, но не позволяют точно описать их суть: «она странно смотрела на меня, дико даже, она хотела что-то поскорее понять и улыбнулась», «стала вдруг смеяться от стыда» (Достоевский 1982: 28). Трагедия Закладчика заключается в том, что хоть он и пытается смотреть на Кроткую по-новому – не для того, чтобы управлять ею, а чтобы постичь ее внутренний мир – но ему не хватает метафизического навыка ведения диалога. Он по-прежнему не способен понять того, кого любит. Тема невозможности понимания символически выражена через слова с семантикой смотрения. Рассказчик «не смотрел на просьбы» (Достоевский 1982: 29) Кроткой не вспоминать прошлое. Герой утопически надеется, что, выговорившись, он мгновенно обретет диалогически настроенного слушателя. Однако отклик, который произвела в душе героини исповедь, остается в повести тайной, его трудно понять по странным жестам героини.

Кинетическое интонирование образа Кроткой в последних главах противоречиво: истерические припадки указывают на неприятие отношений, которых теперь хочет Закладчик. Но наряду с жестами отвержения в телесном поведении Кроткой есть жесты, направленные на сближение с героем. Ее улыбка перестает быть насмешливой и дает Закладчику надежду на понимание и прощение: «Она на другой же день слушала меня уже с улыбкою, несмотря на замешательство» (Достоевский 1982: 29). В разговоре о книгах Кроткая смеется «детским смехом, милым, точно как прежде в невестах» (Достоевский 1982: 30). Кроме того, Кроткая несколько раз сама берет его за руки – жест установления физического контакта говорит о возможности преодолеть катастрофическую разобщенность героев.

Закладчик не может до конца истолковать жесты Кроткой, так же как он не может постичь ее душу. В образе героини остается тайна, не понятая ни рассказчиком, ни читателем. Жестовый рисунок в сцене последнего разговора Закладчика и Кроткой оставляет надежду на их примирение и взаимное принятие. И.А. Есаулов подчеркивает, что самоубийство жены именно потому и причиняет герою «предельное горе», что совершено ею внезапно и непредсказуемо, «в момент ожидания им счастья» (Есаулов 2018: 83). Кроткая делает шаг по направлению к мужу и складывает руки в покаянном жесте. Герой воспринимает это как знак воссоединения, обещание дальнейшего диалога на равных, поэтому отвечает на ее покаяние объятием и поцелуем. Однако поцелуй неожиданно оказывается роковым жестом, после которого героиня

решается на самоубийство – окончательный выбор движения по направлению от Закладчика: «шагнула» за окно и «бросилась» вниз (Достоевский 1982: 33).

На жестовом уровне в произведении разворачивается экзистенциальная трагедия несостоявшегося диалога. Закладчик и Кроткая надеются обрести в фигуре другого понимание и любовное принятие. Даже когда они молчат, на языке мимики и жестикуляции между ними постоянно идет невербальное взаимодействие. Однако героям не удается преодолеть роковое несовпадение: когда один из них пытается инициировать прямой и открытый диалог, второй замыкается в молчании и одиночестве.

Библиография

- Belobrovceva, I.Z. (1978). *Mimika i žest u Dostoevskogo*. V: Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij. Materialy i issledovaniâ*. Т. 3. Leningrad: Nauka: 196–204 [Белобровцева, И.З. (1978). *Мимика и жест у Достоевского*. В: Фридлиндер, Г. М. (Ред.). Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Ленинград: Наука: 196–204].
- Dostoevskij, F.M. (1982). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Т. 24. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1982). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Т. 24. Ленинград: Наука].
- Esaulov, I.A. (2018). Hudožestvennyj mir Dostoevskogo v svete oppozicii «Ûrodstvo/šutovstvo» i poziciâ Bahtina: na materiale fantastičeskogo rasskaza «Krotkaâ». *Dostoevskij i mirovaâ kul'tura*, 36: 75–86 [Есаулов, И.А. (2018). Художественный мир Достоевского в свете оппозиции «юродство/шутство» и позиция Бахтина: на материале фантастического рассказа «Кроткая». *Достоевский и мировая культура*, 36: 75–86].
- Gabdullina, V.I. (2008). Semiotika žesta v poëtičeskoj sisteme Dostoevskogo: sakral'noe i profanno. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, 3: 46–51 [Габдуллина, В.И. (2008). Семиотика жеста в поэтической системе Достоевского: сакральное и профанное. *Сибирский филологический журнал*, 3: 46–51].
- Giršman, M.M. (1982). *Ritm hudožestvennoj prozy*. Moskva: Sovetskij pisatel' [Гиршман, М.М. (1982). *Ритм художественной прозы*. Москва: Советский писатель].
- Išupov, K.G. (2015). Žest. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta*, 1–2: 146–150 [Исупов, К.Г. (2015). Жест. *Universum: Вестник Герценовского университета*, 1–2: 146–150].
- Kasatkina, T.A. (2015). Svâšennoe v povsednevnom: dvusostavnyj obraz v proizvedeniâh F.M. Dostoevskogo. Moskva: IMLI RAN [Касаткина, Т.А. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского*. Москва: ИМЛИ РАН].
- Krejdlin, G.E. (2002). *Neverbal'naâ semiotika. Âzyk tela i estestvennyj âzyk*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie [Крейдли, Г.Е. (2002). *Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение].
- Mihnovec, N.G. (1996). «Krotkaâ»: literaturnyj i muzykal'nyj kontekst. V: Budanova, N.F., Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij: materialy i issledovaniâ*. Т. 13. Leningrad: Nauka: 143–167 [Михновец, Н.Г. (1996). «Кроткая»: литературный и музыкальный контекст. В: Буданова Н.Ф., Фридлиндер, Г.М. (Ред.). *Достоевский: материалы и исследования*. Т. 13. Ленинград: Наука: 143–167].
- Nazirov, R.G. (2005). *Russkaâ klassičeskaâ literatura: sravnitel'no-istoričeskij podhod. Issledovaniâ raznyh let*. Ufa: RIO BašGU [Назирова, Р.Г. (2005). *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет*. Уфа: РИО БашГУ].
- Pis, R. (1997). «Krotkaâ» Dostoevskogo: râd vospominanij, veduših k pravde. V: Budanova, N.F., Âkubovič, I.D. (Red.). *Dostoevskij. Materialy i issledovaniâ*. Т. 14. Leningrad: Nauka: 187–196

- [Пис, Р. (1997). «Кроткая» Достоевского: ряд воспоминаний, ведущих к правде. В: Буданова, Н.Ф., Якубович, И.Д. (Ред.). *Достоевский: Материалы и исследования*. Т. 14. Ленинград: Наука: 187–196].
- Poddubnaâ, R.N. (1978). *Geroj i ego literaturnoe razvitie. (Otraženie «Vystrela» Puškina v tvorčestve Dostoevskogo)*. V: Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij: materialy i issledovanîâ*. Т. 3. Leningrad: Nauka: 54–66. [Поддубная, Р. Н. (1978). *Герой и его литературное развитие. (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского)*. В: Фридлендер, Г. М. (Ред.). *Достоевский: материалы и исследования*. Т. 3. Ленинград: Наука: 54–66].
- Puhačev, S.B. (2006). *Poëtika žesta v proizvedeniâh F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov «Prestuplenie i nakazanie», «Idiot», «Besy», «Podrostok», «Brat'â Karamazovy»): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Velikij Novgorod* [Пухачев С.Б. (2006). *Поэтика жеста в произведениях Ф.М. Достоевского (на материале романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород*].



В КРУГЕ ЭРОТИЗМА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: МИФЫ И ФАКТЫ

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9527-7878>
(nadesłano 21.08.2019; zaakceptowano 10.10.2019)

Abstract

In the Circle of F.M. Dostoevsky's Eroticism: Myths and Facts

The paper considers examples of eroticism in the biography and heritage of F.M. Dostoevsky. The author of the publication turns to well-known and new studies, makes novel comparisons through analysis of facts and myths. This paper does not provide the final answer, but rather proposes new questions, the answer to which will depend on the methodology of further research. The personality of the writer appears as ambiguous and contradictory, which is reflected in his polyphonic literary works. In addition, the author has become an attribute of the postmodern worldview, which decreases the clarity of understanding.

Key words: eroticism, myth, fact, Dostoevsky, Stavrogin's sin, paedophilia

Резюме

В статье рассмотрены примеры эротизма в биографии и творчестве Ф.М. Достоевского. Автор публикации обращается к известным и новым исследованиям, производит нетипичные сопоставления через анализ фактов

и мифов. Данная публикация не является окончательным ответом, а, скорее, ставит новые вопросы, ответ на которые будет зависеть от методологии дальнейших исследований. Личность писателя предстает неоднозначной, противоречивой, что отражено и в полифоническом творчестве. К тому же, автор стал атрибутом постмодернистской картины мира, что удаляет от однозначности понимания.

Ключевые слова: эротизм, миф, факт, Достоевский, ставрогинский грех, педофилия

Творческая система Ф.М. Достоевского – это сложное пересечение художественной и действительной реальностей, а также биографического опыта самого писателя. Литературные критики уже в конце XIX века пытались найти точки соприкосновения между персонажами произведений автора и его биографическим опытом. Особый интерес составляли темные стороны человеческой природы, которых в наследии писателя множество. Именно поэтому Н.К. Михайловский для характеристики творчества в предисловии к *Полному собранию сочинений Ф.М. Достоевского* в 1882 году использовал словосочетание «жестокий талант» (Михайловский 1882). Еще двумя годами ранее К.Н. Леонтьев в статье *О всемирной любви. По поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике* писал о «розовом христианстве» (Леонтьев 1990: 9–31). А в 1903 году Л.И. Шестов в работе *Достоевский и Ницше (философия трагедии)* заговорил о завуалированной нераскаянности (Шестов 2000: 308–451). Это первые оценки в будущей острой полемике о Достоевском, когда предметом анализа стали произведения, воспоминания, переписка, а также многочисленные спекуляции, сопоставления и инсинуации, что открыло не только интересные факты о личности писателя, но и породило мифы, а на их основе – мифы мифов, фактоиды и полуправды.

Но наиболее жестко о писателе можно прочесть в письме, которое на протяжении тридцати лет после его смерти не было доступно широкому читателю. 28 ноября 1883 года Н.Н. Страхов писал Л.Н. Толстому по поводу страшного отвращения, которое переживал, создавая первую посмертную биографию Достоевского, так как был вынужден «обелять», как отмечал, великого писателя, учитывая лишь дарования гения, но не личностные качества:

Его тянуло к пакостям и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, – это герои *Записок из подполья*, Свидригайлов в *Преступлении и Наказании* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим. При такой натуре он был очень расположен к сладкой сентиментальности, к высоким и гуманным мечтаниям, и эти мечтания – его направление, его литературная муза и дорога. В сущности, впрочем,

все его романы составляют *самооправдание*, доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости (Страхов 1883).

Письмо увидело свет лишь после смерти Страхова и Толстого в 1913 году. Литературоведы И.С. Андрианова и Б.Н. Тихомиров во вступительной статье к новому изданию воспоминаний жены писателя А.Г. Достоевской пишут: «Оно стало неожиданным и страшным ударом для вдовы писателя, которая посвятила свою жизнь сохранению посмертной памяти о Достоевском – писателе и человеке» (Андрианова, Тихомиров 2015: 33). И это неудивительно, ведь Страхов говорит открыто о «ставрогинском грехе» Достоевского. Как известно, речь идет об ужасном поступке центрального героя романа *Бесы* Николая Ставрогина, представленного в главе-исповеди *У Тихона*, которую редактор М.Н. Катков и не допустил к печати в «Русском вестнике», что в своем письме отметил Страхов. Согласно сюжету, Ставрогин соблазняет четырнадцатилетнюю девочку, а в итоге позволяет ей повеситься: «Наверное ей показалось в конце концов, что она сделала невероятное преступление и в нем смертельно виновата, – „бога убила”» (Достоевский 1974: 11: 16). Данный мотив характерен для прозы Достоевского. Литературоведы Т.И. Орнатская и Н.Ф. Буданова в комментарии к главе *У Тихона* в *Полном собрании сочинений* заметили:

Тема обиженной девочки, возникшая у Достоевского в начале 1860-х годов в связи с замыслом неосуществленного романа, сохраняет устойчивость и в последующем творчестве писателя, сложно преломляясь и видоизменяясь в зависимости от тех художественных задач, которые он перед собой ставил (темы поруганной невинности и красоты; предельного нравственного падения, раскаяния и возрождения; образ «сладострастного насекомого», не знающего жалости к своей жертве, и др.) (Достоевский 1975: 12: 238).

Детально данным вопросом занимался также исследователь В. Свинцов в статье *Ставрогинский грех Достоевского*:

Слух о том, что ставрогинский сюжет для Достоевского биографичен, возник еще при его жизни. Одним из первоисточников слуха стал И. Тургенев. Он рассказывал, что Достоевский сам признался ему в растлении девочки. Обрастая подробностями, слух какое-то время существовал в виде околотитературного фольклора, не выходящего за пределы узкого круга. Его первый прорыв в печать относится, видимо, к 1908 году. Несколько петербургских периодических изданий («Петербургская газета», «Русское слово», «Русь»), обсудив попавший в поле их зрения сенсационный материал, расценили его как сплетню. Казалось, что слух о ставрогинском грехе Достоевского будет навсегда забыт (Свинцов 1995: 111–112).

Сама вдова писателя А.Г. Достоевская 2 марта 1915 года писала в письме племяннику мужа А.А. Достоевскому: «Я никак не могу избавиться от того гнетущего состояния, в которое меня повергла клевета Страхова, это сделалось каким-то для меня кошмаром» (Достоевская 2015: 33–34). А в воспоминаниях она продолжает: «...Если бы Николай Николаевич был жив, я, несмотря на мои преклонные годы, немедленно бы отправилась к нему и ударила бы его по лицу за эту низость» (Там же: 34).

Данный слух возвращался неоднократно снова и снова, хотя еще в конце 70-х годов прошлого века развенчанием мифа занялся известный литературовед В.Н. Захаров в книге *Проблемы изучения Достоевского* (Захаров 1978: 75–109), который в уже более позднем исследовании отметил: «И „слухи“, и „анекдоты“ не состоятельны, они не выдерживают критической проверки фактами. Это заурядная клевета литературных врагов и недругов Достоевского» (Захаров 2013: 340). Также И.Л. Волгин в книге *«Родиться в России...» Достоевский и современники: жизнь в документах* достаточно аргументированно объяснил причину появления темы нимфофилии у Достоевского. Автор обращает внимание на травму детства писателя: некий бродяга изнасиловал малолетнюю девочку, которая умирает на глазах маленького Феди, что станет непреодолимой болью, и к ней возвращается Достоевский в своих текстах:

В итоге зловещая тень падет на него самого. Страхов, Толстой, Тургенев, Григорович и множество других достойных и уважаемых лиц будут осведомлены (с той или иной степенью вероятия) об ужасном поступке, которым якобы «похвалялся» защитник униженных и оскорбленных. Стыдливо ликующая молва обвинит его в растлении малолетней. (...) Русским писателям не привыкать к оговоркам. Но подобной мерзости, кажется, не достаивался еще никто из них (Волгин 1991: 128).

Казалось бы, точка поставлена, однако объяснения И.Л. Волгина не принимает упомянутый выше исследователь В. Свинцов, который в статье *Достоевский и «отношения между полами»*, опубликованной в журнале «Новый мир», вступает в полемику с литературоведом:

Я позволю себе с надлежащей долей осторожности усомниться если поначалу не в аутентичности самого эпизода, то, во всяком случае, потрясения Достоевского – настолько сильного, что ужас якобы не оставлял его всю жизнь. Иными словами, мне представляется весьма неубедительным объяснение, связывающее бесспорный интерес Достоевского к теме ставрогинского греха с детским переживанием (Свинцов 1999).

К тому же, до сих пор не найдено свидетельств об изнасилованной и умершей девочке в медицинских документах Москвы того времени и места, хотя такие поиски проводились, на что обратил внимание Н.Н. Богданов в книге *Вокруг Достоевского. Поиски, находки, размышления* (Богданов 2019). В данном случае мы возвращаемся в замкнутый круг фактов и вымыслов, что еще больше усложняет анализируемый контекст. Абсолютно верным может выглядеть, на наш взгляд, лишь единственное утверждение: был ли факт ставрогинского греха в биографии Достоевского, является вопросом без ответа; то, что данный мотив стал литературной реальностью, – факт бесспорный. Но интерпретация данного художественного явления и поиск документально-биографических подтверждений вписывается в концепцию известного литературоведа Ролана Барта о «смерти автора», который в эссе *Смерть автора* писал: «...Объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз „исповедуется“ голос одного и того же человека – автора» (Барт 1994). Однако исследователи будто забывают о ведущем принципе поэтики реализма, который требует объективности изображения. К тому же, данный принцип накладывает

дывается на полифонический роман Достоевского (о чем писал М.М. Бахтин), что лишь усложняет смысловую канву произведения. А поиск автора в тексте, согласно Барту, является стремлением к окончательному его прочтению, чем занимается классическая критика, тогда как важнейшим элементом интерпретации сегодня должен быть читатель. Хотя и сам критик является также читателем, который выражает одну из версий осмысления текста. Как видно, в творческой системе Достоевского часто неотделимо биографическое и вымышленное. В подобном ключе смотрит на русского писателя всемирно известный психоаналитик Зигмунд Фрейд, опубликовавший в 1928 году статью *Достоевский и отцеубийство*, в которой говорил, что усмотрел в личности Достоевского художника, невротика, моралиста и грешника. Все эти элементы исследователь связывает с творчеством автора, через которое пытается объяснять и биографию (Фрейд 1995: 285–294). Однако данный взгляд столкнулся с обширной критикой.

Не является исключением в подобного рода инсинуациях и польское литературоведение. Известный биограф Достоевского Станислав Цат-Мацкевич (Stanisław Cat-Mackiewicz) в книге *Dostojewski* замечает:

W pierwszych powieściach i nowelach Dostojewskiego natrętnie występuje typ skrzywdzonego dziecka – kapryśnej dziewczynki. Jest to zapewne reminiscencja tej dziewczynki, którą Dostojewski zgwałcił, ale której nazwiska nie znamy i nic pozytywnego o niej nie wiemy, nawet nie wiemy, czy naprawdę była kapryśna, czy też cechę tę dodał jej Dostojewski przez własne upodobanie (Cat-Mackiewicz 2013: 166).

Автор не приводит совершенно никаких доводов, что данное утверждение имеет некую степень реальной возможности, тогда как эта книга является важной в польском достоевковедении и занимает свое место на полке польского читателя, также именно она становится одним из источников польской страницы «Википедии» о писателе. Последний факт означает, что литературные спекуляции попадают напрямую к массовому, самому широкому, читателю.

К тому же, Цат-Мацкевич названную «капризность» связывает с Аполлинарией Сусловой, которая была любовницей Достоевского и которая, согласно утверждению биографа, стала прототипом некоторых героинь художественной прозы писателя: например, Настасьи Филипповны из романа *Идиот*. Связь Сусловой с женскими персонажами писателя впервые прослеживает философ русского религиозного ренессанса В.В. Розанов, который, что интересно, был позже мужем А.П. Сусловой. Он также увидел образ своей жены в ряде женских персонажей романов Достоевского: Дуня (*Преступление и наказание*), Аглая, Настасья Филипповна (*Идиот*), Лиза (*Бесы*), Ахмакова (*Подросток*), Катерина Ивановна (*Братья Карамазовы*), Полина (*Игрок*). Сам Розанов писал в письме Волжскому:

С Суслихой я первый раз встретился в доме моей учительницы А.М. Щегловой (мне 17 лет, Щегловой 20–23, Сусловой 37): вся в черном, без воротников и рукавчиков (траур по брату), со «следами былой» (замечательной) красоты... Взглядом опытной кокетки она поняла, что «ушибла» меня – говорила холодно, спокойно (Сулова 1994: 4).

Это было через много лет после бурного романа Сусловой с Достоевским, вокруг которого также огромное количество мифов и домыслов, выискиваний параллелей в художественном мире писателя.

Любовь между Сусловой и Достоевским страстная, надрывная, мучительная для обоих. На момент знакомства еще жива первая жена Достоевского М.Д. Исаева, которая уже смертельно больна на момент развития отношений с Сусловой, и болезнь не мешает писателю уезжать за границу к любовнице. Исаева – единственная женщина Достоевского, которая была схожего возраста с ним: на момент знакомства ей 29, ему 33. Об отношениях с Сусловой литературовед А.С. Долинин заметил:

Была не одна только страсть, слепая, воспаленная, – с его стороны, и не одно, со стороны Сусловой, наслаждение своим превосходством, своей властью, с оттенком мучительства, но и настоящая духовная близость, глубокое чувство сострадания и жалости друг к другу (Там же: 21).

Точной даты их знакомства нет, но известно, что в 1861 году в журнале братьев Достоевских «Время» вышла повесть пера Сусловой под названием *Покуда*, которая не отличается глубоким литературным талантом, а поэтому закономерен вопрос литературоведа Л.И. Сараскиной в новейшей биографии писателя:

Почему же издатели «Времени» поместили посредственную повесть неизвестного автора между восьмой главой «Записок из мертвого дома» Достоевского и романом в стихах «Свежее предание» Полонского? Что стояло за привилегиями, которые, по непонятным причинам, получил автор, появившись в одном разделе с такими мастерами, как Островский (его «Женитьба Бальзамина» открывала номер), Майков (стихотворение «В горах»), Некрасов («Крестьянские дети»), Григорович («Уголок Андалузии»)? (Сараскина 2013: 358).

Перелом в отношениях произошел в 1863 году, когда Достоевский едет в Париж к Сусловой, но та 19 августа замечает в своем *Дневнике*: «Ты едешь немножко поздно...» (Сулова 1994: 37). Она полюбила другого, но тот, используя ее, бросает, избегает встреч. Сулова сильно переживает, Достоевский предлагает лишь дружбу и совместное дружеское утешительное путешествие в Италию. Она едет, но для него это еще проблеск надежды, что только усугубляет их конфликт. 6 сентября в Баден-Бадене Сулова снова пишет в *Дневнике* об эротическом признании Достоевского, который говорит: «Я сейчас хотел поцеловать твою ногу» (Там же: 46); и далее запись 17 сентября в Турине: «Когда мы обедали, он, смотря на девочку, которая брала уроки, сказал: „Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: „Истребить весь город“. Всегда так было на свете”» (Там же: 48); запись 29 сентября в Риме: «Вчера Ф[едор] М[ихайлович] опять ко мне приставал. Он говорил, что я слишком серьезно и строго смотрю на вещи, которые того не стоят. (...) – Ты знаешь, – говорил он, – что мужчину нельзя так долго мучить, он, наконец, бросит добиваться» (Там же: 49). Прошел еще год, и Сулова уже писала совершенно категорично, 14 декабря 1864 года она заметила: «Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Д[остоевского], он

первый убил во мне веру» (Там же: 90). Что именно сделал Достоевский Суслова не говорит, здесь могут появиться очередные спекуляции, но фактом является то, что на момент их знакомства Сусловой было 23 года, Достоевскому уже 42. Также было предложение замужества, о чем Суслова упоминает в предпоследней записи *Дневника*, сделанной в Петербурге 2 ноября 1865 года: «Сегодня был Ф[едор] М[ихайлович] и мы все спорили и противоречили друг другу. Он уже давно предлагает мне руку и сердце и только сердит этим»; также приведены слова Достоевского, который объясняет причину конфликта: «Ты не можешь мне простить, что раз отдалась, и мстишь за это; это женская черта» (Там же: 106–107). Конфликт данных взаимоотношений воспроизведен и в повести авторства Сусловой *Чужая и свой*, где легко усматриваются параллели с дневником. Но когда была поставлена и была ли поставлена окончательная точка в этих взаимоотношениях, документально подтвержденного ответа нет. Цат-Мацкевич создает очередной миф, в котором можно уловить и некоторые детали фактов:

Z szeroką suknią rozrzuconą na łożku Polina dała swą nóżkę w czarnej pończoszce do pocałowania. Przed Dostojewskim znów otwierały się rozkosze, do których dostęp honorem mu był zakazany. Im więcej zakazów w tego rodzaju usiłowaniach, tym więcej rozkoszy. Dostojewski jako znawca serc kobiecych w teorii, sądził, że skoro dał kobiecie słowo honoru, to powinien go dotrzymać. Potem oświadczył się Polinie, błagał o jej rękę, chciał, by została jego żoną, wypowiadał przekonanie, że śmierć jego żony prędko już nastąpi. Polina wzruszała ramionami, żeby go męczyć. Dobrali się dobrze, ona była sadystką, a on widocznym masochistą (Cat-Mackiewicz 2013: 170–171).

В 1865 году Достоевский делает еще одно предложение А.В. Корвин-Круковской, которая также значительно младше писателя: ей не полные 22, ему – 43. «Ему нужна совсем не такая жена, как я, – в тот же вечер объясняла она младшей сестре. – Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем думать. А я этого не могу, я сама хочу жить!» (Сараскина 2013: 402–403). Нельзя найти такой возможности самопожертвования и в Аполлинии Сусловой. Но уже вскоре найдется та, которая посвятит всю свою жизнь именно Достоевскому, будет видеть только его и его творчество, будет называть писателя «солнце моей жизни», – А.Г. Сниткина (Достоевская) станет женой писателя 15 февраля 1867 года. Как пишет она в своих воспоминаниях, Достоевский сказал ей в соборе перед венчанием: «Наконец-то я тебя дождался! Теперь уж ты от меня не уйдешь!» (Достоевская 2015: 164). И она не уйдет, будет переносить все горести и невзгоды, страсть к игре, смерть двоих детей, а потом станет издателем произведений Достоевского, а также его мемуаристкой, будет продолжать величайшее служение личности писателя многие годы и после его смерти.

Но даже после женитьбы не обрывается переписка Достоевского с Сусловой. Сам писатель в последнем известном письме к Сусловой от 23 апреля (5 мая) 1867 года пишет из Дрездена: «Я женился в феврале нынешнего года» (Достоевский 1985: 28(2): 182); сообщает некие бытовые детали, но ни словом не упоминает, что любит свою жену, хотя о ее любви говорит несколько раз: «Так как

со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в годах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть, и любить она умеет» (Там же); заканчивая, Достоевский пишет: «До свидания, друг вечный!»; а также не прощается окончательно и обещает сообщать новые адреса, заканчивая: «Прощай, друг мой, жму и целую твою руку» (Там же: 184).

А уже 5 (17) мая этого же года Достоевский пишет из Гомбурга жене Анне Григорьевне письмо, полное нежных слов: «Аня, ясный свет мой, солнце мое, люблю тебя! Вот в разлуке-то все почувствуешь и перечувствуешь и сам узнаешь, как сильно любишь. Нет, уж мы с тобой начинаем срастаться» (Там же: 185). Далее, до 14 мая включительно, Достоевский будет писать жене каждый день: всего было выслано 10 писем без перерыва. Что происходило в душе писателя после прощального письма Суловой, документальных свидетельств нет, но чувственная активность по отношению к жене может послужить новой основой для психоаналитических мифов об искуплении внутреннего надрыва и вины.

А.Г. Достоевская в воспоминаниях избегает упоминания о Суловой, а еще до женитьбы замечает несколько наивно о муже:

И мне показалось странным, что, судя по его воспоминаниям, у него в молодости не было серьезной горячей любви к какой-нибудь женщине. Объясняю это тем, что он слишком рано начал жить умственной жизнью. Творчество всецело поглотило его, а потому личная жизнь отошла на второй план (Достоевская 2015: 145).

Она будет всячески стараться «обелить» Достоевского в своих воспоминаниях, будет вычеркивать все те места, которые могли бы положить хоть какую-то тень на фигуру писателя. Некоторые моменты позволили прочитать только лишь современные технологии, что и привело к публикации нового издания *Солнце моей жизни. Воспоминания. 1846–1917*, подготовленного И.С. Андриановой и Б.Н. Тихомировым и увидевшего свет в 2015 году. В этой же книге читаем слова о Достоевском:

Как ни разнообразно было содержание наших ежедневных бесед за это время, никогда не касались они тем нецеломудренных или скабрезных. Трудно было бы сдержаннее и деликатнее относиться к моей девичьей скромности и стыдливости, чем это делал мой жених (Там же: 155–156).

Но ведь этот жених уже пережил те отношения с Суловой, о которых мы говорили ранее, прошел путь сладострастных желаний, а поэтому воспоминания А.Г. Достоевской не выглядят убедительно. В уже упомянутом письме из Гомбурга за 5 (17) мая 1867 года неслучайной в таком контексте выглядит еще одна фраза Достоевского по отношению к жене, которую, как он утверждает, дал ему Бог: «...Дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил» (Достоевский 1985: 28 (2): 184). О каких грехах говорит Достоевский, возможно, мы никогда не узнаем, но, как было показано, мифов подобное утверждение может породить множество. А.Г. Достоевская же утверждала:

Из совместной четырнадцатилетней жизни с Федором Михайловичем я вынесла глубокое убеждение, что он был один из целомудреннейших людей. И как мне горько было прочесть, что столь любимый мною писатель И.С. Тургенев считал Федора Михайловича циником и позволил себе назвать его «русским маркизом де Сад» (Достоевская 2015: -156–157).

На фоне приведенного материала это колебание личности Достоевского между полюсами эроса и этоса представляется как нечто неизбежное, и дать окончательный и абсолютно достоверный ответ просто невозможно. Так, в 2016 году на сайте “The Question” был поставлен вопрос для публичного обсуждения: «Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом (письмо Н. Страхова Л. Толстому)» (Иванов 2016), что в очередной раз вызвало далекие от окончательного ответа дискуссии специалистов и любителей. В данном исследовании на первый план выведены именно документальные свидетельства – с учетом новейших открытий. Важно в таком контексте является необходимость четко разграничивать достоверные факты и мифы, которые являются лишь следствием интерпретаций и домыслов. Именно в таком ключе мы и попытались подать материал в исследовании, представляющем актуальное осмысление заявленной темы.

Библиография

- Andrianova, I.S., Tihomirov, B.N. (2015). *Lûbit' Dostoevskogo. Anna Grigor'evna Dostoevskaa i ee vospominaniâ*. V: Dostoevskaa, A.G. (2015) *Solnce moej žizni. Vospominaniâ. 1846–1917*, Moskva: Boslen: 10–39 [Андрианова, И.С., Тихомиров, Б.Н. (2015). *Любимь Достоевского. Анна Григорьевна Достоевская и ее воспоминания*. В: Достоевская, А.Г. *Солнце моей жизни. Воспоминания. 1846–1917*, Москва: Бослен:10–39].
- Bart, R. (1994). *Smert' avtora. V: Izbrannye raboty: semiotika: poëtika*. Moskva: Ripol klassik: 384–391. (Online) <http://philology.ru/literature1/barthes-94e.html> (доступ 16.08.2019) [Барт, Р. (1994). *Смерть автора*. В: *Избранные работы: семиотика: поэтика*. Москва: Рипол Классик: 384–391. (Online) <http://philology.ru/literature1/barthes-94e.html> (доступ 16.08.2019)].
- Bogdanov, N.N. (2019). *Vokrug Dostoevskogo: poiski, nahodki, razmyšleniâ*. Sankt-Peterburg: Serebrânij vek: 170 [Богданов, Н.Н. (2019). *Вокруг Достоевского: поиски, находки, размышления*, Санкт-Петербург: Серебряный век: 170].
- Cat-Mackiewicz, S. (2013). *Dostojewski*. Kraków: Universitas.
- Dostoevskaa, A.G. *Solnce moej žizni. Vospominaniâ. 1846–1917*. Moskva: Boslen [Достоевская, А.Г. *Солнце моей жизни. Воспоминания. 1846–1917*. Москва: Бослен].
- Dostoevskij, F.M. (1974). *Polnoe sobranie sočinenij: v tridcati tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1974). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1975). *Polnoe sobranie sočinenij: v tridcati tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1975). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1985). *Polnoe sobranie sočinenij: v tridcati tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1985). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Frejd, Z. (1995). *Dostoevskij i otcubijstvo*. V: Frejd, Z. *Hudožnik i fantazirovanie*. Moskva: Respublika: 285–294 [Фрейд, З. (1995). *Достоевский и отцеубийство*. В: Фрейд, З. *Художник и фантазирование*. Москва: Республика: 285–294].
- Ivanov, I. (2016). *Kak vy dumaete, byl li Dostoevskij pedofilom (pis'mo N. Strahova L. Tolstomu). The Question*. (Online) <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-byli-li>

- dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu (доступ 16.08.2019) [Иванов, И. (2016). Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом (письмо Н. Страхова Л. Толстому). *The Question*. (Online) <https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-by-l-dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu> (доступ 16.08.2019)].
- Leont'ev, K.N. (1990). *O vseмирnoj ljubvi: po povodu reči F.M. Dostoevskogo na Puškinskom prazdnike*. V: *O Dostoevskom: tvorčestvo Dostoevskogo v russkoj mysli 1881–1931 gg.*, Moskva: Kniga [Леонтьев, К.Н. (1990). *О всемирной любви: по поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике*. В: *О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.* Москва: Книга].
- Mihajlovskij, N.K. (1882). *Žestokij talant*. V: *Polnoe sobranie sočinenij F.M. Dostoevskogo*. Т. 2–3. Sankt-Peterburg [Михайловский, Н.К. (1882). *Жестокий талант*. В: *Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского*. Т. 2–3. Санкт-Петербург].
- Saraskina, L.I. (2013). *Dostoevskij*. Moskva: Molodaâ gvardiâ [Сараскина, Л.И. (2013). *Достоевский*. Москва: Молодая гвардия].
- Strahov, N.N. (1883). *N.N. Strahov – L.N. Tolstomu, 28 noâbrâ 1883 g. Sankt-Peterburg*. (Online) <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpe/ts6/ts72652-.htm> (доступ 15.08.2019) [Страхов, Н.Н. (1883). *Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 28 ноября 1883 г. Санкт-Петербург*. (Online) <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpe/ts6/ts72652-.htm> (доступ 15.08.2019)].
- Suslova, A.P. (1994). *Šižaiâ i svoj: Dnevnik – povest' – pis'ma*. Minsk: Universtetckae [Суслова, А.П. (1994). *Чужая и свой: Дневник – повесть – письма*. Минск: Універсітэцкае].
- Svincov, V. (1995). Stavroginskij Greh Dostoevskogo. *Voprosy literatury*. Выр. 2: 111–142 [Свинцов, В. (1995). Ставрогинский грех Достоевского. *Вопросы литературы*. Вып. 2: 111–142].
- Svincov, V. (1999). Dostoevskij i «otnošeniâ meždu polami». *Novyj mir*, 5. (Online) https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/5/dostoevskij-i-otnosheniya-mezhdu-polami.html (доступ 16.08.2019) [Свинцов, В. (1999). Достоевский и «отношения между полами». *Новый мир*, 5. (Online) https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/5/dostoevskij-i-otnosheniya-mezhdu-polami.html (доступ 16.08.2019)].
- Šestov, L. (2000). *Dostoevskij i Nicše (filosofijâ tragedii)*. V: *Apofeoz bespočvennosti*. Moskva: AST [Шестов, Л. (2000). *Достоевский и Ницше (философия трагедии)*. В: *Апофеоз беспочвенности*. Москва: АСТ].
- Volgin, I.L. (1991). «Rodit'sâ v Rossii...» *Dostoevskij i sovremenniki: žizn' v dokumentah*. Moskva: Kniga [Волгин, И.Л. (1991). «Родиться в России...» *Достоевский и современники: жизнь в документах*. Москва: Книга].
- Zaharov, V.N. (1978). *Problemy izučeniâ Dostoevskogo*. Petrazavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet [Захаров, В.Н. (1978). *Проблемы изучения Достоевского*. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет].
- Zaharov, V.N. (2013). *Imâ avtora – Dostoevskij: očerk tvorčestva*. Moskva: Indrik [Захаров, В.Н. (2013). *Имя автора – Достоевский: очерк творчества*. Москва: Индрик].



ЕВРОПА В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА: КАРАМЗИН – ДОСТОЕВСКИЙ – ДАНИЛЕВСКИЙ

ГЕОРГИЙ ПРОХОРОВ

Государственный социально-гуманитарный университет
Филологический факультет
Кафедра литературы
ул. Зеленая, д. 30, 140415, г. Коломна Московской области, Россия
e-mail: hoshea.prokhorov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4652-8698>
(получено 27.08.2019; принято 17.09.2019)

Abstract

Europe in Russian Conservative Journalism of the 19th Century: Karamzin – Dostoevsky – Danilevsky

Images of Europe constructed by Nikolay Karamzin, Fyodor Dostoevsky and Nikolay Danilevsky are the focus of this paper. Their views express not so much the desire for Russia's isolation from Europe, but the opposition to the process of Europeanization that actually took place. Both Karamzin and Dostoevsky refuse to see Europe as a 'battery' charged with progressive norms and forms. In the writers' view, Europeanization is inextricably linked with the Enlightenment, which lies in humanism and the development of human potential, and not in tracing the achievements of scientific progress and technology. The writers do not criticize Europe as such, but the reduction of the Enlightenment to the external European facade of formal norms and technologies. The 19th century Russian conservatism actively deals with the concept of Europe and is involved in the search of positive aspects of Russian-European interaction.

Key words: Russian conservative movement, 19th century, journalism, Russian and Europe, Russian Europeans

Резюме

В центре настоящей статьи – образы Европы в публицистике Николая Карамзина, Федора Достоевского и Николая Данилевского, трех знаковых фигур русского консерватизма XIX века. Их воззрения выражают не столько стремление к изоляции от Европы, сколько оппонирование тому процессу европеизации, что имел место в действительности. Для Карамзина и Достоевского Европа не «аккумулятор», заряженный готовым набором всевозможных норм. В их представлении европеизация неразрывно связана с Просвещением, которое заключено в гуманизме и развитии человеческого потенциала, а не в кальке достижений научного прогресса и технологий. Протест публицистов вызывает не Европа сама по себе, а редукция Просвещения к калькированию внешнего европейского фасада формальных норм и технологий. Русский консерватизм активно работает понятием Европа и пытается проговорить положительные аспекты русско-европейского взаимодействия.

Ключевые слова: русский консерватизм, XIX век, публицистика, Россия и Европа, русский европеец

Россия и Европа – тема бесконечная: принадлежит ли Россия к Европе или она – отдельный мир? где генезис России – в Европе, Азии или, быть может, в Монголии? (Bilington 1970; Baron 1986; Raeff 1986; Okenfuss 1995; Figes 2002; Freeze 2009: 13–30; Трубецкой 1925). Вопросы появились еще на заре Нового времени (Possevino 1977; Fletcher 1591) и с тех пор не перестают быть средоточием подчас ожесточенных полемик. Какая бы позиция ни была нам ближе, мы обнаружим, как минимум, три попытки «вести» Россию в Европу – во времена Смуты XVII века, Реформ Петра Великого и на рубеже XX–XXI вв. (Ивахненко 1999). Все они обладали многообещающим началом, но обернулись погружением в глубокую конфронтацию. Почему конфронтация столь неизбежно следует за попытками глубокой интеграции?

Русское общество – как известно и очевидно – разделено на две глубоко неравные фракции – западников (меньшинство) и славянофилов (большинство), если использовать терминологию XIX века¹. Обычно про-европейские

¹ Ср. материалы опросов о желаемом пути развития России, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом Общественное мнение (ФОМ), Левада-центром: У России должен быть особый путь / Фонд Общественное мнение. 18.06.1999. (Online) https://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/glob_a/of19992402 (доступ 13.10.2019); Россия не Запад. РБК [Газета]. 07.04.2014. (Online) <https://www.rbc.ru/newspaper/2014/04/07/56bf02ab9a7947299f72d2ca> (доступ 13.10.2019); Большинство россиян хотят, чтобы Россия шла по собственному пути. *Известия*. 21.04.2015. (Online) <http://izvestia.ru/news/585677> (доступ: 13.10.2019); Россия и мир: [Пресс-релиз] / Левада-Центр. 30.01.2017. (Online) <https://www.levada.ru/2017/01/30/rossiya-i-mir-2/> (доступ 13.10.2019); Россияне стали дружелюбными неевропейцами: [Пресс-релиз] / Левада-Центр. 10.09.2019. (Online) <https://www.levada.ru/2019/09/10/rossiyane-stali-druzhelyubnymi-neeuropejsami/> (доступ 13.10.2019).

чувства связывают с западниками, представляя оппонирующую им группу как анти-европейских консерваторов, живущих по древнерусскому принципу «чем западнее – тем грешнее» и мечтающих об изоляции. Однако реальный социокультурный ландшафт России никогда не был столь прост. Более того, можно отметить примечательный факт: наиболее эталонные деятели русского консерватизма XIX века – А.С. Хомяков, семейство Аксаковых, А.Ф. Гильфердинг, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев, Н.П. Гиляров-Платонов – по своему образованию, кругу чтения, культуре были европейцами и, похоже, сами чувствовали себя внутри европейского континуума. Их «агенда» на европейском направлении остается в какой-то мере недооцененной. Между тем, проблема, почему Россия и Европа не могут найти общий язык, была замечена русскими консерваторами и интересовала их отнюдь не ради поиска различий.

Я обращаюсь к трем образам Европы, сформулированным русским поэтом, писателем и историком Николай Карамзин, писателем Федором Достоевским и социологом, журналистом, радикальным анти-дарвинистом Николаем Данилевским – автором одного из самых влиятельных и пессимистических трактатов *Россия и Европа* (1871). Три взгляда высвечивают влиятельные позиции русских консерваторов о Европе, при том что, конечно же, в стороне остаются такие фигуры, как семейство Аксаковых, Алексей Хомяков, Иван Киреевский, Степан Шевырев, Никита Гиляров и т.д. Кстати, о Гилярове стоит сказать чуть подробнее. Один из столпов русской консервативной мысли, он же – один из самых либеральных цензоров Московского цензурного комитета, который дозволил к печати *Горе от ума* Грибоедова, *Юлия Цезаря* Шекспира в переводе Карамзина... Профессор Московской духовной академии, преподающий предмет о ересь и расколах, он сокрушался о закате латыни в русских школах, отрезающим русских религиозных мыслителей от единого европейского континуума. На просьбу составить рецензию на студенческое сочинение *На ересь католицизма* он написал ироничный текст, доказывающий, что сама постановка вопроса некорректна и невозможна для серьезного сочинения. В XIX веке русский консерватизм был скорее не единым течением, а плавильным котлом разных идей. И одним из значимых концептов в нем была проблема «русского европейца».

Обратимся к воззрениям Николая Карамзина – творца русской научной истории, первого переводчика Шекспира на русский язык (трагедия *Юлий Цезарь*), создателя *Пантеона иностранной словесности*, в конечном счете – родоначальника самой формулы «русский европеец».

Литературная репутация Карамзина связана с примечательным травелогом, *Письмами русского путешественника*, который по своей форме в какой-то мере озвучивает *Сентиментальное путешествие* Лоуренса Стерна (Канунова 1975: 258–264). В значительной мере автобиографическое повествование выстроено вокруг фигуры русского, который путешествует через всю Европу из Москвы в Лондон и назад, переживая Европу как свой единственный дом. Впрочем, в дальнейшем я сконцентрируюсь на совершенно ином тексте Карамзина – *Записке о Старой и Новой России* (1811). Здесь Карамзин, кажется, делает радикальный поворот к консерватизму, выставляя абсолютизм в качестве крае-

угольного камня русского государства: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья» (Карамзин 1861: 143).

Карамзин атакует предложения Михаила Сперанского – одно за другим, реформу за реформой. Но атакует ли Карамзин эти предложения как чужеродные, потому что они пропитаны европейским духом? Критику вызывает заимствование нововведений из Франции, которой на тот момент правил Наполеон, для Карамзина и для многих – узурпатор, с которым Россия была на пороге войны:

(...) Conseil d'Etat, Secetaire d'Etat, Senat Conservateur, Ministres de l'Interieur, de la Justice, des Finances, de l'Instruction publique, de la Police, des Cultes; правда, что Екатерина II не имела ни сих правительств, ни сих чиновников. Но где видим гражданское общество, согласное с истинною целию оною, – в России ли при Екатерине II, или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия? Где более законного, единообразного течения в делах Правительства? (Karamzin 1861: 79)

В тексте нет нападок на Европу. Наоборот, Карамзин пишет о России как об органичной ее части: «(...) На развалинах владычества Римского основалось в Европе владычество народов Германских. В сию новую общую систему вошла и Россия» (Карамзин 1861: 3–4). Карамзин отнюдь не выставляет Россию как воплощение Востока, как страну азиатскую: «На степях Донских и Волжских кочевали орды Азиатские, способные только к разбоям» (Карамзин 1861: 7–8). Его нарратив превозносит право, мораль, Просвещение – европейские ценности:

Мы завоевали Финляндию: пусть Монитор славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостию, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть Шведов, укоризну всех народов, и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра – быть побежденным от Французов или принужденным следовать их хищной системе (Карамзин 1861: 64–65).

Нарратив Карамзина даже обнаруживает и ставит в центр государства российский социальный контракт между властью и подданными:

Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистию к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин Российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред Святым Олтарем вручила Самодержавие Твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание Твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!» (Карамзин 1861: 55).

Этот навязывающий русским монархам самодержавие контракт может показаться – и справедливо – весьма причудливым. Но причудливость несколько не отменяет стремление вписать наблюдаемое свойство русского государства в европейские правовые концепции. Более того – в английские правовые нормы, ибо сформулированный общественный договор выражен как «неписанная конституция», выработанная самим историческим опытом и эффективно ограничивающая пределы монаршей власти и воли.

Карамзинский текст есть пример «беркианского дискурса» в русской культуре начала XIX века. В те годы работы Эдмунда Берка проникли в Россию и произвели фурор – от эстетических идей и до *Писем о Французской Революции*. И было бы весьма странным шагом видеть англофила Карамзина сторонником изоляции России и европофобом. Его текст продвигает европейские «развязки»: будьте терпеливыми и постепенными, принимайте в расчет традиции и историю, просвещайте людей шаг за шагом:

Наш Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих Государей в пределах законной власти. Чем? Страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тирани может иногда безопасно господствовать после тирана, но после Государя мудрого – никогда! (Карамзин 1861: 56)

Карамзинский текст направлен против утопических проектов, стремящихся все исправить прямо «здесь и сейчас», то есть вне истории, – в чем Николай Бердяев увидит родовую черту русской интеллигенции, если не вообще русских (Бердяев 2006: 113–114; 135–136). Черту, которая нашла свое выражение в «русских мальчиках» Достоевского.

Федор Достоевский – другой сложный случай русского консерватизма. Можно с легкостью найти на его страницах огромное число жестких антиевропейских пассажей. Но если поставить во главу угла нарративные стратегии, то мы увидим, что Достоевский раз за разом воспринимает Россию как страну европейскую: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя» (Достоевский 1983: 25: 23).

Как для Карамзина объектом критики был не Запад, а искусственный и утопический проект европеизации России, выполненной «здесь и сейчас», так для Достоевского – попытки русских западников вломиться в открытую дверь:

Вы начали с бесцельного скитальчества по Европе при алчном желании переродиться в европейцев, хотя бы по виду только (...). Еще до Петра, при московских еще царях и патриархах, один тогдашний молодой московский франт, из передовых, надел французский костюм и к боку прицепил европейскую шпагу (...). Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками! (Достоевский 1983: 25: 20–22).

В таких действиях Достоевский видит лишь надежный путь скомпрометировать собственные якорные точки. В диалогической поэтике Достоевского любые попытки выглядеть как кто-то другой, говорить языком кого-то другого – они бессмысленны. Как вести диалог с человеком, который не проговаривает своих слов? Как доверять такому человеку? Как понять молчащего или разговаривающего центоном из обрывков чужих фраз? Способ европеизации, избранный русскими западниками для построения «европейской России», в дискурсе Достоевского являет ошибочность: «Став самими собой, мы получим наконец об-

лик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу» (Достоевский 1983: 25: 23). Россия принадлежит к одному целому с Европой, но осуществляемая европеизация – катастрофа. Потому что русские западники увидели Европу в поверхностных элементах – отсутствии бороды, костюме, шляпе, шпаге... Они переоценили значимость технологических достижений для усвоения цивилизации, которая не в парюках, железных дорогах, паровых машинах, почтовой службе... Достоевский задается примечательным вопросом, звучащим более актуально для нас с нашей памятью о Холокосте и наличием движений типа Исламского государства или чуть подзабытого Боко Харам (cf.: Smith 2015: 56–60, 89; The Islamic State 2014: 23–26) – ‘кто доказал, что вчерашний варвар не способен использовать передовые достижения цивилизации? кто доказал, что варвар просвещается поездками по железной дороге?’ Важнейший вопрос для Достоевского, как и для Карамзина: сделала ли европеизация XVIII–XIX века Россию более гуманным местом с большим уважением к человеку? Или просто пиджачок цивилизный накинута сверху, но и тот шит не по мерке – что и знает носящий этот пиджак (ср. Баршт 2018: 44–48):

(...) отчего это, еще с самого моего детства, и во всю мою жизнь, чуть только я попадал в большое праздничное собрание русских людей, тотчас всегда мне начинало казаться, что это они только так, а вдруг возьмут, встанут и сделают дебош, совсем как у себя дома. (...) я понимаю и то, что чрезвычайно приятно (о, многим, многим!) встать посреди собрания, где всё кругом, дамы, кавалеры и даже начальство так сладки в речах, так учтивы и равны со всеми, что как будто и в самом деле в Европе, — встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии, — свиснуть кому-нибудь оплеуху, отмотить пакость девушке и вообще тут же среди залы нагадить: «Вот, дескать, вам за двухсотлетний европеизм, а мы вот они, все как были, никуда не исчезли!» (Достоевский 1983: 22: 10–11).

«Человеческое измерение» ему важнее технологий. Европеизация, какой она имела место быть, – объект, серьезно критикуемый Достоевским. Но противоборство собственно с Европой никогда не было ключевой темой писателя.

Значит ли это, что русский консерватизм XIX века не знает каких-то более радикальных версий, нежели у Карамзина и Достоевского? Естественно, они есть. Например, *Россия и Европа* Данилевского. Центральное положение этого публициста следующее: у России и Европы нет ничего общего, кроме пространственного соприкосновения, – они абсолютно разные миры:

(Европа) есть только поприще великой германо-романской цивилизации, ее синоним (...). Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит. (...) она не причастна ни европейскому долбу, ни европейскому злу (Данилевский 1991: 59–60).

Но если взглянуть внутрь этих очень жестких формулировок, то в их глубине мы увидим травму и обиду – за невключение в «хор Империй». Причем это обида не далекого, а очень близкого:

Одна либеральная реформа следовала за другой. На заграничные дела оно не оказывает уже никакого давления. Этого мало, оно употребляет свое влияние в пользу всего ли-

берального. И правительство, и общественное мнение сочувствовали делу Северных Штатов искреннее, чем большая часть Европы. Россия из первых признала Итальянское королевство и даже, как говорят, своим влиянием помешала Германии помогать неправому делу. И что же, переменялась ли хоть на волос Европа в отношении к России? (Данилевский 1991: 49).

Что странного и обидного в непонимании, в искажении, в тенденциозности, допускаемых дальним? Но в том-то и дело, что Н.Я. Данилевский дальним по отношению к Европе никогда и не был. Выпускник Царскосельского лицея, слушатель факультета естественных наук Санкт-Петербургского университета, фюрерист, арестант по делу Петрашевцев... Данилевский – тот же самый описанный Достоевским «русский фронт», только от обиды выбросивший саблю, ибо ее ношение не помогло его признанию «старой Европой». Радикальный протест Данилевского взращен в рамках европеизаторской парадигмы Петровских реформ, отождествивших Просвещение с технологической мощью.

Странный парадокс: русский консерватизм XIX века, быть может, самое значимое про-европейское движение в России, во всяком случае – единственное, которое внимательно пыталось осмыслить сходства и различия России и ее западных соседей, чтобы вместо тиражирования получившейся на базе Петровских реформ химеры ‘Русской Европы’ начать серьезный диалог. Вряд ли стоит оставлять без внимания их видение русско-европейских отношений, равно как и вырывать отдельные, наиболее плакатные и резкие высказывания из созвучий эпохи, биографии и творчества того или иного публициста.

Библиография

- Baron, S.H. (1986). European Images of Muscovy. *History Today* (August).
- Baršt, K.A. (2018). Počvenničestvo F.M. Dostoevskogo kak èlement russkoj religioznoj reformacii v sbornike «Iz glubiny». *Filosofičeskie piš'ma: Russko-evropejskij dialog*, 1: 41–57 [Баршт, К.А. Почвенничество Ф.М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины». *Философические письма: Русско-европейский диалог*, 1: 41–57].
- Berdâev, N. (2006). *Mirosozercanie Dostoevskogo*. Moskva: AST [Бердяев, Н. (2006). *Мирозерцание Достоевского*. Москва: АСТ].
- Bilington, J. (1970). *The Icon and the Axe*. Vintage Publishing.
- Danilevskij, N.Â. (1991). *Rossia i Evropa*. Moskva: Kniga [Данилевский, Н.Я. (1991). *Россия и Европа*. Москва: Книга].
- Dostoevskij, F.M. (1983). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30. tomah*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie [Достоевский, Ф.М. (1972–1990). *Полное собрание сочинений: в 30. томах*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение].
- Figes, O. (2002). *Natasha's Dance: a Cultural History of Russia*. Metropolitan Books.
- Fletcher, G. (1591). *Of the Russe Common Wealth. Or, Maner of Gouvernement of the Russe Emperour, (Commonly Called the Emperour of Moskouia) with the Manners, and Fashions of the People of that Countrey*. London.
- Freeze, G. (2009). *Russia: a History*. Oxford UK: Oxford UP.
- The Islamic State of Iraq and Syria* (2014). Charles River Editors.
- Ivahnenko E.N. (1999). *Rossia na «porogah»: idejnye konfrontacii i «porogi» v tečeniâh russkoj religiozno-filosovskoj i političeskoj mysli (XI – nač. XX v.)*. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gercena

- [Ивахненко, Е.Н. (1999). *Россия на «порогах»: идейные конфронтации и «пороги» в течениях русской религиозно-философской и политической мысли (XI – нач. XX в.)*. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена].
- Kanunova, Z.F. (1975). *Karamzin i Stern. XVIII vek*. Т. 10. Leningrad: Nauka. Leningradское отделение: 258–264 [Канунова, З.Ф. (1975). *Карамзин и Стерн. XVIII век*. Т. 10. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение: 158–264].
- Karamzin, N.M. (1861). *O drevnej i novoj Rossii v eâ političeskom i graždanskom otnošeníâh*. Berlin: Ferdinand Schneider [Карамзин, Н.М. (1861). *О древней и новой России в ея политическом и гражданском отношениях*. Берлин: Ferdinand Schneider].
- Okenfuss, M.J. (1995). *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resilience of Muscovy*. Brill.
- Possevino, A. (1977). *The Moscovia of Antonio Possevino*. Pittsburg: Pittsburg UP.
- Raeff, M. (1986). *Moscovy Looks West. History Today* (August).
- Smith, M. (2015). *Boko Haram: Inside Nigeria's Unholy War*. London–New York: I.B. Tauris.
- Trubeckoj, N. (1925). *Nasledie Čingishana: vzglâd na russkû istoriû ne s Zapada, a s Vostoka*. Berlin: Evrazijskoe knigoizdatel'stvo [Трубецкой, Н. (1925). *Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока*. Берлин: Евразийское книгоиздательство].



ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ У ИСТОКОВ СОВЕТСКОГО САТИРИЧЕСКОГО И АГИТАЦИОННОГО ТЕАТРА¹

МАКСИМ ФЕДОРОВ

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Отдел рукописей
ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия
e-mail: maksimfyodorov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6540-1767>
(получено 3.09.2019; принято 16.09.2019)

Abstract

Demyan Bedny at the Origins of the Soviet Satire and Propaganda Theater

The Demyan Bedny fund (IMLI) deposited materials telling about the formation of a special kind of Soviet stage art – satire and miniatures propaganda theater. In the first decade after the revolution such collectives appeared in a wide array. Demyan Bedny took an active part in their creation. The archive also tells about the unrealized idea of Demyan Bedny to create a political operetta in the USSR. In the attachment, an unknown piece of Demyan Bedny's play *Pull!* is published. On the basis of archival materials, the history of the creation of this play is recreated.

Key words: Demyan Bedny, political operetta, publication, satire, Soviet drama, theater

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 18-012-00445 «Демьян Бедный и советский театр 1920–1930-х годов».

Резюме

В фонде Демьяна Бедного (ИМЛИ) отложились материалы, рассказывающие о становлении особого вида советского сценического искусства – театра сатиры и миниатюр, агитационного театра. В первые послереволюционные десятилетия таких коллективов родилось много – синеблужники, Теревсат, театр сатиры и др. В их создании деятельное участие принимал Демьян Бедный. Архив рассказывает и о неосуществленной идее Демьяна Бедного создать политическую оперетту в СССР. В приложении публикуется неизвестная пьеса Демьяна Бедного *Вытянем!*. На основе архивных материалов воссоздается история создания этой пьесы.

Ключевые слова: Демьян Бедный, политическая оперетта, публикация, сатира, советская драматургия, театр

В первые десятилетия существования молодого советского государства на фоне потребности революции в новом искусстве – активном, боевом, остросовременном – возникло особое явление сценического искусства – Теревсат (Театр революционной сатиры). Поскольку в эти годы роль Демьяна Бедного как в политической, так и в культурной жизни страны была огромной, он оказался у истоков создания подобного рода театров. Тогда они появились во множестве и повсеместно, а их цель заключалась в простой и доступной форме знакомить своих зрителей – красноармейцев, рабочих, крестьянскую бедноту – с политическими событиями, объяснять, комментировать их. Безусловно, такому театру был нужен своеобразный талант Демьяна Бедного, агитационный и публицистический по своей природе. Один из драматургов того времени вспоминал о пролетарском поэте:

(...) он был одним из организаторов «Теревсата» – Театра революционной сатиры – в то время, когда не было репертуара для такого театра и не все театральные деятели решались снизойти до «агитки». В 1920 году, зимой, в квартире Демьяна мы собрались за круглым столом, слушали пьесы, написанные для «Теревсата». Не могу не рассказать об одном характерном эпизоде, так сказать штрихе эпохи. Я, в то время молодой литератор, читал свою комедию в двух действиях. Это было довольно слабое произведение, правда, осмеивающее притаившихся контрреволюционеров, спекулянтов. Демьян сидел рядом с автором, придвигал к себе и внимательно рассматривал уже прочитанные листки рукописи. Автора, видимо, воодушевляло это обстоятельство, он читал горячо, с азартом. Но вскоре все объяснилось. В ту пору была острая нужда в писчей бумаге, и пьеса была написана на оборотной стороне акций нефтяных промыслов Джемгаровых, Лианозовых и Ассадулаевых.

– Вы сами не понимаете, какая это деталь нашей эпохи, на что пригодились бумаги, которые стоили на бирже десятки тысяч! – ухмыляясь, говорил мне Демьян (Никулин 1966: 303).

Стиль Теревсата был сродни поэзии Демьяна Бедного: скетчи, агитки, миниатюры с острым публицистическим пафосом, небеззлобная сатира составляли основу его репертуара.

Театр революционной сатиры, – писал один из организаторов театра, поэт-сатирик М.Я. Пустынин, – своим символом выбрал, отбросив маски и котурны, – простую метлу. Она не будет празднично лежать в театральном углу, затянутая паутиной, эта метла будет гулять по головам белогвардейцев, сшибая с них большие и малые короны, и под ее острые прутья попадет все, что лежит на красной дорожке, мешая по ней шествовать работникам революции (Московский академический театр имени Вл. Маяковского 1983: 5).

Первый Теревсат появился в Витебске, а потом было принято решение создать похожий коллектив в Москве. В его труппу вошли некоторые артисты Витебского Теревсата, и номера с их участием составляли вначале основу репертуара нового театра. Пока коллектив не получил постоянного здания, он, подобно средневековому уличному театру, выступал просто на улицах, площадях Москвы, в садах и парках города, иногда его принимали в клубах и казармах.

Предельно демократичный, как и стихи Демьяна Бедного, Теревсат был в буквальном смысле близок народу. В различных городах можно было встретить объявления такого рода:

Московский комитет РКП устраивает в воскресенье, 13 июня с. г., митинги-концерты на платформах трамвая; митинги состоятся в 5 час. дня на Елоховской площади, в 6 час. 30 мин. на Андроньевской площади, в 8 час. на Даниловской площади, в 10 час. на Девичьем поле. В концертах примет участие театр Революционной Сатиры, под управлением тов. Разумного (Коммунистический труд 1920: 2).

О том, как проходили представления этого театра, наследующего традиционному русскому народному, скоморошьему и петрушечному балаганному театру, можно представить из газетных объявлений тех лет:

(...) состоялась одна из обычных поездок агиттрамвая. Митинги-спектакли на этот день были назначены на Даниловской пл., у Симонова монастыря, на Введенской пл. и у Брянского вокзала. При первых звуках оркестра со всех улиц и переулков масса народу стекается на площадь, где предполагается митинг-концерт, и около трамвая образуется многотысячная толпа. Выступающие ораторы говорят о польском фронте. Каждая фраза оратора, каждое меткое замечание куплетиста вызывают живой отклик толпы. Слушающие сочувственно аплодируют. Настроение бодрое, приподнятое всюду, и слова артиста, поющего о том, что Красная Армия ждет добровольцев, вызывают аплодисменты слушателей, а замечания о том, что публике будут показаны такие знаменитости, как Колчак и Юденич, заставляют хохотать всю площадь. Ни дождь, ни грязь, ни огромные лужи на улицах – ничто не служит помехой! (Агит-трамвай 1920: 2).

Осенью 1920 г. Теревсат получил стационарное помещение на улице Герцена, 19, где до этого располагался театр оперетты Потопчиной. Теревсату в наследство достались хор, оркестр, балетная труппа и некоторые солисты оперетты, но при этом пришли новые артисты драмы, оперы, балета, эстрады и даже цирка. Эта сводная труппа насчитывала около трехсот пятидесяти человек. В работе театра принимали участие выдающиеся артисты, многие из которых были дружны с Демьяном Бедным: В.О. Топорков, Г.М. Ярон, Н.П. Смирнов-Соколь-

ский, Л.О. Утесов, М.М. Блюменталь-Тамарина, музыку к спектаклям писал И.О. Дунаевский.

Создавая оригинальный репертуар, новый театр обратился за помощью к сатирическим поэтам: Демьяну Бедному, В. Маяковскому, И. Эренбургу. И в 1921 г. на его сцене были поставлены *Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое* Маяковского, пьеса Демьяна Бедного *Земля обетованная*, сатира Эренбурга на Лигу наций *Светопреставление*.

Сотрудничество пролетарского поэта с передвижным театром было взаимовыгодным. Труппа охотно включала в свой репертуар агитки Демьяна Бедного, а он, анализируя реакцию публики, по впечатлениям от спектаклей Теревсата создавал свои произведения. Так, на одном из представлений давали политическую сатиру про «Тройку» (А.В. Колчак, А.И. Деникин, Н.Н. Юденич) и «отравленную Антанту»:

Стоит на площади разукрашенный вагон-площадка. На площадке парень в рубахе наигрывает на гармошке, а девица под музыку душу раздирающим голосом поет:

Антанта отравилась,

Отравы приняла...

Да и как не отравиться? Колчак, Юденич, Деникин – этакая неудача! Девица поет – разрывается от тоски, а вокруг полна площадь народу и никто не сочувствует. Наоборот, хохочут, улыбаются:

— Так ей и надо, подлой Антанте.

Девица пропела и ушла.

А вон выскочили три героя, в генеральских мундирах, с густыми эполетами, хотя и общипанные, помятые, – это как раз «Тройка» – Колчак, Юденич, Деникин.

На мотив «Гайда, тройка» эти молодчики поют о своих неудачах и приплясывают, к ним присоединяется ясновельможный пан Пилсудский.

— Куда прешь, пане?

— В Москву!

— Зачем?

— Большевиков бить!!!

Золотопогонная тройка заливается хохотом. Хохочет вся площадь. А пан смотрит ошалевшими глазами и не понимает.

(...)

И после этого еще пение, чтение стихов, пляска – и все на темы дня.

Это – «театр революционной сатиры» под управлением артиста т. Разумного совершает агитационную поездку на трамвае по площадям Москвы...

Население с большим сочувствием отнеслось к новому «веселому» виду политической агитации. На окраинах Москвы в минуту собирается тысячная толпа, как только оркестр начинает играть (Сосновский 1920: 3).

Автором песни *Антанта отравилась* в этом спектакле был Пустынин, а в последней сцене артисты исполняли пародийное стихотворение Демьяна Бедного 1919 г. *Тройка*. Поэт, опираясь на опыт Теревсата, напечатал в «Правде» 21 марта 1922 года новые стихи, назвав их *Антанта отравилась*.

С эпохой НЭПа закончилось время Теревсатов: постепенно по всей стране эти театры, как, впрочем, и другие, порожденные эпохой «военного коммунизма», стали умирать.

Хуже всего было то, что Теревсату, оставшемуся без средств, пришлось распрощаться и с сатирой.

Чтобы прокормиться труппе, Разумный отдал сцену под кассовые спектакли с участием популярного комедийного актера Б.С. Борисова. Шли *Поташ и Перламутр*, *Хорошо сшитый фрак*, потом к ним прибавился *Лев Гурыч Синичкин*.

«Самые веселые спектакли в Москве!» – кричали афиши и зазывали публику уже не в Теревсат, а в добрый старый Никитский театр².

Актеры Теревсата участвовали в прибыльных представлениях. Например, роли Абрама Поташа и Морица Перламутра, совладельцев игорного дома, исполняли Б.С. Борисов и М.А. Разумный. Отдавая должное гастролеру, рецензии хвалили и теревсатчиков (Золотницкий 1976: 209).

Закончилось время революционной сатиры, и один из критиков, вспоминая спектакль Теревсата *Город в кольце*, писал:

И Город в кольце, чередующийся в Теревсате с вечерами Борисова...

*И Зори*³, дождавшиеся на радость академическому Таирову⁴ своих сумерек...

И Мистерия-буфф, слопанная «дамой с картонками»...

Трудно жить великому городу Революции в кольце из картонок и веселых афиш! (Песик 1921: 11).

В своей поэме-памфлете Демьян Бедный обидно назовет Московский Теревсат «Театром Разумной Сатиры»:

Зрелищам вообще придавал я цену,
Поэтому приказал устроить открытую сцену
На той же Красной площади, у кремлевской стены.
Большевицкие могилы были с землей сравнены,
А вырытые останки огнем уничтожены,
На месте могил были дорожки проложены,
И устроен буфет с рядом столиков –
Приманка для проституток и алкоголиков.
Каждый вечер «Театр Разумной Сатиры»
Высмеивал на сцене большевицкие кумиры,
Изображая их в пьесе крайне непристойной
На потеху публике запойной.
Пели цыгане, играли гитаристы
И кривлялись поэты футуристы-диктатористы,
Смеша публику невероятно... (Демьян Бедный 1927: 122).

Все чаще и чаще в прессе на спектакли Теревсата писались разгромные рецензии, отмечавшие, что в постановках театра

² Никитский театр, или Театр Парадиз – музыкально-драматический театр, располагавшийся в Москве в здании на Никитской (в советское время – улица Герцена), где позже будет давать представления Теревсат.

³ Легендарный спектакль В.Э. Мейерхольда.

⁴ А.Я. Таиров – великий советский режиссер, основатель Камерного театра, непримиримый соперник и постоянный оппонент Мейерхольда.

в результате крайне соблазнительно, чтобы не сказать контр-революционно, звучали обильно рассыпанные в пьесе шуточки, остроты и «бонмоты» на темы революции и революционного быта. Когда их так слишком подозрительно много и когда на сцене исключительно представители контр-революции и сменовеховства, получается определенное впечатление, что эти шуточки доносятся «оттуда» и с той стороны баррикады (Садко 1922: 2).

С упоминавшимся выше известным эстрадным артистом Борисовым («Борсамбор», как называл его Демьян Бедный) поэта связывали не только дружеские отношения. Вместе с ним он активно участвовал в работе возникшего в начале 20. годов передвижного театра «Коробочка», в котором эстрадный артист выступал с куплетами и сценками на злобу дня. Театр этот располагался в помещении бывшего ресторана Тестова в Охотном ряду, а его репертуар строился исключительно на любимца публики Борисова. По свидетельству Н.А. Луначарской-Розенель (Луначарская-Розенель 1977: 34) в одном из обзоров «Коробочки» впервые прозвучало слово «нэпман», сразу вошедшее в обиход. Обозревателя по фамилии Нэпман играл Борисов. Рецензент «Театральной Москвы» отмечал, что

хотя это обозрение и пестрит новыми словами и в нем склоняется на все падежи слово «нэп», но при всем этом оно «невероятно старо, плоско и наивно!... Разыгрывается оно старательно, гладко. На первом плане, конечно, Борисов, для которого и куплет и речитатив – родная стихия (Эрманс 1922: 22).

Шли разговоры, что вместе с Маяковским Демьян Бедный будет участвовать в создании нового жанра советского музыкального театра – политической оперетты. Так, заведующий Центропечатью Б.Ф. Малкин, друживший с Маяковским, писал 1 декабря 1920 г. Мейерхольду (в то время заведующему Театральным отделом Наркомпроса):

Я уже разговаривал с Вами о необходимости возрождения художественной оперетты, придав ей характер яркого отклика на современность в определенном коммунистическом направлении.

Целый ряд ответственных партийных товарищей разделяет мою точку зрения, и нам удалось привлечь к этому делу несколько писателей и музыкантов (т. Демьяна Бедного, Эмиля Кроткого, Маяковского, Юрия Сахновского и др.). Обещал мне оказать всяческое содействие т. Максим Горький, который подготавливает для нас всяческие материалы в Петрограде (Государственный музей В. В. Маяковского. Ед. хр. Р-5509).

Политическая оперетта в советской России должна была начаться переделкой классической *Прекрасной Елены*, текст к которой предполагалось предложить переписать Маяковскому. Ставить спектакль должны были Мейерхольд и Бebutov, а художником должен был стать А.В. Лентулов. Но театр политической оперетты так и не был создан.

В период НЭПа Теревсат сменился театром «Синяя блуза». Он открылся в 1923 г., когда казалось, что время сатирического и агитационного театра вместе с Гражданской войной ушло в прошлое. Исчезла драматургия, написанная специально для агитационного театра, и изменилась публика, среди которой «даже революционный зритель требует от искусства прежде всего развлечения» (Садко 1922: 2).

«Синяя блуза» возникла на фоне существования большого количества театров миниатюр, нэпмановскую публику развлекали сотни варьете и цыганских хоров. Тематические интересы нового театра были чрезвычайно широки: от международных до бытовых и житейских. Безусловно, по своей жанровой природе это был сатирический театр. Синеблузники не смогли обойтись без Демьяна Бедного, и он откликнулся на предложение о сотрудничестве. Например, в одном из представлений звучала его песня *Проводы*, и на ее мотив сочинялись стихи в подражание пролетарскому поэту:

Вступала гармонь с мелодией популярнейшей в то время песни на слова Демьяна Бедного *Проводы*. Разыгрывалась «инсценировка» под названием *Пивная, церковь, клуб*. Синеблузник в костюме в форме бутылки с желто-зеленой этикеткой, с гармонью в руках изображал Пивную. Клуб – синеблузник в костюме, на котором нашиты круги с надписями Литкружок, Драмкружок и т.д. Церковь – с огромными крестами. Посетитель пивной – грязный, в лихо заломленной кепке, в руках пустая бутылка от пива. Богомолка – сгорбленная старушка в темном платке. Сознательная работница – в красной косынке. Они разыгрывали несложный сюжет, наглядно демонстрирующий вред церкви и пивной. В финале в обычной прозодежде артисты серьезно и назидательно обращались в зал:

От тоски ты, Ваня,
пьешь или от охоты?
Вот где, Ваня, пропадешь
Ни за что ты! (Уварова 1983: 100).

В 20. годы Демьян Бедный принимает участие в создании еще одного московского театра, который существует в столице и сегодня. В октябре 1924 г. в Гнездиновском переулке (где раньше располагалось кабаре «Летучая мышь», потом «Кривой Джимми») открылся Театр Сатиры. Новая труппа давала два спектакля: обозрение *Москва с точки зрения* и программу из отдельных номеров под названием *Захолустье*. И почти сразу, наряду с Маяковским, этот театр стал работать и с Демьяном Бедным. Постоянными посетителями спектаклей и друзьями, которые запросто заходили за кулисы, были ведущие артисты московских театров и почти все друзья Демьяна Бедного: М. Климов, Блюменталь-Тамарина, В. Качалов, И. Москвин, М. Тарханов, В. Пашенная, И. Певцов, Смирнов-Сокольский, Утесов.

20. годы стали временем расцвета театрального искусства в СССР. Бок о бок существовали коллективы самых разнообразных эстетических пристрастий и стилевых направлений. Родившиеся тогда при непосредственном участии Демьяна Бедного агитационные и сатирические театры, несомненно, несли с собой дух революционного преобразования жизни и свободы. Поскольку тогда их открылось много, они значительно поменяли театральную атмосферу в стране. К сожалению, их время оказалось коротким, к 30. годам от них почти ничего не осталось. Лишь Театр сатиры, поменявший свой адрес с Гнездиновского переулка на Триумфальную площадь, стал официальным сатирическим театром СССР, для увековечивания которого в этой роли ему даже присвоили статус «академического». Но у истоков и этого театра стоял Демьян Бедный.

Библиография

- Agit-tramvaj (1920). *Izvestiâ*, 140 (29 iûnâ): 2 [Агит-трамвай (1920). Известия, 140 (29 июня): 2].
- Bednyj, Dem'ân. (1927). *Polnoe sobranie sočinenij*. Т. 6. Moskva–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo [Бедный, Демьян (1927). *Полное собрание сочинений*. Т. 6. Москва–Ленинград: Государственное издательство].
- Dubrovskij, V.Â. (Red.) (1983). *Moskovskij akademičeskij teatr imeni Vl. Maâkovskogo. 1922–1982*. Moskva: Iskusstvo [Дубровский В.Я. (Ред.) (1983). *Московский академический театр имени Вл. Маяковского. 1922–1982*. Москва: Искусство].
- Ërmans, V. (1922). Po teatram miniatûr. *Teatral'naâ Moskva*, 35–36: 22 [Эрманс, В. (1922). По театрам миниатюр. *Театральная Москва*, 35–36: 22].
- Kommunističeskij trud* (1920), 68 (13 iûnâ). [*Коммунистический труд* (1920), 68 (13 июня)].
- Lunačarskaâ-Rozenel', N.A. (1977). *Pamât' serdca*. Moskva: Iskusstvo [Луначарская-Розенель, Н.А. (1977). *Память сердца*. Москва: Искусство].
- Nikulin, L. (1966). O poëte. V: Pridvorov, D.E., Prâmkov, A.V. (Sost.). *Vospominaniâ o Dem'âne Bednom*. Moskva: Sovetskij pisatel' [Никулин, Л. (1966). О поэте. В: Придворов, Д.Е., Прялков, А.В. (Сост.). *Воспоминания о Демьяне Бедном*. Москва: Советский писатель].
- Pesis B. (1922). Gorod v kolce (Moskovskij «Renessans»). *Iskusstvo i trud*, 1 (29 noâbrâ): 11 [Песис Б. (1921). Город в кольце (Московский «Ренессанс»). *Искусство и труд*, 1 (29 ноября): 11].
- Sadko (1922). «Rossiâ № 2» v Terevsate. *Pravda*, 88 (24 maâ): 2 [Садко (1922). «Россия № 2» в Теревсате. *Правда*, 88 (24 мая): 2].
- Sosnovskij, L. (1920). Antanta otravilas'... *Bednota*, 683 (21 iûlâ): 3 [Сосновский, Л. (1920). «Антанта отравилась...». *Беднота*, 683 (21 июля): 3].
- Uvarova, E.D. (1983). *Ëstradnyj teatr: miniatûry, obozreniâ, mùzik-holly (1917–1945)*. Moskva: Iskusstvo [Уварова, Е.Д. (1983). *Эстрадный театр: миниатюры, обзоры, мюзик-холлы (1917–1945)*. Москва: Искусство].
- Zolotnickij, D.I. (1976). *Zori teatral'nogo Oktâbrâ*. Leningrad: Iskusstvo [Золотницкий, Д.И. (1976). *Зори театрального Октября*. Ленинград: Искусство].

Приложение

Публикуемая пьеса *Вытянем!* автором не датирована. Но, как и большинство драматургических произведений поэта, данная пьеса в качестве источника имеет стихотворные произведения. В ее основу положены стихотворения Демьяна Бедного *Эп!*, *В Спекуляндии*, *Заставь Богу молиться*. Все они датированы 1922 г., и это дает основание отнести создание пьесы к первой половине 20. годов. *Вытянем!* – образец пьес-скетчей, которые в 20. годы поэт писал для сатирических и агитационных театров.

Пьеса развивает мотивы положенных в ее основу стихотворений: описание тройки, лихача и сатирическое изображение нэпманов взято из стихотворения *Эп!*, сюжет Инженера и Нэпмана – из *В Спекуляндии*, а линия Нэпмана и Сослужашего – из *Заставь Богу молиться*.

Черновые варианты пьесы наряду с окончательным текстом отложились в фонде Демьяна Бедного в Отделе рукописей ИМЛИ РАН.

Текст публикуется по авторизованной машинописи в авторской орфографии и пунктуации.

ВЫТЯНЕМ!

Действующие лица

МАСКИ

1. НЭПМАН

2. МЕНЬШЕВИК

3. ИНЖЕНЕР

4. КУЛАК

5. СОВЕТСКИЙ СЛУЖАЩИЙ

«НЭП»

Зима. Ночь. Шикарный ресторан-кабак. Через вертящиеся двери входят и выходят парочки.

На первом плане зады краснорожих кучеров. Из двери ресторана доносится музыка. Заглядывая в окно шикарного кабака, проходят случайные прохожие. На улице перед кабаком – беспризорный, ночной сторож, дворничиха с метлой. Вдалеке заливчатые бубенцы тройки. Костры. Мороз.

ЛИХАЧ (подлетая). Эй, сторонися, прохожий, эп, эп!

НЭПМАН (вылезая из саней навеселе). Нэп, сторонися, прохожий, нэп! (входит в кабак).

ДВОРНИЧИХА (с метлой, заглядывая в окно). Публики, батюшки, светы! Шику-то сколько! Беда!

СТОРОЖ Барыни, эвона, как разодеты!

ДВОРНИЧИХА Подняли голову вновь господа.

2-й ЛИХАЧ (вылезая из саней навеселе). Нэп, сторонися, прохожий, нэп! (входит в ресторан).

(Первый план декорации расходится в обе стороны сцены, открывая внутренность ресторана; отдельные столики, эстрада. Специфический «угар» ночного шикарного притона. Джаз. На эстраде соответствующий общему тону и настроению, – АТТРАКЦИОН. За ближайшим столиком Нэпман, Инженер – оба навеселе. Все время музыка).

НЭПМАН (обращаясь к инженеру). Вы, я вижу, в прежнем дооктябрьском весе. Где устроились?

ИНЖЕНЕР Пока в Северолесе.

НЭПМАН Христос воскрес!

НЭПМАН (вставая). Ну-с, я в гости и жду гостей.

Хоть разорвись на сто частей!

ИНЖЕНЕР (тоже вставая). И мы вчера всю ночь на части разрывались

В одном месте пили, в другом напивались ...

В третьем изрыгали ... хвалу господа богу ...

Потом забывали домой дорогу!

(декламирует-поет)

Кружев прозрачная пена,

Ножек заманчивый взлет...

(обращаясь к нэпману)

Митя, нам море теперь по колено!

Всю, брат, Рассею возьмем в переплет!

Митя, поедем к цыганам ...

НЭПМАН Тройкою.

ИНЖЕНЕР Тройку скорей!

(Идут на авансцену. Бока декорации снова сдвигаются. Опять подъезд ресторана, кучера, зима. Беспризорники протягивают руку к вышедшим нэпману и инженеру).

НЭПМАН Нищие! Черт их несет к ресторану.

ИНЖЕНЕР Клянчат мерзавцы у каждой двери.

ГОЛОСА КУЧЕРОВ (издали). Эй, сторонися, прохожие, эп! эп!

НЭПМАН (подмигивая инженеру). Нэп, сторонися, прохожий, нэп, нэп!

КУЧЕР Куда ж, барин, везти?

НЭПМАН Сам ... д ... д ... должен ... з ... нать, каналая.

(Советский служащий с дамой оборачиваются на шумный выход из ресторана).

ДАМА (пьяна). Вахканалая! Мороженое подают, как в фантастических рассказах.

В специально изготовленных ледяных вазах,

На вазах цветы и вензеля

Ну, не отличить от хрусталя!

(Пауза. Совслужащий и Нэпман всматриваются друг в друга, вдруг узнали друг друга).

СОВСЛУЖАЩИЙ (Нэпману). Наше вам!

НЭПМАН Очень рад!

СОВСЛУЖАЩИЙ Очень рад!

НЭПМАН Как дела.

СОВСЛУЖАЩИЙ А у вас?

НЭПМАН 0! У нас мармелад!

ДАМА (отошла в сторону, смотрит в зеркальце, прихорашивается).

От революции не потерпела изъяна я (подошедшему Совслужащему, зовет)

Жоржик, я, кажется, пьяная!

(Смотрит в зеркальце, смеется).

(Совслужащий тоже смеется, делает извиняющий жест в сторону инженера и нэпмана – простите, моя дама того-с – и говорит, прощаясь с нэпманом и инженером).

СОВСЛУЖАЩИЙ Ну-с, утром впрягаться в служебную лямку.

(К даме). Ольга Николаевна, ваш я весь (уходят).

ДАМА (на ходу кавалеру). Ты меня поцелуешь в локоть, и в ямку, и вот здесь, и вот здесь.

НЭПМАН (вслед). Ах, что за ножки! А груди (совсем пьяно вслед). Мадам, позвольте вам руку предложить.

ИНЖЕНЕР Ты не думаешь ли, Серж, что порядочные люди, слава богу, теперь могут жить! (Лихачу). Федя, гони!

(Оборачиваются и наталкиваются на быстро идущего мимо краскома⁵. Столкновение).

КРАСКОМ Осторожнее, друг, держись стороною.

НЭПМАН Ну, ну, ну – вы потише со мною.

ИНЖЕНЕР (нэпману, глядя на Краскома, пьяно).

Это откуда явление такое?

КРАСКОМ (инженеру). Ладно! Пока вас оставим в покое.

НЭПМАН Как понимать ваше пока?

Не возьмете ли вы нас за бока?

КРАСКОМ Одно дело вас стричь, другое – снимать шкуру.

Будете напирать – получите отпор.

Нэптесь, но с оглядкой на рабочую диктатуру.

ОБА (сразу) — Да я ...

— Да мы ...

⁵ Красный командир.

— Да о том ли мы хлопочем;

— Впрочем ...

ИНЖЕНЕР (как бы укоризненно).

Ух, какой недотрога! (Краскому)

Позвольте пожать вам...

КРАСКОМ Рукопожатия отменены, скатертью дорога (уходит)

(Оставив в неприятном смущении обоих приятелей).

(Издали начинает доноситься бодрая комсомольская песня).

ИНЖЕНЕР (меланхолично). Какой был вечер пригожий!

НЭПМАН (тыча в спину лихачу). Кучер-то, кучер какой краснокожий

ГОЛОСА КУЧЕРОВ (издали). Эп, сторонися, прохожий, эп, эпа!

НЭПМАН (без прежнего подъема). Нэп, сторонися, прохожий, нэп!

(С нарастанием комсомольской песни лихачи, нэпманы, биржевики и прочая ресторанный публика исчезает. Ночная комсомольская демонстрация. Транспаранты с надписью).

Занавес.

Песня-интермедия.

ПЕСНЯ

Для того ли из злой неволи

Вырван труд детьми труда,

Чтобы цепи рабской доли

Вновь надеть нам.

ГОЛОСА Никогда! Никогда!

КОМСОМОЛЕЦ (поет).

Все, что есть создание наше,

Мы разрушим, мы отстроим.

Так вперед же бодрый строим

Пусть погибнут все враги.

(припев) Дня того ль и т.д.

ГОЛОСА Никогда! Никогда!

КОМСОМОЛКА (поет).

Все мы знаем, что нэп до поры,

Что советская власть накаплиет пары,

А потом большевистские доки

Вам пропишут законные сроки.

(припев) Для того ль и т.д.

ГОЛОСА Никогда! НИКОГДА!

КОМСОМОЛЕЦ (командует).

Шагом марш!

Смотри дорогу.

Раз, два! Раз, два!

Давай, правей, братцы, в ногу,

Кто там спит, не отставай!

(Комсомольцы маршируют).

FILOLOGIA ŚLEDICZA
СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
INVESTIGATIVE PHILOLOGY



Z FILOLOGII ŚLEDCZEJ. PISARZE ROSYJSCY W ARCHIWUM WASILIJA MITROCHINA

GRZEGORZ OJCEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Wydział Humanistyczny
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
Zakład Literatur Wschodniosłowiańskich
ul. Kurta Obiża 1, 10-725 Olsztyn, Polska
e-mail: grzegorz.ojcewicz@uwm.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5909-270X>
(nadesłano 15.09.2019; zaakceptowano 10.11.2019)

Abstract

From Investigative Philology.

Russian Writers in Vasili Mitrokhin's Archive

The paper discusses the question of names of famous Russian writers listed in the book entitled *The Mitrokhin Archive*. The book is a source of terrifying knowledge on the activities of the Soviet security services over the years 1918–1984. Vasili Mitrokhin, an employee of the Archives Department of the First Main Directorate of the Committee for State Security (KGB) under the USSR council of ministers, between 1956 and 1984 gathered notes from thousands of classified KGB documents and transferred them to the British special services. Not only do Mitrokhin's notes reveal information on various intelligence operations carried out by USSR abroad, but they also expose the perfidy and violence showcased by the Soviet authorities towards those citizens who defied the totalitarian rule and human rights violation in the country. As can be concluded from the data collected in *The Mitrokhin Archive*, the KGB kept the Russian creative circles under heavy scrutiny and cynically persecuted those exceptional individuals whose creative output was deemed by the Kremlin as dangerous to the preservation of the Communist state. The book, which is the subject of this analysis, provides information – in various cultural and social contexts – on such writers

(oftentimes dissidents as well) as Vladimir Bukovsky, Mikhail Bulgakov, Yuli Daniel, Aleksandr Herzen, Vladimir Maksimov, Boris Pasternak, Andrei Sinyavsky, Aleksandr Solzhenitsyn, Aleksey Tolstoy and Leo Tolstoy.

Key words: Vasili Mitrokhin's archive, persecution in the Soviet Union, the Soviet violence apparatus, Russian dissidents

Abstrakt

W artykule zostaje poruszona kwestia występowania nazwisk znanych pisarzy rosyjskich w książce *Archiwum Mitrochina*. Jest ona źródłem przerażającej wiedzy o działaniach sowieckich służb bezpieczeństwa państwowego od 1918 do 1984 roku. Wasilij Mitrochin jako pracownik Wydziału Archiwów Pierwszego Głównego Zarządu KGB ZSRR zgromadził między 1956 a 1984 rokiem wyciągi z tysięcy tajnych dokumentów KGB, które następnie przekazał brytyjskim służbom specjalnym. Wypisy Mitrochina ujawniają nie tylko dane o różnorodnych operacjach wywiadowczych ZSRR za granicą, lecz obnażają także perfidię i przemoc władzy sowieckiej w stosunku do obywateli, którzy sprzeciwiali się totalitaryzmowi i łamaniu praw człowieka w Kraju Rad. Jak wynika z danych zawartych w *Archiwum Mitrochina*, KGB niezwykle skrupulatnie inwigilowało środowiska twórców rosyjskich i z wyjątkowym cynizmem prześladowało wybitne indywidualności, których twórczość Kreml uznawał za niebezpieczną dla trwałości komunistycznego państwa. W analizowanej książce znalazły się w różnych kontekstach kulturowo-politycznych informacje o takich pisarzach (i niekiedy zarazem dysydentach), jak Władimir Bukowski, Michaił Bułhakow, Julij Daniel, Aleksandr Hercen, Władimir Maksimow, Boris Pasternak, Andriej Siniawski, Aleksandr Sołżenitsyn, Aleksiej Tołstoj i Lew Tołstoj.

Słowa kluczowe: archiwum Wasilija Mitrochina, prześladowania w ZSRR, aparat sowieckiej przemocy, rosyjscy dysydenci

Gdy w 1992 roku pojawiła się w Polsce idea lustracji osób pełniących funkcje publiczne lub kandydujących do pełnienia tych funkcji, zawrzało nie tylko w mediach, ale przede wszystkim w środowiskach, które miały za sobą świadomą pracę lub nieświadomą współpracę z organami bezpieczeństwa państwa w latach 1944–1990. Jak się można domyślać, osób zatrudnionych w organach bezpieczeństwa lub z nimi współpracujących nie było wcale mało, szacowano, że chodzi o setki tysięcy teczek personalnych, więc problem miał zasięg ogólnokrajowy, a z uwagi na ściśle powiązania UB/SB głównie z radzieckim MBP/KGB – międzynarodowy.

Zrozumiałe, że zwolennicy odrodzonej demokratycznej Polski pragnęli zdecydowanie odciąć się od niechlubnej przeszłości PRL-u, czemu służyły wszelkie jawne wstrząsowe akcje „edukacyjne”, do jakich zaliczam między innymi upublicznienie tzw. listy Macierewicza czy listy Wildsteina. Ta pierwsza miała o wiele mniejszy wydźwięk

społeczny, ponieważ odnosiła się do znacznie węższego grona osób¹, chociaż niezwykle ważnego z uwagi na zajmowanie najwyższego i wysokich stanowisk w państwie. Pod koniec drugiego dziesięciolecia XX wieku zarówno spis Wildsteina, jak i wykaz Macierewicza straciły swą pierwotną sensacyjną atrakcyjność, niemniej – zwłaszcza temat listy Macierewicza – pojawiają się one co pewien czas w życiu publicznym przy różnych okazjach i są instrumentalnie wykorzystywane najczęściej w doraźnych celach politycznych.

Na fali przemian ustrojowych w Polsce Bronisław Wildstein (1952–), publicysta „Rzeczypospolitej”, dziennikarz i pisarz, prezes zarządu Telewizji Polskiej w latach 2006–2007, a więc postać o sporych możliwościach oddziaływania medialnego w kraju, postanowił opublikować spis imion i nazwisk osób oraz powiązanych z nimi sygnatur. Odzwierciedlały one katalogowe zasoby archiwalne akt przechowywanych w Instytucie Pamięci Narodowej. Wyniósłszy ten spis z IPN-u, Wildstein rozpowszechnił go najpierw w tradycyjnych mediach, następnie na początku 2005 roku zamieścił w Internecie. Swoje działania tłumaczył koniecznością odblokowania lustracji. Mimo że jego lista obejmowała ponad 162 tysiące nazwisk i mocno poruszyła opinię społeczną, nie zachwiała jednak ówczesną sceną polityczną. Trzeba wyraźnie zaznaczyć, że samo umieszczenie czyjegoś imienia i nazwiska na liście Wildsteina nie jest zawsze równoznaczne z uznaniem danej osoby za tajnego współpracownika UB/SB, a jej przeszłości – za haniebną.

Czynię to zastrzeżenie już teraz w związku z głównym celem swojej wypowiedzi, jakim jest zbadanie archiwum Wasilija Mitrochina pod kątem występowania w nim wybitnych postaci ze świata kultury, literatury i polityki rosyjskiej XX wieku. Sam fakt odnotowania nazwiska któregoś z dysydentów czy pisarzy rosyjskich w tym archiwum nie oznacza jeszcze niczego nagannego, ostateczną bowiem ocenę moralną o postępowaniu danego człowieka można sformułować dopiero po zapoznaniu się z tekstem materiałów. W archiwum Mitrochina występują nazwiska bardzo wielu osób, w tym na stałe zapisanych w historii XX wieku: od psychopatycznych przywódców państw opartych na systemach totalitarnych, przez płatnych zabójców, aż do kręgów watykańskich i samych papieży. Na przykład o wątkach polskich w zbiorach Mitrochina pisał przed laty Andrzej M. Salski (Salski 1998)².

¹ Na liście Antoniego Macierewicza (1948–) znalazły się nazwiska 64 członków rządu (łącznie z szefem doradców premiera i dwoma ministrami), 6 wiceministrów, posłów i senatorów (prawie ze wszystkich klubów sejmowych). Jak wynikało z zachowanych zapisów archiwalnych z czasów PRL-u, osoby umieszczone na tej liście zostały zewidencjonowane przez UB/SB jako tajni współpracownicy organów bezpieczeństwa państwa. Była jeszcze dodatkowa lista nazwisk, na której wymieniono ówczesnego prezydenta RP, Lecha Wałęsę, i marszałka Sejmu, Wiesława Chrzanowskiego. Zob. https://pl.wikipedia.org/wiki/Lista_Macierewicza (dostęp 24.08.2019).

² Andrzej M. Salski pisze, że „W liczącej 700 stron i podzielonej na 31 rozdziałów książce, tylko dwa z nich są wyłącznie poświęcone działalności KGB w Polsce. Dodatkowo część jednego rozdziału o operacji «Progress» polegającej na wysyłaniu «nielegalnych» agentów, którzy udając osoby przybyłe z Zachodu, często dziennikarzy, starali się przenikać do nielegalnych organizacji, zbierać informacje na temat nastrojów w społeczeństwie oraz wyszukiwać objawy «sabotażu ideologicznego»” (Salski 1998). W jej ramach po dojściu Edwarda Gierka do władzy przysyłani do Polski agenci KGB zajmowali się inwigilacją środowisk kościelnych. Doświadczeni agenci nawiązywali kontakty ze wskazanymi

O ile listy: Macierewicza i Wildsteina eksponowały personalne aspekty przez wskazanie osób powiązanych w określonym czasie z określonymi służbami, a każdy, czyje nazwisko znalazło się w wykazie Wildsteina, może poprosić o wgląd do swojej teczki w IPN, by poznać przeszłość, której nie był świadomy lub której w ogóle nie znał, a także by się dowiedzieć, kto pisał na niego donosy do organów bezpieczeństwa, o tyle takiej możliwości nie ma żaden szary obywatel ZSRR. Nigdy nie zajrzy on ze zwykłej ludzkiej ciekawości do tajnych zasobów KGB/FSB, lecz nie jest jednak całkowicie pozbawiony informacji, ponieważ ma okazję zapoznania się z rewelacjami na temat pracy sowieckich zagranicznych służb wywiadowczych właśnie za pośrednictwem książki *Archiwum Mitrochina* i – być może – przy okazji dowiedzenia się czegoś o sobie samym jako zdemaskowanym pracowniku tajnych służb ZSRR w XX wieku.

Czym jest to cenne informacyjnie dzieło, dzisiaj już przede wszystkim o walorach historycznych, i jakie ma znaczenie w poznawaniu dziejów literatury rosyjskiej w latach 1918–1984? Jego współautor, Wasilij Mitrochin (Василий Никитич Митрохин; 1922–2004), zanim zbiegł wraz z rodziną do Wielkiej Brytanii, zakończył służbę w organach sowieckiej bezpieki w 1984 roku w stopniu pułkownika³. Jego ostatnim miejscem pracy stał się Wydział Archiwów Pierwszego Głównego Zarządu KGB ZSRR. Był człowiekiem wykształconym: jako absolwent Szkoły Artylerii Armii Czerwonej studiował następnie historię i prawo na uniwersytecie w Kazachstanie. Zdobywanie doświadczenia zawodowego rozpoczął pod koniec II wojny światowej od pracy na stanowisku prokuratora wojskowego w Charkowie.

Ideowo zweryfikowany i w pełni zaufany człowiek sowieckiego systemu, członek partii komunistycznej (inaczej przecież być nie mogło!), Mitrochin otrzymał w 1948 roku prestiżową propozycję zatrudnienia w Komitecie Informacji przy Radzie Ministrów ZSRR, którą przyjął i został etatowym szpiegiem. Komitet Informacyjny latach 1947–1951 zajmował się wywiadem zagranicznym, obejmując początkowo wywiad polityczny oraz wojskowy, a później tylko polityczny. Mitrochin trafił na pierwszą płacówkę dyplomatyczną ZSRR w 1952 roku. Jak pisze Andrew,

Początkowe pięć lat służby upłynęły Mitrochinowi w przerażającej atmosferze schyłkowych lat stalinowskiej dyktatury, gdy w całym bloku sowieckim organa bezpieczeństwa prowadziły przy-

mi przez centralę KGB osobami. Znaleźli się wśród nich np. ks. Andrzej Bardecki, osobisty asystent kardynała Karola Wojtyły. Samego kardynała służby specjalne postrzegały jak skrajnie antykomunistycznego, ponieważ spotykał się z wrogami PRL-owskiego systemu: Bogdanem Cywińskim, Jackiem Kuroniem, Janem Józefem Lipskim, Antonim Macierewiczem, Jerzym Andrzejewskim. Sytuacja się zdecydowanie zaostrzyła po wyborze kardynała Wojtyły na papieża w 1978 roku. SB zorganizowała w Watykanie siatkę szpiegowską, a jej ludzie mieli bezpośredni dostęp do Jana Pawła II. Wojciech Jaruzelski w przekazywanych Leonidowi Breżniewowi raportach był charakteryzowany jako „najbardziej szczerzy przyjaciel Związku Radzieckiego”. Z kolei o Mieczysławie Moczarze otwarcie pisano jako agencie KGB, który przekazywał Kremlowi poufne informacje otrzymane od Stanisława Kani, pierwszego sekretarza PZPR. Można też znaleźć w archiwum Mitrochina wiele wątków związanych z przygotowaniami do wprowadzenia stanu wojennego w Polsce, planami dokonania przewrotu politycznego przed 13 XII 1981 roku, sterowanym z Moskwy obsadzaniem stanowiska I sekretarza PZPR, umieszczaniem agentów SB w strukturach Solidarności i zastraszaniem Lecha Wałęsy.

³ Taki stopień Mitrochina pojawia się w artykule opublikowanym w niemieckim tygodniku „Focus” z sierpnia 1998 roku (Andrew, Mitrochin 2001: 46).

pominające polowania na czarownice dochodzenia, poszukując śladów wymagowanych spisów titoistów i syjonistów (Andrew, Mitrochin 2001: 24).

Wasilij Mitrochin wszędzie działał pod przykryciem – w krajach Bliskiego Wschodu czy Europie Zachodniej. W drugiej połowie lat 50. przebywał w NRD. Pierwszy poważny wstrząs ideologiczny przeżył po wystąpieniu Nikity Chruszczowa (1894–1971) w dniu 26 lutego 1956 roku na zamkniętym XX Zjeździe KPZR, na którym potępiono kult jednostki, a o Stalinie myślano i mówiono otwarcie jako o zbrodniarzu i bandycie. Nikt jednak z grona Biura Politycznego KPZR (i nie tylko spośród niego) nie odważył się wówczas publicznie zapytać, co w czasie dyktatury Stalina robił Chruszczow – człowiek z najbliższego otoczenia kremlowskiego przestępcy, który wystąpił teraz w funkcji najpotężniejszego oskarżyciela zmarłego despoty. Na fali pozornej destalinizacji 34-letni Mitrochin odważył się w tamtym gorącym czasie skrytykować kierownictwo KGB za co – w zgodzie z żelazną praktyką CzeKa – jesienią 1956 roku odsunięto go od pracy operacyjnej i skierowano do archiwum Pierwszego Zarządu Głównego, gdzie zajął się udzielaniem odpowiedzi na pytania nadsyłane z krajowych placówek KGB. Były obecnie wywiadowca całkowicie rozczarował się do idei komunizmu po wydarzeniach w Europie w 1968 roku, szczególnie po krwawych wydarzeniach podczas praskiej wiosny. Do Moskwy wrócił w 1972 roku, gdy krajem rządził Leonid Breżniew (1906–1982).

Mitrochin jako archiwista w ciągu 28 lat zdołał dogłębnie poznać, trzeźwo ocenić i w ciągu ostatnich dwunastu lat pracy starannie skonspektować te dokumenty Łubianki, które w jego ocenie najdobitniej potwierdzały, jakimi sprawami zajmował się sowiecki wywiad zagraniczny w latach 1918–1984, jakie stosował metody, jakie odniósł sukcesy z punktu widzenia Kremla i jakie kompromitujące porażki skrzętnie skrywał. Okres przenoszenia archiwów bezpieki z centrum stolicy do nowej siedziby-sztabu KGB w Jasieniewie, południowo-wschodnim rejonie Moskwy, był czasem wyczerpanej i niebezpiecznej pracy. Mitrochinowi przyświecały ideały prawdziwego patrioty i w tym sensie jego przypadek przypomina postać polskiego superszpiega, pułkownika ludowego Wojska Polskiego Ryszarda Kuklińskiego (1930–2004), który od 1970 roku pracował na rzecz wywiadu amerykańskiego. Aż do chwili przejścia na emeryturę Mitrochin w mrówczym trybie potajemnie konspektował mikrofilmy, ponieważ nie miał możliwości ich kopiowania lub fotografowania. Notatki wynosił bez wiedzy przełożonych, następnie rozszyfrowywał i pieczołowicie przepisywał do zeszytów szkolnych, które ukrywał w bańkach na mleko lub innych przedmiotach zakopywanych następnie pod podłogą podmoskiewskiej dachy lub rodzinnej dachy w Penzie. W ten sposób Mitrochin zgromadził, jak się później okazało, sześć skrzyń bezcennych materiałów, dzięki którym można było się dowiedzieć o wielu zachodnich operacjach KGB w Europie, Stanach Zjednoczonych, Ameryce Łacińskiej, na Bliskim Wschodzie, w Azji i Afryce, a także poznać nazwiska oficerów służb specjalnych, pseudonimy agentów i informatorów, jak również przeczytać sprawozdania radzieckich wywiadowców. Światło dzienne ujrzały informacje na temat działań dezinformacyjnych, propagandowych i sabotażowych służb specjalnych, dla których dyrektywy płynęły z Kremla, a także skrytobójczych zamachów na życie osób niewygodnych Moskwie. Upublicznienie archiwum Mitrochina pomogło w zdemaskowaniu wielu

szpiegów oraz dziennikarzy i polityków od lat współpracujących z KGB w państwach europejskich i poza nimi. Co ważne, dzięki wiedzy Mitrochina udało się potwierdzić miejsca przechowywania tajnych arsenałów KGB na terenie Szwajcarii i Belgii, o czym mówił wcześniej Aleksandr Sołżenicyn (1918–2008). Wtedy nie było jeszcze mocnych dowodów na ich istnienie w danych państwach; dostarczył je dopiero autor tajnych konspektów, a wskazane archiwa zostały odkopane.

Mitrochin potrzebował co najmniej ośmiu lat, aby ostatecznie zdecydować o losach swojego archiwum. Najpierw wybrał ambasadę USA w Tallinie, dokąd się udał w 1992 roku. Tam pracownicy CIA ocenili, że rękopisy byłego archiwisty KGB nie są kopiami oryginalnych dokumentów, a samego oferenta uznali za sowieckiego prowokatora. Mitrochin podjął wtedy kolejną próbę zainteresowania Zachodu posiadanymi materiałami w marcu 1992, kierując się tym razem do ambasady Wielkiej Brytanii w Rydze. W kolejnych miesiącach Agencji MI-6 dokonywali sprawdzenia konspektów, czyli zmikrofilmowanych 25 000 stron dokumentów sowieckich, po czym stwierdzili, że są autentyczne. Po tym postanowiono zorganizować przerzut pozostałych w ZSRR sześciu skrzyń dokumentów z podmoskiewskiej daczy i z domku rodzinnego w Penzie do Wielkiej Brytanii, co nastąpiło kilka tygodni później:

Uciekinier z KGB zabrał ze sobą do Wielkiej Brytanii informacje nie o setkach, ale o tysiącach sowieckich agentów i oficerach wywiadu działających w różnych stronach świata, w tym o *nielegalach*, uśpionych głęboko pod osłoną fałszywych nazwisk i życiorysów, spreparowanych tak, żeby mogli udawać obywateli innych krajów. Wywieziony materiał był tak obfity, że nikt, kto szpiegował dla Związku Radzieckiego od rewolucji październikowej po czasy Gorbaczowa, nie powinien spać spokojnie w przekonaniu, że jego tajemnica znana jest tylko w Moskwie (Andrew, Mitrochin 2001: 23).

Zrozumiałe, że w zaistniałej sytuacji los byłego archiwisty i jego najbliższej rodziny w jelcynowskiej Rosji także był przesądzony, dlatego brytyjska Tajna Służba Wywiadowcza (*Secret Intelligence Service*) 7 września 1992 roku eksfiltrowała Mitrochina wraz z rodziną do Wielkiej Brytanii, gdzie zamieszkał pod zmienionym nazwiskiem. Zmarł w Londynie 23 stycznia 2004 roku w wieku 82 lat śmiercią naturalną z powodu zapalenia płuc⁴.

Kolejny krok w sprawie losów posiadanego archiwum należał do władz brytyjskich. W 1996 roku postanowiły one ujawnić zawartość otrzymanych wypisów z akt sowieckiego wywiadu w formie rzetelnego szerokiego opracowania naukowego. Z myślą o takim właśnie kształcie monografii przydzielono Mitrochinowi do pomocy znanego historyka Uniwersytetu w Cambridge, profesora Christophera Andrew (1941), specjalizującego się w problematyce wywiadu. W ten sposób świat poznał ponad stu nielegalnych agentów KGB i dowiedział się o niektórych operacjach radzieckich

⁴ Umieranie z przyczyn naturalnych wśród pracowników radzieckich służb specjalnych nie jest wcale takie oczywiste, jeśli pamiętamy o udanych zamachach na życie chociażby takich agentów, jak Gieorgij Agabiekow (1893–1937), Ignacy Reiss (1899–1937) czy Aleksandr Litwinienko (1962–2006). Ostatnio opinią międzynarodową wstrząsnęły doniesienia z Wielkiej Brytanii, gdzie 4 III 2018 roku w Salisbury doszło do ataku bronią chemiczną typu „nowiczok” na byłego rosyjskiego agenta wywiadu Siergieja Skripala (1951–) i jego córkę Julię (1985–). Zob. np. Ojcewicz 2017; zob. także Прохоров, Лемехов 2001.

służb specjalnych prowadzonych na całym świecie w okresie zimnej wojny – za rządów Stalina (1879–1953) i jego następców aż do czasów Borysa Jelcyna (1931–2007). Znamienne jest przesłanie napisane przez Mitrochina, które otwiera jego dzieło: „Dedykuję wszystkim, którzy chcieli powiedzieć prawdę, lecz nie zdołali” (Посвящается всем, кто хотел сказать правду, но не сумел)⁵. Natomiast w rozdziale pierwszym zatytułowanym „Archiwum Mitrochina” profesor Andrew napisał:

Książka, którą trzymasz w dłoni, drogi Czytelniku, mogła powstać tylko dlatego, że jeden z jej autorów miał wyjątkowo szeroki, niczym nieskrępowany dostęp do najpilniej strzeżonych archiwów na świecie – do teczek osławionego Pierwszego Zarządu Głównego, czyli wywiadu zagranicznego KGB. Współczesna Służba Wywiadu Zagranicznego (*Służba Wniesznej Razwiedki*) – była głęboko przeświadczona, że podobna książka nigdy się nie ukaże (Andrew, Mitrochin 2001: 23).

A jednak w wyniku wspólnego przedsięwzięcia Mitrochina i Andrew opublikowano w Wielkiej Brytanii w 1996 roku *Archiwum Mitrochina*. W Polsce ukazało się ono w 2001 roku jako *Archiwum Mitrochina. KGB w Europie i na Zachodzie* (identyfikowane tradycyjnie jako tom I) i uzupełnione w latach następnych o tom II: *Archiwum Mitrochina II. KGB i świat*. Całość jest także dostępna w Sieci⁶.

Materiał, który jest przedmiotem zasadniczej części mojej refleksji, znajduje się przede wszystkim w tomie pierwszym *Archiwum Mitrochina*; sporadycznie – w tomie II i przypadek ten dotyczy tylko Aleksandra Sołżenicyna. Dzięki wglądowi do konpektów byłego sowieckiego wywiadowcy można poznać nieznanne fakty z życia pisarzy rosyjskich nie tylko szerokim kręgom odbiorców, ale zapewne także przynajmniej części filologów, którzy zawodowo zajmują się badaniem XX-wiecznej literatury rosyjskiej. I tak w przywołanym dziele Mitrochina są wzmiankowani przy różnych okazjach wywiadowczych następujący twórcy należący nie tylko do minionego stulecia: Władimir Bukowski (1942–), Michaił Bułhakow (1891–1940), Julij Daniel (1925–1988), Aleksandr Hercen (1812–1870), „Iwan Kryłow”, Władimir Maksimow (1930–1995), Boris Pasternak (1890–1960), Andriej Siniawski (1925–1997), Aleksandr Sołżenicyn, Aleksiej Tołstoj (1883–1945) i Lew Tołstoj (1828–1910). Wszyscy wymienieni twórcy poza Władimirem Bukowskim już nie żyją.

Poniżej zreferuję informacje zawarte w *Archiwum Mitrochina*, które odnoszą się do wymienionych powyżej postaci, zachowując porządek alfabetyczny. Ten tryb narracji może jednak zrodzić u kogoś wątpliwość natury kompozycyjnej: czy właściwe jest umieszczenie Aleksandra Hercena i Lwa Tołstoja – pisarzy z czasów, gdy nie działał jeszcze sowiecki system kontroli – obok na przykład Daniela, Siniawskiego czy Sołżenicyna – ofiar XX-wiecznego totalitaryzmu. To prawda, że w analizowanym dziele Hercen i Tołstoj znaleźli się w kontekstach towarzyszących innym prześladowanym

⁵ Podaję we własnym tłumaczeniu. Tłumaczyciel *Archiwum Mitrochina*, Magdalena Maria Brzeska i Rafał Brzeski, zaproponowali inną wersję przekładu: „Wszystkim, którzy chcieli świadczyć prawdę, ale nie śmieli – poświęcam”.

⁶ Zob. *Архив Митрохина*. W: *Cold War International History Project*. English Edition. Introduced and edited by Christian F. Ostermann and Odd Arne Westad. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. *Working Paper*, No. 40. D.C., February. Washington, 2002.

pisarzom rosyjskim i nie są zasadniczym obiektem zainteresowania autorów książki. Niemniej w niej występują i mają swoje miejsce. Zwłaszcza postać Hercena, który wykreował Czyngis-chana z telegrafem, choć trudno przesądzić, czy emigrant z czasów caratu zdawał sobie w pełni sprawę z wszelkich obrzydliwości związanych z ohydными działaniami sowieckich służb operacyjnych, które przeżyły swój horrendalny rozwój po przewrocie bolszewickim.

Władimir Bukowski

O Władimirze Bukowskim pisze się w *Archiwum Mitrochina* na czterech stronach: 464, 567, 568, 585⁷. Strona 464. należy do rozdziału 15. zatytułowanego *Operacje „PRO-GRIESS”* i części 1. *Zdławienie „praskiej wiosny”*. Ta lokalizacja sugeruje zarazem czas i problematykę, z jaką wiążą się materiały archiwalne w odniesieniu do Bukowskiego. O nim samym wspomina się, że w 1963 roku jako znany już dysydent trafił do szpitala psychiatrycznego za... posiadanie egzemplarza książki Milovana Džilasa (1911–1995) *Nowa klasa* (Londyn, 1957). By zrozumieć zależność między aresztowaniem Bukowskiego i *Nową klasą* Džilasa, trzeba się odwołać do jednego z niedatowanych raportów KGB. W nim wymienia się dwa teksty uznane w tamtym okresie za wywrotowe i cieszące się narastającym zainteresowaniem w zachodnich środowiskach inteligenckich oraz młodzieżowych. Były to z jednej strony prace niemieckiego filozofa Fryderyka Nietzschego (1844–1900), a z drugiej – właśnie napisana podczas kolejnego internowania książka Džilasa, w której odważnie skrytykował system rządów oligarchii komunistycznej. Tekst ten uznano w Moskwie za niebezpieczny nawet dla samych oficerów KGB. Na przykład generał Oleg Kułagin poznał jej zawartość dopiero w 1981 roku dzięki zasobom wewnętrznej biblioteki KGB i, jak piszą autorzy *Archiwum Mitrochina*, „w cichości ducha zgadzał się z tezami autora” (Andrew, Mitrochin 2001: 464).

Po raz kolejny nazwisko Bukowskiego pojawia się w rozdziale 19. *Dywersja ideologiczna* w części 1. zatytułowanej *Walka z dysydentami*. Na s. 567. przy okazji informacji na temat prześladowania Andrieja Sacharowa (1921–1989) zapisano, że w aktach fizyka atomowego znajduje się dokument, a w nim absurdalny zarzut pod jego adresem, że „wykorzystywał posiadany autorytet do wywierania wpływu na wymiar sprawiedliwości i budzenia wrzawy wokół procesów elementów antysocjalistycznych” (Andrew, Mitrochin 2001: 567), do jakich zaliczano w latach 70. XX wieku także Władimira Bukowskiego. Zresztą on sam w 1972 roku również stanął przed sądem, ponieważ zarzucono mu „zbieranie dowodów zamykania dysydentów (...) w szpitalach psychiatrycznych” (Andrew, Mitrochin 2001: 567). Z kolei na stronie 568., wspomina się o Bukowskim w związku ze sprawą dwóch innych dysydentów, Piotra Jakira (1923–1982) i Wiktora Krasina (1929–2017), wskazując na 1972 rok jako czas, w którym zakończono proces sądowy Bukowskiego, a prześladowany latami przez system sowiecki obrońca praw człowieka Jakir był bliski załamania psychicznego i popadł w nałóg alkoholizmu.

Po raz ostatni autorzy *Archiwum Mitrochina* wymieniają nazwisko Bukowskiego w rozdziale 20. *Dywersja ideologiczna* w części 2. zatytułowanej *Zwycięstwo dysyden-*

⁷ Tu i dalej odwołuję się do tomu: Andrew, Mitrochin 2001.

tów. Na s. 585. przy okazji prezentowania kompleksowych środków operacyjnych, mających na celu zdyskredytowanie osoby laureata Pokojowej Nagrody Nobla z 1975 roku, którym został Andriej Sacharow. W jednej z dyrektyw zatwierdzonych przez ówczesnego szefa KGB, Jurija Andropowa (1914–1984), z 22 listopada 1975 roku, należało „udostępnić za pośrednictwem Agencji Prasowej «Nowosti» do publikacji za granicą serię materiałów pod zbiorczym tytułem *Kto broni Sacharowa?*, ujawniających kryminalistów [popierających Sacharowa], skazanych w Związku Sowieckim za łapówkarstwo (Sztern), złodziejstwo (Lewijew), podżeganie do terroryzmu (Bukowski, Morozow)” (Andrew, Mitrochin 2001: 585).

Tak więc o samym Bukowskim jako dysydencie, czasie jego aktywności politycznej w ZSRR i rodzaju działalności antysowieckiej na podstawie *Archiwum Mitrochina* dowiadujemy się niewiele. Jego nazwisko występuje tutaj w powiązaniu z innymi sprawami inicjowanymi, nadzorowanymi i finalizowanymi przez KGB za pomocą zniewolonych sądów, pozostających na usługach państwowej bezpieki. Co charakterystyczne, Bukowski, jak wielu innych dysydentów, był „pacjentem” zamkniętych szpitali psychiatrycznych, w których z wielkim zaangażowaniem personel fizycznie i psychicznie zniechęcał delikwenta do przeciwstawiania się systemowi totalitarnemu. Nie wszyscy mieli tyle sił co Bukowski, by przetrzymać tę niehumanitarną próbę. Wspomniany wcześniej Piotr Jakir zmarł w wieku 49 lat, a przyczyną przedwczesnej śmierci był zaawansowany alkoholizm.

Michaił Bułhakow

O Michaiłie Bułhakowie pisze się w *Archiwum Mitrochina* na czterech stronach: 37., 38., 56. i 882. Strony 37., 38. i 56. należą do rozdziału 1. zatytułowanego *Archiwum Mitrochina*, odgrywającego rolę panoramicznego wprowadzenia do samego dzieła. W tej części Christopher Andrew zawarł także informację o bibliofilskich inklinacjach Mitrochina, który pasjonował się wartościową intelektualnie literaturą rosyjską; nie był przy tym obojętny na pisarstwo Bułhakowa. Brytyjski profesor przypomina znany z biografii Bułhakowa fakt, że praca nad *Mistrzem i Małgorzatą* trwała w okresie międzywojennym przez dwanaście lat. Już wtedy autor światowego bestsellera zdawał sobie doskonale sprawę, że jego nadzwyczajny utwór nie ukaże się za życia twórcy. Kontynuował jednak pracę nad jedną z najwybitniejszych powieści XX wieku, chociaż przeczuwał, jak bardzo kruchy może być jej los z powodu interwencji stalinowskiej policji, a zatem i nikłe szanse na ukazanie się dzieła drukiem kiedykolwiek. Christopher Andrew przywołuje wspomnienie wdowy po Bułhakowie, Jeleny Bułhakow (1893–1970), z którego się dowiadujemy, że na krótko przed śmiercią (1940) pisarz „zerwał się ze snu i wsparty na moim ramieniu powłókł się boso, w nocnej koszuli na drugi koniec mieszkania, żeby upewnić się, że rękopis *Mistrza* leży tam, gdzie powinien” (Andrew, Mitrochin 2001: 37), czyli w skrytce. Dzięki szczęśliwemu zrządzeniu losu manuskrypt *Mistrza i Małgorzaty* przetrwał, ale sama powieść ujrziała światło dzienne dopiero w 1965 roku. I pomimo że Bułhakow od dawna nie żył, w umysłach pracowników KGB wciąż uchodził za niebezpiecznego przeciwnika państwa komunistycznego. Może o tym świadczyć fakt, że jeszcze pod koniec lat 70. XX wieku wy-

mienioną powieść potępiano w memorandum przygotowanym dla ówczesnego szefa KGB, Jurija Andropowa. W 1978 roku w jednym z takich „wewnętrznych ostrzeżeń” postrzegano ją jako „niebezpieczna broń w rękach [zachodnich] ośrodków ideologicznych zaangażowanych w dywersję ideologiczną w Związku Sowieckim” (Andrew, Mitrochin 2001: 38).

Z kolei na stronach 56. i 57. Christopher Andrew odsyła czytelnika do przypisu 24. i podaje za Witalijem Szentalskim (1939–2018), autorem świadectw strasznych skutków akcji KGB w ramach czystek stalinowskich⁸, że w 1926 roku ówczesna policja polityczna, czyli OGPU, skonfiskowała dziennik Bułhakowa, uznając ten tekst po „specjalistycznej” lekturze za materiał wywrotowy dla sowieckiego państwa. Wprawdzie kilka lat później pisarz odzyskał swoje notatki, lecz w akcie strachu spalił je. Nie mógł bowiem pozbyć się natrętnej myśli, że prywatny dziennik posłuży w którymś momencie organom bezpieczeństwa za pretekst do aresztowania i jego niezwykle przykrych pod każdym względem następstw: fizycznych oraz psychicznych. Było to rozumowanie poprawne, chociaż naiwne, ponieważ pracownicy OGPU zdążyli sporządzić kopię dzienników i, gdyby trzeba było, na jej podstawie także mogliby dokonać aresztowania pisarza. Kopia ta znajduje się w archiwach FSB.

Strona 882. należy do rozdziału 28. poświęconego zilustrowaniu problematyki penetracji i prześladowania kościołów w Związku Sowieckim. Nazwisko Bułhakowa pojawia się w kontekście twórczości jehowitów, których „słownictwo (...) druzgocącej krytyki [systemu stalinowskiego – G.O.] godne było *Mistrza i Małgorzaty* Bułhakowa (Andrew, Mitrochin 2001: 882).

W *Archiwum Mitrochina* Michał Bułhakow pojawia się zatem sporadycznie. Z jego postacią wiążą się uwagi autorów na temat znaczenia *Mistrza i Małgorzaty* jako wybitnego tekstu kultury, w którym stalinowski reżim dostrzegł, nie bez podstaw zresztą, potężne źródło intelektualne mogące zagrozić podwalinom ideologicznym komunistycznego państwa. Sam pisarz, jak wielu jemu podobnych, był poddany dożywotniej inwigilacji i doświadczył szykan ze strony OGPU i NKWD.

Julij Daniel i Andriej Siniawski

O Juliju Danielu pisze się w *Archiwum Mitrochina* na stronach 560.–565., a o Andrieju Siniawskim dodatkowo jeszcze na 579. i 580. Strony te należą do rozdziału 19. zatytułowanego *Dywersja ideologiczna. Część 1: Walka z dysydentami*. Nazwisko Daniela występuje w tej partii dzieła obok innego dysydenta – Andrieja Siniawskiego, co uzasadnia wspólne rozpatrzenie ich przypadków na kartach wskazanego rozdziału. Christopher Andrew przypomina przy okazji wydarzeń związanych z dwoma wymienionymi przeciwnikami systemu totalitarnego, że

sowieccy „dysydenci”⁹ zmanifestowali swe istnienie po raz pierwszy w Dzień Konstytucji (5 grudnia) 1965 rok. Grupa około dwustu osób zebrała się na moskiewskim placu Puszkina, żeby

⁸ Zob. np.: Шенталинский 1995; Шенталинский 2007; Szentalski 1996; Szentalski 1997.

⁹ Przypomnijmy, że to właśnie po wydarzeniach z 5 XII 1965 roku w mediach sowieckich pojawiło się obce, bo angielskie, a więc pochodzące z imperialistycznego i burżuazyjnego obszaru słowo *dy-*

zademonstrować poparcie dla pisarzy Andrieja Siniawskiego i Julija Daniela, którzy mieli wkrótce stanąć przed sądem, oskarżeni o usiłowanie obalenia sowieckiego systemu poprzez publikowanie artykułów na Zachodzie (Andrew, Mitrochin 2001: 560).

W świadomości polskich rusycystów Julij Daniel zapisał się jako radziecki dyssydent i więzień polityczny, a także jako prozaik, poeta i tłumacz literatury pięknej z jidysz, języków słowiańskich i kaukaskich. Posługiwał się najchętniej dwoma pseudonimami: Nikołaj Arżak (Николай Аржак) oraz Ju. Pietrow (Ю. Петров). Jest autorem tekstów publikowanych początkowo w tamizdacie (1956–1961) i uznanych przez Kreml za antyradzieckie, ponieważ za pomocą ostrej satyry i groteski Daniel odślaniał prawdę o zgrozie totalitaryzmu w życiu obywateli ZSRR i ostrzegał przed nowym kultem jednostki (*Ucieczka / Бегство, Ręce / Руки, Mówi Moskwa / Говорит Москва, Odkupienie / Искупление, Człowiek z MINAP-u / Человек из МИНАПа*). Za czasów Breżniewa, 12 września 1965 roku, został aresztowany i po pokazowym procesie politycznym skazany 12 lutego 1966 roku na pięć lat obozów o zaostrzonym rygorze. W uzasadnieniu skandalicznego wyroku sąd powoływał się przede wszystkim na publikowanie przez Daniela antysowieckich opowiadań, które były rozpowszechniane za granicą i ...wśród znajomych. Była też mowa o próbie rewizji marksizmu, kontrowaniu przewodniej roli partii czy nazwaniu komunizmu nową religią¹⁰. W 1971 roku, a więc po dwunastu miesiącach od zakończenia odsiadki wyroku, w Amsterdamie ukazał się tomik wierszy obozowych Daniela *Wiersze z niewoli (Стухи из неволи)*. Nie zawsze się pamięta, że na XXIII Zjeździe KPZR zasłużony dla radzieckiej kultury laureat Literackiej Nagrody Nobla (1965), Michaił Szołochow, publicznie ostro potępił pisarzy i krytyków, którzy stanęli w obronie Daniela i Siniawskiego, a także ocenił, że otrzymane przez nich wyroki pięciu i siedmiu lat łagrów są nazbyt łagodne¹¹. W okresie pieriestrojki Daniel doczekał się rehabilitacji i pozwolono mu publikować utwory pod własnym nazwiskiem (1988).

Natomiast Andriej Siniawski, znany bardziej pod pseudonimem Abram Terc, zapisał się w dziejach kultury rosyjskiej jako prozaik, literaturoznawca, eseista, krytyk i historyk literatury. Posiadał stopień doktora filologii (1952). W 1958 roku, gdy stanął w obronie Borisa Pasternaka, za co usunięto go z Uniwersytetu Moskiewskiego. Do najgłośniejszych utworów Siniawskiego zalicza się tamizdatowskie wydanie powieści *Sąd idzie (Суд идёт)*, którą obok kilku innych opowiadań satyrycznych opublikował w 1959 roku we Francji jako Abram Terc. Gdy w 1965 roku autorstwo powieści i opowiadań zostało ujawnione, Siniawskiego aresztowano i skazano w tym samym procesie co Daniela na siedem lat łagru o zaostrzonym rygorze za twórczość wrogą komunistycznemu państwu. Z obozu został zwolniony 8 czerwca 1971 roku. Dwa

sydent (ang. *dissident*), które świadomie i rygorystycznie stosowano jako nacechowane pejoratywnie w stosunku do rodzimego „osoby o odmiennych poglądach” (ros. *инакомыслящие*). Tym wyborem leksykalnym podkreślano jednocześnie, zachowując tradycyjną retorykę totalitarnego państwa i zupełnie bezpodstawnie, że dysydenci są na usługach obcych mocarstw jako pacholki Zachodu i zdrajcy Rosji.

¹⁰ Zob. *Sąd idzie!* (1966).

¹¹ Z Michaiłem Szołochowem odważyła się polemizować Lidia Czukowska, która skierowała do niego list otwarty. Więcej zob. Kasack 1996: 129 i 626.

lata później wyemigrował do Paryża, gdzie został profesorem literatury rosyjskiej na Sorbonie. W latach 1974–1975 wchodził w skład redakcji emigracyjnego kwartalnika «Континент» („Kontynent”), najważniejszego czasopismo trzeciej fali emigracji rosyjskiej. W wyniku konfliktu z innym członkiem redakcji, Władimirem Maksimowem, odszedł z „Kontynentu” i w 1978 razem z żoną, Marią Rozanową (1929–), założyli czasopismo «Синтаксис» („Sintaksis”). Czas „pieriestrojki” umożliwił Siniawskiemu nie tylko odwiedzenie Rosji (1989), lecz także opublikowanie w ojczyźnie zakazanych wcześniej i nowych utworów, w których otwarcie skrytykował antyhumanitarny system totalitarny, przejawy gwałtu i zakłamania obecne na co dzień w radzieckiej rzeczywistości. Był zwolennikiem reform Michaiła Gorbaczowa (1931–). W oczach Aleksandra Sołżenicyna i konserwatywnej emigracji rosyjskiej Siniawski uchodził za kosmopolitę.

Czy i co do tej potocznej wiedzy o Juliju Danielu i Andrieju Siniawskim wnosi *Archiwum Mitrochina*? Okazuje się, że dzięki niemu dowiadujemy się o wielu nieznanych dotąd szerszemu gronu czytelników faktach, jakie są związane przede wszystkim z poszukiwaniem przez KGB dwóch autorów – Arzaka i Terca – których utwory pojawiały się w obiegu zagranicznym od kilku lat: Siniawskiego od 1959, a Daniela od 1961 roku. Okres ten aż do zidentyfikowania pisarzy trwał do lata 1965 roku. I gdyby nie praca tajnych służb, zapewne do ujawnienia tożsamości Terca/Tertza (tak pisanego w polskim przekładzie *Archiwum Mitrochina*) zapewne tak szybko by nie doszło.

Do zidentyfikowania Terca i Arzaka KGB zaangażowało specjalistów: pozostających na usługach organów bezpieczeństwa państwowego pisarzy, tekstologów i krytyków literackich. Podzielili się oni na dwa obozy: jedni twierdzili, że obydwaj autorzy mieszkają w Rosji i przekazują swoje utwory za granicę, drudzy natomiast twierdzili, że jest odwrotnie: żyją za granicą, a teksty kolportują do ZSRR. Z sowieckiej rezydentury w Paryżu dotarł na Kreml meldunek, w którym informowano, że książka Terca *Sąd idzie* dostała się z Moskwy do Paryża. Obóz drugi, który tworzyli oficerowie KGB i analitycy tekstów, bronił zdania, że jeden i drugi dysydent przebywa na stałe w Europie Zachodniej.

Ta rozbieżność opinii, jak i fakt, że Siniawski obrał sobie za pseudonim nazwisko żydowskie, spowodowały, iż szukano pisarzy nie w tych środowiskach, gdzie należało. Trzeba było więc sięgnąć do zasobów agenturalnych i uruchomić współpracowników KGB w moskiewskich kręgach literackich. Na spektakularny sukces nie trzeba było długo czekać. Na początku 1964 roku niezidentyfikowany przez Mitrochina z imienia i nazwiska agent „Jefimow” zameldował, że niejaki Julij Daniel jest w posiadaniu materiałów antysowieckich. Ten meldunek wzmocniła inna cenna dla KGB informacja, ponieważ organ bezpieczeństwa państwa w Jałcie powiadomił Centralę, że do pisarza Daniela należy rękopis „opowiadania, za które można dostać piętnaście lat więzienia” (Andrew, Mitrochin 2001: 561).

KGB natychmiast rozpoczęło obserwację Daniela i w jej wyniku szybko dotarto do Siniawskiego. Od maja 1964 roku rozpoczęła się tajna operacja o kryptonimie „Epi-goni” nastawiona na uzyskanie dowodów, z których by wynikało, że Terc to Siniawski, a Arzak to Daniel, co jednocześnie wskazywałoby na nich jako autorów opublikowanych we Francji „antysowieckich tekstów”. Podjęto także próby zdobycia rękopisów obydwu pisarzy i wyśledzenia kanałów przetrzutu ich utworów na Zachód. Aby umożli-

liwić przeszukanie miejsca zamieszkania Siniawskiego i założenia podsłuchu, autora wysłano w delegację służbową. Znacznie większe trudności napotkali funkcjonariusze KGB w przypadku Daniela, który zajmował dwupokojowy lokal i dzielił kuchnię z innymi lokatorami. Jednak i tę przeszkodę pokonał ostatecznie oficer KGB, który – uciekając się do podstępów – skrycie przeszukał pomieszczenie należące do rodziny Daniela.

O tym, że nie było łatwo zdobywać materiał przeciwko Siniawskiemu i Danielowi świadczy fakt, że operacja o kryptonimie „Epigoni” trwała ponad rok, zanim służby specjalne odnotowały pewien sukces. Polegał on na ustaleniu personaliów osoby, która miała pomóc Siniawskiemu w przekazaniu jego rękopisu na Zachód. Funkcjonariusze KGB wskazali na Hélène Zamoyską, którą pisarz znał z czasów, gdy studiowała w Moskwie. Latem 1965 roku, a więc na kilka miesięcy przed aresztowaniem Siniawskiego i Daniela, służby specjalne przechwyciły list napisany przez Alfredę Aucouturier, koleżankę Zamoyskiej, do autora *Sąd idzie*. Agenci mieli nadzieję, że w czasie spotkania Aucouturier i Siniawskiego w Moskwie dojdzie do przekazania kolejnego rękopisu, co będzie stanowić koronny dowód w sprawie przeciwko dysydentowi. Mimo podjęcia wielu rutynowych działań operacyjnych, jak całodobowy podsłuch, filmowanie pobytu, rewizja bagażu, przesłuchania oraz nakłanianie Aucouturier do potwierdzenia, że Terc to Siniawski, nie osiągnięto spodziewanych rezultatów.

Służby specjalne nie chciały jednak dać za wygraną i aresztowały obydwo dysydentów, uruchamiając zarazem procedurę preparowania oskarżeń, doboru publiczności i reżyserii spektaklu przed moskiewskim sądem¹². Z *Archiwum Mitrochina* wiadomo, że obydwaj oskarżeni przyznali się w śledztwie do publikowania swoich tekstów za granicą pod ustalonymi przez KGB pseudonimami, lecz solidarnie zaprzeczyli jakoby teksty te miały programowo charakter antysowiecki. Nie potwierdzili również, że kurierem ich utworów była Zamoyska¹³. Pracownicy operacyjni KGB inwigilowali także nieustannie żony dysydentów. W wyniku podjętych przez nich czynności udało się ustalić, że Larysa Bogoraz, żona Daniela, kompletuje dokumentację ze śledztwa z myślą o jej opublikowaniu na Zachodzie zanim rozpocznie się proces. Niestety, ulegając urokowi agenta podstawionego przez KGB, Bogoraz przekazała mu zebrany materiał, który trafił nie na Zachód, ale do zleceniodawców z Łubianki.

Proces Daniela i Siniawskiego przeszedł do historii sądownictwa sowieckiego jako bezprecedensowy, ponieważ byli oni pierwszymi pisarzami, których „postawiono przed sądem za to, co napisali” (Andrew, Mitrochin 2001: 563). Rozprawy trwały od 10 do 14 lutego 1966 roku. Były jawne, a dysydentom przyznano „pełne prawa” do

¹² Siniawski i Daniel trafili do cieszącego się złą sławą więzienia Lefortowo. W jednej celi z Siniawskim siedział podstawiony przez KGB agent Michajłow, którym był najprawdopodobniej Gielij Fiodorowicz Wasiliew. Zdobył on od Siniawskiego cenne informacje o jego kontaktach. Więcej zob. Andrew, Mitrochin 2001: 562 i 579.

¹³ Ostatecznie podczas procesu wyjaśniło się, że jeden z rękopisów Siniawskiego wywiózł do Francji kierownik Biblioteki Literatury Zagranicznej, Andriej Riemizow (ps. „I. Iwanow”). KGB wykorzystało Riemizowa jako świadka oskarżenia w procesie Daniela i Siniawskiego. By uniemożliwić żonom obydwu oskarżonych kontakt z Riemizowem, którego chciały namówić, aby nie składał zeznań, wysłano go w delegację służbową do Kurska i Tuły, poddając permanentnej obserwacji. Więcej zob. Andrew, Mitrochin 2001: 562–563.

obrony. Według dziennika „New York Herald Tribune” „Prawa te obejmowały prawo do bycia głośno wyśmiewanym przez publiczność złożoną z siedemdziesięciu dobrych osób (...) [oraz] prawo do informowania tych, którzy nie dostali wejściówek na «otwartą» salę sądową, wyłącznie o stanowisku strony oskarżającej” (Andrew, Mitrochin 2001: 563). W *Archiwum Mitrochina* odnotowano, że nie wszystko, co zostało z perfidią zaplanowane przez KGB, udało się tej instytucji zrealizować, ponieważ oskarżeni nie chcieli odegrać przewidzianych dla nich ról, a więc „Wbrew tradycji sowieckich procesów pokazowych (...) nie przyznali się do zarzucanych im czynów i nie wykazywali skruchy” (Andrew, Mitrochin 2001: 563).

Zwłaszcza Siniawski odznaczył się niezwykle odważną postawą, gdyż podważył poprawność aktu oskarżenia, wskazując między innymi na fakt, że prokurator myli postacie fikcyjne z tymi, którzy je stworzyli, czyli z autorami tekstów literackich. Jak łatwo się domyślić, prokurator nie przejął się logicznymi argumentami Siniawskiego i swoje wystąpienie zakończył zdaniem idealnie wpisanymi w retorykę sowieckiej nowomowy, które odnosił do obydwu pisarzy: „Obrzucili błotem to, co najświętsze i najczystsze – miłość, przyjaźń, macierzyństwo. Przedstawiane przez nich kobiety to potwory lub dziwki. Ich mężczyźni są rozpustnikami” (Andrew, Mitrochin 2001: 563). Ale najpoważniejsze zarzuty prokuratorskie dotyczyły dywersji ideologicznej utożsamianej ze zbrodnią przeciwko narodowi sowieckiemu, jakiej rzekomo dopuścili się Daniel i Siniawski:

Spoleczne zagrożenie stwarzane przez ich dzieła, przez to, co zrobili, jest szczególnie niebezpieczne w warunkach nasilającej się walki ideologicznej, kiedy cała machina propagandowa międzynarodowej reakcji, powiązana ze służbami wywiadowczymi, jest nastawiona na zatrucie naszej młodzieży nihilizmem i wyciąga swe macki, żeby na wszelkie sposoby opanować nasze środowiska intelektualne (...) (Andrew, Mitrochin 2001: 564).

Jak podkreśla Christopher Andrew, nigdy nie opublikowano oficjalnego protokołu przebiegu procesu, co miało potwierdzać jego ułomność i ustawienie przez KGB. Lecz na Zachodzie pojawił się nielegalnie kolportowany zapis rozpraw z każdego dnia przygotowany przez przyjaciół Daniela i Siniawskiego na podstawie sporządzanych w trakcie procesu notatek¹⁴. Fakt ten wywołał natychmiastową reakcję ze strony Centrali, która powierzyła dwóm dwudziestokilkuletnim agentom, małżeństwu Anatolijowi Andriejewiczowi Tonkonogowi (pseudonim „Tanow”) oraz Jelenie Timofiejewnie Fiodorowej (pseudonim „Tanowa”) zadanie, by wyjaśnili tę sprawę. Już wkrótce „Tanow” zameldował Centrali, że „notatki z procesu Daniela i Siniawskiego sprzedał na Zachodzie przedsiębiorczy agent KGB, Nikołaj Wasiliewicz Diakonow (pseudonim

¹⁴ Chodzi o dysydenta i dziennikarza Aleksandra Ginzburga (1936–2002), dysydenta i poetę Jurija Gałanskowa (1939–1972), naczelnego ideologa neopogaństwa słowiańskiego i anarchistę Aleksieja Dobrowolskiego (1938–2013) oraz dysydentkę Wierę Łaszkową (1944–). Zostali oni aresztowani, a w styczniu 1968 roku postawieni przed sądem. KGB zorganizowało proces na wzór rozpraw Daniela i Siniawskiego. Ginzburg otrzymał wyrok pięciu lat, a Gałanskow – siedmiu lat pracy w łagrach o zaostrozonym rygorze. Dobrowolski, zeznając przeciwko Ginzburgowi i Gałanskowowi, zasłużył na przychylność sądu i otrzymał łagodny wyrok dwóch lat więzienia. Łaszkowa za kolportowanie *Białej księgi* Ginzburga – rok więzienia. Gałanskow zmarł w obozowym szpitalu na skutek zakażenia krwi po operacji.

GOGOL), który pracował dla agencji prasowej „Nowosti” w Nowym Jorku oraz w innych krajach zachodnich” (Andrew, Mitrochin 2001: 564)¹⁵.

Takie są najważniejsze informacje o Juliju Danielu i Andrieju Siniawskim zawarte w *Archiwum Mitrochina*. Cenne ich uzupełnienie stanowi stenogram z procesu dysydentów opublikowany przez paryski Instytut Literacki (*Sąd idzie!* 1966).

Aleksandr Hercen

O Aleksandrze Hercenie wspomina się w *Archiwum Mitrochina* na dwóch stronach: 944. i 945. Strony te należą do rozdziału 31., końcowego, zatytułowanego *Wnioski końcowe: od systemu monopartyjnego do prezydentury Jelcyna. Rola rosyjskich służb wywiadowczych*. Christopher Andrew przypomina postać Hercena przy okazji oceny roli CzeKa i jej spadkobierców jako osi funkcjonowania sowieckiego aparatu przemocy w totalitarnym państwie. Przywołuje w związku z tym słowa dziewiętnastowiecznego opozycjonisty i pierwszego prawdziwie rosyjskiego socjalisty, który antycypując bieg wydarzeń w XX wieku, lapidarnie wyraził swój niepokój o losy ojczyzny, ponieważ obawiał się „Czyngis-chana z telegrafem” (Andrew, Mitrochin 2001: 944). Z historii wiemy, że wizja Hercena się sprawdziła, a kolejne wcielenia azjatyckiego despoty w osobach Lenina, Stalina i ich następców obnażyła działanie potężnej bezwzględnej biurokratyzowanej komunistycznej maszyny opartej na organach bezpieczeństwa państwowego. W *Archiwum Mitrochina* znajduje się znamieny komentarz do czasów (częściowo) minionych:

W okresie stalinowskiej Rosji widmo Hercena stało się rzeczywistością. Potęga stalinowskiego państwa była (...) w dużej mierze potęgą tajemną. Stworzenie i przetrwanie pierwszego na świecie monopartyjnego państwa w Rosji i jej „bliskiej zagranicy” uzależnione było od zbudowania po rewolucji październikowej bezprecedensowego systemu nadzoru, zdolnego do wykrywania i dławienia wszelkich form sprzeciwu (Andrew, Mitrochin 2001: 945).

„Iwan Kryłow”

O agencie posługującym się pseudonimem „Iwan Kryłow” wspomina się w *Archiwum Mitrochina* na stronie 809. Należy ona do rozdziału 27. zatytułowanego *Francja i Włochy w latach „zimnej wojny”. Penetracja agenturalna i „środki aktywne”*. Jak podają autorzy, w latach 1947–1955 z inicjatywy i za pieniądze rezydentury sowieckiej w Paryżu, a więc w początkowym okresie „zimnej wojny”, w ramach aktywnych środków dezinformacji opublikowano wiele fałszywych wspomnień i książek spełniających funkcje propagandowe. Mistyfikatorzy uciekali się do najlepszych tradycji tego gatunku i wybierali nośne nazwiska oraz wydarzenia, by przysłużyć się moskiewskiej Centrali. Tak na przykład generał Andriej Własow (1901–1946), który w czasie II wojny światowej walczył po stronie Niemców przeciwko Stalinowi, miał rzekomo napisać

¹⁵ Ten sam „Tanow” doniósł także KGB, że Larysa Bogoraz w odpowiedzi na radziecką interwencję w Czechosłowacji zorganizowała w sierpniu 1968 roku niewielką demonstrację na Placu Czerwonym. Demonstrantów oczywiście aresztowano.

książkę *Wybrałem szubienicę (J'ai choisi la potence)*, a niejaki „Iwan Kryłow” spreparował korespondencję Stalina z Titem *Moja kariera w sowieckim sztabie generalnym (Ma carrière à l'État-major soviétique)*. Za wieloma fałszywkami ukrywał się uzdolniony literacko Grigorij Biesiedowski (1896–1951?/1963?), rosyjski rewolucjonista, sowiecki dyplomata, emigracyjny działacz antysowiecki, publicysta i pisarz, który odmówił powrotu do Moskwy z placówki dyplomatycznej w Paryżu. Witalijowi Mitrochinowi nie udało się jednak ustalić, czy „Iwanem Kryłowem” był Grigorij Biesiedowski.

Władimir Maksimow

O Władimirze Maksimowie wspomina się w *Archiwum Mitrochina* na dwóch stronach: 585. i 586. Strony te należą do rozdziału 20. *Dywerysja ideologiczna. Zwycięstwo dysydentów*. Jego nazwisko pojawia się w związku z przyznaniem fizykowi jądrowemu Andriejowi Sacharowowi Pokojowej Nagrody Nobla w 1975 roku. Nie mógł jej odebrać osobiście, więc do Oslo udała się jego żona, Jelena Bonner (1923–2011). Tam czekał na nią sowiecki emigrant Władimir Maksimow, będący jednocześnie redaktorem naczelnym czasopisma «Континент» („Kontynent”)¹⁶. Periodyk ten zamieszczał między innymi informacje o dysydentach w Europie Wschodniej, a do takich zaliczał się bezsprzecznie Sacharow. Jak podkreślają autorzy *Archiwum Mitrochina*, międzynarodowa popularność oraz opiniotwórcza moc „Kontynentu” sprawiła, że KGB umieściło Maksimowa na czarnej liście emigracyjnych wrogów ZSRR na drugim miejscu, zaraz po Sołżenicynie. Dzięki wyciągom Mitrochina z akt Łubianki wiadomo, że moskiewska Centrala uruchomiła wiele rutynowych i nierutynowych „środków aktywnych”, aby zdyskredytować redaktora naczelnego „Kontynentu” w oczach emigrantów i obywateli Kraju Rad. Na przykład w 1976 roku KGB posłużyło się samochodem osobowym należącym do Eduarda Michajłowicza Sierdinowa (ps. „Tkaczow”), będącego w tamtym czasie oficerem operacyjnym rezydentury w Nowym Jorku. Po tym, jak sowiecka rezydentura wykryła, że agenci FBI założyli podsłuch w aucie Sierdinowa, funkcjonariusze KGB postanowili skorzystać z okazji i wyreżyserowali dialog Sierdinowa z niezidentyfikowanym dotąd oficerem KGB, licząc na to, że Amerykanie dadzą się wprowadzić w błąd. Rozmowa przebiegała następująco:

Sierdinow: A tak między nami, ten koleś Sołżenicyna, Maksimow, robi się coraz bardziej zuchwały. Zaczyna być otwarcie wrogi.

Agent: O którego Maksimowa ci chodzi?

Sierdinow: Paryskiego, tego od „Kontinientu”.

¹⁶ Było to bardzo nośne geograficznie czasopismo, ponieważ ukazywało się w kilku wersjach językowych: angielskiej, francuskiej, niemieckiej, rosyjskiej i włoskiej. Pierwszy numer ukazał się w wrześniu 1974 roku i zawierał m.in. uroczystą deklarację Aleksandra Sołżenicyna: „Inteligencja Europy Wschodniej mówi jednym głosem cierpienia i wiedzy. «Kontinient» ma zaszczyt przedstawiać ten głos. Bieda zachodniej Europie, jeśli nie usłucha tego głosu. A bieda ta przyjdzie szybko” (Andrew, Mitrochin 2001: 586).

Agent: Ech, nie przejmuj się nim! Słyszałem od „pewnych ludzi” [...] no wiesz [...] od „nich” [KGB] [...] że jest od dawna ich agentem i jeszcze przed wyjazdem ze Związku Sowieckiego przeszedł specjalne przeszkolenie (Andrew, Mitrochin 2001, 586).

Pracownicy KGB zdawali sobie oczywiście sprawę, że pojedyncza prowokacja w ramach „środków aktywnych” nie musi przynieść od razu oczekiwanych rezultatów. Dlatego pogłoskę o rzekomym byciu przez Maksimowa wyszkolonym agentem Łubianki powtarzano wielokrotnie i uciekano się do jeszcze innych sposobów, aby osłabić jego pozycję w środowisku emigracyjnym. FBI oraz inne zagraniczne służby wywiadowcze nie dawały jednak wiary temu, co z taką zaciętością rozpowszechniało KGB o redaktorze naczelnym „Kontynentu”.

Boris Pasternak

O Borisie Pasternaku pisze się w *Archiwum Mitrochina* na dwóch stronach: 26. i 27. Strony te należą do rozdziału 1. zatytułowanego *Archiwum Mitrochina*. Jak podaje Christopher Andrew, pasją Wasilija Mitrochina było „czytanie książek, zwłaszcza pisarzy rosyjskich, którzy wypadli z łask władzy w ostatnich latach rządów stalinowskich i zaczęli publikować ponownie dopiero w połowie lat pięćdziesiątych” (Andrew, Mitrochin 2001, 586). Z historii literatury rosyjskiej wiemy, że lista twórców, którzy znaleźli się na czarnej liście Kremla była całkiem pokazna i nie dotyczyła twórców drugorzędnych, ale tych najznamienitszych, jak Anna Achmatowa (1899–1966), Marina Cwietajewa (1893–1941) czy Boris Pasternak. Zrozumiałe więc, że ukazywanie się w poststalinowskim państwie utworów pisarzy zakazanych budziło niezwykle zainteresowanie i sprawiało, że ludzie ustawiali się w długich kolejkach, aby kupić na przykład najnowszy tomik poezji Achmatowej czy Pasternaka (Cwietajewa nawet po tragicznej śmierci nie została dopuszczona do literackiego głosu). W 1954 roku Pasternak opublikował w jednym z sowieckich czasopism wiersze, które miały wejść do *Doktora Żywago* (*Доктор Живаго*). Razem z nimi redakcja zamieściła streszczenie powieści, nad którą pisarz jeszcze pracował. Andrew przypomina także, że tę rozległą epicką relację o ostatnich dniach caratu i początkowym okresie bolszewickiej władzy Chruszczow uznał za tekst wywrotowy i nakazał jego umieszczenie w sowieckim indeksie dzieł zakazanych, co też nastąpiło w 1956 roku. Specjaliści na usługach KGB przekonali Kreml, że wizja przyszłej Rosji według Pasternaka zagraża podstawom komunistycznego państwa, ponieważ pisarz daje wyraźnie do zrozumienia, że świeżo zrodzony sowiecki reżim charakteryzuje się pustką duchową. Przywódca rewolucji październikowej był w oczach autora *Doktora Żywago* „wcieleniem mściwości”, a Stalin – „dziobatym Kaligulą” (Andrew, Mitrochin 2001: 26). Czy ktoś, kto myślał w ten sposób o kultowych postaciach ZSRR, mógł bezkarnie funkcjonować w bolszewickim państwie?

Pasternak przeszedł do historii literatury rosyjskiej jako pierwszy pisarz sowiecki, który od lat 20. XX wieku odważył się ominiąć kremlofską cenzurę i wydać swój utwór za granicą. Rękopis *Doktora Żywago* trafił do Giangiacoma Feltrinello (1926–1972), włoskiego wydawcy gotowego opublikować tę powieść. Przekazując mu swój manuskrypt, Pasternak miał powiedzieć: „Proszę się czuć teraz zaproszonym na ceremo-

nię rozstrzelania mnie!” (Andrew, Mitrochin 2001: 27). Pod naciskiem Chruszczowa Pasternak wysłał do Feltrinellogo telegram, w którym zażądał odstąpienia od druku powieści, lecz prywatnym kanałem przekazał mu list, w którym pisał, by wydawca zignorował otrzymaną oficjalnie depezę. Dodajmy, że *Doktor Żywego* ukazał się w przekładzie na język włoski w listopadzie 1957 roku i wkrótce doczekał się tłumaczeń na 24 języki, co zapewniło jego autorowi międzynarodową popularność i pozwoliło lepiej poznać oraz zrozumieć sowiecki fenomen mentalności Kremla. Już wkrótce po opublikowaniu *Doktora Żywego* przyznano Pasternakowi Literacką Nagrodę Nobla (1958), której pod presją Chruszczowa nie mógł przyjąć. Czas ostrej nagonki na pisarza przyczynił się zapewne do jego przedwczesnej śmierci.

W oczach Mitrochina postępowanie wobec Pasternaka było jaskrawym przejawem kulturalnego barbarzyństwa, które reprezentował Chruszczow. To on grzmiał z najwyższej trybuny, że „W socjalistycznym społeczeństwie rozwój literatury i sztuki przebiega zgodnie z linią partii” (Andrew, Mitrochin 2001: 27). Archiwista z Łubianki był szczerze oburzony niewybrednymi, stalinowskimi z ducha, atakami na pisarza, które zorganizowało moskiewskie środowisko literackie zapewne z inicjatywy i według programu KGB. W żadnym podręczniku literatury rosyjskiej w związku z biografią twórczą Pasternaka nie znajduje się informacja o żywej i niebezpiecznej dla samego Mitrochina reakcji na działania prześladowcze zorganizowane przez grupę stołecznych pisarzy w stosunku do autora *Doktora Żywego*. Dopiero dzięki *Archiwum Mitrochina* wyszło na jaw, że w październiku 1958 roku Mitrochin wysłał anonimowy list do redakcji „Gazety Literackiej” («Литературная газета»), w którym zaprotestował przeciwko temu, jak jest traktowany Pasternak. Były wywiadowca musiał być szczerze wzburzony, bo tylko działaniem pod wpływem silnych emocji można wytłumaczyć elementarne błędy, jakie popełnił, wysyłając list do wskazanej redakcji. Gdyby podejmował czynności na chłodno, pracowałby w rękawiczkach, aby nie pozostawić odcisków linii papilarnych na kopercie. Ponadto nie zaklejałby koperty własną śliną, ponieważ badania genetyczne wskazałyby wprost, kto jest nadawcą protestu. Sporządzenie listu przez napisanie go lewą ręką w sytuacji, gdy się jest praworęcznym, mogło się ostatecznie okazać zbyt słabym rozwiązaniem graficznym i zdekonspirować Mitrochina. Po wysłaniu listu do „Gazety Literackiej” Mitrochin poważnie się wystraszył, uświadomił sobie bowiem dopiero wtedy, co uczynił i jakie mogą go w związku z tym czekać konsekwencje. Wiedział przecież doskonale, że KGB żadnego anonimu nie wyrzuca do kosza, lecz angażuje wiele sił i środków, aby wykryć autorów zwłaszcza odręcznych pism bez podpisu. To zdarzenie z Pasternakiem i wysłanie listu do redakcji wzmocniło niechęć Mitrochina do Chruszczowa. Niewykluczone, że podczas przeglądania tajnych materiałów operacyjnych archiwista z Łubianki nabrał przekonania, że ówczesny Generalny Sekretarz KPZR osobiście polecił szykanować laureata Literackiej Nagrody Nobla, by zastraszyć środowisko intelektualistów na wypadek, gdyby ktokolwiek zechciał podważyć autorytet Chruszczowa.

Z wypowiedzi autorów *Archiwum Mitrochina* nie wypływają żadne dodatkowe informacje na temat Pasternaka, co wcale nie znaczy, że w zasobach KGB/FSB ich w ogóle nie ma.

Aleksandr Sołżenicyn

O Aleksandrze Sołżenicynie pisze się w *Archiwum Mitrochina* w tomie pierwszym na następujących stronach: 36., 37., 565.–568., 572.–579., 581., 582., 584., 586., 820., 821. i 847. Strony te należą do różnych rozdziałów: 1. zatytułowanego *Archiwum Mitrochina*, 19. *Dywersja ideologiczna. Część 1: Walka z dysydentami*, 20. *Dywersja ideologiczna. Część 2: Zwycięstwo dysydentów* i 27. *Francja i Włochy w latach „zimnej wojny”. Penetracja agenturalna i „środki aktywne”*; a w tomie II – na s. 28. będącej fragmentem wstępu napisanego przez Christophera Andrew i nazwanego *Przedmowa. Wasilij Mitrochin i jego archiwum*. Występowanie nazwiska Sołżenicyna w tak wielu rozdziałach sugeruje, że wywiad zagraniczny poświęcał mu najwięcej uwagi spośród wymienionych w tym artykule innych twórców i dysydentów, a także w związku z największą liczbą spraw. To zrozumiałe, skoro Sołżenicyn znajdował się na pierwszym miejscu czarnej listy niebezpiecznych dla sowieckiego ustroju emigrantów, którą sporządziło KGB w celach permanentnej inwigilacji uchodźców z ZSRR.

Po raz pierwszy o Sołżenicynie wspomina się w *Archiwum Mitrochina* przy okazji przedstawiania sposobów pracy Wasilija Mitrochina z wynoszonymi z Łubianki wyciągami z tajnych akt KGB (np. Andrew, Mitrochin 2001: 36–37). Gdy pewnego razu przyjechał on na dachę w Penzie, zastał na strychu intruza, który na szczęście dla gospodarza okazał się włóczęgą. Przypomniał sobie wówczas przypadek związany z autorem *Archipelagu GULag* z sierpnia 1971 roku. Wtedy to przyjaciel Sołżenicyna zjawił się nieoczekiwanie w jego daczce i zastał w domu dwóch oficerów KGB, którzy ukryli się na poddaszu. Zorientowawszy się w sytuacji – prawdopodobnym celu przybycia agentów, przyjaciel Sołżenicyna postanowił opuścić dachę, lecz nie zdążył tego uczynić, bo w tym samym czasie zjawili się kolejni funkcjonariusze sowieckiej bezpieki, którzy dotkliwie pobili przybysza. Cyniczny ówczesny szef KGB, Jurij Andropow, polecił przekazać Sołżenicynowi, że „udział KGB w tym incydencie jest wytworem jego wyobraźni” (Andrew, Mitrochin 2001: 37). A przecież Mitrochin miał świeżo w pamięci przekazaną do archiwum teczkę zawierającą szczegółowe dyrektywy związane z całą kampanią szykanowania Sołżenicyna, w której sięgano także po „środki aktywne”, a więc nastawione przede wszystkim na dyskredytację pisarza w oczach opinii międzynarodowej.

Po raz drugi nazwisko Sołżenicyna pojawia się w kontekście materiałów KGB dotyczących dywersji ideologicznej i aresztowań uczestników niewielkiej demonstracji antysowieckiej zorganizowanej w sierpniu 1968 roku przez Larysę Bogoraz na Placu Czerwonym. Autorzy *Archiwum Mitrochina* podają, że KGB nadało Sołżenicynowi pseudonim «Паук» / „Pająk” i przypominają, że w 1962 roku Chruszczow zezwolił opublikować na łamach miesięcznika «Новый мир» („Nowy Mir”) opowieść *Jeden dzień Iwana Denisowicza (Один день Ивана Денисовича)*¹⁷. Nowela ta nie tylko przyniosła sławę jej autorowi, lecz przede wszystkim odsłoniła część strasznej prawdy

¹⁷ W tłumaczeniu podanym w *Archiwum Mitrochina* utwór ten nosi błędny tytuł *Jeden dzień w życiu Iwana Denisowicza*, co nie jest zgodne ze stanem faktycznym i utrwaloną już w polskiej rusycystyce tradycją.

o sowieckich przymusowych obozach pracy, co stanowiło ogromny wstrząs dla opinii międzynarodowej.

W tym samym czasie co aresztowania Daniela i Siniawskiego doszło do nalotów na moskiewskie środowisko literackie; w wyniku jednego z nich skonfiskowano rękopis Sołżenicyna pozostawiony w domu przyjaciela na przechowanie. Do Komitetu Centralnego KPZR sowiecka bezpieka wysłała natychmiast meldunek, w którym donosiła, że w przechwyconym manuskrypcie znajdują się dowody „nurzania się Sołżenicyna w politycznie szkodliwych oświadczeniach oraz rozpowszechniania szkalujących fabrykacji”. Ówczesny szef KGB, Władimir Siemczastny (1924–2001), i prokurator generalny Roman Rudienko (1907–1981) przekazali rękopis do Związku Pisarzy, by ten przygotował stosowne potępienie pisarza, co zresztą nastąpiło po upływie półtora roku. Do sprawy tej KC KPZR powrócił w marcu 1967 roku, lecz Sołżenicyn nie czekał na łatwy do przewidzenia wyrok Breżniewa i przed tym terminem przemycił na Zachód swoją najnowszą powieść o znamienym tytule *Oddział chorych na raka* (*Раковый корпус*) oraz dopisywał ostatnie rozdziały epickiej narracji o obozach pracy w ZSRR, która ukazała się jako *Archipelag GUŁag*.

Jak ujawniają autorzy *Archiwum Mitrochina*, KC KPZR ulegało przemożnym wpływom ówczesnego szefa KGB, Andropowa, który przekonał członków Komitetu, że trzeba podjąć zdecydowane kroki przeciwko antysowieckiej działalności Sołżenicyna. Tenże Andropow w okresie 1967–1982 przeszedł do historii ZSRR jako największy wróg dysydentów, a sam Sołżenicyn stał się jego zawodową obsesją. Gdy w 1970 roku na Kreml dotarła wiadomość o przyznaniu autorowi *Kręgu pierwszego* (*В круге первом*) Literackiej Nagrody Nobla, szef KGB przedłożył na posiedzeniu Biura Politycznego memorandum i projekt dekretu, który pozbawiał noblistę obywatelstwa i skazywał pisarza na banicję. Andropow pisał:

W trakcie analizy zebranego o Sołżenicynie materiału oraz jego prac nie można dojść do innego wniosku niż ten, że mamy do czynienia z politycznym przeciwnikiem sowieckiego państwa i systemu społecznego (...). Jeżeli Sołżenicyn będzie nadal zamieszkiwał w kraju po otrzymaniu Nagrody Nobla, umocni to jedynie jego pozycję i umożliwi mu jeszcze bardziej aktywnie szerzenie swoich poglądów (Andrew, Mitrochin 2001: 566).

Leonid Breżniew nie poparł wtedy jednak stanowiska Jurija Andropowa, lecz przychylił się do sugestii ministra spraw wewnętrznych Nikołaja Szczelokowa (1910–1984), który sugerował sowieckiemu przywódcy nie karanie, lecz przekonywanie Sołżenicyna do systemu totalitarnego. W zachowanych materiałach znajdują się następujące słowa Szczelokowa: „Osoby z kierownictwa powinny raczej sięść z nim i porozmawiać, żeby usunąć gorycz, którą pozostawiły prześladowania” (Andrew, Mitrochin 2001: 566). W odpowiedzi udzielonej Andropowowi oficjalnie Breżniew, a nieoficjalnie Szczelokow, pisał:

W rozwiązywaniu problemu Sołżenicyna winna zostać przeprowadzona analiza dotychczasowych błędów popełnionych w postępowaniu z ludźmi sztuki (...) „Problem Sołżenicyna” został stworzony przez administratorów literatury, którzy powinni wiedzieć lepiej (...) W tym przypad-

ku nie wolno dokonać publicznej egzekucji przeciwników, należy raczej zadusić ich w przyjacielskim uścisku (Andrew, Mitrochin 2001: 566)¹⁸.

Andropow nie dawał jednak za wygraną i w marcu 1972 roku podjął kolejną próbę, której celem było przekonanie Biura Politycznego do wypędzenia Sołżenicyna z kraju. W świetle „bezdyskusyjnych dowodów i argumentów” członkowie Biura podzielili opinię szefa KGB, że Sołżenicyn to „prawdziwy degenerat”, lecz nie zgodzili się na jego banicję. Andropow nie pogodził się, rzecz jasna, z ich stanowiskiem i dalej prowadził ostrą kampanię przeciwko laureatowi Nagrody Nobla nastawioną na zmuszenie Sołżenicyna do opuszczenia ZSRR.

Z tego samego rozdziału 19. dowiadujemy się, że gdy jesienią 1970 roku powstał Komitet Obrony Praw Człowieka, fizycy Andriej Sacharow, Walerij Czalidze (1938–2018) i Andriej Twierdochlebow (1940–2011) namówili Aleksandra Sołżenicyna, by został członkiem korespondentem tego komitetu. Znany w świecie pisarz zgodził się, lecz większej aktywności jako członek KPC nie wykazywał. W tej części *Archiwum Mitrochina* autorzy piszą również o próbach ulokowania w pobliżu noblisty wtyczki, którą była pianistka Miroka Kokorna (ps. „Miroka”). Często jeździła na Zachód z koncertami i fakt ten skłonił KGB do przedstawienia przez „Mirokę” Sołżenicynowi propozycji, by skorzystał z jej usług jako kuriera. Podjęta przez nią w grudniu 1973 roku prowokacja się nie powiodła.

Również z rozdziału 19. poznajemy reakcję Sołżenicyna na zapowiedź głośnego procesu dwóch innych dysydentów, Jakira i Krasina, jaki rozpoczął się w Moskwie 27 sierpnia 1973 roku. Pisarz ocenił go jako „nieszczęsną powtórkę ordynarnej farsy Stalina i Wyszynskiego” (Andrew, Mitrochin 2001: 572). Sacharow i literacki noblista wykorzystali ten przewód sądowy, by zaprotestować przeciwko polityce Stanów Zjednoczonych wobec Kraju Rad, w której przewidywano wprowadzenie klauzuli najwyższego uprzywilejowania dla ZSRR. Na skutek ich działań Kongres Stanów Zjednoczonych nie uchwalił tej klauzuli, co musiało wywołać wielkie niezadowolenie w sowieckim Politbiurze. Breżniew nie stanął już w obronie Sołżenicyna, gdy Andropow 7 lutego 1974 roku przedstawił ponownie projekt dekretu, który skazywał pisarza na pozbawienie sowieckiego obywatelstwa i zmuszał do opuszczenia w trybie natychmiastowym Kraju Rad. 11 lutego 1974 roku Politbiuro przyjęło dokumenty Andropowa, a 14 lutego 1974 roku „oficerowi KGB siłą wepchnęli Sołżenicyna na pokład odlatującego do Frankfurtu samolotu linii *Aeroflot*. Kiedy maszyna oderwała się od pasa startowego, Sołżenicyn przeżegnał się i skłonił ziemi ojczystej, której mógł już nigdy nie zobaczyć” (Andrew, Mitrochin 2001: 574).

Dalej w tym samym rozdziale autorzy *Archiwum Mitrochina* śledzą emigracyjną ścieżkę pisarza od momentu wylądowania we Frankfurcie, przez zamieszkanie w Zurychu, aż do jego wyjazdu do Stanów Zjednoczonych i wystąpienia w 1978 roku

¹⁸ Zrozumiałe, że z powodu tego listu Szczołokow stał się wielkim wrogiem Andropowa. W akcie zemsty, gdy Breżniew zmarł w 1982 roku, szef KGB natychmiast wykorzystał okazję i oskarżył ministra spraw wewnętrznych o korupcję oraz przygotował proces według najlepszych tradycji sowieckiej bezpieki. Do procesu jednak nie doszło, ponieważ pozbawiony wszystkich zaszczytów i funkcji, a także stopnia generała i członkostwa w partii, Szczołokow przed rozpoczęciem przewodu sądowego popełnił samobójstwo.

z mową inauguracyjną na Uniwersytecie Harvarda. Czytelnik poznaje nieznaną dotąd fakty z agenturalnego najbliższego otoczenia Sołżenicyna, jakim został ściśle otoczony w Zurychu w osobach Valentyny Holubovej oraz jej męża Františka Holuba, agentów tajnej czeskosłowackiej policji państwowej (StB) współpracującej gorliwie z KGB. W ten sposób Sołżenicyn dołączył do długiej listy „sowieckich emigrantów (...), którzy zatrudnili na najbliższych, najbardziej zaufanych doradców agentów sowieckich organów bezpieczeństwa” (Andrew, Mitrochin 2001: 575). Tłumaczenia *Archipelagu GUŁag* na języka czeski podjął się Holub, a poematu *Pruskie noce* (*Прусские ночи*) – młody czeski pisarz Tomaš Řežač, będący oficerem StB. Holubova jako sekretarka Sołżenicyna i jego rzecznik prasowy śledziła kontakty noblisty w ZSRR i na Zachodzie. Adresy skwapliwie przekazywała KGB.

Na podstawie meldunków Holubów Andropow nie jeden raz przygotowywał manipulowane informacje dla Politbiura, w których eksponował słabnięcie autorytetu Sołżenicyna w opinii międzynarodowej i pomijał milczeniem fakt rosnącej popularności pisarza, którego *Archipelag GUŁag* zyskiwał milionowe rzesze odbiorców w Europie i USA. Zatwierdzał także chętnie kolejne wielokierunkowe plany operacyjnych działań sowieckiej bezpieki mające na celu dyskredytowanie Sołżenicyna i destabilizację jego rodziny, a także takie, które prowadziłyby do zerwania kontaktów z dysydentami w ZSRR. KGB finansowało powstanie wielu książek, w których fałszywie przedstawiano zarówno życiorys pisarza, jak i jego dokonania jako obrońcy praw człowieka. Systematycznie sowiecka bezpieka wysyłała do Sołżenicynów paczki, które wyglądały na bomby, kierowała groźby wobec dzieci noblisty i je zastraszała. Trwająca kilka lat kampania nienawiści i destabilizacji przyniosła oczekiwane rezultaty. Jednym z nich stał się kolejny etap emigracji Sołżenicynów, tym razem do stanu Vermont w USA. W wyniku perfidnych akcji KGB mieszkający w Zurychu noblista stracił także wyraźnie na olbrzymim autorytecie moralnym, który budował i zyskał, gdy żył w ZSRR.

W Ameryce pisarz odgradził się od ludzi i zajął pisaniem powieści, których fabułę umieścił w okresie przed rewolucją październikową. Zastanawiał się nad przyczynami, które doprowadziły imperium carów do przewrotu 1917 roku i dały nieograniczoną władzę bolszewikom. Do historii literatury i kultury światowej przeszedł także wykład, jaki wygłosił Sołżenicyn na Uniwersytecie Harvarda w 1978 roku. Skrytykował w nim nie tylko Zachód, który w jego ocenie nie zdawał sobie sprawy z powagi zagrożenia, jakie niósł sowiecki totalitaryzm, a swoim milczeniem stawał się cichym współnikiem następców Stalina. Powiedział też gorzką prawdę o współczesnych Amerykanach, narażając się w ten sposób amerykańskim kręgom opiniotwórczym. Jak zaznaczają autorzy *Archiwum Mitrochina*, KGB usiłowało wielokrotnie podstawić Sołżenicynowi *nielegała*, lecz po doświadczeniach szwajcarskich pisarz nie dał się już nabrać nawet na najbardziej wiarygodne legendy operacyjne służb specjalnych. Piszą także o pewnym precedensie w historii wywiadu sowieckiego, polegającym na tym, że nagrany na kasetę wideo wykład inauguracyjny Sołżenicyna został następnie zademonstrowany latem 1978 roku na zamkniętym posiedzeniu sowieckiej „wierzchuszki”. Pierwszy Zarząd Główny i V Zarząd zaprosili na pokaz najwyższych rangą towarzyszy partii i innych pracowników operacyjnych rodzimej bezpieki. Uczestnicy zamkniętego spotkania doszli zgodnie do wniosku, że Sołżenicyn, krytykując Amerykanów za ich sposób życia, wystarczająco sam się zdyskredytował, a więc nie ma potrzeby podejmowania dodat-

kowych „środków aktywnych”, które miałyby na celu neutralizację skutków wykładu ogłoszonego przez noblistę na Uniwersytecie Harvarda.

Z kolei w rozdziale 20. nazwisko Sołżenicyna wpływa przy okazji ujawniania szczegółów tajnych operacji wymierzonych przeciw Sacharowowi. Autorzy *Archiwum Mitrochina* wskazują na zatwierdzony 22 listopada 1975 roku przez Andropowa dokument „Kompleksowe środki operacyjne dla ujawnienia politycznego tła przyznania Sacharowowi Pokojowej Nagrody Nobla” i podkreślają, że może zaskakiwać oraz dziwić „Rozmach i ambicja, z jakimi zaplanowano «środki aktywne»” (Andrew, Mitrochin 2001, 584). Wszystko to ponownie świadczy o fakcie, że sowiecka bezpieka, a zwłaszcza jej szef, Andropow, z osobistych pobudek uczynił Sacharowa i Sołżenicyna najważniejszymi swoimi przeciwnikami politycznymi, co skutkowało podejmowaniem przez KGB nadzwyczajnych przedsięwzięć prześladowczych wobec dwóch dysydentów. We wspomnianym dokumencie z 22 listopada 1975 roku Andropow zobowiązał Pierwszy Zarząd Główny do wykonania wielu instrukcji, w tym do przekazania informacji „dysydenckiej” emigracji w Europie Zachodniej, które miały spowodować skłócenie Sacharowa z Sołżenicynem (Andrew, Mitrochin 2001: 584).

Po raz ostatni nazwisko Sołżenicyna pojawia się w tomie I *Archiwum Mitrochina* na stronach 820., 821. i 847. należących do rozdziału 27. *Francja i Włochy w latach „zimnej wojny”. Penetracja agenturalna i „środki aktywne”*. Jego autorzy przypominają, że 3 lipca 1975 roku w dzienniku „Le Monde”, który miał w KGB kryptonim „Wiestnik”, opublikowano wyjątkowo nieprzychylną noblistę opinię o jego *Archipelagu GUŁag*. Redakcja „Le Monde” widziała w Sołżenicynie... sympatyka nazizmu, gdy pisała:

Aleksandr Sołżenicyn żałuje, że w ostatniej wojnie światowej Zachód wystąpił w sojuszu ze Związkiem Sowieckim przeciwko nazistowskiemu Niemcom.

Nie jest on osamotniony. Mieszkańcy Zachodu poprzedniego pokolenia, tacy jak Pierre Laval [czołowy kolaborant francuski], kierowali się podobną ideologią, a ludzie tacy jak Doriot i Deat [czołowi francuscy faszyci] witali nazistów jak wyzwolicieli (Andrew, Mitrochin 2001, 821).

Natomiast 12 września 1975 roku w tym samym dzienniku zamieszczono nieprawdziwą informację jakoby Sołżenicyn przyjął zaproszenie od dyktatora Augusta Pinocheta (1915–2006) do odwiedzenia Chile. Nie ma wprawdzie dowodów, że obie dyskredytujące noblistę notatki były skutkiem interwencji KGB, niemniej pokrywały się one idealnie z polityką dezinformacji, jaką ludzie Andropowa od dawna stosowali w prasie Zachodu.

Nazwisko Aleksandra Sołżenicyna w tomie II *Archiwum Mitrochina* pojawia się tylko na s. 28. w przedmowie napisanej przez Christophera Andrew i w tym samym kontekście *Mistrza i Małgorzaty* Michała Bułhakowa, jak w tomie pierwszym. Andrew przypomina, że najważniejszy utwór noblisty z 1970 roku ukazał się za jego życia, inaczej niż w przypadku Bułhakowa. Kiedy Sołżenicyn zaczynał pracę nad *Archipelagiem GUŁag*, przyrzekł sobie, że „trzeba pisać, by mieć pewność, iż [prawda] nie zostanie zapomniana, że pewnego dnia potomni może się o niej dowiedzą. Nie mogę myśleć, nie mogę nawet marzyć o tym, że publikacja nastąpi za mojego życia” (Andrew, Mitrochin 2018, 28). Marzenie jednak się spełniło pomimo wielu najprzeróżniejszych utrudnień, za którymi stała sowiecka bezpieka.

Aleksiej Tołstoj

O Aleksieju Tołstoju pisze się w *Archiwum Mitrochina* na stronie 99. należącej do rozdziału 3. zatytułowanego *Era wielkich nielegalów*. Jednym z nich był Dmitrij Aleksandrowicz Bystroletow (1901–1975; pseudonimy „Hans” i „Andriej”), który należał do szczególnie cenionych sowieckich agentów wywiadu zagranicznego. Jego portret został nawet zawieszony w tajnej izbie pamięci w siedzibie Pierwszego Zarządu Głównego KGB w Jasieniewie, a więc w placówce, w której pracował i gromadził swoje wyciągi Wasilij Mitrochin. Bystroletow, jak utrzymują autorzy *Archiwum Mitrochina*, był nieślubnym dzieckiem Kozaczki z Kubania i ojca, którego tożsamości nie udało się ustalić. Niewykluczone, że ta właśnie luka w biografii Bystroletowa pozwalała mu twierdzić, że jego rodzicem był nie kto inny jak słynny pisarz rosyjski i sowiecki, „czerwony hrabia” Aleksiej Tołstoj. Nazwisko Tołstoja nie wiąże się w *Archiwum Mitrochina* z żadnym innym tłem agenturalnym oprócz sprawy Bystroletowa.

Lew Tołstoj

O Lwie Tołstoju wspomina się w *Archiwum Mitrochina* na stronie 27., która należy do rozdziału pierwszego noszącego taki sam tytuł. Christopher Andrew, pisząc o Borisie Pasternaku, przypomina, że zdaniem zachodnich krytyków literackich powieść *Doktor Żywago* jest najlepszym rosyjskim utworem literackim od roku 1899, kiedy to ukazało się drukiem *Zmartwychwstanie* (*Воскресение*) Lwa Tołstoja. Tak więc nazwisko klasyka literatury rosyjskiej nie występuje w *Archiwum Mitrochina* w żadnym kontekście agenturalnym.

Wnioski

1. Dzięki *Archiwum Mitrochina* można poznać zarówno kryptonimy tajnych operacji organów bezpieczeństwa państwowego w interesującym nas zakresie (np. «Эпигоны» / „Epigoni” w odniesieniu do sprawy Julija Daniela i Andrieja Siniawskiego), jak i pseudonimy operacyjne współpracowników KGB, a także pseudonimy nadawane osobom prześladowanym przez policję państwową (np. «Паук» / „Pająk” – Aleksandr Sołżenicyn, «Аскет» / „Asceta” – Andriej Sacharow).
2. *Archiwum Mitrochina* odsłania rutynowe i nietradycyjne metody działania służb specjalnych ZSRR wobec pisarzy i dysydentów, jak na przykład permanentna inwigilacja, filmowanie, podsłuch, perlustracja, prowokacja, podstawianie kapusiów w celi, fabrykowanie „dowodów”, ustawianie procesów sądowych, nagonka w mediach. Dostarcza również licznych przykładów stosowania przez sowiecką bezpiekę tzw. środków aktywnych, którą cechuje wyjątkowy cynizm i bezwzględność w osiągnięciu celów.
3. *Archiwum Mitrochina* zawiera informacje o pisarzach, którzy do końca życia nie opuszczali ani Rosji, ani ZSRR oraz o tych, którzy wyemigrowali z państwa Sowietów pod presją polityczną, tworząc na Zachodzie i w USA trzecią falę

emigracji rosyjskiej i stając się żywymi świadectwami łamania praw człowieka w Kraju Rad.

4. Najwięcej uwagi w *Archiwum Mitrochina* w odniesieniu do znanych pisarzy rosyjskich poświęcono Aleksandrowi Solżenicynowi, co przemawia za wielkim wyczuciem archiwisty z Łubianki, jeśli chodzi o gromadzenie danych o osobie, która na trwałe zapisała się w dziejach kultury światowej. Swoją uwagę Andrew i Mitrochin skupili także na sylwetkach dwóch innych dysydentów, Julija Daniela oraz Aleksandra Siniawskiego, których publiczny pokazowy proces był bezprecedensowym zjawiskiem w sądownictwie sowieckim.
5. Nazwiska pisarzy rosyjskich pojawiały się najczęściej w następujących rozdziałach *Archiwum Mitrochina*: 1., 3., 15., 19., 20., 27., 28. i 31. W tych partiach książki podkreślano przede wszystkim walkę reżimu sowieckiego z dysydentami i fakt ich permanentnej inwigilacji.
6. Wszyscy pisarze rosyjscy, których postacie zostały przywołane w tym artykule, zachowali godność osobistą i nie ugięli się pod wpływem dotkliwych „środków aktywnych” skierowanych przez sowiecką bezpiekę bezpośrednio przeciwko nim, jak i ich rodzinom.
7. *Archiwum Mitrochina* dostarcza również dowodów, że personalne uprzedzenia osób pełniących najwyższe funkcje polityczne w ZSRR nie pozostawały bez istotnego wpływu na losy twórców rosyjskich. „Opieka” Stalina i Chruszczowa nad Pasternakiem czy „miłosierdzie” Chruszczowa i Breżniewa w stosunku do Solżenicyna stanowią najjaskrawsze przykłady zależności świata kultury od prywatnych zapatrywań polityków i szefów KGB na losy obywateli ZSRR.

Bibliografia

- Andrew, Ch., Mitrochin, W. (2006). *Archiwum Mitrochina, KGB i świat*. T. 2. Tłum. K. Bażyńska-Chojnacka i P. Chojnacki. Poznań: Rebis.
- Andrew, Ch., Mitrochin, W. (2001). *Archiwum Mitrochina. KGB w Europie i na Zachodzie*. Tłum. M. M. Brzeska i R. Brzeski. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA.
- Andrew, Ch., Mitrochin, W. (2009). *Archiwum Mitrochina, KGB w Europie i na Zachodzie*. T. 1. Tłum. M. M. Brzeska i R. Brzeski. Poznań: Rebis
- Andrew, Ch., Mitrokhin, V. (2000). *The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West*. Eastbourne: Gardners Books.
- Drawicz, A. (1988). *Dobro pamięci zapłacone cierpieniem (Lidia Czukowska o Annie Achmatowej)*. W: *Spór o Rosję i inne szkice z lat 1976–1989*, Londyn: Polonia.
- Kasack, W. (1996). *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku*. Przekł., oprac., bibl. pol. i ind. Kodzis, B. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.
- Mitrokhin, V., Andrew Ch. (1999). *The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. New York: Basic Books.
- Mitrokhin, V., Andrew Ch. (2005). *The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World*. New York: Basic Books.
- Mitrokhin, V. (2002). *KGB Lexicon: The Soviet Intelligence Officer's Handbook*. London: Frank Cass & Co. Ltd.
- Ojcewicz, G. (2017). Z filologii śledczej. Praca agenturalna stalinowskich służb specjalnych za granicą na przykładzie sprawy o zabójstwo Ignacego Reissa. *Studia Rossica Gedanensia*, 4: 297–332.

- Prohorov, D.P., Lemehov, O.I (2001). *Perebežčiki: zaočno rasstrelâny*. Moskva: Veče [Прохоров, Д.П., Лемехов, О.И. (2001). *Перебежчики: заочно расстреляны*. Москва: Вече].
- Przebinda, G., Smaga, J. (2000). *Leksykon. Kto jest kim w Rosji po 1917 roku*. Kraków: Znak.
- Salski, A.M. (1998). Polskie wątki w Archiwum Mitrochina. *TST*, 6, No. 18–19. (Online) <http://users.rcn.com/salski/OtherTexts/Mitrochin.htm> (dostęp 24.08.2019).
- Sąd idzie! Stenogram z procesu A. Siniawskiego i J. Daniela (A. Terca i M. Arzaka)*. Moskwa, luty 1966 (1966). T. 127. Seria „Biblioteka Kultury”. Paryż: Instytut Literacki.
- Suchanek, L., Drawicz, A. (Red.). (1993). *Emigracja i tamizdat: szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*. Kraków: Universitas.
- Szentalski, W. (1996). *Wskreszone słowo: z archiwów literackich KGB*. Tłum. H. Chłystowski [et al.]. Warszawa: Czytelnik.
- Szentalski, W. (1997). *Tajemnice Łubianki: z „archiwów literackich” KGB*. Cz. 2. Tłum. H. Chłystowski, M. Kotowska, J. Waczków. Warszawa: Czytelnik.
- Šentalinskij, V. (1995). *Raby svobody v literaturnyh arhivah KGB*. Moskva: Parus [Шенталинский, В. (1995). *Рабы свободы в литературных архивах КГБ*. Москва: Парус].
- Šentalinskij, V. (2007). *Prestuplenie bez nakazaniâ: dokumental'nye povesti*. Moskva: Progress–Pleâda [Шенталинский, В. (2007). *Преступление без наказания: документальные повести*. Москва: Прогресс–Плеяда].
- Zubariew, D. (2007). *Andriej Siniawski*. W: *Słownik dysydentów: czołowe postacie ruchów opozycyjnych w krajach komunistycznych w latach 1956–1989*. T. 2. Warszawa: Ośrodek Karta.

FILOZOFIA I KULTUROLOGIA
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY



ФЕНОМЕН ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ¹

ВЕРА БЕЛОКРЫЛОВА

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
Центр управления знаниями и компетенциями
ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь
e-mail: ralfinaster@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4306-8991>
(получено 3.10.2019; принято 10.10.2019)

Abstract

Phenomenon of Humanistic Expertise in Modern Conditions: Axiological, Scientific and Communicative Aspects

In the paper the triune nature and the main methodological components of humanistic expertise are shown: “attribution to value”, “attribution to science”, and “attribution to practice”. The specifics of the conservative, critical, and projective expert position is explicated. The author considers the ways to increase social significance of humanistic expertise in modern conditions.

Key words: evaluation criteria, expert knowledge, humanistic expertise, socio-humanistic technologies

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Антропологические и аргументологические основания межкультурного взаимодействия и диалога культур», выполняемого при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г18Р-211 от 30.05.2018 г.

Резюме

Обоснован триединый характер и проанализированы основные методологические компоненты гуманитарной экспертизы: «отнесение к ценности», «отнесение к науке» и «отнесение к практике»; эксплицирована специфика консервативной, критической и проективной позиции эксперта. Рассмотрены пути повышения общественной значимости гуманитарной экспертизы в современных условиях.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, оценочные критерии, социогуманитарные технологии, экспертное знание

Широкое обсуждение возможностей и атрибутов гуманитарной экспертизы берет свое начало еще в годы перестройки вместе с идеей общественного контроля и приоритетности гуманного, человеческого измерения политики и экономики. В современном научном и управленческом дискурсе термин «гуманитарная экспертиза» пользуется неизменной популярностью, употребляется в многочисленных смысловых контекстах, однако содержательно, концептуально, а главное, методологически он по-прежнему остается достаточно неопределенным. Что специфицирует гуманитарную экспертизу, позволяет отделить ее от научного знания, этических суждений и общественного мнения? Каким образом в гуманитарной экспертизе взаимодействуют и ранжируются указанные компоненты?

Экспертное знание традиционно соединяет практику и науку, но не совпадает полностью ни с одной из них.

Чем экспертиза отличается от других гуманитарных практик? Вообще экспертиза определяется через лакуну в знании, когда не хватает каких-то знаний для объяснения явления, его причин. (...) Речь идет о каких-то новых или полностью не сводимым к традиционным формам практики, то мы не можем основываться на достоверном знании. В такой ситуации возникает альтернатива выбора одного из двух способов совладания с неопределенностью: либо вера, либо экспертиза (Леонтьев 2018: 122).

В указанном пункте мы можем зафиксировать важный аспект имманентной противоречивости феномена гуманитарной экспертизы, который возникает в пространстве соприкосновения систем аргументации научной рациональности и самооценного аксиологического суждения. «Гуманитарная экспертиза не может не быть делом нравственным» (Богомяков 1992: 120). Таким образом в содержании гуманитарной экспертизы так или иначе представлена апелляция и к научному знанию, и к сфере ценностей. Аксиологическое и теоретическое взаимодействуют в диапазоне от конкуренции до взаимного обоснования именно через коммуникативный контекст и могут присутствовать в продуктах в различных, по сути, «договорных» пропорциях.

Предметная область гуманитарной экспертизы также заслуживает обсуждения. На протяжении нескольких десятилетий представления о сущности и на-

значении гуманитарной экспертизы претерпели трансформацию. На сегодняшний день не сформирована единая позиция по поводу назначения и пределов гуманитарной экспертизы. В качестве идеально-типических подходов целесообразно выделить психологизаторский, технологизаторский и сциентистский.

В каком случае необходима именно гуманитарная экспертиза, а не, к примеру, научный прогноз или общественное обсуждение? Мы разделяем позицию, согласно которой, гуманитарная экспертиза уместна в случае, если явление или процесс становится значимым компонентом общественной практики; однако при этом в силу новизны, комплексности, междисциплинарности не очевидны основания его научного объяснения, критерии этической оценки дискусионны, а также есть основания полагать наступление кумулятивного эффекта и долгосрочных системных последствий. Распространенная направленность гуманитарной экспертизы – процессы активного освоения новых регионов реальности, новые формы и разновидности социокультурных взаимодействий, а также сопровождающие их латентные социальные процессы. Здесь от гуманитарной экспертизы ожидают обнаружение пределов социальных инноваций и преобразовательной деятельности, переступать которые не следует ни при каких обстоятельствах (Богомяков 1992: 116).

Основные составные компоненты гуманитарной экспертизы – это «отнесение к ценности», «отнесение к науке» и «отнесение к практике». Это предполагает, во-первых, рефлексивную экспликацию коммуникативного ландшафта процедуры «оценивания». Смысловые параметры, критерии и стандарты экспертной деятельности должны в первую очередь становиться предметом экспертной рефлексии. «Гуманитарная экспертиза строится относительно некоего нормативно-ценностного базиса, ее результаты релятивны и релевантны относительно этого базиса. Гуманитарная экспертиза всегда относительна и конкретна» (Тульчинский 2008: 47). Г.Л. Тульчинский усматривает ядро гуманитарной экспертизы в соотношении нормативно-ценностных комплексов различного уровня: национального, этнического, конфессионального, возрастного, профессионального. Однако, на наш взгляд, ограничение исключительно «отнесением к ценности» делает гуманитарную экспертизу неотличимой от этического обсуждения. Достаточно дискуссионным представляется утверждение цитируемого автора, сводящего специфику гуманитарной экспертизы к выявлению влияния психологических особенностей людей на социальные события и влияния социальных событий на психологические особенности людей (Тульчинский 2008: 46). Подобная психологизация экспертизы превращает ее в более или менее авторитетное суждение, основанное на определенных ценностных предпосылках, что лишает экспертное знание какой бы то ни было общезначимости и универсальности.

Абсолютизируя роль личностного фактора, цитируемый автор в буквальном смысле переворачивает соотношение социально-технологического и личностного в социальной практике. В его трактовке личностная ориентированность современных социальных технологий сводится к их гибкой подстройке под уникального индивида. Тульчинским справедливо подчеркивается гуманитарная зависимость функционирования современных экономических институтов:

персонал-ориентированные технологии менеджмента, индивидуализированный маркетинг, пиар, ориентированный на особенности восприятия целевой аудитории и т.п. Однако сущность социальных технологий, разработчики которых активно обращаются к услугам гуманитарной экспертизы, – в преобразовании своего объекта в соответствии с заранее заданным планом и критериями. Всякая технология (и гуманитарная не представляет здесь исключения) подстраивает, а не подстраивается. Экспертное знание здесь важно для уяснения специфики объекта преобразования, выработки индивидуализированного алгоритма воздействия на него.

Социогуманитарные технологии – это сложный, многоаспектный и амбивалентный феномен современности, тесно интегрированный в структуры информационного общества. Ставшую крылатой формулу К. Маркса из *Тезисов о Фейербахе* – «не просто объяснять, но изменять» окружающий мир, социогуманитарные технологии реализуют в различных целях и разнообразными способами.

Не все социогуманитарные технологии одинаково гуманны. Более того, дистанция между императивом эффективности и императивом гуманизма постоянно увеличивается. Как ни парадоксально, гуманитарные, отнюдь, не обязательно означают гуманные и конструктивные. Ключевым параметром технологии как таковой является эффективность; социогуманитарные технологии, ориентированные на моделирование поведения и сознания людей в определенном направлении, здесь не представляют исключения.

Суждение формата «источник всего разнообразия современного единого мира коренится в сердце каждой уникальной личности» (Тульчинский 2008: 47), несомненно, является выражением аксиологической позиции, но никак не форматом гуманитарной экспертизы. Трехединный характер гуманитарной экспертизы, исходящей не только из аксиологических, но и из научно-теоретических оснований и актуальных параметров и потребностей коммуникации (социального праксиса) является принципиальным для ее самоопределения и поддержания социального престижа на должном уровне.

Для уяснения категориальных и методологических оснований гуманитарной экспертизы принципиальным является позиция – что считать гуманитарностью? Слово «гуманитарный» используется «в двух смыслах, что нашло отражение» в словарях: 1) обращенность «к человеческой личности, к правам и интересам человека», 2) «относящийся к циклу наук о человек и культуре» (Туманов 2017: 107–108). Таким образом аксиологическо-сциентистский дуализм понятия «гуманитарная экспертиза» проявляется уже на уровне языка.

Уместным будет подробнее остановиться на ключевых для интерпретации природы гуманитарной экспертизы фигурах – заказчике и исполнителе экспертизы. Эксперт – это, как правило, специалист, который может посредством комбинации своих научных, моральных и коммуникативных компетенций восстановить недостающие звенья в теоретической либо аксиологической интерпретации практической проблемы.

Интересное предположение по поводу роли профессиональной интуиции и неэксплицированного знания высказывают В.И. Бакштановский и А.Ю. Со-

гомонов. По их мнению, квалифицированный специалист, эксперт способен реагировать на меньшее количество информации. Отличительная черта «экспертного метода» – комплексное, нерасчлененное, «антианалитическое» освоение ситуации. «Советуюсь с ученым как с экспертом, обращаясь к его мнению, мы рассчитываем прежде всего на его интуицию, профессиональная база которой позволяет ему дать нужную рекомендацию» (Бакштановский 1992: 193).

Г.Э. Тищенко актуализирует внимание на перспективах функционирования гуманитарной экспертизы как способа сохранения и поддержания множественности позиций в мультикультурном обществе и их открытого общественного диалога.

Важнейшим шагом на пути к некоторому общему решению в отношении сложнейших проблем, порождаемых научно-техническим и социальным прогрессом, является не сглаживание и игнорирование, а обнаружение различий и предоставление им возможности адекватно выразить свое содержание. Без выявления различий интересов и ценностей нельзя строить процедуры их согласования путем обсуждений (Тищенко 2008: 125).

В идее этического комитета как раз и предположена необходимость обсуждения различий и поиска согласованных решений. С учетом выявляемой сложности, различных интересов и позиций, граждане используют легитимные механизмы формирования коллективной воли для принятия морально обоснованного решения в форме закона, декларации принципов, административных норм и т.д. Важным представляется замечание цитируемого автора относительно принципиальной невозможности в гуманитарной экспертизе «окончательного решения»:

В каком-то смысле в идеологии гуманитарной экспертизы меняется сама идея «решения» проблемы. (...) Решение заключается в сложном движении мысли. Во-первых, в прояснении всей глубины и парадоксальности встающих проблем за счет мультидисциплинарного обсуждения. Во-вторых, в поиске таких идейно нейтральных «развязок», которые давали бы возможность каждому индивиду, оказавшемуся в ситуации выбора, поступить так или иначе именно в силу своих особых этических предпочтений. И, наконец, в сохранении и постоянном углублении самой проблемности (Тищенко 2008: 126).

По мнению автора, данный феномен незавершенности отражает идея гуманитарной экспертизы как длящегося мониторинга проблем, принятых решений и отслеживания отдаленных последствий.

«Оценочная» функция является, пожалуй, самой распространенной в дефинициях гуманитарной экспертизы. Так, С.В. Туманов, А.А. Оносов, Н.Е. Савина определяют гуманитарную экспертизу через оценку социальных процессов и способов их регулирования (Туманов 2017). Критериями оценки служит их соответствие актуальным общественным интересам и потребностям, и, что существенно, отдаленные социальные последствия того или иного решения. Таким образом, в гуманитарной экспертизе, кроме аксиологического критерия, оценочные функции выполняют критерии практической целесообразности. Важная роль в экспертной деятельности гуманитариев отводится также прогностическому критерию, позволяющему судить о вероятных последствиях, соотносить цели, средства и сопутствующие риски определенных решений

и действий. При этом представления о тенденциях, как правило, производны из определенных научно-теоретических представлений о природе и механизмах функционирования объектов, характере и направленности протекания в них интересующих экспертов процессов.

Внедрение гуманитарной экспертизы в управленческую практику на институциональной основе имеет все шансы не только повысить уровень этической ответственности, но и сделать решения, принимаемые кулуарно, предметом широкого общественного обсуждения. Подобное со-творчество, соответствующее духу коммуникативной рациональности, за счет введения дополнительных переменных и факторов не способствует ускорению и упрощению принятия управленческого решения, однако делает его более взвешенным и оптимальным.

Важнейшая миссия гуманитарной экспертизы состоит в том, чтобы исключить неизбежно ограниченную компетентность и субъективизм в сфере управления. Это средство повышения эффективности управленческих решений за счет прогностики и просчета эффектов относительно различных субъектов, чьи интересы затрагиваются. Таким образом, полноценная гуманитарная экспертиза специфицируется, во-первых, научной проработкой, во-вторых, служит местом общественной дискуссии в ситуации несовпадающих ценностей и интересов. За счет мультиагентного участия гуманитарная экспертиза обеспечивает многомерную оценку характера влияния и последствий управленческой и иной социально-проектной деятельности. За счет экспертного сообщества и заинтересованных представителей общественности не просто расширяется горизонт принятия управленческого решения, но и улучшается обратная связь, а значит, и демократичность решения, что обеспечивает его поддержку на местах.

Гуманитарная экспертиза вынуждена постоянно достигать внутреннего баланса между своими основными составляющими – научным, аксиологическим и практическим компонентами. В ходе центрального для экспертизы процесса оценивания должно быть достигнуто равновесие между авторитетом научного видения проблемы и установками, желаниями, тревогами, ценностями рядовых обывателей. Третьим неотъемлемым фактором служит императив эффективности (соотношение социальных издержек и позитивного эффекта).

Аксиология тесно переплетена с культурными и социальными контекстами, которые, в принципе, не могут быть единообразными и однозначными. Цель науки – получение нового знания, цель научной экспертизы – оценка объекта с применением имеющихся в распоряжении науки объяснительных схем. Экспертиза с позиций науки предполагает применение отвечающих критериям научности инструментов, а также научную конвертируемость выводов. Очевидно, что внедрение научного знания в практику способствует его приросту, некоторые научные представления могут быть уточнены, или, напротив, подвергнуты сомнению. Однако этот принцип не работает в случае экспертной процедуры по аксиологическим основаниям. Здесь гуманитарная экспертиза – это не столько отнесение к знанию, сколько отнесение к ценности, установка определенной корреляции между знанием и ценностью.

Эксперт, по своей сути, – это профессионал, умеющий найти общее в частном и потому адекватно оценивающий это частное. (...) специфическая задача экспертизы – служить своеобразным «мостом», одним из «связующих звеньев» между наукой и общественной практикой (Туманов 2017: 100).

К гуманитарной экспертизе зачастую прибегают в случае острой разбалансированности, противоречия между управленческими целями, массовыми ожиданиями и желаниями общественности и алгоритмами действия, дедуцируемым из научных теорий. При этом на практике последнее слово зачастую остается за ценностными предпочтениями эксперта.

Парадокс экспертизы состоит в том, что субъективное мнение и оценка эксперта, отобранного по профессиональным критериям, благодаря его более объемному и глубокому видению оказываются более объективными, то есть приближенными к реальности, чем согласованное мнение множества рядовых представителей популяции (Иванченко 2008: 38).

Однако привилегированная позиция профессионала-эксперта разделяется далеко не всеми исследователями: «Оформилась и новая антиномия: экспертиза как профессиональные суждения специалистов или как мнение любого и всех» (Бакштановский 1992: 191).

Особого внимания и настороженности заслуживает феномен симуляции гуманитарной экспертизы, когда мнения специалистов привлекаются исключительно для придания большей легитимности уже реализуемому проекту/решению. Это означает подчинение экспертной деятельности не поиску оптимального решения и просчитыванию его системных последствий, а идеологическим и прочим утилитарным целям. Коммерческие перспективы гуманитарной экспертизы могут быть весьма привлекательными, но при этом потребность в гуманитарной экспертизе будет фактически определяться ее симуляцией, как пророчески отмечал советский исследователь А.Б. Франц еще в начале 90-х годов (Франц 1992: 213). «Убедительно симулированная наука, преподнесенная достаточно артистично, с подобающим оптимизмом, необходимой долей уверенности в успехе в обозримом будущем непременно будет вызывать симпатии и пользоваться спросом» (Франц 1992: 214).

Гуманитарная экспертиза в рыночных условиях не может полностью избежать коммодификации. Привлекательные гуманистические интенции индустриальной цивилизации, связанные с самооценностью человека, свободой, творческим началом – вот та почва, на которой взошли побеги гуманитарной экспертизы (Франц 1992: 214). В историческом ракурсе цитируемый автор выделяет «три источника и три составные части» гуманитарной экспертизы на постсоветском пространстве. Это западная индустриальная социология и психология, институт изучения общественного мнения и уходящее корнями в советскую идеологию убеждение, что «все во имя человека и для блага человека» (Франц 1992: 210).

Очевидно, что оценивающий характер экспертизы во многом зависит от того, из каких установок, концепций, мировоззрений исходит эксперт. «Подлинная гуманитарная экспертиза должна опираться на некий глобальный проект че-

ловческой истории, только из перспективы которого возможно принятие по-настоящему экспертных решений» (Моисеев 2009: 151). Для иллюстрации данного суждения возьмем, например, экспертную деятельность, направленную на выявление признаков оскорбления чувства верующих в современной России. А что, если установки не совпадают в силу различия культурных, социальных, идеологических предпочтений экспертов, у каждого из которых своя правда? Следует ли согласиться с утверждением о том, что «гуманитарная экспертиза, включающая анализ интересов человека и социума, не должна претендовать на статус истинности, не может носить характер однозначной оценки» (Туманов 2017: 109)?

Вариативность социальных и культурных позиций различных агентов, вариативность аксиологических систем и культурных канонов, вариативность концептуальных оснований самой экспертизы в полной мере охватывает методологическую специфику гуманитарного познания, одновременно понимающего и оценивающего отношения к действительности. Гуманитарная экспертиза оперирует определенными культурными смыслами и идеями и направлена на смысловой уровень социокультурной действительности в качестве своего основного предмета. Гуманитарная экспертиза – это попытка пролить свет на извечную проблему исследователей социальной реальности: что происходит и что за этим кроется. Ее задача – предложить авторскую, подкрепленную теми или иными авторитетами интерпретацию фактов, эксплицировать смысл и значение происходящего применительно к антропологическому, психологическому, социальному бытию человека.

Говоря о современном статусе и перспективах гуманитарной экспертизы, нельзя не отметить увеличение дистанции между гуманностью и гуманитарностью в первую очередь благодаря обозначившейся тенденции системного воспроизводства социогуманитарных технологий. На сегодняшний день специфику социальной реальности определяют не только информационно-коммуникационные технологии, но и технологии, использующие информационно-коммуникативные, когнитивные, психологические и прочие гуманитарные разработки для воздействия на индивида и социальные общности.

Информационно-технологическая революция через соответствующую инфраструктуру послужила катализатором экспоненциального расширения масштабов проектирования и распространения социально-гуманитарных технологий, направленных на изменение сознания и поведения людей посредством специальным образом организованного информационного воздействия. Через регламентацию, алгоритмизацию и рефлексивный контроль механизмов влияния обеспечивается их адресность и контролируется эффективность. Обилие информационных средств и сред, глубина их интеграции в жизнь современного человека многократно усиливает возможности социально-инженерного воздействия. Объектом воздействия социальных технологий становятся не только деятельность и поведение, но и мышление, эмоции, чувства, симпатии и антипатии как индивидов, так и социальных общностей в целом. Конвергенция экспоненциально возрастающих информационно-коммуникационных технологий с эффективными средствами когнитивного, психологического, идеологическо-

го, аффективно-эмоционального воздействия актуализирует задачу междисциплинарного изучения и оценки феномена социогуманитарных технологий во всем многообразии сфер их применения, привлекаемых инструментов и реализуемых целей.

Коммодификация человекомерных технологий служит движущей силой развития экспертной деятельности в данном направлении. Очевидно, что при коммерческом использовании фактор эффективности выходит на первый план, а ценностный и научный выполняют инструментальные функции. Сфокусированная вокруг подобных прагматических целей экспертиза с необходимостью оказывается редуцированной именно рамками «заказа». Назначение ее продуктов – улучшение действующих технологий и конструирование новых. Практичность и эффективность здесь выступают и как критерии истины, и как критерии блага. Это одновременно вызов и источник новых возможностей для гуманитарной экспертизы.

Гуманитарная экспертиза сегодня – это возможность критического осмысления социотехнологической реальности, ориентированной на максимизацию использования человеческого капитала. «Развенчивание ремифологизированного мира современной культуры (...) и есть та предельная функция гуманитарного эксперта» (Соколовский 1992: 163).

Как было показано выше, гуманитарная экспертиза функционирует в двух ипостасях – как критик и как хранитель традиционных принципов гуманизма. Так, Б.Г. Юдин говорит о гуманитарной экспертизе как социальной практике, сутью которой является «защита человека в той мере и в тех ситуациях, когда он подвергается воздействию (...) многочисленных новых технологий, включая технологии социальные» (Юдин 2008: 150). Однако «будущее, которое уже началось», помимо традиционных консервативной и критической позиции, актуализирует социальный запрос на проективное содержание гуманитарной экспертизы – альтернативные аксиологические и коммуникативные стратегии, способствующие гуманизации социальной практики.

Библиография

- Bakštanovskij, V.I., Sogomonov, A.Ū. (1992). *«Demokratičeskââ èkspertiza»: vybor po Buridanu. V: Gumanitarnaâ èkspertiza: vozmožnosti i perspektivy: sbornik naučnyh. trudov.* Rossijskââ akademiâ nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut problem osvoeniâ Severa, Centr prikladnoj ètiki. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie: 191–210 [Бакштановский, В.И., Согомонов, А.Ю. (1992). «Демократическая экспертиза»: выбор по Буридану. В: Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы: сборник научных трудов. Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт проблем освоения Севера, Центр прикладной этики. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение: 191–210].
- Bogomâkov, V.G. (1992). *Smysl gumanitarnoj èkspertizy. V: Gumanitarnaâ èkspertiza: vozmožnosti i perspektivy: sbornik naučnyh. trudov.* Rossijskââ akademiâ nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut problem osvoeniâ Severa, Centr prikladnoj ètiki. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie: 109–128 [Богомяков, В.Г. (1992). Смысл гуманитарной экспертизы. В: Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы: сборник научных трудов. Российская академия наук,

- Сибирское отделение, Институт проблем освоения Севера, Центр прикладной этики. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение: 109–128].
- Franc, A.B. (1992). *Kto zakažežt ěkspertizu? V: Gumanitarnaâ ěkspertiza: vozmožnosti i perspektivy: sbornik naučnyh. trudov.* Rossijskaâ akademiâ nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut problem osvoeniâ Severa, Centr prikladnoj ětiki. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie: 210–215 [Франц, А.Б. (1992). *Кто закажет экспертизу? В: Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы: сборник научных трудов.* Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт проблем освоения Севера, Центр прикладной этики. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение: 210–215].
- Ivančenko, G.V., Leont'ev, D.A. (2008). *Kompleksnaâ gumanitarnaâ ěkspertiza: metodologiâ i smysl.* Moskva: Smysl [Иванченко, Г.В., Леонтьев, Д.А. (2008). *Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл.* Москва: Смысл].
- Leont'ev, D.A., Tul'činskij, G.L. (2018). Ěkspertiza kak gumanitarnaâ metodologiâ i praktika: kruglyj stol «Ot psiholingvističeskoj k kompleksnoj gumanitarnoj ěkspertize». *Filosofskie nauki*, 2: 120–140 [Леонтьев, Д.А., Тульчинский, Г.Л. (2018). Экспертиза как гуманитарная методология и практика: круглый стол «От психолингвистической к комплексной гуманитарной экспертизе». *Философские науки*, 2: 120–140]. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-120-140.
- Moiseev, V.I. (2009). *Global'no-strategičeskij kontekst problemy gumanitarnoj ěkspertizy innovacionnyh projektov. V: Bioětika i gumanitarnaâ ěkspertiza: kompleksnoe izučenie čeloveka i virtualistika.* Т. 3. Moskva: Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk, 139–155 [Моисеев, В.И. (2009). *Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов.* В: *Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика.* Вып. 3. Москва: Институт философии Российской академии наук: 139–155].
- Sokolovskij, S.V. (1992). *Figura gumanitarnogo ěksperta v sovremennoj kul'ture. V: Gumanitarnaâ ěkspertiza: vozmožnosti i perspektivy: sbornik naučnyh. trudov.* Rossijskaâ akademiâ nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut problem osvoeniâ Severa, Centr prikladnoj ětiki. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie: 156–167 [Соколовский, С.В. (1992). *Фигура гуманитарного эксперта в современной культуре.* В: *Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы: сборник научных трудов.* Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт проблем освоения Севера, Центр прикладной этики. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение: 156–167].
- Tišenko, G.Ě. (2008). Ugroza množestvennosti i ideâ gumanitarnoj ěkspertizy. *Bioětika i gumanitarnaâ ěkspertiza*, 2: 102–128 [Тищенко, Г.Э. (2008). Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы. *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*, 2: 102–128].
- Tul'činskij, G.L. (2008) Gumanitarnaâ ěkspertiza kak social'naâ tehnologiâ. *Vestnik Čelâbinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*, 2: 38–52 [Тульчинский, Г.Л. (2008). Гуманитарная экспертиза как социальная технология. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2: 38–52].
- Tumanov, S.V., Onosova, A.A., Savina, N.E. (2017). Gumanitarnaâ ěkspertiza: teoretičeskie podhody i praktiki ih realizacii. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seria 7: Filosofiâ*, 5: 107–108 [Туманов, С.В., Оносова, А.А., Савина, Н.Е. (2017). Гуманитарная экспертиза: теоретические подходы и практики их реализации. *Вестник Московского университета, Серия 7: Философия*, 5: 107–108].
- Ūdin, B.G. (2008). Tehnonauka, čelovek, obšestvo: aktual'nost' gumanitarnoj ěkspertizy. *Vek globalizacii*, 2: 146–154 [Юдин, Б.Г. (2008). Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы. *Век глобализации*, 2: 146–154].



ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

НАТАЛЬЯ ЛАЗАРЕВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии

Центр социально-философских и антропологических исследований

ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь

e-mail: natalazarevich@tut.by

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2095-5608>

(получено 24.09.2019; принято 3.10.2019)

Abstract

Existential-Ecological Dimension of the Restricted Human Existence

This paper reviews the content and methodological significance of the theory of existentialism, which allows to characterize the conditions of human activity and subjective assessments of these conditions regarding modern socio-ecological development. It is shown that threats and dangers exacerbate the feeling of unreliability and uncertainty of human existence in the world (this was clearly demonstrated by the tragedy at the Chernobyl nuclear power plant).

Key words: existence, ecology, personality, human being, tragedy

Резюме

В статье рассматриваются содержание и методологическое значение теории экзистенциализма, позволяющей охарактеризовать условия жизнедеятельности человека и субъективные оценки этих условий применительно к современному социально-экологическому развитию. Показано, что угрозы и опасности обостряют чувство ненадежности и неуверенности бытия человека в мире

(наглядно это продемонстрировала трагедия на Чернобыльской атомной станции).

Ключевые слова: экзистенция, экология, личность, человеческое бытие, трагичность

Общеизвестно, что экзистенциализм как учение возник в конце 20-х годов XX века в виде «философии существования», которая обратилась к проблеме критических, кризисных ситуаций человеческого бытия. Наиболее известными ее представителями являются М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр. Экзистенциализм рассматривает человека преимущественно в состоянии «переживания» жестоких, критических, выходящих за пределы обыденного состояния ситуаций. В центре внимания данного учения ставятся индивидуальные смысложизненные вопросы вины и ответственности, принятия решений и выбора, отношения человека к своему призванию и к смерти. Это течение в философии справедливо называется «философией кризиса». Трагические события XX века – войны, поражения в них, многочисленные жертвы, послевоенные экономические кризисы – породили у населения пессимизм и разочарование и обнажили хрупкость, неустойчивость всякого человеческого существования, не только индивидуального, но и родового, общеисторического.

Представление о смерти как о самоочевидной абсолютной границе любых человеческих начинаний занимает в «философии существования» важное место. Осознавая смертность, человек должен ценить все то, что напоминает ему о суетности его практических начинаний. Это открывается человеку в пограничных ситуациях – «безвыходных», жизненных предельных обстоятельствах (смерть, потеря близких). По Ясперсу, эти ситуации – «шифр» человеческого существования в мире. Нередко экзистенциалисты рассматривают человека как «заброшенного», вовлеченного в ту или иную историческую ситуацию. В «Философской автобиографии» Ясперс свое восприятие подобных ситуаций выразил в следующих формулировках:

В 1914 году историческая почва заколебалась. Все, что в течение долгого времени казалось нам устойчивым, было поставлено под удар. Мы ощутили, что вовлечены в неудержимый, непредвидимый процесс. Лишь с этого времени наши поколения почувствовали себя заброшенными в поток катастрофических событий (Ясперс 2006: 294).

Осознание человеком того обстоятельства, что он стихийно вовлечен в ту или иную историческую ситуацию, должно ставить человека, как подчеркивает Ясперс, в правильное отношение к историческому процессу. Человек должен заглядывать в будущее не с надеждой «получить» жизненные цели (они уже имеются у него, как и убеждения), а затем, чтобы понять, в какой обстановке он будет отстаивать себя как личность. Так, врач отправляется в неизвестную местность к больному, несмотря на возможные опасности, движимый осознанием своих человеческих обязанностей.

Экзистенция чаще трактуется как некая судьба-призвание, которой человек беспрекословно, стоически подчиняется. В глубоко религиозных обществах это стремление удовлетворяется верой в Бога. По мере утраты веры в Бога ее место занимает вера в разум, социальные устои. В периоды кризисных ситуаций (войны, поражения, природные катастрофы, эпидемии) человек теряет эту свою опору. Не имея трансцендентной опоры, он впадает в житейский страх (*Frust*). Страх калечит человека, заставляя его тешиться иллюзиями, пророчествами, обещаниями социальных демагогов.

Идеи экзистенциальной философии давно перешагнули казавшийся барьер абстрактности и замкнутости на себя. Они рельефно присутствуют в анализе и оценках современных антропных характеристик экологического кризиса. Последний нередко обуславливает ситуативные проблемы, обостряющие экзистенциальную сущность человеческого поведения. Российский психолог Л.П. Гримак делит кризисные ситуации, окружающие современных людей, (сюда могут быть отнесены и экологические) на два типа в зависимости от того, какую возможность они оставляют для человека в будущем.

Кризис первого типа представляет собой серьезное потрясение, сохраняющее определенный шанс выхода на прежний уровень жизни. Ситуация второго типа – собственно кризис – бесповоротно перечеркивает имеющиеся жизненные замыслы, оставляя в виде единственного выхода из положения модификацию самой личности и ее смысла жизни (Гримак 1989: 191).

Критические ситуации в самом общем виде можно характеризовать как ситуации, порождающие дефицит смысла в дальнейшей жизни человека. Современная психологическая наука различает четыре ключевых понятия, которыми можно описать жизненные критические ситуации. Это понятия стресса, фрустрации, конфликта и собственно кризиса. Усмотреть четкую границу между этими понятиями не всегда удастся. Ряд проблем, вызывающих такую критическую ситуацию, встают перед человеком зримо (например, изменения климата в результате нарушения баланса в биосфере, природных условий существования и т.п.). Другие проблемы человеческими органами не фиксируются (например, повышенная радиация). Ориентация может быть только на приборы, которые регистрируют и показывают степень опасности («приборное мышление»).

Все эти проблемы непросто входят в быт и сознание людей. При разворачивании экологической драмы человеческая суть обнажается предельно быстро, всякая завуалированность снимается. Так, во время ликвидации последствий Чернобыля поступки людей, принимавших в этом участие, раскрывали внутреннюю сущность каждого. Вот как об этом пишет украинский писатель и публицист Ю. Щербак:

Вспышка над Чернобыльской атомной ослепительным светом своим высветила добро и зло, ум и глупость, искренность и фарисейство, сочувствие и злорадство, правду и ложь, бескорыстие и алчность – все человеческие пороки и добродетели, упрятанные в душах (Щербак 1987: 45).

Я. Коломинский, анализируя последствия аварии на ЧАЭС, справедливо утверждает, что отрицательные показатели здоровья определяются не только

прямым воздействием радиации, но и влиянием сложного комплекса микро- и макросоциальных последствий. Он объясняет это отсутствием специальных органов, регистрирующих радиацию, оценка которой осуществляется человеком косвенно (эмоционально-когнитивно, эмоционально-информационно). Фактором стрессогенного воздействия является также длительность и постоянство воздействия, что, с одной стороны, усиливает радиофобию, с другой, создает иллюзию привыкания.

Стрессогенные воздействия оказывают травмирующее влияние на психику всех возрастных групп, подкрепляясь противоречивой информацией, неясностью жизненных перспектив. В сознании человека возникает субъективный образ радиационной угрозы, под влиянием которой складывается особый симптомокомплекс, представленный в сознании человека в виде образа: «Я – Чернобылец». Личность с таким деформированным самоотношением обнаруживает признаки психологии жертвы: пассивное отношение к жизни, неуверенность в своих силах, ожидание помощи со стороны. Нередко это приводит к вседозволенности, отклоняющемуся поведению, алкоголизму (Коломинский 1993).

Специальные исследования обнаружили большую распространенность психологических и невротических расстройств у жителей зон жесткого контроля – повышение ситуационной и личной тревожности, депрессия, апатия, психическая дезадаптация, которая проявляется в чувстве незащищенности, постоянном беспокойстве за состояние здоровья – своего и своих детей. В значительном числе случаев отрицательные эмоциональные состояния переходят в стойкие невротические и нервозоподобные расстройства и психические заболевания. На поведенческом уровне проявляются недоброжелательность, раздражительность, агрессивность. Один из крупных представителей христианского экзистенциализма Марсель, оценивая подобные состояния людей, для которых прежний их мир, быт оказался разрушенным, указывает, что разбитому, расколотому миру соответствует расколотый человеческий внутренний мир (Марсель 2005).

В особенности страдает психика детей. Изменения привычного образа жизни, многочисленные запреты заставляют ребенка воспринимать окружающую природу – лес, речку, траву и т.д. – как источник грозной, хотя и непонятной опасности. В настоящее время, когда участились террористические акты, к этому добавилась боязнь брошенных вещей, пакетов – в них может скрываться взрывное устройство. Имеют место существенные сдвиги в познавательной, интеллектуальной, эмоционально-волевой и личностно-характерологической сферах. Почти во всех исследованиях отмечаются отрицательные явления в области общения со сверстниками и взрослыми, а также криминализация поведения подростков и юношей.

Полученные результаты позволили выдвинуть гипотезу о том, что у детей, находившихся в момент Чернобыльской аварии на прилегающих территориях, проявляется тенденция к снижению темпов интеллектуального развития. В это же время подтвердилось предположение о том, что умственное развитие дошкольников прямо зависит от социокультурных условий и опосредовано эко-

логическими или биологическими факторами, если влияние радиации не превышает значимых для организма пороговых величин.

Исследование эмоциональной сферы подростков, проживающих в зоне радиоактивного загрязнения (под рук. Л. Рожиной), выявило симптомы посттравматического стресса. Результаты контент-анализа сочинений и высказываний позволяют говорить о наличии у подростков симптомов «позиции жертвы» и элементов аутодеструктивного поведения. «Позиция жертвы» выражается в идеализации ситуации до аварии; обвинении в недостаточности или полном отсутствии необходимой помощи; убежденности, что такая помощь обязательна; отсутствии осознанной ответственности за свое настоящее и будущее. Признаки аутодеструктивного поведения проявились в ограничении предполагаемой продолжительности жизни, преобладании отрицательных жизненных перспектив и отсутствии у большинства подростков конкретных планов на будущее. К выпускному классу становится больше школьников с астеническим типом эмоционального профиля. Последнее обстоятельство свидетельствует о дезадаптации части подростков к изменившимся условиям жизни (Рожина 2003).

По данным украинских исследователей, у детей 13–15 лет из зоны усиленного радиационного контроля обнаружены трудности социальной адаптации, конфликтность и агрессивность (98% обследованных), эмоциональная незрелость (67%), тревожность, «потеря корней» (56%), отмечается чувство отчужденности и отверженности. Характерны также неуверенность в общении, боязнь насмешек, чрезмерная резкость и протест как способ защиты, беспредметная озабоченность, неудовлетворенность отношениями в семье и школе. Отмеченные черты нередко сочетаются у подростков с повышенным самомнением и эгоцентризмом (Рожина 2003).

В регионе с более сложной экологической обстановкой зафиксировано увеличение количества конфликтов старшеклассников с учителями. По сравнению с фоновым регионом это различие статистически значимо. При анализе особенностей поведения школьников Чернобыльского региона в конфликтных ситуациях отмечена тенденция к увеличению таких способов поведения, как «соперничество» и «избегание». Кроме того, на статистически достоверном уровне выявлено снижение реакции по типу «приспособление». Видимо, это свидетельствует об определенной социально-психологической адаптации старшеклассников, проживающих в условиях длительного воздействия малых доз радиации.

Представленная далеко неполная картина психологических последствий Чернобыльской аварии позволяет сделать два главных вывода. Во-первых, наблюдения и исследования свидетельствуют о том, что эти последствия, несомненно, существуют, и на данном этапе трудно предсказать, какими будут отдаленные результаты изменений в психике взрослых и особенно детей. Во-вторых, уже то, как справедливо заметил Коломинский, что мы знаем о «психическом Чернобыле» сегодня: к сожалению, становятся привычным утверждения о том, что стрессогенные воздействия, о которых шла речь, обусловлены результатами экологического кризиса, последствиями его внутриличностных восприятий

и переживаний. Изменения привычной жизненной обстановки, «особенно те из них, которые могут быть неблагоприятными для индивидуума, вызывают у него внутренние переживания, опасения и нарушение покоя» (Коломинский 1993: 118). Это, в свою очередь, приводит к изменению самого характера поведения личности.

Наиболее опасными для жизни и здоровья человека ученые признают наличие высокой концентрации негативных эмоций, разрушающих его психику. Эти эмоции могут быть направлены как на окружающих, так и на самого человека. Они не проходят бесследно, а, накапливаясь, зачастую приводят к нарушению душевного равновесия – стрессу. Канадский врач и физиолог Г. Селье выдвинул и блестяще доказал гипотезу общего адаптационного синдрома, от которого перешел к универсальному объяснению стресса (Селье 1979). Современные исследования подтверждают, что стресс – это физическое, психическое и эмоциональное напряжение, способное постепенно накапливаться и выливаться в виде приступов агрессии, нервных расстройств, серьезных психологических заболеваний.

У каждого человека есть барьер психической адаптации, причем он строго индивидуален. В нормальной жизненной ситуации человек должен справляться со стрессом, когда ему удастся примириться с обстоятельствами или устранить причину стресса. В обратном случае умение приспособливаться значительно снижается или пропадает, в результате чего появляется нарушение психики. Любая новая жизненная ситуация является потенциально стрессовой, но далеко не каждая из них бывает критической. Критические ситуации вызывают дистресс, который на экзистенциальном уровне переживается как горе, несчастье, собственная незащитность и беспомощность, законченность бытия и т.п. и сопровождается нарушением адаптации, контроля, характеризуется избытком эмоционального напряжения. Ситуационно обусловленные эмоциональные переживания самым непосредственным образом сказываются не только на психическом, но и на физическом здоровье, способствуя укреплению или разрушению последнего.

Это определено функциями эмоций, сформировавшимися еще в филогенезе. Экологическое значение эмоций – в оценке обстановки и немедленной «подготовке» организма приводит к реакции, соответствующей данной ситуации. Однако у человека эти общебиологические моменты специфицируются социальным способом его бытия. Здесь имеет место биологический уровень эмоционального реагирования: не теряя своей реальной регулятивной функции, он вовлекается одновременно в специфически человеческие формы чувственности, опосредуясь и преобразуясь последними. Состояние эмоционального стресса представляет собой реакцию, запрограммированную еще в природной организации человека. Биологическое назначение данной реакции состоит в мобилизации всех ресурсов организма с одновременной максимальной мышечной деятельностью, направленной на преодоление возникшего препятствия или жизненно опасной угрозы.

Развитие организма на протяжении его жизни (витальный цикл) характеризуется двумя важнейшими программами. Одна отражает преимущественно

социальные деяния данного человека. Вторая – его биологическое назначение. Следовательно, одной из особенностей эмоциональных переживаний является то, что они одновременно охватывают как глубинные слои биологического уровня регуляции жизнедеятельности, так и высшие этажи тончайших социальных чувств. Сочетание этих двух программ может быть либо контрастным, либо гармонизированным. Как правило, нездоровая экологическая обстановка нарушает обе программы. Соотношение социальности человека с телесными (организменными) основами его бытия опосредуется и одновременно интегрируется психологическими структурами личности. В соответствии с этим в рамках общего концептуального и биологического вычленяются биопсихический и социопсихический уровни детерминации поведения, где в качестве одного из важнейших звеньев выступает эмоциональная сфера. Поскольку эмоциональное представляет собой относительно самостоятельную (и интегративную) составляющую психики, эмоциональными реакциями опосредуются многие внешние воздействия условий существования и внутренние природные структуры человеческого индивидуума. Такой эмоциональной реакцией может быть, например, агрессия.

В работах психоаналитиков Р. Барона, Д. Зилманна, Дж. Карлсемита, К. Мюллера и других проводится идея о том, что агрессия никогда не возникает в вакууме и что ее существование во многом обусловлено некоторыми аспектами окружающей естественной среды, которые «провоцируют» возникновение и влияют на форму и направление ее проявлений (Румянцева 1991). Среди таких стрессоров они выделяют 1) физические, к которым относят шум, жару, загрязнение воздуха и т.д.; 2) межличностные, включающие в себя территориальное вмешательство, высокую плотность проживания людей. Однако лабораторный эксперимент и многочисленные социологические наблюдения показывают, что эти стрессоры не всегда производят одни и те же эффекты (например, агрессию). Стрессоры среды не увеличивают прямо и однозначно степень агрессивности. Они могут влиять на нее лишь в том случае, когда: а) индивид был как бы заранее предрасположен к агрессии; б) нарушается способность личности к адекватной переработке получаемой ею информации.

Чаще происходит процесс адаптации. Адаптация является важнейшим эволюционно-динамическим процессом приспособления организмов к изменяющимся условиям среды. Адаптация есть динамическое состояние (процесс) сохранения и развития оптимальных взаимодействий организма с неадекватной средой, гарантирующее выполнение жизненных, витальных целей. Так, биологи при описании агрессии акцентируют внимание, главным образом, на ее целях и функциях – адаптивных и неадаптивных; нейрофизиологов интересуют механизмы нервной регуляции, лежащие в основе этого явления; психиатры собирают данные о деструктивных последствиях воздействия агрессии на психику; социологи занимаются рассмотрением того, как общественные условия порождают и поддерживают это явление.

Идеи экзистенциальной философии давно перешагнули казавшийся барьер абстрактности и замкнутости. Они рельефно присутствуют в анализе и оценке современного экологического кризиса. Существует безусловная связь между

идеей существования и перспективой глобальной катастрофы. Эта связь получила новое звучание в работах Н. Моисеева и К. Сагана. Исследования под их руководством показали, что биосфера отнюдь не беззащитна. До определенного времени ее реакция незаметна для нас. Однако критический уровень изменений приводит к тому, что биосфера отвечает таким изменением условий существования, при котором жизнь человечества становится невозможной и может произойти его исчезновение как вида. Такая реакция биосферы получила название «экзистенциальная защита биосферы». Моисеев и Саган вскрыли обратную реакцию биосферы.

Если зло, направленное против биосферы, достаточно велико, то биосфера отвечает как бумеранг. Действует уже не совесть, а непреложный автоматизм обратной реакции на зло. И на основе этой обратной связи меняется все наше отношение к свободе выбора человека между добром и злом (Моисеев 1990: 56).

Следовательно, на уровне биосферы существует связь между чисто субъективными, идеальными процессами, происходящими внутри сознания человека в области нравственности, и объективными, материалистическими процессами, происходящими в окружающей среде. Люди начали понимать, что существует «допустимый порог» в воздействии технологии и производительных сил на окружение и во взаимоотношениях между человеком и природой. «Человек должен осознавать, что существует порог, за которым нет пути назад, поскольку эволюция может следовать новыми, неизведанными путями, где нет ни разума, ни самого человека» (Моисеев 1990: 56).

Таким образом, человек формирует определенные программы взаимодействия с внешней средой, которые всецело выступают регулятором его практической деятельности. Экзистенциальный опыт переживания человечеством критичности своего бытия должен быть направлен на изменение сложившихся стереотипов мышления, подчинив их объективным законам социоприродной коэволюции.

Библиография

- Åspers, M. (2006). *Vvedenie v filosofiû: filofskaâ avtobiografiâ*. Moskva: Kanon+ROOI «Reabilitaciâ» [Ясперс, М. (2006). *Введение в философию: философская автобиография*. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация»].
- Grimak, L.P. (1989). *Rezervy ÷eloveĉskoj psihiki: vvedenie v psihologiû aktivnosti*. Moskva: Politizdat [Гримак, Л.П. (1989). *Резервы человеческой психики: введение в психологию активности*. Москва: Политиздат].
- Kolominskij, Å. (1993). Psihologiĉeskie posledstviâ avarii na ĈAËS. *Nabat*, 9: [Коломинский, Я. (1993). Психологические последствия аварии на ЧАЭС. *Набат*, 9: 110–121].
- Marsel', G. (2005). *Metafiziĉeskij dnevnik*. Sankt-Peterburg: Nauka [Марсель, Г. (2005). *Метафизический дневник*. Санкт-Петербург: Наука].
- Moiseev, N.N. (1990). *Ĉelovek, priroda i buduŝee civilizacii: «âdernaâ zima» i problema «dopustimogo poroga»*. Moskva: Polytyzdat [Моисеев, Н.Н. (1990). *Человек, природа и будущее цивилизации: «ядерная зима» и проблема «допустимого порога»*. Москва: Политиздат].

- Rožina, L.N. (2003). *Razvitie emocional'nogo mira ličnosti*. Minsk: Vyšejšaja škola [Рожина, Л.Н. (2003). *Развитие эмоционального мира личности*. Минск: Высшая школа].
- Rumanceva, T.G. (1991). *Agressiâ: problemy i poiski v zapadnoj filosofii i nauke*. Minsk: Universitetskoe [Румянцева, Т.Г. (1991). *Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке*. Минск: Университетское].
- Sel'e, H. (1979). *Stress bez dystressa* Moskva: Prohress [Селье, Г. (1979). *Стресс без дистресса*. Москва: Прогресс].
- Šerbak, Ū. (1987). Černobyl'. *Ūnost'*, 7: 45 [Шербак, Ю. (1987). Чернобыль. *Юность*, 7: 5–105].



ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В РАКУРСЕ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
Центр философии литературы и эстетики
ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь
e-mail: valery.maximovich@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9062-6984>
(получено 24.09.2019; принято 1.10.2019)

Abstract

Creativity of the Individual from the Perspective of Semantic Identification

The creative potential of the individual as a cultural subject is considered in the context of communicative-dialogue strategies and modern interpretative practices related to decoding the semantic continuum of the work of culture. The author believes that the presence of various meaning-generating projections and relationships allows the problematic semantic field of the presented discourse to expand and opens the way to numerous interpretations of its contextual, in-text matrix, and to the identification of a paradigm hierarchy of artistic meanings.

Key words: creative potential, communication, interiorization, decoding, cultural matrix, work of culture

Резюме

Творческий потенциал личности как субъекта культуры рассматривается в контексте коммуникативно-диалоговых стратегий и современных интерпретационных практик, связанных с декодированием смыслового континуума произведения. Последовательно проводится мысль, что наличие разнообразных смыслопорождающих проекций и отношений позволяет расширить проблемное смысловое поле представленного дискурса и открывает путь к многочисленным интерпретациям его контекстуальной, внутритекстовой матрицы, к выявлению парадигмальной иерархии художественных смыслов.

Ключевые слова: творческий потенциал, коммуникация, интериоризация, декодирование, культурная матрица, культуротворчество

Творческий потенциал личности, несомненно, можно отнести к особому социальному феномену, главные характеристики которого напрямую сопряжены с активно преобразующим отношением к миру, с готовностью творить духовное пространство своего бытия, генерировать нестандартные идеи и подходы к решению задач, требующих особой внутренней сконцентрированности и сосредоточенности. Совершенно ясно, что формирование внутренних духовно-творческих интенций и качеств не происходит самопроизвольно, хаотично. Творчески-интеллектуальная составляющая предполагает наличие определенных мировоззренческих и духовно-нравственных доминант (в том числе генетически, психологически заданных параметров), которые получают свое развитие, самосовершенствуются в ходе индивидуального и исторического становления, духовного роста, в процессе социальной коммуникации, неразрывно связанной с усвоением духовных атрибутов предшествующих поколений и актуальной современности. В процессе духовного становления человек овладевает миром культуры, при этом социальное окружение выступает необходимым условием и предпосылкой структурирования определенного культурного континуума.

Благодаря целеполаганию человека мыслящего, творческого и формируется истинное содержание культуры. Интеллектуалы, внутренне мотивированные на совершенствование условий существования, имеют дело не с усредненностью коллективного труда, а, прежде всего, с единичными и уникальными явлениями культуригенеза. В данном случае разговор идет не только о степени и уровне социально усвоенных (и присвоенных) общественных норм, канонов, стандартов, традиций, которые отнесены в разряд системоцентрирующих, но и необходимом обновлении их качественных характеристик, более того, формировании принципиально новых явлений, структур, отдельных артефактов с содержательно и качественно новыми характеристиками. Строго говоря, творчество как реализация интеллектуального и духовно-нравственного потенциалов самым непосредственным образом связано с созиданием, с творением, с возможностью выхода в новое социокультурное, ценностно-духовное измерение.

Причем творчество в этом смысле понимается как особого типа деятельная активность, обусловленная внутренним интеллектуальным потенциалом пассивного типа личности, движимого собственной природой и субстанциальной сущностью, заложенной в его генезис в качестве феномена особой – культуротворческой – действительности. Иными словами, оно, творчество, является не только условием и одновременно промежуточным результатом антропокультурогенеза, но и достаточно продуктивной формой обнаружения, раскрытия генетически продуцированных предрасположенностей, способностей, таланта. В этой связи процесс интериоризации, усвоения социокультурных моделей предполагает изменение или приращение ценностно-смысловых рядов и семантических полей культуры. Это представляется возможным в случае не механистического, на уровне подсознательных рефлексий и восприятий, а достаточно рационального, критического осмысления базового тезауруса культуры и вступления с ним во взаимообогащающий диалог, представляющий собой одну из форм саморазвития культуры.

Особую значимость в этой связи приобретают собственно «продукты» художественного творчества, культурные артефакты, характеризующиеся особой смыслопорождающей и семантико-смысловой наполненностью, ведущей к созданию принципиально новых, в границах устоявшегося историко-культурного тезауруса, значений и ценностей. При этом, что важно отметить, не происходит размывания базисных, аутентичных смысловых структур, форм, матриц национального семиозиса. Та же потенциально возможная интериоризация суперстратных культурных доминант несколько не свидетельствует о полном вхождении субстратной культуры (традиции) в ценностно-смысловое поле близкородственных или иных каузуальных пограничных культур, не подчеркивает их маргинальный, второстепенный характер. Процесс обживания инокультурного контекста, как правило, происходит в большей мере по принципу взаимодополнения, взаимообогащения посредством постановки и решения насущных проблем общественного и культурно-исторического развития. Именно внутренняя диалогичность, как ее понимал М. Бахтин, становится предпосылкой обогащения и развития единого культурно-исторического интер-(гипер-)текста, что является важнейшей составляющей и феноменологии и социодинамики культур.

Все отмеченное выше имеет отношение и к процессу создания поэтического образа, природа которого принадлежит к наиболее сложным вопросам поэтики, до конца не разрешенным проблемам эстетики вообще. Образ прежде всего предстает как художественная форма воплощения определенного события, процесса, явления, значимых для созидającego (творящего) сознания. Автор, в данном случае поэт, переводит изображаемый им предмет или событие из внешнего мира во внутренний, или, наоборот, «опредмечивает», «овеществляет» перипетии внутренней жизни, придавая условно-метафорический, типизирующий характер личностно переживаемому. Сказанное необходимо дополнить указанием, что образы поэзии воспринимаются и трактуются не только с учетом их условно-метафорического наполнения, но и эмоционального «тона», ритмической и звуковой окраски, иных лингвистических и экстра-

лингвистических факторов. Как правило, образ закреплен в некоторой словесной «картинке», обладающей способностью к визуализации при восприятии. В образе зафиксирован эмоциональный, чувственный и интеллектуальный облик значимых для автора событий (реальных или воображаемых). В определенном смысле образ уподобляется понятию как словесному представлению о явлении, т.к. для субъекта оперирование чувственными образами сопряжено с мыслительной процедурой, которая обретает новое качество на понятийном уровне. Механизм создания образа многомерен, но и в известном смысле статичен, инвариантен, поскольку смена словесных диспозиций может привести к разрушению поэтического образа.

Посредством предметно-образных смысловых словоформ, характеризующихся определенной степенью выраженности эмоциогенных маркеров, представленных в поэтическом языке, в стилистике, ритмике и строфике, художник создает свою версию образа мира, выражает собственное отношение к действительности. Обнаруженное в тексте присутствие условного плана, символических диспозиций является сигналом, который обеспечивает продвижение субъекта интерпретации от объективной реальности (текстовых первичных номинаций) к субъективной (подтексту) и дальнейшему выходу на содержательно-концептуальное извлечение внутренне запотенцированных смыслов. Иными словами, рецептивное постижение заложенных в глубинной структуре текста идей и смыслов напрямую зависит от степени и уровня представленности (оригинальности) интерпретационных стратегий. В данном случае мы становимся свидетелями процесса расширения авторской культуросозидательной стратегии: одна ее часть связана с чувственно-эмоциональной сингулярностью (эмоциональное переживание, реакция на внешние раздражители, душевное возбуждение, состояние души), а другая – с когнитивно-смысловыми мотивационными структурами, которые сигнализируют о рациональной заданности художественных картин и образов как средоточия субъективно-оценочного отношения к миру, итога художественной рационализации собственного самосознания. Художественная субъективация в данном случае представляет собой удвоенный процесс декодирования, связанный как с раскрытием внутренней эмоциональной реакции на отображаемое, так и с выражением своего рационально-логического отношения к нему, своей оценки моделируемого художественного континуума. В текстах, где доминирующим представляется субъект-субъектный нарратив, в большей степени открывается возможность для разговора о специфике процесса организации самосознания автора, особенностях его мировоззрения и стратегии авторского преломления аксиологического, экзистенциального, миропознавательного компонента в смысловой структуре представленного дискурса.

Учитывая вышесказанное, следует подчеркнуть, что творчество представляет собой весьма сложный процесс, возникающий на основе взаимодействия чувственно-эмоционального восприятия и логико-дискурсивного мышления, вбирает в себя разнообразные влияния и предполагающий, как его следствие, создание артефакта, характеризующегося образно-смысловой выразительностью, эстетической завершенностью с учетом тесной коррелирующей связи со смысловым

контекстом культуры. В противном случае речь может идти о десемантизации вновь создаваемых культурных артефактов, имеющих весьма условную связь с актуальными культурными концептами вследствие редукции, ослабления культурной памяти, частичной утраты семиотических значений языка. К сожалению, все более очевидным становится тот факт, что «культурный концепт начинает частично или полностью терять свое значение, происходит „демонтаж“ ассоциативных связей культурного концепта, утрата его функционально-эстетического потенциала» (Дичковская 2018: 89). Кстати сказать, это взаимообусловленный процесс: обеднение, упрощение, сужение смыслодержательных значений языка напрямую влияет на образную палитру художественного произведения, которое, в свою очередь, перестает быть источником пополнения, обогащения языка.

Творческая личность перманентно находится в поле действия некоего смыслового проблемного поля, которое вызывает определенно окрашенные рефлексии, настраивает на конкретную культуросозидающую волну. По большому счету, творчество – экзистенциально-чувственная самопроекция художественно одаренной личности, способной к перманентному расширению, обогащению своего познавательного, эвристического горизонта и придающей ему новые смысловые коннотации. Любые движущие творческим субъектом побуждения нравственного, этического, эстетического плана заставляют его переплавлять их в горниле собственного мировидения, выявлять свое отношение к ним. Но это не значит, что автор обязан найти и продекларировать единственно верную, правильную мотивацию, дать исчерпывающий ответ на возникающую художественную коллизию. Отнюдь нет. Прямое декларирование, дидактика категорически противопоказаны. Как правило, во внутреннем монодиалоге, в невидимом вопрошании естественным образом трансформируется смысловое поле обыденных представлений, восприятий, ощущений, более того, ставится под сомнение их «онтологический» характер, константная заданность.

Раскрытие внутренних задатков личности, имеющих явно выраженную творческую доминанту, напрямую связано с обнаружением и использованием нестандартности и нетривиальности самого способа мышления, восприятия, смыслообразования, выбивающихся из системы типичных культурных стереотипов. Вот почему отличительной чертой творческой интеллектуальной элиты является ее «инокомыслящее пограничье», стремление к созданию поля вариативных возможностей. Рожденные в зоне обозначенного пограничья

инновации способны более или менее радикально изменить облик актуальной культуры, а вслед за тем и актуальность социума, способствовать их прогрессивному развитию (созданию новых ценностей и отношений, обогащению социокультурных форм и наполнению их новыми смыслами и значениями) (Кондаков 2002: 164).

Творчество открывает потенциальную возможность превращения общепринятого в проблемное, эксклюзивное, исключительное, рассмотренное под нестандартным, нетривиальным углом зрения. В творчестве, как ни в одном из видов общественной практики, субъект получает возможность проблематизировать отношение к реалиям природного и общественного плана, к себе само-

му. В процессе художественного переформатирования, переструктурирования устоявшегося, обыденного рождаются новые смыслы, обладающие эстетической ценностью и жизненной актуальностью. Это касается и всей сферы деятельности, связанной с культуротворчеством. В этой связи Б. Губман отмечает, имея ввиду специфику культуротворческих составляющих:

Проблематизируется не только сфера сущего, но и ценностно-значимого, должного. Культурное творчество сопряжено с переоценкой ценностей, нормативов должного. Созидаящий культуру субъект ставит под вопрос ценности и нормы своего бытия в природном окружении и социальной системе. Те ценности и рациональные стандарты, что превалируют в экономической, социальной и политической сферах, становятся предметом переоценки наравне с религиозными, нравственными и художественными ориентирами его жизнедеятельности. Саморефлексия делает проблемой любые виды инструментального отношения к миру, предлагающие воздействие на него, вопрошает о фундаментальных устремлениях практического разума, эстетических и художественных перспективах раскрытия возможностей субъекта (Губман 2005: 306).

Преобразующая направленность культуротворчества напрямую связана с его коммуникативно-диалоговой природой, с перманентным извлечением новых смыслов, с выдвиганием вопросов, требующих ответов. В своей работе «Эстетика словесного творчества» Бахтин в этой связи сделал ряд наблюдений. В частности, исследователь утверждал:

Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего. Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам (Бахтин 1979а: 350).

В диалоге с другими и с самим собой проясняется собственная позиция, более контрастно обнаруживают себя глубинные ценностно-мировоззренческие основания, которые содержат в себе некую невидимую, сокровенную часть присутствия самого творца в окружающем мире. Красноречивым подтверждением тому могут служить слова упомянутого выше Бахтина:

Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому и глазами другого... Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. (Бахтин 1979а: 285, 312).

Исходным для исследователя является убеждение в том, что личностное бытие человека раскрывается лишь в диалогических отношениях – «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и „человек в человеке“, как для других, так и для себя самого» (Бахтин 1979b: 294). По утверждению П. Горохова, «диалог для М. Бахтина является подлинным „событием бытия“ и выступает как изначально-фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория» (Горохов, online).

Диалогичность как отличительная черта культурного творчества побуждает к поиску способа решения проблем, который был бы взаимоприемлемым для партнеров по коммуникации, обнаруживая не только расхождение, но и „стыковые точки” их подходов (Губман 2005: 307–308).

Присутствие другого создает эффект перманентного продуцирования, расширения смыслового дискурса. В этом заключается потенциальная интертекстуальная воспроизводимость, живучесть художественного дискурса, служащего необходимым условием постоянного смыслового обогащения культурной реальности, ее наполнения новым содержанием экзистенциального опыта.

Свою неоспоримую действенность межличностная коммуникация проявляет в художественном творчестве, природа которого подразумевает прежде всего внутреннее, «сердечное» осмысление процесса коммуникации, пропускание его через себя, конструирование образа и смыслообраза посредством рефлексии, сопереживания, вчувствования. По мнению исследователей, культурное творчество немислимо

без самопревосхождения субъекта, стимулируемого коммуникацией с другими и импульсом, исходящим из жизненного мира. Именно жизненный мир является полем тематизации теоретического и практического разума, эстетической способности субъекта, из него черпается исходный материал для созидания культуры. В рационализации жизненного мира заложено основание культурного многообразия (Губман 2005: 308).

Категория «жизненный мир», введенная в философский оборот в ее сегодняшнем наполнении основоположником феноменологии Э. Гуссерлем, утвердилась в качестве основополагающей для характеристики процессов, реалий, действий, с которыми постоянно сталкиваются люди, принадлежащие к определенной культурной общности, в своей повседневной жизни. Жизненный мир, по убеждению исследователя, обладает уникальными свойствами и наполнен для каждого соучаствующего в нем знакомыми вещами и людьми. Руководствуясь ценностно-нормативными представлениями, заключенными в том числе и в знаково-символических формах культуры, представители одного культурного мегаполиса постигают жизненный мир как нечто непреложное, органичное, повсеместно сопровождающее их и формирующее их константную ментальную устойчивость. Структура жизненного мира, как отмечает Ю. Хабермас, полагает формы возможного интерсубъективного взаимопонимания. Бытие культуры напрямую зависит от органичного усвоения окружающего (жизненного) мира, творческого отношения к многоликим и пестрым его проявлениям. Культура как багаж знания, опыта, обеспечивающих коммуникацию, невозможна без своеобразной «подпитки» со стороны постоянно возобновляемого, рационализируемого жизненного мира, выступающего в качестве неисчерпаемого источника творчества. Жизненный мир трактуется немецким исследователем как своеобразный резервуар, пополняющий и поддерживающий продуктивные возможности культуры и благодаря своей знаково-символической универсальности способствующий конвенциональному истолкованию многообразных явлений природного и социального плана (Habermas 1988: 107). Жизненный мир,

таким образом, имеет пространственно-временное измерение, обретая реальные формы воплощения:

Растворяясь в нем, продукты культуросозидающей деятельности субъекта становятся достоянием всех живущих в данном сообществе и получают понятное всем смысловое наполнение. Силуэт храма, скульптура, ставшая неотъемлемой частью городского ландшафта, сад, выращенный сообразно со стилистикой определенной традиции, хрестоматийный литературный образ, известный любому, наполняют жизненный мир, сливаясь воедино и создавая привычный фон деятельности человека (Губман 2005: 311).

Именно в границах жизненного мира становится возможной художественная реставрация той ситуации, когда человек обретает способность ощущать свое собственное бытие и бытие других людей, свою причастность к их бытию и радость от осознания этой причастности.

Благодаря субъективированию и субъективности акта коммуникации, который выходит за рамки простого речевого диалогизирования, а также художественному постижению жизненного мира появляется возможность, на что уже обращалось внимание, не только коннотативного приращения смысла, но и его субъектного расширения и контекстуального изменения. Именно творческая интенция, эксклюзивное восприятие предметов, слов, действий, установка на извлечение нестандартного, нетривиального смысла из любой коммуникативной ситуации, широта собственного внутреннего диапазона обогащает художественный замысел, ведет к уникальной образной перекодировке (овнутрению) смысла предметно-визуализированных картин и образов. В случае усвоения, признания, одобрения субъектами, принадлежащими к данной культуре, они становятся интегральной частью объединяющего символического универсума, воспринимаются в качестве способа мировидения, напрямую влияя на формирование смыслового контекста их собственного жизненного мира.

Возможность дискурсивного декодирования возникает в процессе коммуникации посредством установления универсальной связности, смыслового коррелирования наличных интерпретационных практик при условии консолидации всех поливариантных прочтений, понимания собственно механизма смыслотворчества. Трансубъектный характер функционирования дискурса становится основополагающим моментом для декодирования заключенного в дискурсе смысла (смыслов). Благодаря художественному дискурсу открывается возможность формирования многомерной смысловой парадигмы, расширения континуальной смысловосферы. Взаимопроникновение различных дискурсов и дискурсивных практик воплощает идею интердискурсивности, «которая является и признаком, и движущей силой культурного изменения» (Йоргенсан 2004: 214).

Способность продуцирования определенного спектра смыслов становится возможной благодаря тому, что в художественном дискурсе, как правило, воспроизведен особый мир, представленный в заведомо многомерном, многоуровневом, полифункциональном воплощении. Образы и картины, характеризующиеся вербальной условностью, метафоричностью, являют некоторую смысловую целостность, завершенность, континуальность и вместе с тем от-

крытую концептуальную форму, способную к художественно-дискурсивному обогащению семиотического континуума. Экзистенциальная ситуация, вербально развернутая в них, может быть спровоцирована самыми различными обстоятельствами, имеющими особую природу и причинную обусловленность. Но при всем при том, как думается, исключен разговор о тотальной множественности смыслов, значений, ценностей, имеющих самую различную, включая противоположную, гносеологическую и аксиологическую направленность, так как при этом могут теряться смысловые константы, гуманистические основания и витуалистские перспективы.

От того, как именно протекают процессы коммуникации, как реализуется право человека на творчество, в том числе духовное творение, в немаловажной степени зависит формирование ценностей поведенческого плана, гуманистических установок, личного и общественного статуса субъекта. И более того, эти процессы необходимо рассматривать во взаимосвязи. Именно в нашем глобально-сетевом обществе творчество и коммуникация – это две стороны одной медали. Сам процесс со-общения, со-трудничества, созидания во все времена имел и имеет неоспоримое значение для налаживания межличностного и межкультурного диалога, выступающего в качестве базовой структурообразующей составляющей социокультурной сферы, действенного инструмента влияния на все сферы социокультурной деятельности, основополагающего субстрата формирования культурной матрицы цивилизационного развития. В эпоху перманентной нестабильности и транзитивности именно коммуникативно-творческие интенции отражают и фиксируют наиболее существенные связи и отношения в культурной реальности. Идентификационный фактор тоже во многом зависит от характера и состава культурной среды – своеобразной институционально-организационной сферы и важного мотивационного стимула национально-культурного позиционирования и самоопределения субъекта. Не случайно уже в самом начале XX в. К. Ясперс сделал коммуникацию одним из ключевых понятий своей философской системы:

Мы являемся тем, что мы являемся, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать человек сам по себе, просто как отдельный индивид... Всё то, что есть человек и что есть для человека... достигается в коммуникации. Коммуникация в сфере духа есть создание из общественной субстанции идеи целого (...), а разум, связь всех модусов, требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации (Ясперс 1991: 441–442).

Известный американский философ Дж. Дьюи утверждал, что «люди живут в сообществе благодаря тому общему, что есть между ними, а общение – тот способ, благодаря которому они обретают это общее» (Дьюи 2000: 165).

Коммуникацию в сфере духовных практик можно отнести к наиболее значимым стимулирующим механизмам художественного творчества. Нет сомнения, что потенциальные творцы (креаторы), созидатели, обладающие творческими задатками, способны состояться как личности только в коммуникативном пространстве, полагаясь на базисные, онтологические основания культуры, перенимая опыт предшественников и генерируя новые креативно-коммуникативные

стратегии. Это в очередной раз подчеркивает идею пассионарного (в понимании Л. Гумилева) начала творческого акта, что напрямую связано с пониманием личности как субъекта культуры, имманентно осваивающего, расширяющего и преобразовывающего духовно-творческим актом границы культурного созидающего пространства по законам гармонии и красоты. Художник руководствуется желанием нарисовать эстетически совершенную и, по преимуществу, будоражащую чувства картину (образ, систему образов), способную вызвать сопереживание, внутреннее соучастие и дать возможность получать то же эстетическое, в первую очередь, удовлетворение от прочитанного, суггестивно воздействуя на реципиента. Именно в зоне красоты, прекрасного, гармоничного рождается ощущение полноты бытия, всплеск мгновений необычайной внутренней эйфории, чутко настроенных струн души, потаенных чувств. В такие моменты так важно обнаруживать присутствие вечности в мгновениях бытия, во временном потоке жизни, осознавать свою сопричастность миру. Упоительное переживание полноты и значимости бытия, непреходящей новизны и ценности каждого момента, вдохновляющее слияние с Целым, сакральное переживание момента Абсолютности, открытие самодостаточности того мгновения, в которое погружен человек, по убеждению В. Мартынова, и есть момент эманации истинной красоты:

Чем глубже индивид способен осознать значимость явленного, абсолютность мгновения, тем ближе он к красоте, добру, творческому отношению к жизни. Ибо приобщение к красоте есть не что иное, как максимальное расширение локального сознания и формирование в личности всеохватывающего менталитета, прорастание в ограниченном существе космической одухотворённости, делающего каждого гражданином не только своего государства, но и Мироздания. (...) И в этом смысле красота – это гармоническое воплощение уникальных проявлений всеобщей одухотворённости. Без глубокого осознания Вселенской всечувствительности бытия невозможно постигнуть сущность прекрасного как феномена свечения этой всепроникающей одушевлённой энергии, наиболее ярко и полно преломляющейся в человеке (Мартынов 1999: 80).

Если отталкиваться от признания целостности объективного мира, единства Вселенной и человека, лежащего в основе философии космизма, то собственно становление духовного мира активно и творчески ангажированного субъекта следует признать центральным звеном всего процесса раскрытия и постижения сущности бытия.

Таким образом, творческий потенциал личности и коммуникативно-диалоговые стратегии в формировании и идентификации поэтических и шире – художественных – образов и картин является важным основанием бытия культуры и культуротворчества. Значимые артефакты художественного творчества, органически вписанные в ткань культуры, придают ей неповторимый облик, своеобразие, особенную знаково-символическую ауру, тем самым способствуя созданию символического универсума. Они транстемпоральны, интерсубъективны, семантически многомерны, т.к. могут обрести иное измерение в процессе творческого синтеза с учетом исторической традиции и новых транскультурных реалий. Все это свидетельствует об открытости культур и литератур, их причастности к единому цивилизационному пространству, что способствует их

взаимообогащению, направляет на путь универсализации через приобщение ко всему богатству общечеловеческой культуры.

Библиография

- Åspers, K. (1991). *Smysl i naznačenie istorii: rozum i komunikaciã*. Moskva: Politizdat [Ясперс, К. (1991). *Смысл и назначение истории: разум и коммуникация*. Москва: Политиздат].
- Bahtin, M.M. (1979a). *Ėstetika slovesnogo tvorčestva*. Moskva: Iskustvo [Бахтин, М.М. (1979а). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство].
- Bahtin, M.M. (1979b). *Problemy poëtiki Dostoevskogo*. Moskva: Sovetskaã Rossiã [Бахтин, М.М. (1979b). *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Советская Россия].
- Dičkovskaã, E.A. (2018). Desemantizaciã kak bazovyj koncept èvolúcii kul'turnyh processov. *Vesti Instituta sovremennyh znaniy*, 3: 85–91 [Дичковская, Е.А. (2018). Десемантизация как базовый концепт эволюции культурных процессов. *Вести Института современных знаний*, 3: 85–91].
- D'Ûi, Dž. (2000). *Demokratiã i obrazovanie*. Moskva: Pedagogika-press [Дьюи, Дж. (2000). *Демократия и образование*. Москва: Педагогика-пресс].
- Gorohov, P.A. *Social'no-fantastičeskaã problematika Prozy A.N. Tolstogo*. (Online) <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-filosofskaya-problematika-fantasticheskoy-prozy-a-n-tolstogo> (доступ 20.03.2019) [Горохов, П.А. *Социально-фантастическая проблематика прозы А.Н. Толстого*. (Online) <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-filosofskaya-problematika-fantasticheskoy-prozy-a-n-tolstogo> (доступ 20.03.2019)].
- Gubman, B.L. (2005). *Sovremennaã filosofiã kul'tury*. Moskva: Rossijskaã političeskaã ènciklopediã [Губман, Б.Л. (2005). *Современная философия культуры*. Москва: Российская политическая энциклопедия].
- Habermas, J. (1988). *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1–2. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Jorgensen, M., Phillips, L. (2004). *Diskurs-analiz: teoriã i metod*. Har'kov: Gumanitarnyj centr [Йоргенсен, М., Филлипс, Л. (2004). *Дискурс-анализ: теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр].
- Kondaikov, I.V. (2002). *Intersub'ektivnost' kul'tury*. V: *Čelovek kak sub'ekt kul'tury*. Moskva: Nauka: 152–178 [Кондаиков, И.В. (2002). *Интерсубъективность культуры*. В: *Человек как субъект культуры*. Москва: Наука: 152–178].
- Martynov, V.F. (1999). *Filosofiã Krasoty*. Minsk: Tetrasistems [Мартынов, В.Ф. (1999). *Философия Красоты*. Минск: Тетрасистемс].



КОНЦЕПЦИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ: СРАВНЕНИЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

ВИКТОР ОДИНОЧЕНКО

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

Исторический факультет

Кафедра философии

ул. Советская, д. 104, 246028, г. Гомель, Беларусь

e-mail: adzin28@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7617-3248>

(получено 23.09.2019; принято 3.10.2019)

Abstract

The Concept of an Intermediate Position of Culture: A Comparison of Belarus and Russia

The paper discusses the concept of an intermediate position of culture in relation to modern Belarus and Russia. In Russia, an intermediate position means being between Europe and Asia, in Belarus – between Europe and Russia. Modern Russia seeks to regain the status of a great power, and sees itself as a special culture, different from European and Asian. The cultural space of Belarus is determined by the need for its development as an independent state. It seeks to establish relations with neighboring states and to become involved in the world cultural processes.

Key words: the concept of the intermediate position of culture, cultural space, types of culture, hierarchy of values

Резюме

В статье рассматривается концепция промежуточного положения культуры применительно к современной Беларуси и России. В России промежуточное положение означает нахождение между Европой и Азией, в Беларуси – между Европой и Россией. Современная Россия стремится вернуть себе статус великой державы. Она рассматривает себя как особую культуру, отличную от европейской и азиатской. Культурное пространство Беларуси определяется необходимостью ее развития как самостоятельного государства. Она стремится наладить отношения с соседними государствами и включиться в мировые культурные процессы.

Ключевые слова: концепция промежуточного положения культуры, культурное пространство, типы культуры, иерархия ценностей

Беларусь и Россия являются в настоящее время самостоятельными странами и свое промежуточное положение видят по-разному. Эта разница обусловлена как объективными причинами (размерами территории, национальным составом населения, традицией, местом в современной мировой политике и т.д.), так и различными культурными установками. В каждой из стран понятие промежуточного положения наделяется своим смыслом. Упрощенно говоря, в России это означает нахождение между Европой и Азией, в Беларуси – между Европой и Россией. При этом речь идет не о географии. В понятия «Беларусь», «Россия», «Европа», «Азия», «Восток», «Запад» вкладывается определенное культурное содержание, которое отличается у различных исследователей.

Отметим, что концепция промежуточного положения культуры приобрела актуальность в последнее время. Причиной этого является не столько смена научных парадигм, сколько прежде всего радикальные изменения в реальности. Первоначально они имели политический характер. В 1991 году распалось огромное государство, Советский Союз, и на его месте образовалось пятнадцать независимых стран, которые стали развиваться в соответствии со своей политической, экономической и культурной традицией.

Под культурой мы понимаем «специфический способ организации и развития жизнедеятельности человека, представленный в материальных и духовных продуктах» (Алексеев 2003: 137). Посредством культуры формируется реальность, в которой живет человек. Мы будем ориентироваться на трактовку концепции промежуточного положения культуры, существующую в академической среде, а также учитывать ее политический аспект. Вопрос о том, что такое политика в современной Беларуси и России, представляет интерес и в аспекте рассмотрения европейских и азиатских способов осуществления власти. В то же время направленность научных исследований, то, как в них расставляются приоритеты, является элементом сложившегося общественного сознания. Те тексты, на которые мы будем ссылаться, не только отражают ситуацию, но и ее формируют, задавая способы рассуждений и действий.

Наше рассмотрение будет иметь крайне схематичный характер прежде всего потому, что в России имеется огромное количество литературы, посвященной вопросу национальной культурной специфики. Как отметил один из крупнейших специалистов по русской культуре, американский исследователь Джеймс Биллингтон, «пожалуй, ни один народ мира не затратил столько интеллектуальной энергии для ответа на этот вопрос, как народ России» (Биллингтон 2005: 26).

Современные Беларусь и Россия воспринимаются как наиболее близкие страны. Мы сошлемся на результаты проведенных в них в 2016 г. социологических исследований. Они имели одну и ту же цель: определить дружественные и недружественные страны. Главным «другом» россияне назвали Беларусь, а белорусы Россию. Также у обеих стран общий «враг» – США. Та же ситуация существует и в настоящее время (НИСЭПИ, online).

Беларусь является самой русифицированной из всех постсоветских стран. Специфика языковой ситуации в Беларуси состоит в том, что в ней одновременно существуют два государственных языка: белорусский и русский, причем последний является наиболее употребительным во всех сферах жизни. Согласно проведенному в 2017 году социологическому исследованию, только 3% опрошенных общаются в повседневной жизни на белорусском языке (*Республика Беларусь в зеркале социологии* 2018: 46). Первый в истории Беларуси лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич пишет по-русски.

Однако через сходство проявляется различие между Беларусью и Россией. Оно присутствует также и в концепции промежуточного положения культуры. При ее рассмотрении в отношении России следует учитывать колоссальные размеры территории страны, природное разнообразие и положение на стыке разных культурных типов, многообразие культур населяющих ее народов, а также значительную культурную традицию. Указание на противоречивость последней является общим местом исследований, что порождает различные трактовки характера русской культуры. Схематично рассмотрим пять основных.

Согласно первой, культура России является частью европейской. В качестве обоснования приводится, во-первых, факт распространения в стране православия, которое является одним из основных направлений христианства, что отличает Россию от ее восточных соседей и сближает с Западом. Во-вторых, начиная с Петра I, культура России стала приобретать европейские черты. В последние три столетия Европа является для России основным ориентиром развития.

Согласно второй, культура России принадлежит Востоку. При этом опять же указывается на православие (хотя подчеркивается его отличие от западных католичества и протестантства), а также на то, что модель государственного устройства в России заимствована у Востока.

Третья трактовка исходит из того, что Россия является посредником между Западом и Востоком и соединяет разные цивилизации. В данной трактовке синтезируются культурологический и географический подходы. С точки зрения культуры, Россия, несомненно, является европейской страной, но с точки зрения географии, основная ее часть расположена в Азии. Кроме того, именно там

находится большая часть природных богатств страны, добыча которых является основной экспорта.

В четвертой трактовке подчеркивается отличие русской культуры как от европейской, так и от азиатской, и ее характер как совершенно особого образования. Эта трактовка разработана в начале XX века евразийцами и является в настоящее время весьма популярной в российском общественном сознании. В ней преодолевается промежуточная трактовка, и культура России рассматривается в ее специфике.

Пятая трактовка связана не столько с пространственным положением России, сколько с ее миссией. Распространяется точка зрения, согласно которой

Россия является страной, выполняющей особую задачу в мире. Россия призвана в этот мир, чтобы предложить некую вселенскую модель общественного устройства (Москва – Третий Рим, Святая Русь, Великая Россия, советская (красная) империя). В этом и заключается мессианство России (...) Отсюда и неизбежность тесной связи особого пути России и ее мессианской роли (Шевченко 2014: 11).

Следует отметить, что рассуждения об особом пути России – это часть ее культурной традиции. В современной интерпретации они явились ответом на проблемы в развитии страны. На смену оптимизму и надеждам на вхождение в мировую цивилизацию конца 80-х – начала 90-х годов пришло осознание серьезных трудностей на этом пути. Причину этого традиционно видят в недоброжелательном отношении к России:

Всякий раз, когда она приближалась к Европе, полная радужных ожиданий, ей всегда указывали, что ее место – зависимой и отсталой периферии капиталистической системы. Нынешний этап притяжения России к Европе, по-видимому, завершается. В очередной раз он привел к их взаимному разочарованию. Россия постепенно меняет вектор исторического развития. Из нацеленного на Европу, из проевропейского, он становится направленным от Европы (Шевченко 2014: 21).

На наш взгляд, необходимо различать русскую и российскую культуру. Под первой мы понимаем культуру русского народа. Она является частью европейской.

Российская – это культура всех народов, населяющих территорию современной Российской Федерации. Ее мы не можем полностью отнести к европейской. Она включает в себя различные культуры: русскую, народов Кавказа, Алтая, Сибири и т.д. Этим обусловлена качественная разнородность российского культурного пространства.

Поэтому для сохранения целостности страны большое значение имеет сильная государственная власть. Таким образом, политическое пространство России вбирает в себя разнородные культурные пространства и обеспечивает их единство. В последнее время четче осознается, что Россия является империей. Более того, с этим связывается ее будущее: «Если Россия намерена сохранить себя как суверенное государство, то его импероподобное устройство в наибольшей степени может способствовать решению накопившихся острейших проблем» (Шевченко 2013: 12). Идея империи является в настоящее время той основой, на которой стремятся построить единое пространство русской куль-

туры. В данном случае для России речь идет о сохранении себя как великого государства.

Очень важным в плане понимания Россией своего места в мире является *Послание Федеральному Собранию России* В.В. Путина, направленное после избрания его Президентом в 2012 г. В нем Россия характеризуется как «государство-цивилизация, скреплённое русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире» (Путин, online).

В настоящее время в России остро осознается значимость сохранения своей огромной территории, значительная часть которой была присоединена насильственно. Помимо средств чисто политического и силового характера, постулируется значимость духовных ценностей, которые бы объединяли граждан страны:

Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились (Там же).

В то же время в России усиливается критика западной либеральной идеологии: пишут о ее смысловой исчерпанности и непригодности для разрешения проблем современной культуры. В последнее время в связи с конфликтом с западными странами, причиной чему послужили события в Украине, Россия все больше осознает себя как особое политическое и культурное пространство, не просто отличное от европейского, а находящееся с ним в состоянии конфронтации. Тем не менее руководством страны прилагаются усилия по урегулированию конфликта, о чем свидетельствует недавняя встреча президентов России и Франции. Показательно, что на ней основным условием возобновления строительства Европы «от Лиссабона до Владивостока» было названо выполнение Минских соглашений.

Относительно Беларуси концепция ее промежуточного положения сформировалась в начале XX века в работах известных деятелей белорусской культуры. В ее центре находилась проблема самоосмысления белорусов как народа, который отличается от русских и поляков. В работе М. Богдановича *Кто мы такие?* (1915) ситуация, существующая в те времена на белорусских землях, отражается следующим образом:

Живем мы между поляков и великорусов, народов сильных, и есть много обиды от них. Ведь есть великорусы, которые хотят, чтобы мы забыли обо всем своем, белорусском, отrekliсь его и обратились в великорусов, говорили и жили по-ихнему. Есть и поляки, которые тоже хотят изменить нас на свой лад, чтобы и мы стали поляками (Багдановіч 1995: 127).

В этой работе обозначены темы, которые будут разрабатываться другими авторами, точнее, промежуточное пространственное положение Беларуси и неблагоприятный характер этого положения для формирования национального сознания и культуры.

В дальнейшем трактовка Беларуси как территории, находящейся между Польшей и Россией, была концептуально изложена в известной работе И. Абдираловича (Кончевского) *Извечным путем* (1921). В ней наши земли представлены как место межкультурных столкновений:

Беларусь от X века и до сих пор фактически является полем борьбы двух направлений европейской (...) культуры – западного и восточного. Граница обоих влияний, разделяя славянства на два состояния, проходит через Беларусь, Украину и скрывается в балканских краях (Абдзіраловіч 1993: 44).

Характерным является вывод, который Абдиралович делает, исходя из идеи о межкультурном положении Беларуси: «Десятивековое колебание свидетельствует о том, что белорусы (...) не смогли искренне приобщиться ни к одному, ни к другому направлению. Мы не стали народом Востока, но не приняли и культуры Западной Европы» (Абдзіраловіч 1993: 44). Таким образом ставится проблема о неопределенности культурного пространства Беларуси, которая существует и сейчас.

В советский период концепция промежуточного положения нашей культуры утратила свою актуальность. Беларусь являлась самостоятельной частью огромного социалистического государства. Пространство в нем было организовано по образцу Российской империи: в центре находилась Россия, а остальные республики представляли собой периферию. В СССР культурное пространство организовывалось, во-первых, идеологией, согласно которой существовала единая советская культура, «национальная по форме и социалистическая по содержанию», и, во-вторых, «враждебным окружением». Оно определяло границы этой культуры, выходить за которые было нельзя.

После распада Советского Союза в 1991 г. изменились пространственные характеристики нашей культуры. Вновь встал вопрос о ее промежуточном положении. Однако оно приобрело новый смысл. После того как в 2004 году Польша, Литва и Латвия были приняты в ЕС, Беларусь действительно оказалась на границе цивилизаций: с одной стороны от нее находится Европейский Союз, с другой – Россия. Однако следует также отметить, что отношения с этими образованиями в Беларуси асимметричные: со странами ЕС существует визовый режим, а с Россией безвизовый.

В последнее время вышел ряд работ, в которых говорится о межкультурном положении современной Беларуси. Одной из них является сборник с характерным названием *Беларусь: ни Европа, ни Россия. Мнения белорусских элит*, который состоит из интервью с известными белорусами – учеными, политиками, бизнесменами, деятелями культуры. Основной вопрос, на который составители сборника хотели получить ответ: «Кто такие белорусы?» При этом методом определения Беларуси стало отнесение ее «к той или иной идее, обозначающей цивилизационный строй, такой как “Европа”, “Россия”, “славянское сообщество” либо что-то другое» (*Беларусь: ни Европа, ни Россия* 2006: 10). Таким образом, была задана определенная система координат, в рамках которой респонденты должны были определить место Беларуси. В полученных ответах преобладающей была негативная идентификация, которая отражена и в назва-

нии сборника: «ни Европа, ни Россия». Респонденты, скорее, говорили о том, кем белорусы не являются, чем кто они такие. Это служит показателем того, что проблема формирования культурного пространства Беларуси в настоящее время является актуальной, и требуются усилия для ее решения.

В связи с этим появляется еще один аспект понимания пространства культуры. Прежде всего следует помнить, что оно отлично от плоскости, и у него, помимо горизонтального, выражающего расположенность объектов, есть еще и вертикальное измерение, задаваемое ценностями и смыслами. Именно оно определяет пространство культуры. При этом, как правило, считается, что данное измерение задается религией, так как в ней ценности имеют трансцендентный характер и, соответственно, обладают наибольшей аксиологической значимостью: «Религия и ее изменения являются базисом каждого культурного типа и, следовательно, культуры как целого» (Смолік 2011: 441).

На наш взгляд, в современном обществе этот тезис должен быть уточнен. Мы рассматриваем культуру как сложную многоуровневую систему, каждый из элементов которой оказывает влияние на формирование и развитие целого. Религия является лишь одной из сфер культуры. Помимо нее существует экономика, политика, мораль, искусство и т.д. Они также воздействуют на формирование ценностных ориентаций и специфику той или иной культуры.

Традиционно межкультурное положение Беларуси определяется через схему «православный-русский, католик-поляк». Но в настоящее время религиозные процессы на наших землях приобрели иной вид, который отличается от традиционного. В связи с развитием средств массовой информации основное воздействие на католиков Беларуси оказывает не столько территориально близкая Польша, сколько общие процессы в католической церкви, которые сейчас определяются деятельностью харизматического Папы Франциска.

Что касается православной церкви, то в организационном плане она не является единой. Существует пятнадцать самостоятельных православных церквей. Православная церковь в Беларуси является частью Русской православной церкви и таким образом входит в ее пространство. Однако в последнее время все большее значение приобретают процессы, происходящие в других православных церквях. Одним словом, «привязка» Белорусской православной церкви к России становится менее жесткой.

В заключение подчеркнем, что мы исходим из качественного многообразия и многомерности современной культуры. Ее неоднородность основывается на наличии различных аспектов. Поэтому концепция промежуточного положения культуры применительно как к Беларуси, так и к России есть проявление одной из возможных точек зрения.

Библиография

- Alekseev, P.V. (2003). *Social'nââ filosofîâ: učebnoe posobie*. Moskva: OOO TK Velbi [Алексеев, П.В. (2003). *Социальная философия: учебное пособие*. Москва: OOO TK Велби].

- Abdziralovič, I. (1993). *Advečnym šláham: das'ledziny belaruskaga s'vetaglâdu*. Minsk: Navuka i tèhnika [Абдзіраловіч, І. (1993). *Адвечным шляхам: дас'ледзіны беларускага сьветагляду*. Мінск: Навука і тэхніка].
- Bagdanovič, M. (1995). *Hto my takія? Po'ny zbor tvora'*. T. 3. Minsk: Navuka i tèhnika: 126–127 [Багдановіч, М. (1995). *Хто мы такія? Поўны збор твораў*. Т. 3. Мінск: Навука і тэхніка: 126–127].
- Belarus: ni Evropa, ni Rossiâ: mneniâ belorusskih èlit* (2006). Varšava: «Arhe» [Беларусь: ни Европа, ни Россия: мнения белорусских элит (2006). Варшава: «Архе»].
- Billington, D. (2005). *Rossiâ v poiskah sebâ*. Moskva: Rossijskaâ političeskaâ ènciklopediâ [Биллингтон, Д. (2005). *Россия в поисках себя*. Москва: Российская политическая энциклопедия].
- NISËPI (2016). *Iún 2016: družà i vragi Belarusi*. (Online) <http://www.iiseps.org/?p=4793> (dostup 14.09.2019) [НИСЭПИ (2016). *Июнь 2016: друзья и враги Беларуси* (Online) <http://www.iiseps.org/?p=4793> (доступ 14.09.2019)].
- Putin, V. (2012). *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniiu*. (Online) <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (dostup 14.09.2019) [Путин, В. (2012). *Послание Президента Федеральному Собранию*. (Online) <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (доступ 14.09.2019)].
- Respublika Belarus v zerkale sociologii: sbornik materialov sociologičeskikh issledovanij* (2018). Minsk: Informacionno-analitičeskij centr pri Administracii Prezidenta Respubliki Belarus [Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований (2018). Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь].
- Smolik, A.Ĭ. (2011). *Ėvalûcyâ sinkrèzisu belaruskaj kultury*. V: *Kultura. Nauka. Tvorčestvo*. Vyp. 5. Minsk: UO «Belorusskaâ gosudarstvennâ akademiâmuzyki»: 442–446 [Смолик, А.І. (2011). *Эвалюцыя сінкрэзісу беларускай культуры*. В: *Культура. Наука. Творчество*. Вып. 5. Минск: УО «Белорусская государственная академия музыки»: 442–446].
- Levada-Centr (2016). *Soûzniki i "vragi" Rossii, evropejskaâ integriaciâ*. (Online) <http://www.levada.ru/2016/06/02/13400/> (dostup 14.09.2019) [Левада-Центр (2016). *Союзники и «враги» России, европейская интеграция*. (Online) <http://www.levada.ru/2016/06/02/13400/> (доступ 14.09.2019)].
- Ševčenko, V.N. (2013). О перспективах реформирования россиjsкого государства: совремennye diskussii v nauke i za ee predelami. *Filosofskie nauki*, 7: 5–21 [Шевченко, В.Н. (2013). О перспективах реформирования российского государства: современные дискуссии в науке и за ее пределами. *Философские науки*, 7: 5–21].
- Ševčenko, V.N. (2014). Rossiâ: istoričeskaâ sudba «Vtorogo mira». *Filosofskie nauki*, 7: 7–24 [Шевченко, В.Н. (2014). Россия: историческая судьба «Второго мира». *Философские науки*, 7: 7–24].



ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТРУКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

ОЛЬГА СТАШКЕВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии

Центр социально-философских и антропологических исследований

ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь

e-mail: stashkevich.olha@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

(получено 27.09.2019; принято 6.10.2019)

Abstract

The Main Forms of Constructive Civic Engagement Among Young People in Belarus

The paper describes the main forms of civic engagement of the individual: organizational, constant, situational, protesting, etc. The author concludes that it is necessary to develop a greater number of networked self-governing youth initiatives which will help to strengthen civil society in Belarus in the future.

Key words: civil activity of the individual, youth initiative, youth organizations

Резюме

В статье рассмотрены основные формы реализации гражданской активности личности: организованные, постоянно функционирующие, ситуативные, протестные и др. Сделан вывод о необходимости развития в большей мере сетевых

самоуправляемых молодежных инициатив, что будет в дальнейшем способствовать укреплению гражданского общества в Беларуси.

Ключевые слова: гражданская активность личности, молодежные инициативы, молодежные организации

Гражданское общество в Республике Беларусь находится на пути своего становления. «Оно невелико по числу людей и организаций, готовых проявлять свою гражданскую позицию и активно влиять на темпы и направление развития общества», – отмечается на сайте Международного консорциума Евробеларусь (Гражданское общество, online), и с этим нельзя не согласиться. Но все же в нашей стране созданы необходимые условия для формирования и развития гражданских инициатив, проявления гражданской активности, в том числе и в молодежной среде. Гражданская активность личности проявляется посредством готовности человека вносить вклад во все сферы развития социума, в реализацию общественно-значимых интересов, обращения внимания общественных и властных структур к разнообразным общественным проблемам, добросовестного исполнения гражданских прав и обязанностей.

Разнообразие форм конструктивной гражданской активности молодежи зависит от развития общественных институтов (политического, экономического, правового и др.), предоставляющих молодежи разнообразные возможности для участия в жизни страны. Проявление гражданской активности имеет различную степень институализации: начиная от стихийно образованной группы (к примеру, самоорганизовавшаяся группа участников митинга или протеста) до высокоорганизованной, постоянно функционирующей общности людей (например, политическая партия, общественная организация). Разнообразие форм гражданской активности молодежи чрезвычайно широко. В Беларуси она представлена в следующих формах:

1. Организованные формы гражданской активности молодежи

В первую очередь это разнообразные молодежные объединения, деятельность которых строится на стремлении самой молодежи объединиться на основе собственных интересов и ценностей, а также добровольного членства. Часто создание молодежных организаций иницируется различными социальными группами (к примеру, властными структурами) с целью воспитания, социализации и контроля молодежи.

В Беларуси зарегистрировано около 300 молодежных организаций (Список, online). Флагманами являются те объединения, которые созданы при непосредственной поддержке государственных органов: Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи» (БРСМ), которое объединяет вокруг себя подростков и молодежь в возрасте от 14 до 31 года, имеет тесные связи (и «прямой лифт») с рядом других общественных объединений Беларуси

(к примеру, с Республиканским объединением «Белая Русь»); Республиканская молодежная общественная организация «Лига добровольного труда молодежи»; Республиканское общественное объединение «Белорусская Ассоциация клубов ЮНЕСКО»; Лига интеллектуальных команд.

В меньшей степени объединяющую роль играют организации, созданные при поддержке иных социальных институтов (например, религиозных конфессий – «Белорусская ассоциация молодых христианских женщин», «Союз православной молодежи имени Святого Георгия Победоносца») или организованные для решения узких социальных проблем («Анонимные наркоманы», «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам»); для реализации профессиональных интересов («Белорусская ассоциация студентов-архитекторов», «Белорусское общество молодых неврологов и нейрохирургов») и политических устремлений («Белорусская молодежная палата», «Гражданский форум»); для проведения досуга и хобби («Белорусская рок-лига»), защиты живой природы и окружающей среды («Зеленый дуб», «Ради жизни на земле»); для защиты семьи и детства («В защиту жизни и семейных ценностей», «Даун Синдром»); а также военно-патриотические организации («Военно-патриотический клуб «Поиск»», «Рыцари Великого Княжества») и др.

2. Самоорганизованные (инициативные) формы гражданской активности

Гражданская активность личности может формироваться стихийно, в стороне от различных общественных институтов (государственных учреждений, политических организаций и т.п.). К формам самоорганизованной гражданской активности можно отнести разнообразные общественные комитеты, союзы, движения, инициативные группы и т.п., которые возникают спонтанно; зачастую их создают в преддверии каких-либо масштабных событий или для решения каких-либо одномоментных вопросов. Их деятельность достаточно разнообразна – это и сбор подписей, и подача петиций, и организация уличных манифестаций, пикетов, и распространение печатной продукции. «Такая гражданская активность, как правило, давит на органы власти (...) в целях принятия политических решений, угодных протестующим» (Фролов 2015). И не только политических, но и экономических, социальных решений.

Здесь существует большая вероятность, что конструктивная гражданская активность может перейти в деструктивную (мирные акции могут закончиться погромами и акциями неповиновения), а также, что за мирными и социально значимыми лозунгами может скрываться иная цель, например, изменение политической ситуации в корыстных целях отдельных граждан или групп граждан и т.п.

3. Институциональные и неинституциональные формы гражданской активности

Институциональные формы гражданской активности молодежи связаны с использованием определенных институций, таких как общественные и политические объединения, партии, профсоюзы и др.

Неинституциональные формы не имеют четких публичных проявлений, но в то же время объединяют в себе весомую долю гражданской активности и выражаются в следующих видах:

- непредвиденная гражданская активность заключается в проявлении неподотчетной, недеklarированной, ненавязанной гражданской позиции. Она может выражаться в различных акциях протеста. Ярким примером такой активности служат «Марши нетунеядцев», которые объединили большое количество населения страны против Декрета № 3 «О предупреждении социального иждивенчества». Иллюстрацией непредвиденной гражданской активности в молодежной среде служат «Революция через социальную сеть» (акции «молчаливого» протеста) (2011 г.), вызванные девальвацией белорусского рубля и ухудшением качества жизни; студенческая акция «Марш любви и солидарности» (2015 г.), направленная на отмену платных пересдач, и т.п. (Круглов 2014b).
- анонимная гражданская активность молодежи представляет собой латентную форму участия в общественной жизни страны. В связи с развитием информационных технологий, возможностью как офлайн (посредством написания анонимных жалоб в различные организации и властные структуры), так и онлайн (проявлять свою гражданскую активность в сети Интернет, скрываясь под вымышленными никами) решать общественные и личные проблемы, не раскрывая свою личность перед широкой аудиторией. Такая активность часто связана с иждивенческой формой гражданской активности. Ее суть заключается в перекалывании решения социально-политических проблем на других. Обычно она выражается в формах обращения в органы местного или государственного самоуправления и власти с коллективными или индивидуальными предложениями, жалобами, прошениями и т.п. (Круглов 2014а: 59).
- информационно-коммуникационная форма гражданской активности выражается через возможность коммуникации с властными и общественными структурам онлайн (через электронные приемные, электронные формы обращения граждан, интернет-площадки). К примеру, в белорусском интернет-пространстве существует площадка Change.org, на которой любой желающий может написать свою петицию или присоединиться к чужой инициативе (Глобальная платформа, online). При этом петиция может быть направлена на решение совершенно разных общественных проблем: от спасения болот от уничтожения до создания качественной белорусской версии Google. К тому же данный ресурс на самом деле позволяет решить некоторые назревшие проблемы.

Следует отметить, что неформальная гражданская активность молодежи повышается и растет число ее неинституциональных форм, поэтому государство

должно регулировать этот рост посредством инициации различных проектов, направленных на создание системы социального партнерства общества и власти.

4. Сетевая и иерархическая форма гражданской активности молодежи

Молодежные организации, общности и солидарности могут организовываться и управляться посредством вертикальной или горизонтальной структуры, другими словами, могут иметь иерархическую (пронизанную жесткими вертикальными связями и отношениями) или сетевую (в которой все члены равны в своих правах, обязанностях и ответственности) формы. По иерархическому принципу организована работа республиканских общественных объединений, профессиональных союзов и студенческого самоуправления.

Конечно, организации, которые поддерживаются органами власти, имеют больше возможностей плодотворного развития и оказания положительного воздействия на юношество и молодежь посредством воспитания гражданской и политической культуры, патриотизма, просвещения в области прав человека и достоинства личности. Членство в данных организаций также имеет ряд преимуществ: некоторые льготы (например, членский билет БРСМ дает право на получение скидок в ряде заведений страны); большую возможность принимать участие в различных мероприятиях, конкурсах, грантах (к примеру, в мероприятиях, организуемых ФПБ, могут участвовать только члены профсоюзов).

Однако при вертикальном управлении молодежными организациями существует и ряд недостатков. Проиллюстрируем это на примере организации студенческого самоуправления (которое априори направлено на формирование таких личностных качеств, как активность и ответственность). В каждом вузе страны создана система студенческого самоуправления, но его деятельность координируется управлениями воспитательной работы с молодежью, деканами факультетов, первичными объединениями БРСМ, что демонстрирует подчиненность вышестоящим органам.

С одной стороны, студенческие инициативы в вузах приветствуются и поддерживаются, но, с другой стороны, практически не остается возможности для проявления низовой активности, так как на все ключевые позиции ответственные (лидеры) назначаются (к примеру, старосты студенческих групп не избираются учебным коллективом, а назначаются деканами из числа лучших студентов). Но ведь самоуправление и заключается в предоставлении права каждому самостоятельно принимать и реализовывать решения в рамках своей компетентности.

Говоря о сетевой гражданской активности, исследователи выделяют три типа организации гражданской активности: сетевая, протопертикальная, гибридная (Головин, Фролов 2016; Соколов, Маклашин 2013).

Большой интерес представляет сетевая форма проявления гражданской активности молодежи. В развитии данной формы значительную роль играют со-

временные интернет-технологии. Существующие интернет-ресурсы дают возможность быстро и дешево найти соратников для решения различных задач.

Социальные сети, гражданские приложения, краудсорсинговые и краудфандинговые площадки представляют значительные возможности для коммуникации, передачи информации, поиска ресурсов. Они становятся реально действующим инструментом горизонтальных отношений в обществе (Фролов 2015: 27).

Такая форма организации молодежных инициатив присуща в основном некоммерческому сектору, незарегистрированным объединениям. Главными характеристиками, по мнению А.В. Соколова и И.С. Маклашина, сетевого гражданского общества являются «открытость», т.е. «установление широких многомерных связей коммуникации» и «спонтанность» – «свободное формирование, текучесть, постоянное изменение структуры» (Соколов, Маклашин 2013: 159). Сетевая гражданская активность строится на принципах равенства, добровольности участия, а также отсутствия иерархического управления и ресурсного взаимодействия.

Иллюстрацией низовой гражданской активности служат кампании в защиту среды проживания (Кампания местных жителей в защиту Восточного сквера, апрель 2017 года), в защиту языкового равноправия (акции, проводимые «Таварыствам беларускай мовы»), против разрушения исторических памятников (Гуманитарно-просветительское общественное объединение «Садружнасць Палесся»), различные социальные инициативы («Еда вместо бомб» / Food not bombs). Следует обратить внимание на то, что сетевые инициативы оказывают позитивное влияние на решение общественных местных проблем.

Несмотря на то, что сетевая организация гражданской активности молодежи изначально была низовой, теперь ее активно стали использовать и властные структуры, внедряя «данную форму организации в собственные технологии управления общественно-политическим процессом» (Фролов 2015).

Протовертикальная сетевая гражданская активность представляет собой движения, «созданные властными структурами для актуализации вопросов по определенным темам» (Фролов 2015). Такие организации могут создать разветвленную сеть региональных представительств, задействовать административный ресурс. В качестве примера можно привести развитие истории со строительством бизнес-центра в урочище Куропаты, когда властные структуры согласились с активистами, что строительство бизнес-центра недопустимо, что необходимо создать мемориал и благоустроить Куропаты. Был объявлен всенародный сбор средств на благоустройство; министерство культуры объявило конкурс на эскиз памятного знака (мемориала) Куропаты (В Минкультуры, online). К наведению порядка в урочище присоединились профсоюзы, «Белая Русь», БРСМ, министерство культуры, организовав 25 марта 2017 года субботник (Если мы не помним, online). Главным недостатком протовертикальной гражданской активности является то, что подобные сетевые организации получают должное развитие только при наличии поддержки со стороны органов власти, без внешнего контроля сетевое движение затухает.

Гибридная сетевая активность – новое явление для Беларуси – представляет собой смешанную структуру. Как правило, лидеры движения имеют связь с органами власти, получают от них поддержку, но, с другой стороны, это и низовая активность граждан, принимающих участие в деятельности движения на добровольных началах.

Ярким примером тому служит поисково-спасательный отряд «Ангел», который оказывает помощь в поиске пропавших людей, а также занимается профилактикой пропажи детей и безвестного исчезновения взрослых. Лидеры отряда тесно сотрудничают с МВД. Последнее задействует поисковые отряды для установления свидетелей и местонахождения пропавших. Организация также проводит республиканские учения для добровольцев по поиску заблудившихся людей в лесу (Поисково-спасательный отряд, online). Как отмечал Х. Хекхаузен: «Жизнь любого человека представляет собой непрерывный поток активности (...). Формы активности варьируются от образов-представлений, проходящих перед нашим внутренним взором в снах и грезах, до действий, произвольно осуществляемых нами по заранее намеченному плану» (Хекхаузен 1986: 12).

Подводя итоги, отметим, что разнообразие форм и видов гражданской активности должно способствовать формированию у белорусской молодежи потребности в самоопределении и рефлексии, личной и коллективной ответственности, повысить уровень ее нравственной и эстетической культуры, приобщить к духовным ценностям и традициям нашего народа, обеспечить участие в общественной жизни, помочь ей приобрести опыт взаимодействия с государственными органами власти в реализации своих прав и интересов, в разрешении наиболее актуальных молодежных проблем. Развитость гражданской активности – важнейший показатель укрепления позиций гражданского общества в нашей стране, и проявление небезразличного отношения к целям, ценностям и идеалам демократии.

Библиография

- «*Esli my ne pomnim istoriû, ona povtorâetsâ*». *Kak v Den' Voli kommunisty i BRSM ubirali Kuropaty* (2017). (Online) <https://news.tut.by/society/536810.html/> (dostup 21.11.2017) [*«Если мы не помним историю, она повторяется»*. *Как в День Воли коммунисты и БРСМ убрали Куропаты* (2017). (Online) <https://news.tut.by/society/536810.html/> (доступ 21.11.2017)].
- Frolov, A.A. (2015). *Setevye formy organizacii graždanskoi aktivnosti v sovremennoj Rossii*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učenoi stepeni kandidata političeskikh nauk. Âroslavl' Âroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova [Фролов, А.А. (2015). *Сетевые формы организации гражданской активности в современной России*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова].
- Global'naâ platforma dlâ vaših kampanij* (2019). (Online) <https://www.change.org> (dostup 21.09.2019) [*Глобальная платформа для ваших кампаний* (2019). (Online) <https://www.change.org> (доступ 21.09.2019)].
- Golovin, Ū.A., Frolov, A.A. (2016). *Praktiki setevoj graždanskoi aktivnosti v sovremennoj Rossii. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Učenyje zapiski SKAGS*, 2: 195–198 [Головин, Ю.А.,

- Фролов, А.А. (2016). Практики сетевой гражданской активности в современной России. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, 2: 195–198].
- Graždanskoe obšestvo (2019). (Online) <https://eurobelarus.info/civil-society/> (dostup 21.09.2019) [Гражданское общество (2019). (Online) <https://eurobelarus.info/civil-society/>. (доступ 21.09.2019)].
- Heckhausen, X. (1986). *Motivaciã i deãtel'nost': v dvuch tomach*. Т. 2. Moskva: Pedagogika [Хекхаузен, Х. (1986). *Мотивация и деятельность: в двух томах*. Т. 2. Москва: Педагогика].
- Kruglov, M.S. (2014a). Sovremennyye formy graždanskoj aktivnosti v političeskom processe Rossijskoj Federacii. *Teoriã i praktika obšestvennogo razvitiã*, 3: 57–65 [Круглов, М.С. (2014). Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации. *Теория и практика общественного развития*, 3: 57–65].
- Kruglov, N.S. (2014b). *Sovremennyye formy graždanskoj aktivnosti v političeskom processe Rossijskoj Federacii*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni kandidata političeskikh nauk. Moskva: Istoriko-arhivnyj institut federal'nogo gosudarstvennogo bŭdžetnogo obrazovatel'nogo uĉreždeniã «Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet» [Круглов, Н.С. (2014). *Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук. Москва: Историко-архивный институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Российский государственный гуманитарный университет»].
- Poiskovo-spasatel'nyj otrãd «Angel» (Search and Rescue squad “Angel”) (2019). (Online) <http://angel-search.by/node/41/> (dostup 21.07.2019) [Поисково-спасательный отряд «Ангел» (Search and Rescue squad “Angel”) (2019). (Online) <http://angel-search.by/node/41/> (доступ 21.07.2019)].
- Sokolov, A.V. Maklašin, I.S. (2013). Setevaã graždanskaã aktivnost' v sovremennoj Rossii. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6: 159–161 [Соколов, А.В. Маклашин, И.С. (2013). Сетевая гражданская активность в современной России. *Вестник Костромского государственного университета*, 6: 159–161].
- Spisok zaregistrirovannyh molodežnyh organizacij. (Online) <http://oeec.by/wp-content/uploads/2016/01.pdf>. (dostup 21.09.2019) [Список зарегистрированных молодежных организаций (2019). (Online) <http://oeec.by/wp-content/uploads/2016/01.pdf>. (доступ 21.09.2019)].
- V Minkul'tury postupili pervye zããvki na konkurs èskiznyh proektov pamãtnogo znaka «Kuropaty» (2017). (Online) <http://www.belta.by/culture/view/v-minkul'tury-postupili-pervye-zajavki-na-konkurs-eskiznyh-proektov-pamjatnogo-znaka-kuropaty-242509-2017/> (dostup 21.11.2017) [В Минкультуры поступили первые заявки на конкурс эскизных проектов памятного знака «Куропаты» (2017). (Online) <http://www.belta.by/culture/view/v-minkul'tury-postupili-pervye-zajavki-na-konkurs-eskiznyh-proektov-pamjatnogo-znaka-kuropaty-242509-2017/> (доступ 21.11.2017)].

PRZEKŁADOZNAWSTWO
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ
TRANSLATION STUDIES



О МЕТАЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

ЛЮДМИЛА В. КУШНИНА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Гуманитарный факультет

Кафедра Иностранные языки, лингвистика и перевод

Комсомольский пр., 29, 614990, г. Пермь, Россия

e-mail: lkushnina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

(получено 3.10.2019; принято)

Abstract

On the Metalanguage of Translation

The paper is devoted to the meta-linguistic description of the translation process based on the author's conception of the translation space seen as an interlingual and intercultural interaction of communicants representing different language cultures. The aim of the paper is to clarify the conception's key categories: meaning and its modeling, harmony and disharmony as criteria of assessing the quality of the translation, synergy of sense as the necessary condition for achieving a harmonious translation text. The synergetic approach to the translation process is used as the methodological base. Such an approach leads to the expansion of new meanings into the other culture. The paper provides a metalinguistic description of the translation space components illustrated with examples of translations from French and Italian into English and Russian.

Key words: harmonious translation text, meta language of translation, modeling of the meanings, synergy of meanings, translation space

Резюме

Статья посвящена метаязыковому описанию процесса перевода, в основу которого положена авторская концепция переводческого пространства, пред-

ставляющая собой форму бытия межъязыкового и межкультурного взаимодействия коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурам. Целью является освещение ключевых категорий концепции переводческого пространства: смысл и его моделирование, гармония и дисгармония как критерии оценки качества перевода, синергия смыслов как условие достижения гармоничности. В качестве методологии исследования использован синергетический подход к переводу, предполагающий приращение новых смыслов, удовлетворяющих принимающей культуре. Результатом исследования является экспликация метаязыкового описания компонентов переводческого пространства, что проиллюстрировано на материале переводов с французского и итальянского языков на русский и английский языки.

Ключевые слова: гармоничный текст перевода, метаязык перевода, моделирование смыслов, переводческое пространство, синергия смыслов

Введение

Современная теория перевода вступила в новую фазу своего развития: с одной стороны, исследователи перевода накопили богатейший теоретический и эмпирический материал, требующий серьезного переосмысления и систематизации, а с другой, основные трудности, стоящие перед переводческим сообществом, до сих пор не преодолены, поэтому каждый переводчик остается наедине с собой, самостоятельно достигая вершин мастерства.

Такое утверждение возникло у нас после знакомства с исследованием Н.К. Рябцевой *Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект*, которое обладает, на наш взгляд, свойством фундаментальности по кругу заявленных проблем в связи с междисциплинарным характером их решения (Рябцева 2013). В центре внимания исследователя находится проблема профессионального переводческого мышления, аккумулирующего творческое и стереотипное начала, что требует разработки метаязыка перевода. Между тем автор вынужден признать, что терминология современного отечественного переводоведения недостаточно последовательна и системна, понятийный аппарат нуждается в уточнении ключевых категорий, лингвистические концепции и психологические теории не являются до сих пор прочной основой переводоведения. Достоинство труда Н.К. Рябцевой видится не столько в решении поставленных проблем, сколько в постановке глобальных вопросов мировоззренческого характера, стоящих перед исследователями перевода, поскольку «перевод настолько сложное интеллектуальное и культурное явление, что теория перевода полностью объяснить его специфику не может...» (Рябцева 2013: 211).

Постановка проблемы и цели исследования

Задачей настоящей статьи является метаязыковое описание перевода с позиций разрабатываемой нами концепции гармонизации переводческого пространства, разработка которой продолжается более десяти лет (Кушникова 2009).

Начнем с того, что, по замечанию Н.К. Рябцевой в цитируемой выше работе, «...разные теории перевода нередко вводят свои собственные понятия, которые не всегда сопоставимы друг с другом..., разные авторы вкладывают в одни и те же термины разное содержание, т.е. понимают их по-своему...» (Рябцева 2013: 17). Мы придерживаемся мнения о том, что введение новых терминов необходимо для того, чтобы выявить и описать новые закономерности, которые открываются исследователю в ходе разностороннего изучения и пристального наблюдения.

Именно с этой целью мы ввели в научный обиход синергетическую модель перевода – переводческое пространство, которое является для нас ключевым понятием при описании метаязыка перевода. В рамках междисциплинарной парадигмы, полевого подхода к анализу лингвистических явлений, синергетической модели восприятия и порождения текста, а также текстоцентрического и антропоцентрического подходов к процессу перевода, мы пришли к выводу, что перевод есть комплексная система транспонирования множества имплицитных и эксплицитных смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Задача переводчика заключается в воссоздании смысловой системы текста оригинала в тексте перевода, что становится возможным в результате мысленного освоения переводчиком некоей полевой структуры, в которой различаются ядро и периферия. Эта структура представлена переводческим пространством, где в качестве ядра выступает содержание текста, а на периферии находятся поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента) и текстовые поля (энергетическое и фатическое). Важно подчеркнуть, что каждое поле смыслоцентрично, а смысл текста перевода не является суммой смыслов всех его полей, но результатом их синергии, предполагающей приращение смысла в соответствии с требованиями той культурной традиции, в которую интегрируется текст перевода. В этом нам видится принципиальное отличие переводческого пространства от других моделей перевода. Кроме того, благодаря переводческому пространству ясно выстраиваются отношения между исходным и производным текстами, что позволило нам упорядочить традиционные метапереводческие термины и ввести новые, тем самым выстраивая критерии перевода в следующей иерархической последовательности: гармоничность, эквивалентность, адекватность, дисгармоничность.

Мы выдвинули гипотезу о существовании переводческой гармонии, что является развитием идеи основателя отечественного переводоведения А.В. Федорова, сформулированной следующим образом: «... от определенных единств и единиц оригинала тянутся какие-то нити к переводному произведению, к единствам и единицам, тоже определенно намечаемым; эти нити могут быть прослежены; некоторые же элементы в переводе оказываются как бы ни с чем в оригинале не связанными» (Федоров 2006: 4). Мы предположили, что тради-

ционные термины «адекватность» и «эквивалентность» характеризуют определенным образом связанные элементы оригинала и перевода. Заметим, что сам А.В. Федоров видел задачу теории перевода в изучении системы «протянутых» и «непротянутых» нитей. Если мы трактуем гармоничный перевод как установление смысловой соразмерности между текстами оригинала и перевода, возникающее в результате синергетического приращения новых смыслов, тем самым мы констатируем, что гармония символизирует «непротянутые» нити. Но и дисгармония, которую мы расцениваем как проявление переводческих ошибок и несоответствий, также отражает «непротянутые» нити, которые ненамеренно возникли при переводе в силу различных объективных и субъективных причин. Разумеется, наряду с гармоничными отношениями, между текстами оригинала и перевода возникают отношения «протянутых нитей», что соответствует адекватному и эквивалентному переводу. Отношения эквивалентности обозначают относительно высокую степень качества перевода, в то время как отношения адекватности – относительно низкую степень качества перевода.

Методология исследования

Как мы увидим ниже, переводческое пространство является тем интеллектуальным инструментом переводчика, который способствует решению стоящих перед ним профессиональных задач.

Переходя к принципам гармоничного перевода, начнем с категории смысла. В трактовке смысла мы солидарны с позицией И.М. Кобозевой, которая рассматривает его в тесной связи со значением, однако последовательно дифференцируя эти понятия: «...мы наблюдаем отчетливую тенденцию к противопоставлению „значения” как закрепленного за данной единицей языка относительно стабильного во времени и инвариантного содержания, знание которого входит в знание языка, „смыслу” как связанной со словом информации, изменчивой во времени, варьирующей в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка» (Кобозева 2004: 5). Важно, что инвариантное стабильное значение зафиксировано в словаре и эксплицитно выражено в тексте, а варьирующий в зависимости от намерений коммуникантов имплицитный смысл формируется в полях субъектов переводческой коммуникации. При этом каждое поле переводческого пространства наполняется своим смыслом. Это означает, что смыслы субъектов коммуникации не идентичны, но соразмерны друг другу, согласованы друг с другом. Задача переводчика состоит в постижении смыслов автора и в прогнозировании смыслов реципиента, что неотделимо от понимания текста. Ранее решая проблему соотношения «смысл-текст» мы пришли к заключению, что смысл есть лингвистический коррелят понимания текста (Кушнина 2004). С позиций гештальт-синергетического подхода текст предстает как совокупность знаковых единиц, объединенных смысловой связью, возникающих в результате способности текста к транспонированию заключенного в нем смысла на всех уровнях, во всех языках. Эксплицитный, поверхностный уровень смысла проявляется в содержании текста. Имплицитные уровни смысла проявляются в предтексте, контексте, подтексте,

затексте, интертексте – имплицитных текстовых измерениях, выступающих сущностным свойством текста. Следовательно, текст есть форма существования смысла. Данная трактовка относится как к тексту оригинала, так и перевода, что становится возможным при условии мысленного создания в сознании переводчика особого переводческого пространства, в котором совершается своего рода «жизнь» смысла: его поиск, улавливание, разгадывание, раскрытие, кодирование, декодирование, создание, воссоздание, девербализация, ревербализация, синергия, гармонизация и пр.

Переходим к описанию следующих ключевых понятий разрабатываемой нами концепции, которые составляют метаязык перевода.

Речь идет о существовании множества гетерогенных смыслов, которые наполняют переводческое пространство. Если переводчик извлекает из текста или любого его компонента, начиная со слов и словосочетаний, лишь одно значение или один эксплицитный смысл и, если такой «смыслоусеченный» текст оказывается понятен реципиенту, можно говорить об адекватном переводе, что мы соотносим с буквальным переводом, переводом-подстрочником, учебным переводом. Адекватный перевод мы рассматриваем как начальный уровень анализа в пространстве моделирования смысла.

Обратимся к художественному поэтическому переводу с французского языка на русский. Наше внимание привлекли поэтические тексты М. Карема, перевод которых выполнен М. Ясновым (Maurice 2011: 317)¹.

Bonté	Доброта
Il faut plus d'une pomme	Яблока не хватает,
Pour emplir un panier.	Чтоб украсить стол.
Il faut plus d'un pommier	Яблони не хватит,
Pour que chante un verger.	Чтобы сад расцвел.
Mais il ne faut qu'un homme	А вот человека
Pour qu'un peu de bonté	Хватит, чтоб с другим
Luise comme une pomme	Честно поделился
Que l'on va partager.	Яблоком одним.
(Maurice Carême)	(М. Яснов)

Данный перевод мы признаем гармоничным: в тексте перевода констатируем наличие лишь ключевых словарных соответствий, в то время как многие лексемы заменены (например: *emplir un panier* имеет словарное соответствие заполнить корзину, а переведено – украсить стол и др.), но переводчику удалось выразить атмосферу оригинала, передающее намерение доброты, что вызывает полное понимание русскоязычного читателя.

Результаты исследования

В переводческом пространстве создается такая речевая ситуация, которая обеспечивает синергию смыслов его полей. Синергетический эффект заключа-

¹ Maurice C. Poésies. Морис Карем. Стихотворения. перевод с франц. Михаила Яснова. Maurice Carême Poésies. Москва: «Текст», 2011. 317 с.

ется в том, что исходный смысл текстовых единиц «наращивается», имеет место осознанное или неосознанное приращение смыслов, в результате чего происходит лингвокультурная адаптация. Предпосылкой такой адаптации являются семантические ассоциации, или коннотации лексем, которые выступают важным типом лексической информации (Кобозева 2004). Ученый подчеркивает специфичность коннотаций для каждого языка. Так, например, по наблюдениям Л.В. Щербы, существует различие между русской лексемой «вода» и французской лексемой «eau» при образном употреблении слова. Русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому этот признак совершенно чужд. Такая непредсказуемость лексем обуславливает необходимость адаптации в условиях переводческого пространства. Еще большие расхождения возникают на уровне значимости – *valeur* – термин введен Ф. де Соссюром. Значимость соотносится с тем, что данная лексема выражает не только определенное понятие, что имеет универсальный характер и свойственно всем языкам, но и с другими лексемами в рамках конкретного языка, что является лингвоспецифичным. В работах И.М. Кобозевой данное явление получило название семантических корреляций. В рамках переводческого пространства, которое простирается от содержания текста на исходном языке к содержанию текста на языке перевода, поиск семантических корреляций осуществляется, как нам представляется, не столько в процессе поиска смыслов каждого из полей, сколько в процессе синергии смыслов. Это означает, что синергетический эффект можно уподобить установлению оптимальной семантической корреляции в тексте перевода, что является серьезной трудностью для переводчика.

В качестве примера приведем фразу из текста романа А. Иванова в оригинале и в переводе: И лед в моей душе тает – *La glace fond dans mon coeur*.

Как видим, русское слово «душа», обладающее непредсказуемой системой коннотаций, содержащее в себе понятие «загадочной русской души», при переводе заменяется другой лексемой (*coeur* – *сердце*), семантические корреляции которой более понятны носителям французской культуры, так как они воплощают оценку, принятую в данном языковом коллективе. Данный перевод мы также признаем гармоничным.

Мы считаем, что именно синергия смыслов в переводческом пространстве обуславливает их дальнейшую гармонизацию, что приводит к порождению качественного перевода, который становится достоянием другой культуры.

Проанализируем фрагмент бессмертной поэмы Данте в оригинале (итальянский язык) и в переводах на французский, английский, русский языки. Напомним, что Данте начал писать свою поэму в 1305 г., но она была опубликована лишь после смерти автора в 1321 г. Первый опубликованный перевод на французский датируется 1596-1597 гг. Каждая последующая эпоха выдвигала своих переводчиков. Так, например, в XX веке было выполнено двадцать переводов на французский язык.

Текст оригинала (итальянский язык):

Era gia l'ora che volge il disio
 Ai navicanti e'ntenerisce il core
 Lo di c'han detto ai dolci amici addio.

<p>Перевод на русский язык (А.А. Илюшин)</p> <p>Настал вечерний час, когда желанья Влекут отплывших обратно, к любимым, И вспоминаешь горький час прощанья.</p>	<p>Перевод на английский язык (Henry Wadsworth Longfellow)</p> <p>'Twas now the hour that turneth back desire In those who sail the sea, and melts the heart, The day they've said to their sweet friends farewell.</p>
<p>Перевод на французский язык (Henri Longnon)</p> <p>Il était déjà l'heure ou sèmeut de regret Et s'attendrit le Coeur de ceux qui sont en mer, Le jour qu'aux doux amis il fallut dire adieu.</p>	<p>Перевод на французский язык (Martin Saint-André)</p> <p>Il était déjà l'heure, au coeur attendrissante, Qui tourne le désir des marins vers le jour Ou l'adieu des amis berçait leur âme absente.</p>

Как видим, переводческие решения многочисленны. В каждом конкретном случае в переводческом пространстве формируется индивидуально-образный смысл, с учетом не только индивидуальности переводческой личности, но и «индивидуальности» принимающей культуры. Мы приходим к выводу, что в каждом из представленных переводов в процессе синергии смыслов поля переводчика и фатического поля происходит порождение текста перевода не менее уникального, чем оригинал, благодаря чему великое творение итальянского классика становится достоянием мировой литературы. Такой текст является гармоничным, что подтверждает наше предположение о том, что гармония является вершиной процесса перевода.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем значимость метаязыкового описания процесса перевода, что представлено нами в концепции переводческого пространства. Согласно разрабатываемой нами концепции, в качестве важнейших ее составляющих выступают категории гармонии и дисгармонии, которые характеризуют качественный/некачественный переводы. Гармония расценивается нами как аксиологическая доминанта перевода, как некий идеал, к которому стремится переводчик, а дисгармония является результатом неудачного, ошибочного перевода, который также существует в реальной переводческой практике. Мы исследовали моделирование смысла в переводческом пространстве, т.к. считаем, что текст оригинала обладает множеством гетерогенных смыслов, которые необходимо транспонировать переводчику в такое же множество, которое станет неотъемлемым компонентом другой культуры. Этот процесс сопровождается синергией смыслов, что выражается в приращении новых смыслов, приемлемых принимающей культурой. Гармония и синергия смыслов в переводческом пространстве – это процессы, но это и метаязыковые сущности, которые позволяют исследователю проникнуть в сущность перевода, познать его истинное предназначение в культуре отдельной личности и в культуре целой страны.

Библиография

- Dante Alig'eri (2014). *Božestvennaâ komediâ*. В пер. А. Плûšina, primečaniâ М.И. Никола. Moskva: Drofa [Данте Алигъери (2014). *Божественная Комедия*. В пер. А. Илюшина, примечания М.И. Никола. Москва: Дрофа].
- Fedorov, A.V. (2006). *O hudožestvennom perevode*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPBGU [Федоров, А.В. (2006). *О художественном переводе*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ].
- Kobozeva, I.M. (2004). *Lingvističeskaâ semantika*. Moskva: Èditorial URSS [Кобозева, И.М. (2004). *Лингвистическая семантика*. Москва: Эдиториал УРСС].
- Kotûrova, M.P., Važenova, E.A. (2008). *Kul'tura naučnoj reči: tekst i ego redaktirovanie*. Moskva: Flinta–Nauka [Котюрова, М.П., Баженова, Е.А. (2008). *Культура научной речи: текст и его редактирование*. Москва: Флинта – Наука].
- Kotûrova, M.P. (2010). *Stilistika naučnoj reči*. Moskva: Akademiâ [Котюрова, М.П. (2010). *Стилистика научной речи*. Москва: Академия].
- Kušnina, L.V. (2004). *Vzaimodejstvie âzykov i kul'tur: geštal't-sinergetičeskij podhod*. Dissetaciâ na soiskanie učnoj stepeni doktora filologičeskikh nauk. Perm': Permskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet [Кушнина, Л.В. (2004). *Взаимодействие языков и культур: гештальт-синергетический подход*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Пермь: Пермский государственный технический университет].
- Kušnina, L.V., Alikina, E.V. (2010). *Garmoniâ v sisteme ocenki kačestva ustnogo perevoda*. *Vestnik tûmenskogo gosudarstvennogo universiteta: Istorîâ i filologiâ*, 1: 141–147 [Кушнина Л.В., Аликина Е.В. (2010). Гармония в системе оценки качества устного перевода. *Вестник Тюменского государственного университета: История и филология*, 1: 141–147].
- Kušnina, L.V. (2013a). *Sinergetičeskaâ sistemnost' v perevode v aspekte meždisciplinarnykh vzaimodejstvij. Stereotipnost' i tvorčestvo*. Вып. 17. Perm': 116–124 [Кушнина, Л.В. (2013). Синергетическая системность в переводе в аспекте междисциплинарных взаимодействий. *Стереотипность и творчество*. Вып. 17. Пермь: 116–124].
- Kušnina, L.V. (2013b). *Èlitarnaâ rečevaâ ličnost' v perevodčeskom prostranstve ruskoj lingvokul'tury*. V: *Industriâ perevoda*. Perm': Permskij nacional'nyj issledovatel'skij politehničeskij universitet: 335–339 [Кушнина, Л.В. (2013b). *Элитарная речевая личность в переводческом пространстве русской лингвокультуры*. В: *Индустрия перевода*. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет: 335–339].
- Kušnina, L.V. (2013в). *Perevodovedčeskij diskurs v Rossii: tradicii i sovremennost'*. *Vestnik PNIPU: Problemy âzykoznanîâ i pedagogiki*, 8: 10–16 [Кушнина Л.В. (2013в). Переводоведческий дискурс в России: традиции и современность. *Вестник ПНИПУ: Проблемы языкознания и педагогики*, 8: 10–16].
- Lederer, M. (1994). *La traduction aujourd'hui*. Paris: Hachette.
- Maurice, C. (2011). *Poésies = Moris, K. Stihotvoreniâ*. Perevod s franc. M. Âsnova. Serîâ Bilingva. Moskva: Tekst [Maurice, C. (2011). *Poésies = Морис, К. Стихотворения*. Перевод с франц. М. Яснова. Серия Билингва. Москва: Текст].
- Râbceva, N.K. (2013). *Prikladnye problemy perevodovedeniâ: lingvističeskij aspekt*. Moskva: Flinta [Рябцева, Н.К. (2013). *Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект*. Москва: Флинта].

PRZEKŁADY
ПЕРЕВОДЫ
TRANSLATIONS



Н.Д. ГОРОДЕЦКАЯ, ПРИНЯТИЕ САМОУМАЛЕНИЯ
КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ
(ПЕР. Т.П. СИДОРОВОЙ)

ТАТЬЯНА СИДОРОВА

Гомельский областной институт развития образования
Кафедра педагогики и частных методик
ул. Юбилейная, 7, 246032 Гомель, Беларусь
e-mail: oikp@iro.gomel.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7505-3228>
(получено 18.10.2019; принято 20.10.2019)

Abstract

**N.D. Gorodetskaya, *Acceptance of Humiliation as a National Ideal*
(translation T.P. Sidorova)**

The paper contains a previously untranslated extract from the first chapter of the book *The humiliated Christ in modern Russian thought* by the writer and theologian, Nadezhda Danilovna Gorodetskaya. At the beginning of her literary and philosophical review of Russian culture and history, Gorodetskaya turned to the work of the Slavophiles and Westerners, finding in their worldview meekness, humility, sacrifice and other features of the “kenotic” virtues and ideals, so characteristic, in her opinion, of the whole Russian world.

Key words: kenosis, Slavophiles, Westerners, humility, self-depreciation, service, sacrifice

Резюме

Предлагаемый материал содержит фрагмент первой главы из книги писательницы и богослова русского Зарубежья Надежды Даниловны Городецкой *Уничи-*

женный Христос в современной русской мысли, которая ранее не переводилась на русский язык. В начале своего литературно-философского обзора русской культуры и истории Городецкая обращается к творчеству славянофилов и западников, находя в их мировоззрении кротость, смирение, жертвенность и прочие черты «кенотических» добродетелей и идеалов, столь свойственных, по ее мнению, всему русскому миру.

Ключевые слова: кенозис, славянофилы, западники, смирение, самоумаление, служение, жертвенность

От переводчика

Ранее мы знакомили читателей с основными вехами жизни и творчества Надежды Даниловны Городецкой (1901–1985) – писательницы, публицистки, литературного критика, мыслительницы и богослова Русского зарубежья (Сидорова 2018: 172–182). Ее диссертационная работа, ставшая книгой *The Humiliated Christ in Modern Russian Thought* (Лондон 1838) – *Униженный Христос в современной русской мысли* является концептуальной не только в богословско-литературном синтезе Городецкой, но и в понимании русской культуры в целом. Работу часто переводят как «Униженный Христос...», руководствуясь дословным переводом: *humiliation* – с англ. ‘унижение’, *humility* – ‘смирение, покорность, повинение’. Сама Автор настаивала на переводе «унижение» как синонимичного богословскому понятию кенозиса – самоистощания (*self-emptying*) Христа. По мнению ее биографа и коллеги Э. Хилл, возможно, недостаток опыта владения английским привел Городецкую к отождествлению «смирения» и «унижения» – с использованием слова *humiliation* (см. Хилл 2013).

Книга состоит из 5 глав: I. *Принятие самоумаления как национальный идеал*, II. *Идеал святости в русской художественной литературе*, III. *Христианские особенности радикального движения*, IV. *Религиозное и нравственное составляющие унижения*, V. *Доктринальные сочинения о кенозисе*. Вниманию читателей предлагается фрагмент I. главы *Acceptance of Humiliation as a National Ideal*.

Напомним, что идея кенозиса в книге Городецкой применяется очень широко к явлениям социально-политической и культурной жизни России XVIII – начала XX веков: Автор затрагивает как персоналии, так и направления. В связи с чем нам представляется наиболее уместным для перевода термин «самоумаление» как характерная черта христианина – независимо от его рода деятельности/служения – в стремлении подражать Христу в Его подвиге самоотречения, жертвенности, послушании. Впрочем, этот термин приветствуется и А.М. Любомудровым – составителем публикации художественной прозы Н. Городецкой, изданной Пушкинским Домом (см. Городецкая 2013: 6 и далее).

Библиография

- Gorodeckaâ, N.D. (2013). *Ostrov odinočestva: roman, rassказы, očerki, pis'ma*. Sost., vstup. st., podgot. teksta i komment. Lûbomudrova, A.M. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Rostok [Городецкая, Н.Д. (2013). *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма*. Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Любомудрова, А.М. Санкт-Петербург: Издательство «Росток»].
- Hill, È. (2013). *Vospominaniâ*. V: Gorodeckaâ, N.D. (2013). *Ostrov odinočestva: roman, rassказы, očerki, pis'ma*. Sost., vstup. st., podgot.teksta i komment. Lûbomudrova, A.M. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Rostok [Хилл, Э. (2013). *Воспоминания*. В: Городецкая, Н.Д. *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма*. Санкт-Петербург: Издательство «Росток»].
- Sidorova, T. (2018). *Ideâ kenozisa v žiznetvorčestve* Н.Д. Gorodeckoj. *Studia Rossica Gedanensia*, 5: 172–182 [Сидорова, Т. (2018). *Идея кенозиса в житнетворчестве* Н.Д. Городецкой. *Studia Rossica Gedanensia*, 5: 172–182].

N.D. Gorodetskaya

The Humiliated Christ in Modern Russian Thought

Chapter I

Acceptance of Humiliation as a National Ideal

Н.Д. Городецкая

Уничиженный Христос в современной русской мысли

Глава I

Принятие самоумаления как национальный идеал

XIX век в России был ознаменован стремительным общим развитием страны. Обыкновенно говорят о «десятилетках»: каждое десятилетие привносит изменения в провозглашаемые идеи.

В результате войны и победы над Наполеоном начало века было окрашено «встречей с Западом». Русские политика, философия и религия встретились с нациями Западной Европы. Это было характерно для «эпохи Александра I» (1805–1825). В то же самое время возник вопрос, что есть Россия, каково ее место и отношения с другими нациями. Эта эпоха была «пробуждением сердца, но еще не пробуждением мысли», и проблема России оставалась неразрешенной в 1830–е годы. И никто не мог лучше выразить этот период «эстетической культуры сердца», религиозного беспокойства, а также политического и религиозного универсализма, чем сам император. Александр I умер внезапно, и многие отказывались верить в реальность его кончины. Среди людей распространилась легенда, которую мы должны упомянуть в связи с ее «кенотическим» содержанием. Говорили, что император бежал в Сибирь, переодевшись солдатом,

и с тех пор он живет там скромной жизнью в крестьянской избе под именем отшельника Феодора Кузьмича¹.

Романтическое и утопическое поколение 1830–х было сдержанно политическими ограничениями режима Николая I (1825–1855), что привело к мечтательной бездеятельности, формированию в русской жизни и литературе типа «лишнего человека». Впрочем, созидательную силу нации не могла искоренить никакая цензура. В этот период поэзия была голосом России. В ней по-прежнему звучало эхо торжествующих мотивов недавней победы.

Неожиданным признанием стало стихотворение М.Ю. Лермонтова *Родина* (1841):

Люблю отчизну я, но странною любовью...

Здесь не было военной удали, которая так привлекала его ранее: он нарисовал картины печальных деревень, пронзительных ночей с их тусклыми, мерцающими огнями; или еще – шум и танец пьяных крестьян в праздничный день. Такие пейзажи и такие герои не были характерны для байронической поэзии. Но это были картины, которые очаровывали русских авторов XIX века².

Проблема развития России во всей своей значимости предстала перед поколением 1840-х годов. И стала ключевой темой обсуждения у славянофилов и западников. Их полемика дала импульс к деятельности следующего десятилетия и стала источником вдохновения для будущих поколений. Славянофилов вдохновляли исследования фольклора, истории, этнографии; крестьянин стал героем в литературе. Вопрос крестьянства был центральным как для славянофилов, так и для западников; ранняя попытка дать определение национальному и религиозному характеру России позже соединилась с политической ситуацией в стране: обоим лагерям хотелось дожидаться освобождения крестьян.

Период «великих реформ» 1860-х (отмена крепостного права была провозглашена в феврале 1861 г.) совпал с прогрессом позитивной науки, которая преобладала в мысли и была почти доведена молодыми, «мыслящими реалистами» и «нигилистами» этого периода до статуса новой религии.

1870-е выдвинули тип «раскаившихся дворян», которые желали «идти в народ» и выплачивать долги эпохи. Это сострадательное «кенотическое» направление внутри революционно-настроенной молодежи было оппозиционным по отношению к группе политических экстремистов материалистического толка, активно пропагандировавших анархию.

Конец века, после убийства Александра II (1855–1881) известен как «период реакции» при Александре III (1881–1894). Две интересных характеристики это-

¹ Исторический персонаж; многие верят в подлинность этого факта (здесь и далее в тексте приведены авторские ссылки и комментарии – Т.С.).

² Мы сожалеем, что не имеем возможности в данной работе отдельно рассмотреть поэзию, тем более с точки зрения возвышенного и «пророческого» характера русской поэзии и чести, которая всегда там присутствовала. Тем не менее, мы намерены упоминать наиболее значимые поэтические произведения в связи с объектом нашего исследования.

го периода: с одной стороны, марксизм, с другой – новые решения религиозных проблем. Достаточно вспомнить влияния Толстого, Соловьева и Достоевского.

XX век начался с реакции, которую С.Н. Булгаков охарактеризовал в названии своей книги *От Марксизма к Идеализму*. На самом деле там было нечто большее, чем идеализм: там было возвращение интеллигенции в Церковь. Проблема Церкви и ее природы, поставленная еще славянофилами, снова привлекла мыслителей. Это была попытка оценить возможности «православной культуры». «Кенотические» идеи также не исчезли. Они стали теперь, напротив, более определенными: в поэзии Россия звучала как «юродивая во Христе»; и богословы говорили непосредственно о Личности Христа с точки зрения кенотической доктрины.

Славянофилы и западники

Дискуссии о судьбах и сущности России могут показаться далекими от заявленной нами темы. Poleмика между славянофилами и западниками кажется, на первый взгляд, отражением некоторых частных взглядов на историю России. В действительности, это было глубже: это непосредственно коснулось темы призвания России.

Все образованные люди первой половины XIX века были, в известном смысле, западниками. Иван Киреевский (1806–1856) назвал свой первый обзор *Европеец* (под Европой всегда подразумевалась Западная Европа). Славянофилы не отрицали свою связь с Западом. В самом деле, они заимствовали от Запада, славян и немцев идею нации как единства самосознания, что проявилось в их интересе к фольклору, к проблемам причины и интеллекта, сопоставления тезиса и антитезиса. Но то, что для людей на Западе оставалось лишь теоретическими выкладками из области идей, для славянофилов в действительности реализовывалось в России. Иван Киреевский обнаружил сущность самосознания русских людей – в православной вере, в статусе христиан. Он доверял этому коллективному опыту своей нации так же, как это делали и другие славянофилы. Вот почему нам следует внимательно изучить всю восточно-западную полемику. Это покажет нам, как люди, размышлявшие над судьбами России, понимали ее призвание как христианской страны и какими они видели особенности Христианства в целом. И мы убедимся, что идея самоумаления найдет здесь своих убежденных сторонников.

Движение славянофилов было скорее религиозной концепцией мира, чем националистическим течением мысли. Обманчивое название было вызвано их сочувствием к угнетенным славянским нациям и ожиданием того, что, однажды освободившись от турецкого или немецкого ига, славянские братья под моральным лидерством России смогут создать «новый мир». У них была также мысль о том, что Россия, в ее тихой и страдающей истории, вырастет в разумную и, наконец, цивилизованную страну, сможет решить проблемы, мучающие Запад. Задачу России как Православного государства, тесно связанного для славянофилов с Христианством, они логически обратились к универсализму. То, что

Россия должна правильно понимать свою миссию и судьбу, казалось жизненно важным не только для страны, но и для мира в целом. Идея нации как христианского организма освободила славянофилов от национальной ограниченности, «предложила новые возможности универсальных отношений»³. Несмотря на такие намерения и несмотря на строгую критику России, славянофилы, явившие многочисленные примеры национального русского смирения, не смогли полностью избежать национальной гордости, а временами и слепоты в отношении реального состояния их страны. Хомякову следовало бы вспомнить, что ни государство, ни его Церковь, несмотря на их потенциальную святость, не заплатили сполна за некоторые моменты истории. Эта смесь мистического поклонения России и безжалостного критицизма окрасила всю русскую литературу XIX века, объединившую патриотических и «обличающих» писателей⁴.

Обсуждение проблемы России приобрело более определенный характер после публикации *Философических писем* (1836) Петра Чаадаева (1793–1856). Позиция славянофилов и западников стала к этому времени определенной. Они продолжали свои дискуссии, но оставались друзьями до 1845 года, когда те, кто хотели следовать по западному пути, были обвинены поэтом Н.М. Языковым (1803–1846) в измене. Это была дата формального разрыва.

Было бы напрасно ожидать от работ славянофилов ясной и разработанной системы мысли: их труды по большей части были неоконченными и фрагментарными. Как объединение славянофилы были пионерами во многих областях. Они были вынуждены думать и творить в неблагоприятных условиях. Давление цензуры воспрепятствовало Ивану Киреевскому разработать его философские труды. Подозрение тяготело и над А.С. Хомяковым (1804–1860), и потребовалось немало времени, чтобы церковный мир признал ценность его теологических сочинений⁵. Подобные работы Ю.Ф. Самарина (1819–1876) не представляют боль-

³ Ю.Ф. Самарин. *Собрание сочинений: в 8 т.* Москва 1900, т. 1, с. 221. Замечание на статью С. Соловьева, 1857. С.Н. Леонтьев. *Собрание сочинений: в 9 т.* Москва 1912, т. 5, с. 19, протестующего против идеи России быть исключительно славянской страной: «Такое содержание было бы слишком бедным для ее универсального духа». – В.С. Соловьев. *Собрание сочинений: в 10 т.* Санкт-Петербург 1896, т. 3, с. 196: «Правда может быть только универсальной». Известно высказывание Достоевского: «Русские имеют две родины, Россию и Западную Европу» а также его речь о Пушкине, чью главную заслугу он видел в создании «универсального» русского человека.

⁴ Парадокс национальной гордости и смирения был решительно поставлен В.С. Соловьевым после его разрыва с группой в 1881 году, особенно в работе *Национальная проблема в России*, т. 5, с. 30. Парадокс империализма и смирения у ранних славянофилов, Достоевского и также у Соловьева был замечен М.М. Тареевым. *Основы христианства*. Москва 1908, т. 4, с. 295, 367. Среди многих примеров критицизма России, сделанных славянофилами, можно отметить статьи И.С. Аксакова о Церкви и Государстве. К.С. Аксаков был убежден, что его нации свойственно горячее чувство покаяния. Хомяков в своем стихотворении *К России* (1854) говорит: «Тяжело на тебя давит ярмо рабства; ты пресытилась безбожной и разрушительной ложью» и т.д.

⁵ Ф. Смирнов. *Теологические идеи Славянофилов*. В: *Православном Обозрении*, 1883 и 1884, отсылает к этому недоразумению. Некоторые представители церковного мира (например,

шого интереса: он сделал больше в качестве адвоката и судьи, борющегося во имя эмансипации. Петр Киреевский (1808–1856) проделал значительную работу по сбору и классификации фольклора. Исторические сочинения К.С. Аксакова (1818–1860) остались только в фрагментах, но все же ценны для выражения его понимания общества. И.С. Аксаков (1823–1895) в большей степени, нежели другие славянофилы, помогал славянам в их борьбе за свои права в качестве журналиста. Он подробно описывал положение Церкви в России и разоблачал недостатки своего времени; он ратовал за свободу совести и требовал отделения Церкви от Государства. Честность жизни и мысли славянофилов была признана даже их оппонентами. Далее мы специально отметим их как группу народных богословов и искренне верующих библеистов, внесших существенный вклад в «кенотическое» вдохновение ранней России.

Поэтические интуиции и прозрения лучше, чем систематические учения, могут выразить действительную сущность движения. Так, Федор Тютчев (1803–1873) занимает позицию убежденного славянофила. Его политические статьи, такие как *Россия и революция* (1848) или *Папство и римский вопрос* (1849) и все его стихотворения политического содержания выражали его надежду на будущее России и его веру в особенную божественную защиту, хранящую его родину, несмотря на то что это была «темная земля непробужденной нации». Он рассматривал Россию как слугу Христову и поэтому выражал надежду, что наступит великий день, «всеобщий и православный день» (*День православного Востока*, 1850). В 1854 году он написал: «Теперь не время для стихов»: война для него не несла политическую угрозу, но была направлена против «слова России», против жизни и просвещения будущих времен. Он убеждал своих читателей «быть верующими и стать оправданными перед Богом». На вопрос, что было этим таинственным «новым словом», Тютчев, а с ним и все славянофилы, могли бы ответить:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Эта вера в Россию не была националистической моделью, никто не оценивал ее выше любой другой культуры, или цивилизации, или исторической общности. Очевидно, что Россия того времени была вряд ли цивилизованной или высококультурной страной. Но даже если получится преодолеть историческое несовершенство, даже если свобода и счастье воцарятся в стране, что заживит старые раны, скроет следы насилия, заполнит пустоту падших душ?

Филарет Московский), поддерживали его, но он не мог опубликовать свои работы и мог писать некоторые из них на иностранных языках и печатать их за пределами России. После его смерти Самарин отредактировал его работы в Праге, на русском языке. Кроме своих собственных сочинений, Хомяков переводил Послания к Галатам и Ефесянам и писал постраничные комментарии на Филиппийцев, приведя около 6 кенотических интерпретаций.

Кто их излечит, кто прикроет?
 Ты, риза чистая Христа...
 (Над темной толпой)

Тютчев сам сполна познал сомнения и страсти. Неизвестные силы хаотичного ночного мира одновременно манили и пугали его: *Дай вкусить уничтоженья, с миром дремлющим смешай (Сумерки)*. Он чувствовал томления духа и был в смятении. Но путь из этого темного мира был ясен для него. Выход был в Евангелии и в Личности Спасителя (*При посылке Нового Завета*). Все страсти мучили поэта – «*Душа готова, как Мария, К ногам Христа навек прильнуть*» (*О, вещь душа моя*). Как человек Тютчев не мог всегда оставаться верным Христу. Но он глубоко верил, что его нация и в особенности крестьяне не предадут Спасителя. Эта связь национальной души с Христом была для него вопросом веры и даже больше: убежденностью, что такая связь еще не реализована в полной мере. Данное понимание нашло отражение в его стихотворении *Эти бедные селенья*:

Эти бедные селенья,
 Эта скудная природа...
 Край родной долготерпенья,
 Край ты Русского народа.

Не поймет и не заметит
 Гордый взор иноплеменный
 Что сквозит и тайно светит
 В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной
 Всю тебя, земля родная,
 В рабском виде Царь Небесный
 Исходил, благословляя⁶.

Это стихотворение раскрывает самое сердце славянофильства. Оно дает понять, что «новое слово» заключает в себе призыв быть христианином и позволяет выговориться покорным бесправным людям, которые несут в себе образ Царя небес. Исходя из этого, внимание творческой интеллигенции XIX века впредь было приковано к крестьянству. Это было больше, чем отношение социального сострадания – это была готовность учиться у простых людей. «Мы должны учиться у людей стать интеллектуально скромными; мы должны осоз-

⁶ Это стихотворение было широко известно и часто цитируемо. Достоевский применял его как иллюстрацию к сущности русского характера и русской судьбы. Тареев как богослов, заинтересованный в светской культуре, упоминает его, когда размышляет об уничтожении Христа. Действительно, это стихотворение могло бы послужить эпитафией к некоторым работам, связанным со 2 главой Послания к Филиппийцам. В то же время Тютчев остается поэтом элиты; популярность именно этого стихотворения была обусловлена скорее его содержанием, нежели славой автора.

нать, что крестьянская концепция мира более правдивая, чем наша»⁷. Тем, кто хотел порассуждать на тему отсутствия образования среди русского крестьянства, Достоевский дал решительный ответ:

Я утверждаю, что наши крестьяне были просвещены давным-давно принятием Христа и Его светом... Человек из народа знает все, хотя он не сдавал экзамены по Катехизации. Он учился в церквях, где во время богослужений он слушал молитвы и песнопения, которые лучше, чем любые проповеди... и он знает сердцем *Господи и Владыко живота моего*⁸: вся сущность Христианства заключается в этой молитве. Но его главной школой Христианства были эпохи бесконечного страдания, которые он терпел в ходе истории, когда, оставленный всеми, угнетаемый всеми, работающий для всех, он оставался в полном одиночестве со Христом, Утешителем, Которого он принял в свою душу и Который спас его душу от отчаяния⁹.

Это отождествление крестьянства с образом оскорбленного Христа было перенесено и на остальную часть нации. Это стало основой веры в «Святую Русь». Реконструкция популярных песен и фольклора также показали, какие сокровища народной души были спрятаны в глубине отдаленных деревень¹⁰. Историческое и духовное прошлое, выраженные посредством фольклора, вдохновили славянофилов надеяться на лучшее будущее их страны.

Религиозный подход окрасил всю систему славянофилов. Они подчеркивали тот факт, что слово *крестьянин* созвучно слову *христианин*. Все они были убеждены, что «человеческие инстинкты и верования» главнее любых книг из-за «бескорыстия и самопожертвования, которые заложены в их моральной природе»¹¹. Их личные стремления и достижения часто были следствием этой веры в православную душу крестьян¹².

⁷ К.Н. Леонтьев, т. 8., с. 110.

⁸ Молитва св. Ефрема Сирина:

«Господи и Владыко живота моего,
Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи, Царю!
Даруй ми зрети моя прегрешения,
И не осуждати брата моего
Яко благословен еси во веки веков».

Эта молитва стала судьбоносной в жизни революционера А.К. Маликова (см. ниже).

⁹ Ф.М. Достоевский. *Сочинения*. Санкт-Петербург 1905–1906. Речь о Пушкине, т. 12, с. 438, 439.

¹⁰ Все славянофилы, особенно Языков, коллекционировали все, что могли найти для П. Киреевского. Он организовывал экспедиции по различным уголкам страны. Он умер незадолго до издания труда всей своей жизни. Некоторые из Южных песен были высланы ему Гоголем. См. также библиографические и археологические работы Митрополита Евгения Болоховитинова (1767–1837). Также следует вспомнить так называемые духовные песни. См.: Г.П. Федотов. *Духовные песни*. Париж 1935.

¹¹ Ф.И. Тютчев. *Сочинения*. Под ред. П. Бикова. Санкт-Петербург 1912, с. 468. Россия и революция.

¹² Обращение И. Киреевского, в связи с его открытием православия в крестьянах, а также под влиянием его жены, имело важные последствия не только для него самого. Он познако-

Интерпретация русской истории – главный камень раздора между славянофилами и западниками – интересна для нас. Это показывает, что ключевые особенности русской истории, к которым обратились славянофилы, подпадают под определение «кенотических» функций. Мирный характер Древней Руси и призвание варяжских князей (Рюрик 879) казались славянофилам истинным проявлением христианской духовности: «В нашей ранней истории нет пятна завоеваний. Кровь и вражда не были фундаментом Российского государства... Церковь, имея ограниченное поле деятельности, никогда не теряла чистоту внутренней жизни и не призывала своих детей к несправедливости и насилию»¹³. Нация развивала систему общинной организации и избирала своего князя, который был также за «добровольное самоограничение каждого человека»¹⁴. Этому духу суждено было пройти через всю историю России, от призвания варягов – и в случае Михаила Романова¹⁵ (правил 1613–1645). На это возвышенное – любовь к миру, смирение и самоограничение – западники могли ответить то, что «этот самый вызов князя из-за моря был неправильным и ненормальным»; а что касается смирения, то «это рабство, как рабской является и Российская гордость»¹⁶. Еще более горький спор был спровоцирован фигурой Петра Великого и его реформами (правил 1682–1725). Славянофилы обвиняли его не столько в насаждении иностранных идей и путей развития нации, сколько в разрушении ее мирного характера и внедрения раскола между правительством и народом¹⁷. С тех пор растущая империя, по их словам, ушла в заблуждение от национальных христианских идеалов, и подавленный дух государства сменил братский дух деревенских общин. Этот общинный принцип ранней России был также использован западниками, но уже в политическом контексте. Это не было возвращением к идиллическому прошлому, как того хотели славянофилы, но одной из возможностей для страны развиваться в христианском духе ее прошлого¹⁸.

Даже в своих политических конструкциях лучшие из славянофилов утверждали, что готовы к самопожертвованию и даже нищете. Не менее чем либеральные западники, славянофилы, хотя сами были землевладельцами, ратовали за отмену крепостного права; из письма Хомякова: «Тот, кто оби-

мился с монахами из Оптиной пустыни и стал их помощником в переводе и издании ранних Отцов-аскетов. Со временем Оптина была связана с литературным миром.

¹³ А.С. Хомяков. *Сочинения: в 8 т.* 4-е изд. Москва 1906–1911, т. 3, с. 28.

¹⁴ Ю.Ф. Самарин, т. 1, с. 52. По материалам Современника 1847.

¹⁵ К.С. Аксаков. *Сочинения: в 3 т.* Москва 1861–1880, т. 1, с. 8, Исторические письма.

¹⁶ И.С. Тургенев. *Дым*. Пер. К. Гарнетт, 1896, с. 45, 52. Оба автора выражают здесь взгляды и позицию западников.

¹⁷ Г. Флоровский. *Пути русского богословия*, с. 83: «Это было не так расколом между правительством и нацией, как расколом между правительством и Церковью».

¹⁸ Отношение славянофилов к государству было в целом отрицательным. К.С. Аксаков говорил о нем, как о «компромиссе», «проживанием человеческой христианской совести, являющейся выше, чем какой-либо законный заказ». – И.С. Аксаков. *Сочинения: в 7 т.* Москва 1886, т. 1, с. 679. В.Я. Богучарский. *Активное народничество 70–х гг.* Москва 1912, с. 21, замечания Аксакова повлияли на Бакунина и анархизм в России.

жен, может простить; преступник никогда не прощает; его преступные ростки рожают ненависть. Христианин может быть крепостным, но не должен быть рабовладельцем»¹⁹. Еще до освобождения крестьян И. Аксаков пошел дальше и предложил, чтобы «дворянство как класс» исчезло²⁰. В контексте внешней политики, ратующей за освобождение славян, Самарин связывал эту проблему с вопросом о Польше и советовал России отказаться от Польши «охотно и следуя своим внутренним побуждениям... ради умиротворения Европы, которая теперь против нас»²¹. Даже Н.Я. Данилевский (1822–85), ученый, экономист и приверженец практической политики, признал бы, вместе с К. Леонтьевым, что «Россия имеет своеобразную политическую судьбу... Ее интересы носят моральный характер, что проявляется в поддержке слабых и раненых»²². И хотя Россия нуждалась в тот момент в усилении своего влияния на Балканах, славянофилы не были заинтересованы в этих практических вопросах, но смотрели на славянскую проблему с точки зрения определения христианской веры, «универсального православия»²³. И.С. Аксаков приводил множество примеров готовности крестьян отдать их труды и даже жизни для «собратьев»²⁴. Для них Россия содержала в себе «принцип собирания славян; она должна была показать миру строгую чистоту политического и духовного знамени славянства, не в смысле какого-либо амбициозного украшения, но как символ, указывающий путь»²⁵. Этот путь, культурное призвание страны, следует понимать «не как ложную привилегию, а как реальный долг; не как господство, но как служение»²⁶. И Достоевский подвел к логическому заключению, сказав, что «вся сила России заключается в жертвенной незаинтересованности – вся ее личность, так сказать, и вся дальнейшая судьба России». Более того, недостаточно «желания послужить человечеству. ...Кто хочет быть великим в Царствии Небесном, тот должен быть слугой всем. В этом идеале, как я понимаю, и есть русская судьба»²⁷.

Славянофилы имели интуицию универсальной истории как реализации Царствия Божиего. Для них первостепенным было то, что Россия должна чувствовать свою реальную миссию в этом историческом процессе, который воспринимался ими как органично единый. Мы только можем упомянуть здесь большой вклад славянофилов в идею единства и целостности. Это было сформулировано в теологических сочинениях Хомякова как определение «соборность»²⁸. В сфе-

¹⁹ А. Хомяков, т. 2, с. 97. Теологические письма.

²⁰ И.С. Аксаков, т. 5., с. 28, (в письме) от 6.01.1861 год.

²¹ Ю. Самарин, т. 1, с. 343, Современное содержание польского вопроса.

²² К. Леонтьев. т. 5, с. 29 (в 1873 г.), ср. Н.Я. Данилевский. Россия и Европа (Санкт-Петербург 1869), с. 436.

²³ Ф. Достоевский, изд. Берлин, 1922. *Дневник писателя* (1876), с. 561.

²⁴ И. Аксаков, т. 1, с. 223 и 273, Запись от 24.10.1876.

²⁵ Там же, т. 1, с. 50, *Славянская проблема* (в День 1865).

²⁶ В. Соловьев, т. 4, с. 7, *Великий спор и христианская политика*.

²⁷ Ф. Достоевский. *Дневник*, с. 289.

²⁸ Термин использовался в Символе веры как «Кафоличность»; также выражает симфоническую природу кафолического сознания или Католицизм, дух, в котором все работают вместе

ре мысли И. Киреевский надеялся создать синтетическую философию, которая могла бы примирить веру и разум – тему продолжил В.С. Соловьев (1853–1900) с его философией истории как «богочеловеческим процессом». Они надеялись, что «вера, это наивысший интеллект, придающий жизни смысл»²⁹, должна помочь нации «осветить популярный общечеловеческий принцип как принцип Церкви»³⁰. «Новое слово» – это и обращение Православия к остальной части человечества, а потому должно быть по сути христианским. Русские люди и Православная Церковь мыслились как синтез, противостоящий Католическому и Протестантскому мирам. Задача России понималась как примирение этих двух миров, воссоединение разделенного христианского мира³¹.

Вклад России в это универсальное открытие Царства Божия было определено Хомяковым, когда он смело провозгласил: «Есть только одна задача, приемлемая для России – быть обществом, основанным на высоко моральных принципах... Все, что основано на самоотречении и самопожертвовании, включено в одно слово: Христианство. Только одна задача возможна для России: стать самым христианским из человеческих сообществ. Вот почему она всегда оставалась и останется равнодушной ко всему, что мелко, условно и случайно»³².

Соловьев, хотя его конфессиональные идеи изменились со временем, верил, что «высокая сила, которую русская нация может показать человечеству – это сила не от мира сего, и внешнее богатство или порядок по отношению к ней не имеют значения... Это религиозное призвание»³³. Он неоднократно повторял похожее заявление³⁴ и предупреждал своих читателей, что «для русского общества будет позором, если оно вынужденно будет снизить эту высоту и заменить универсальную задачу маленькими профессиональными или классовыми интересами под знаменем любых великих имен»³⁵. Достаточно часто он напоминал, что «внешняя форма раба, в которой мы нашли нашу нацию, жалкое состояние России в экономической и других областях, далеко не противоречит ее призва-

и которому все способствует – определение из *Соборность*, журнал Братства св. Албана и св. Сергия.

²⁹ И. Киреевский. *Сочинения*. 2-е изд. Москва 1856, т. 1, с. 249, о Новых принципах в философии.

³⁰ Ю. Самарин, т. 1., с. 63, по поводу «Современника».

³¹ Там же, т. 1, с. 116, о национальности в науке. Тезис был предложен им в Московском университете в 1844. Стефан Яворский и Феофан Прокопович защищали похожую идею. Опубликовано посмертно в 1880.

³² А. Хомяков, т. 3, с. 335. Среди его стихотворений многие передают его идею Христианства и «кенотической» страны: *Остров* (1836); *России* (1839); *Раскаявшейся России* (1854); *Если сомненья в твоей душе* (1859).

³³ В. Соловьев, т. 1, с. 238. Три разговора. Его стихотворение *Ex Oriente Lux* (1890), он предлагает России выбирать между – становиться мирской силой Востока или – быть орудием Христа.

³⁴ Там же. *Письма*. Под ред. Е.Л. Радлова (Санкт-Петербург 1908, 1911), т. 1, с. 189, к епископу Штротсмайеру в 1866; также с. 198 к Е. Тавернеру в 1896.

³⁵ Там же. Речь о Достоевском, т. 3, с. 204.

нию, скорее, наоборот, подтверждает его»³⁶. Не только славная задача страны была выражена в плане Христианства, но, как мы видим, «образ раба только подтверждает» такое призвание. Это «кенотическое» национальное самоопределение было сформулировано еще более точно, когда И. Аксаков объяснил, что «самые высокие результаты свободной деятельности человеческого духа – мысль, наука, искусство и так называемая цивилизация – должны служить постепенному воплощению христианского идеала в человеческом обществе»³⁷. Вот почему все славянофилы были обеспокоены воплощением предназначения России и ее достойным существованием³⁸.

Какие характеристики национальной принадлежности, с точки зрения славянофилов, соответствуют требованиям святой универсальной России? Что сделал их лагерь и каждый из них в отдельности для осуществления миссии России?

Великие чемпионы свободы, славянофилы, тем не менее, выступали с позиции христианского послушания, следования законам и плодам христианской жизни. Давняя тенденция государства «превращать граждан в вещи», по их мнению, будет полностью изменена посредством христианства; рабство одного человека другому изменится «в добровольное свободное послушание»³⁹. Истинная жизнь, временная и вечная, зависит «от одного общего условия, а именно, от морального акта самоотречения людей и народов... плодом такого акта является вера и послушание»⁴⁰. В стране, как представлялось славянофилам, не будет никакого принуждения. Свобода совести будет гарантирована; рукой господ станет «это слово, этот духовный меч священной правды, который страдает от использования кого-то другого или только материального»⁴¹. Не будет никакого рабства и, прежде всего, смертной казни, которая для всех славянофилов, не менее чем для Толстого, есть «легализованное убийство»⁴², противоречащее духу и разуму учения Христа⁴³. Достоевский, с его опытом приговоренного к смерти, выступал против смертной казни в художественной литературе⁴⁴.

«Любовь смирения»⁴⁵, любовь, забывающая себя, безумие в глазах мира, должна стать основой жизни, личности, национального и универсального.

³⁶ Там же, Три разговора, т. 1, с. 238.

³⁷ И. Аксаков. *Цивилизация и христианский идеал* (1883), т. 2, с. 721.

³⁸ М. д'Эрбиньи. В. Соловьев. *Русский Ньюмен*. Париж 1934, с. 170.

³⁹ И. Аксаков. *Жизнь Тютчева*. Москва 1886, с. 177.

⁴⁰ В. Соловьев. *Великий спор...*, т. 4, с. 53.

⁴¹ И. Аксаков. *Общественные вопросы в духовных делах*, т. 4, с. 607.

⁴² Н. Л. Бродский. *Ранние славянофилы*. Москва 1909, с. 117.

⁴³ И. Аксаков. *Деспотизм теории над жизнью* (1868), т. 2, с. 395, 400.

⁴⁴ Приговоренный в 1849. *Идиот* написан в 1868. «Легализованное убийство намного страшнее убийства разбойников. Кто может сказать, в состоянии ли человеческая природа вынести это без безумия? Возможно, тот человек, который был приговорен к смерти, был подвержен этой пытке, и ему потом сказали „ты можешь идти, ты прощен“. Возможно, такой человек мог бы рассказать нам. Это была та пытка и та агония, о которых также говорил Христос» – пер. К. Гарнетт (1913), с. 19.

⁴⁵ К.Н. Леонтьев, т. 7, с. 385.

Христианская духовность не может быть заменена «какими-либо приличными манерами»⁴⁶ и при этом не может быть выверена никакой выгодой⁴⁷. Здесь не может быть никакого компромисса, никакого смешивания требований Бога с человеческими идеалами.

Бедность должна быть сохранена в самом большом уважении. Простота жизни позиционировалась как идеал. Роскошь или даже привычный комфорт, как его понимали, были «незаконными не только с религиозной точки зрения, но и моральной и социальной... Русский дорожит тряпками шута ради христианской пользы больше, нежели парчой придворного»⁴⁸. Нищий оценивался как потенциальный гражданин Царствия Небесного «в образе слуги». Отсюда славянофильское недоверие к организованной благотворительности. Возможность предоставления личной помощи воспринималась как привилегия. Милостыня должна оказываться не через празднества с благотворительными целями, а в набожной любви. «Нищий делает крестное знамение и все вокруг повторяют это, благодаря Господа за предоставленную возможность быть достойными подать что-то нищему... Они просят не просто деньги, а подачи милостыни от души»⁴⁹. Сюда прибавлялось подозрение, что золото само по себе почти никогда не происходит из абсолютно чистого источника. С другой стороны, жажда принять участие в святом акте милосердия часто принимала форму самоотречения, фактической «самонищеты» – «врожденного качества» нации⁵⁰. Никакое учение или цивилизация не считали необходимым создать истинный дух благотворительности, повиновения и самопожертвования. «Христианство не учит, но показывает»⁵¹. Поэтому, более того, крестьянин даже в его государстве крепостничества может стать почти лидером жизни.

Мы можем подвести итог религиозных и национальных идей славянофилов, исходя из идей самоограничения, смирения, бедности и других достоинств «кенотического» характера. Легко заметить, что такие идеи подвержены неверному истолкованию. Фактически они часто понимались как выражение «мракобесия». Т.Г. Масарик неодобрительно заявляет, что славянофильские «пассивные христианские достоинства уважались; даже страдание было хорошим состоянием; примирительное, терпеливое, набожное смирение и скромность устанавливались как главные христианские достоинства православной России»⁵².

На пике противоречий славянофилы и западники иногда резко отзывались друг о друге. Фактически же ранние западники имели немало общего со своими противниками: «страстное чувство [к России] для истории и для нас – как

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ И. Аксаков. *Письма*. Москва 1888–92; родителям, 1848.

⁴⁸ И Киреевский, т. 2, с. 214, О характере Европейской цивилизации, 1852.

⁴⁹ Н.Л. Бродский. *Ранние славянофилы*, с. 85, из пьесы К. Аксакова *Принц Люповицкий*.

⁵⁰ В. Соловьев. *Духовные основы жизни*, т. 3, с. 385. Это была совершенная правда о самом Соловьеве. Или – соответствовало лично Соловьеву. Тургеневские *Щи* являются также хорошей иллюстрацией этому.

⁵¹ И. Аксаков. *Цивилизация и христианский идеал* (1883), т. 2, с. 711. Это в полном объеме представлено в славянофильстве и западничестве.

⁵² Т.Г. Масарик. *Дух России: в 2 т.*, 1919. Глава 9, с. 2, о К.С. Аксакове, письма в Лондон, 1861.

пророчество»⁵³. Для того чтобы Россия выполнила это пророчество и развила свои лучшие качества, она должна, по мнению западников, учиться у «старших братьев» на Западе. Несмотря на расхождения «в сороковых и двух следующих десятилетиях западники находились под славянофильским влиянием»⁵⁴. С другой стороны, из обеих групп вышло немало умеренных западников, либералов, прогрессивных конституционалистов. Выдающиеся западники часто использовали язык славянофилов и часто считали удобным для самовыражения подобную лексику.

Важно отметить, что если все славянофилы выступали от имени группы, то западники – это ряд индивидуальностей. Поэтому кажется логичным анализировать данное движение по тому, как оно было представлено в учении главных лидеров.

(Продолжение следует)

⁵³ А.И. Герцен. Санкт-Петербург 1919, т. 9, с. 11, о К.С. Аксакове, письма в Лондон, 1861.

⁵⁴ Т.Г. Масарик. *Дух России...*, т. 1, с. 334.

RECENZJE, OMÓWIENIA I POLEMIKI
РЕЦЕНЗИИ, ОБСУЖДЕНИЯ
И ПОЛЕМИКА
REVIEWS, OVERVIEWS
AND POLEMICS



ROSJA WIDZIANA PRZEZ PRYZMAT POLSKIEGO REPORTAŻU LITERACKIEGO

(Monika Wiszniowska, *Zobaczyć – opisać – zrozumieć. Polskie reportaże literackie o rosyjskim imperium*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2017)

MAŁGORZATA KRAKOWIAK

Uniwersytet Śląski
Wydział Filologiczny
Instytut Nauk o Kulturze i Studiów Interdyscyplinarnych
pl. Sejmu Śląskiego 1, 40-032 Katowice, Polska
e-mail: malgorzata.krakowiak@us.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5223-2626>
(nadesłano 30.09 2019; zaakceptowano 30.10.2019)

Jesienią 2015 roku Nikolaï Kolada przeniósł na deski Teatru Śląskiego w Katowicach *Ożenek* Gogoła. Znakomitemu spektaklowi towarzyszył interesująco zredagowany program, w którego śródowej części redaktorki – Aleksandra Czapla-Oslisło i Irena Świtalska – umieściły *Patchwork z rosyjskiej duszy*. Wyjaśniały w nim czytelnikom i widzom spektaklu, że: „Zrozumienie i opisanie tego, co zwykle się nazywać rosyjską duszą, staje się często obsesją. Już na zawsze uzależnioną od oddzielania faktów od mitów. »Coś tam się rozjaśniło. Ale coś nadal pozostaje niejasnym – zdanie ze wstępu do reportaży Ryszarda Kapuścińskiego wydaje się puentować wszystko, co wiedzieliśmy i wiemy o Rosji” (Czapla-Oslisło, Świtalska 2015: 12). Na ów „patchwork” złożyły się następnie wycinki z ... reportaży polskich autorów piszących o Rosji. Jego wybrany fragment umieściła następnie na początku swojej książki katowicka badaczka literatury reportażowej – Monika Wiszniowska.

W 2018 roku ukazała się na rynku wydawniczym obszerna praca Wiszniowskiej *Zobaczyć – opisać – zrozumieć. Polskie reportaże literackie o rosyjskim imperium*. Na podkreślenie zasługuje fakt, że czytelnik książki otrzymuje dokładnie i w pełni to, co zostało zapowiedziane w tytule. Zarazem – to też trzeba zaznaczyć na wstępie – podjęty temat stanowi naturalną konsekwencję zainteresowań zarówno czytelnicznych, jak i badawczych Wiszniowskiej. Autorka wyraźnie oznaczyła i jednocześnie ograniczyła) w podtytule obszar badań (potencjalnego materiału przykładowego było aż nadto),

co należy traktować jako zaletę jej publikacji. *Zobaczyć – opisać – zrozumieć* zostało przemyślane skomponowane. Początkowa oraz dwie końcowe części dotyczą zagadnień formalnych, natomiast trzy „środkowe” poświęcone zostały, interesująco sprobematyzowanym przez badaczkę, realizacjom tematu (lub: tematów) Rosji w „polskich reportażach literackich”.

Stwierdzenie, że książka Wiszniowskiej posłużyć może jako kompendium wiedzy o reportażu, choć prawdziwe, jest niewystarczające. W pierwszej części (*Teoria reportażu literackiego*) Autorka zajmuje się zebraniem i usystematyzowaniem wiadomości na temat historii i świadomości odrębności formy, nazewnictwa, odmian. Gdyby na tym poprzestała, uzyskałaby, solidne wprowadzenie i udokumentowane literaturą przedmiotu, ale tylko powielenie tego, co o reportażu napisali inni. Wiszniowska postanowiła jednak, na mocy własnych, bogatych doświadczeń lekturowych, zbudować genealogiczny model reportażu literackiego, choć była świadoma, że tym samym zajmuje polemiczne stanowisko wobec badaczy kwestionujących, z różnych powodów, zasadność takiego postępowania.

Konsekwentnie wykorzystywała w tym celu narzędzia strukturalistyczne oraz pomysły ze strukturalizmu wywiedzione. Uprzedzająco wyjaśniała przy tym, dlaczego nowe, a raczej popularne czy „modne” metodologie nie znajdują, jej zdaniem, zastosowania w opisywaniu i analizie reportażu. Na podstawie obfitego i różnorodnego materiału tekstowego zrekonstruowała typologiczny model gatunkowy reportażu literackiego, w którym dominuje funkcja poznawcza skorelowana z estetyczną. Podmiot reportażu, zarazem autor i narrator, to humanista formułujący refleksje wykraczające poza doraźność i na mocy paktu reporterskiego komunikujący czytelnikowi prawdę o rzeczywistości. Obarczony powinnościami etycznymi, stosuje się do umowy o przezroczystości języka, dbając zarazem o poprawność językową swej wypowiedzi. Ponadto reportaż literacki cechuje się intertekstualnością. Teksty o takich dystynkcjach zajmują radykalnie inne miejsce niż służąca instrumentalnym celom publicystyka. Tym sposobem Wiszniowska dokonuje już nie obiektywnego i obojętnego podziału reportażu, ale ich waloryzacji.

Autorka podmiotowi reportażu więcej uwagi poświęciła w końcowych partiach teoretycznych. Wyróżnia i opisuje tam poszczególne reporterskie role: podróżnika, świadka, tłumacza. Notuje także: „Musimy mieć na względzie, że najważniejszą chyba rolę, jaką odgrywa podmiot reportażu, jest rola reportera (...), który nie tylko dzieli z autorem jego realność. Dodatkowo jest on wyposażony w atrybuty przynależne tej funkcji” (Wiszniowska 2017: 311). Choć brzmi to nieco tautologicznie, Wiszniowska wyjaśnia dalej, że napisanie reportażu jest zwieńczeniem skomplikowanego, zróżnicowanego zadania, którego podejmuje się reporter. To odróżnia jego profesję od zawodu pisarza. Reporterzy nie podważają realności świata. Wiszniowska pisze, że „zasadą tworzenia reportażu jest właśnie dystans poznawczy, wyraźne odsyłanie do rzeczywistości pozatekstowej” (Wiszniowska 2017: 295). W przypadku takiej literatury trudno badaczowi śledzącemu kwestie podmiotowości rozprawiać nawet o transgresji osobowego bytu materialnego w niematerialny, znakowy (jak nauczali strukturaliści). Wiszniowska udowadnia, że znane są jej teorie postmodernistyczne (a w innym miejscu – np. orientalizm, kolonializm). Sprawozdania z nich traktuje jako swoiste alibi metodologiczne. Na pytanie bowiem o rodzaj podmiotu wypowiadającego się w reportażu

odpowiada: tradycyjny, co oznacza, że nie przeciwstawianie literatury nowoczesnej i ponowoczesnej ma dla niej w tym przypadku znaczenie, a tradycyjnej i eksperymentalnej. Szkoda, że nie przypomniła tu ponownie (i konsekwentnie) kategorii literatury stosowanej, wyróżniającej się uprzywilejowaniem celu praktycznej. Sięgnęła za to w ostatnim rozdziale po inny gatunek – esej, by dowodzić przy pomocy odpowiednio dobranych przykładów, zjawiska eseizacji reportażu literackiego i wyjaśniać jego mechanizmy.

W rozdziałach drugim, trzecim i czwartym na pierwszym planie jest tytułowe „rosyjskie imperium” jako temat polskich reportaży literackich. Zarówno literatura podmiotowa, jak i przedmiotowa dotycząca tego zagadnienia jest obszerna – dość wymienić chociażby prace Ewy Pogonowskiej. Wiszniowska postanowiła jednak przedstawić własne ujęcie problemu. Zaczęła od systematycznego wytyczenia pola badawczego – scharakteryzowania tekstów będących reportażami literackimi (wedle reguł opisanych w pierwszym rozdziale) w porządku historycznym. Zaznaczała przy tym wpływ czynników zewnętrznych na życie literackie.

W trzecim rozdziale, po empirycznym dowiedzeniu popularności „Rosji” wśród polskich autorów, postawiła „pytanie o fenomen rosyjskości”. W tej części przedstawiła ciekawie trzy, implikowane przez tekst, modele pisania: postrzegania, prezentowania, tłumaczenia „Rosji”. Używam cudzysłowu, pisząc tu „Rosja”, albowiem autorka skutecznie mnie przekonuje, że w badanych przez nią reportażach jedna, konkretna Rosja nie występuje. Owe trzy modele docierania do fenomenu rosyjskości to: próby stworzenia wieloaspektowej całości, które ambitnie podejmował Kapuściński; wraz z uświadomieniem sobie niewykonalności pierwszego modelu, u innych autorów pojawiła się propozycja również wieloaspektowego opisanego rzeczywistości, ale w skali mikro, co Wiszniowska nazywa efektem lupy; w końcu model ostatni – niespójne wzajemnie epizody, których suma ma przekazywać jakąś prawdę, czyli Rosja odbita w potrząskanym lusterku.

W następnym rozdziale metafora lustra pojawia się ponownie. Tym razem w innej funkcji – służy udowodnieniu tezy, że polscy uczestnicy życia literackiego dlatego tak interesują się Rosją i jej mieszkańcami, że z ich obrazem konfrontują własny. To miejsce na podjęcie problematyki stereotypów, resentymentów, ale i antystereotypów. Zaproponowany przez Wiszniowską pomysł sprawia, że książka naukowa staje się opowieścią.

Wiele lat temu, w 1984 roku, Stanisław Barańczak napisał w eseju *E.E., przybysz z innego świata*:

Jedna powieść Milana Kundery czy Tadeusza Konwickiego, gdy przetłumaczyć ją na angielski, powie więcej amerykańskiej publiczności o Czechosłowacji czy Polsce, niż wszystkie reportaże z dziesięciu roczników „Newsweeka” razem wzięte. Jeden *Człowiek z marmuru* Andrzeja Wajdy jest nieporównanie lepszym źródłem informacji o Europie Wschodniej niż tysiąc wywiadów Barbary Walters z szarmancko całującym jej dłoń generałem. Generał może kłamać bezkarnie; w dziele sztuki kłamstwo samo się demaskuje, jak fałszywa nuta, którą rozpoznajemy w melodii natychmiast, nie zaglądając nawet do nut (Barańczak 1996: 123).

Myślę, że Monika Wiszniowska, apologetka reportażu, jak można wnosić po lekturze *Zobaczyć – opisać – zrozumieć*, podpisałaby się pod tym zdaniem. Dla niej reportaż

literacki jest dziełem sztuki. Polskie reportaże literackie o Rosji pozwalają zatem czytelnikom doświadczyć i dotknąć prawdy o trudnym „fenomenie rosyjskości”.

Bibliografia

- Barańczak, S. (1996). *Poezja i duch uogólnienia: Wybór esejów 1970–1995*. Kraków: Znak.
- Ożenek*, [program teatralny] (2015). Czapla-Oslislo, A., Świtalska, I, (Red.). Katowice: Teatr Śląski im. St. Wyspiańskiego.
- Wiszniewska, M. (2017). *Zobaczyć – opisać – zrozumieć: Polskie reportaże literackie o rosyjskim imperium*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.



MONOGRAFIA PROFESORA JERZEGO KALISZANA
РУССКИЕ ОМОГРАФЫ
(Filologia Rosyjska / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 45,
Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2017, ss. 144)¹

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Skandynawistyki i Fennistyki
ul. Wita Stwosza 51, 80-507 Gdańsk, Polska
e-mail: katarzyna.wojan@ug.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0368-727X>
(nadesłano 8.11.2019; zaakceptowano 10.11.2019)

Przedślowie osobiste

Z wielkim smutkiem przyjąłam wiadomość o śmierci Pana Profesora dra hab. Jerzego Kaliszana. Z Profesorem łączyły mnie – w najważniejszym dla mnie okresie rozwoju kariery akademickiej – bliskie relacje naukowe. Profesor zgodził się zostać promotorem mojej rozprawy doktorskiej poświęconej trudnym zagadnieniom homonimii leksykalnej w konfrontacji międzyjęzykowej (*Wspólnota homonimiki języków europejskich (na materiale języków: polskiego, rosyjskiego i fińskiego)*, t. 1–3, ss. 577); jej obrona odbyła się w lutym 2008 roku na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Głęboko w pamięć zapadły mi wypowiedziane przez Profesora słowa uznania na temat mojego osiągnięcia doktorskiego i ówczesnego dorobku. Kiedy zostałam już samodzielnym pracownikiem naukowym, Profesor Jerzy Kaliszan zwrócił się do mnie z propozycją przygotowania recenzji doktoratu Pauliny Murawskiej pt. *Substantywno-substantywne konstrukcje łącznikowe o znaczeniu osobowym we współczesnym języku rosyjskim* napisanego pod Jego kierunkiem (Poznań 2015). Był to mój pierwszy udział w przewodzie doktorskim. A potem nastąpił kolejny.

¹ Niniejszy tekst zawiera niepublikowaną dotąd w całości recenzję wydawniczą mojego autorstwa, przygotowaną 30 sierpnia 2017 roku na zlecenie Wydawnictwa Naukowego UAM w Poznaniu.

W 2016 roku na prośbę Rady Wydziału Neofilologii UAM w Poznaniu sporządziłam opinię na temat naukowego osiągnięcia Profesora – interesującej i rzetelnej publikacji leksykograficznej *Словарь омографов русского языка* (Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2015, ss. 134) – w celu zgłoszenia jej do nagrody JM Rektora UAM. Rok później zostałam poproszona o zaopiniowanie do druku Jego wartościowej monografii *Русские омографы*. Otrzymałszy ową recenzję wydawniczą, Profesor natychmiast zareagował słowami:

Pani Kasiu,
jestem niezwykle wzruszony i nieco oszołomiony wysoce pozytywną opinią o mojej książce.
Jeszcze raz gorąco Pani dziękuję za cenną pomoc.
Serdecznie pozdrawiam
Jerzy Kaliszczan
(31.08.2017)

Profesor postrzegł mnie jako specjalistkę w zakresie homonimiki. Cenił moje prace: *Słownik homonimów...* (Wojan 2011b) oraz monografie (Wojan 2010a,b; Wojan 2011a); ich podstawą teoretyczną i materiałową stał się doktorat. Od czasu do czasu telefonicznie konsultował ze mną wybrane kwestie; pytał też o literaturę przedmiotu. Szczególnie interesowały go odzwierciedlenia leksykograficzne. Były to przyjacielskie rozmowy Mistrza i byłej Uczennicy.

Na 70. rocznicę urodzin Profesora przygotowałam obszerny szkic będący syntetycznym omówieniem cyklu Jego prac, zatytułowany *Homonimika rosyjska jako przedmiot zainteresowania polskich leksykologów i leksykografów. Na marginesie najnowszych prac Jerzego Kaliszczana*, który został zamieszczony na łamach „*Studia Rossica Posnaniensia*” (Wojan 2018). Za ów tekst 17 stycznia 2018 roku otrzymałam od Niego szczerze podziękowania:

Droga Pani Kasiu,
pragnę gorąco podziękować Pani za uświetnienie wspaniałym artykułem naukowym jubileuszowego, poświęconego mojej osobie, wydania czasopisma „*Studia Rossica Posnaniensia*”. Dziękuję za spełnione serdecznością i przyjaźnią ciepłe słowa o mnie. Pozostaną one na zawsze w mojej wdzięcznej pamięci.
Serdecznie Panią pozdrawiam.
Jerzy Kaliszczan

Ostatnią wiadomość otrzymałam pocztą elektroniczną 25 marca 2019 roku²:

Droga Pani Kasiu!
Serdecznie dziękuję za przesłanie mi specjalnego wydania „*Gazety Uniwersyteckiej*”. Jestem już w połowie lektury. Fascynującej lektury! Gratuluję Pani jako redaktorowi i autorowi i szczerze Panią podziwiam.
Łączę pozdrowienia. J.K.

Oprócz tego byliśmy w kontakcie – nie tak częstym, lecz nieprzerwanym. Telefonicznym i SMS-owym.

² Korespondencja dotyczyła przesłanego Profesorowi wydania specjalnego: *Adama Mickiewicza jubileusz i rocznica* pod moją redakcją („*Gazeta Uniwersytecka*” 2018 [druk 2019]).

Profesor Jerzy Kaliszan był członkiem Rady Naukowej naszego rocznika – jednym z pierwszych, do którego zwróciłam się, zakładając pismo i konstytuując skład kolegium. Za każdym razem, kiedy wychodziły poszczególne tomy, z wielkim szacunkiem odnosił się do naszego dzieła. Wówczas do mnie telefonował. Słowa podziwu padające z ust Mistrza silnie mnie budowały, uskrzydlały. On wydawał „*Studia Rossica Posnaniensia*”, a ja – siostrzane „*Studia Rossica Gedanensia*”.

Podczas naszego ostatniego spotkania, które miało miejsce 2 lutego 2018 roku (była to okoliczność obrony pracy doktorskiej Dominiki Wesołek, którą miałam przyjemność recenzować), Profesor sprawiał wrażenie osoby pełnej skonkretyzowanych planów naukowych; dzielił się tymiż z dużym optymizmem. Wyrażał radość z tego, że nareszcie mógł wygospodarować czas na szlifowanie swojej akademickiej angielszczyzny (a którą posługiwał się dość swobodnie).

Miałam wielki honor i zaszczyt opiniować prace Profesora – prace prekursorskie, wnoszące istotny wkład w rozwój rusycystyki na poziomie światowym. Poniżej przedkładam niepublikowaną wcześniej w całości recenzję wydawniczą monografii *Русские омографы*, złożoną przeze mnie w Wydawnictwie Naukowym UAM w Poznaniu 30 sierpnia 2017 roku.

Recenzja wydawnicza monografii *Русские омографы* (Poznań 2017)

Z ogromną przyjemnością i rewerencją podejmuję się obowiązkowi recenzentki – zaopiniowania do druku najnowszej książki naukowej pt. *Russkie omografy* [*Русские омографы*] autorstwa prof. dra hab. Jerzego Kaliszana, poznańskiego rusycysty leksykologa, niezrównanego znawcy homonimiki rosyjskiej i niekwestionowanego autorytetu naukowego w Polsce i za granicą. Prof. Jerzy Kaliszan jest autorem licznych artykułów poświęconych różnym aspektom homonimii rosyjskiej, także w ujęciu porównawczym (rosyjsko-polskim), które od lat znajdują szerokie wykorzystanie nie tylko w dydaktyce akademickiej (na wszystkich poziomach), ale też służą jako naukowe narzędzie do zgłębiania i opisu trudnych zagadnień semantyczno-leksykalnych, słowotwórczych, gramatycznych. Prof. Kaliszan stworzył w polskim językoznawstwie rusycystycznym solidny fundament teoretyczny dla wieloaspektowych analiz wewnątrzjęzykowej homonimiki rosyjskiej, w szczególności w jej warstwie słowotwórczej. Bogaty materiał faktograficzny w nich zawarty stanowi podstawę do komparacji w różnych układach par języków (w szczególności z językiem polskim). Tym bardziej cieszy niezmiernie nowa książka autorstwa tego wybitnego Uczzonego, zawierająca rzetelną, wieloaspektową deskrypcję zbyt mało jeszcze opisanego w literaturze naukowej (tak rodzimej, jak i światowej) swoistego zjawiska językowego, któremu na imię „homografia”. Oferowana praca stanowi kontynuację skrupulatnych badań przeprowadzonych wcześniej na wyjątkowo obszernym inwentarzu leksykalnym homografów rosyjskich, który znalazł należną egzemplifikację w znakomitej i niezwykle użytecznej pracy leksykograficznej *Slovar' omografov russkogo jazyka* [*Словарь омографов русского языка*] (Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2015, ss. 134). Proponowana książka, kompatybilna z wymienioną powyżej pracą o charakterze wybitnie aplikatywnym, zawiera solidne postawy teoretyczne

i metodologiczne badań w zakresie ważnego działu homonimiki rosyjskiej, jakim jest homografia własnie.

Przedłożona mi do recenzji monografia *Russkie omografy* [Русские омографы] liczy w maszynopisie 131 stron standardowego tekstu i została napisana w języku rosyjskim. Składa się ona klasycznie ze *Wstępu* (Введение), trzech głównych rozdziałów: Rozdziału I. *Typy homografów* (Типы омографов, s. 7–16), Rozdziału II. *Homografy w systemie leksykalno-morfologicznym języka rosyjskiego i ich reprezentacja ilościowa* (Омографы в лексико-морфологической системе русского языка и их количественная репрезентация, s. 17–95), podzielonego na dwa mniejsze podrozdziały: 1. *Homografy wewnątrzklasowe* (Внутриклассовые омографы, s. 17–62), 2. *Homografy międzyklasowe* (Межклассовые омографы, s. 63–95), Rozdziału III. *Homografy i słowotwórstwo* (Омографы и словообразование, s. 96–109), a następnie *Podsumowania* (Заключение, s. 110–116), *Wykazu źródeł leksykograficznych* (Лексикографические источники, s. 117–118), *Bibliografii* (Библиография, s. 119–122) oraz dwóch obszernych streszczeń: polskojęzycznego (*Homografy rosyjskie*, s. 123–127) i angielskojęzycznego (*The Russian Homographs*, s. 128–131). Bibliografia wykorzystanego piśmiennictwa ma układ dwuczłonowy: w części pierwszej Autor wymienia blisko 30 spektakularnych źródeł słownikarskich, które posłużyły za podstawę ekscerpacji materiału leksykologicznego, w drugiej zaś – ponad 50 pozycji literaturowych (rosyjsko-, polsko- i angielskojęzycznych). Trzeba podkreślić, iż prof. Kaliszan wykorzystał w swoich szeroko zakrojonych badaniach leksykologicznych najnowszą literaturę przedmiotu, nie pomijając oczywiście klasyków językoznawstwa.

Nie jest to książka zbyt obszerna, stanowi jednak – co cenne – syntetyczne omówienie zjawiska akcentowej homografii leksemowej zakorzenionego w języku rosyjskim, charakterystycznego dla tego systemu, w którym akcent jest swobodny i różnicuje jakościowo znaczenia zarówno leksykalne, jak i gramatyczne słów/form. Dodam, iż opisywane zjawisko, praktycznie niezaznaczające się w pryncypialnym systemie języka polskiego, sprawia ogromne problemy w procesie akwizycji języka rosyjskiego (nie tylko przez Polaków), stając się specyficznym i zwodniczym *faux amis* osoby uczącej się. Podjęta w pracy tematyka jest oryginalna, wyjątkowa w polskiej rusycystyce, Autor daje bowiem całościowy opis zjawisk akcentowej homografii rosyjskiej, zarówno jakościowy (strukturalny, systemowy), jak i kwantyfikacyjny (ten ostatni jest szczególnie cenny). Struktura i kompozycja pracy jest przejrzysta, uporządkowana, wywód jest logiczny, tezy zostały jasno sformułowane i dowiedzione, a konstatacje naukowe znakomicie umotywowane. Podziw i szacunek budzi skrupulatnie dokonana ekscerpacja przykładów akcentowych homografów rosyjskich zaliczanych do różnych klas i typów. Obfitość starannie dobranych przykładów nie tylko ubarwia wykład, ale przede wszystkim czyni go jasnym, zrozumiałym dla odbiorcy.

Skupię się na novum, jakie wnoszą badania prof. Kaliszana przedstawione w pracy.

W pierwszym rozdziale pracy Uczony prezentuje szczegółową typologię akcentowych homografów rosyjskich (wyróżnia ponad 20 ich typów) w oparciu o konkretne cechy. Ważną kwestią – w mojej ocenie – jest tu wyliczenie i krótka charakterystyka tzw. akcentowej homografii onomastycznej – zjawiska wciąż jeszcze kontrowersyjnego w opinii wielu polskich językoznawców, a respektowanego z kolei przez środowiska lingwistów ze szkoły wschodnioeuropejskiej i przez nich eksponowanego w najnow-

szych pracach. Do homografii onomastycznej prof. Kaliszana zalicza takie opozycje onimiczne, jak np.:

Абрамович (отчество) – *Абрамович* (фамилия), *Ангелина* (женская фамилия) – *Ангелина* (женское имя) или *Ангелина* (род. / вин. мужской фамилии *Ангелин*) – *Ангелина* (женское имя), или же *Ангелины* (им. мн. фамилии *Ангелин*) — *Ангелины* (род. женского имени *Ангелина*); *Александрия* (город в США) – *Александрия* (город в Египте) itd. (dz. cyt. s. 12–13).

Stanowi to absolutnie nowe ujęcie w obszarze badań zagadnień z zakresu homonimiki, jest to szerokie postrzeganie fenomenu, bezsprzecznie manifestującego się w języku etnicznym, często ignorowanego przez naszych rodzimych leksykografów. W Polsce po raz pierwszy uwzględnił je w swym monumentalnym słowniku typu oksfordzkiego prof. Jan Wawrzyńczyk.

Dokonując typologii akcentowych homografów rosyjskich, Autor bierze pod uwagę również kryterium stylistyczne, co z kolei prowadzi do powstania specyficznych diad typu:

голубить (разг.) ‘ласкать, нежить, лелеять’ – *голубить* (разг.) ‘делать голубым, красить в голубой цвет’ (dz. cyt. s. 15).

Powyższe przypadki, wyodrębnione w autorskiej klasyfikacji, są niezwykle istotne z punktu widzenia glottodydaktyki języka, a także kultury języka (normy językowej).

W rozdziale drugim zostały przedstawione ważne kwestie teoretyczno-analityczne, jak również została zawarta autorska charakterystyka kwantytatywna akcentowych homografów wchodzących w relacje wewnątrzklasowe i międzyklasowe. Autor odnotował pokaźną liczbę wewnątrzklasowych par homograficznych – 49 000 (sic!). Podaje uzyskane w toku analizy badawczej dane dotyczące liczby par homografów leksemowych konstytuujących poszczególne klasy (części mowy), dane na temat proporcji par homografów wewnątrzklasowych, a następnie wyciąga odpowiednie wnioski dotyczące homograficzności wewnątrzklasowej i tendencji ujawniających się w języku. Z kolei rejestruje 4800 par homografów międzyklasowych, co stanowi aż 10-krotnie mniejszą grupę w systemie. Badacz dostrzega również sporą grupę opozycji trójczłonowych (są one zwykle uwzględniane przez rosyjskie słowniki ortoepiczne, a – co istotne – brakuje tego typu przykładów np. w słownikach rosyjsko-polskich).

W rozdziale trzecim Autor koncentruje się na zagadnieniu, w którym specjalizuje się jako leksykolog rusycysta, a mianowicie na słowotwórstwie, które przedstawia tu w związkach z homografią, w szczególności z homografią międzyleksemową jako klasą najbardziej produktywną. Analizy językowe o charakterze kwalitatywnym dokonane przez Profesora Kaliszana prowadzą do ważnych dla językoznawstwa konkluzji statystycznych – wymiernych ocen końcowych opisujących badane zjawisko. Profesor zawarł szereg istotnych stwierdzeń. Nikt z badaczy rosyjskich – jak mi nie wydaje – nie dokonał dotąd tego typu analiz i obserwacji językotwórczych, do tego na tak obszernym materiale faktograficznym.

Wszystkie kwestie językowe zostały podjęte w przedstawionej mi pracy z niezwykłą starannością. Profesor Kaliszana stworzył narzędzie metodologiczne w zakresie badań zjawiska akcentowej homografii rosyjskiej, które niewątpliwie zostanie wdrożone do prac innych uczonych, nie tylko polskich, ale i zagranicznych. Ponadto zadbał

o przejrzyste zaprezentowanie czytelnikowi warsztatu terminologicznego. Istotne jest również wprowadzenie do polskiego piśmiennictwa naukowego terminu „akcentowa homografia leksemowa”.

Szata językowa monografii jest bez zastrzeżeń; praca została napisana piękną, naukową ruszczyzną.

Pracę prof. Jerzego Kaliszana oceniam bardzo wysoko. Wypełnia ona ważną lukę we współczesnych badaniach nad stanem językowym ruszczyzny w płaszczyźnie specyficznego zjawiska akcentowej homografii leksemowej. W mojej ocenie stanowi ona niezwykle interesującą propozycję wydawniczą, z której skorzystają zarówno polscy adepci nauki, jak i zagraniczni badacze, nie tylko w Rosji, ale wszędzie tam, gdzie prowadzone są prace w obszarze rusycystyki językoznawczej. Opracowanie wnosi znaczący wkład w rozwój nauki, nie tyle polskiej, co światowej, z uwagi na jego oryginalność, zaproponowaną metodykę klasyfikacyjną jednostek homograficznych różnego typu, sposób prowadzonej analizy słowotwórczej oraz sformułowania wniosków o charakterze statystycznym wymiernych w złożonym procesie wieloaspektowej deskrypcji zjawiska.

Kończąc, stwierdzam, że monografia *Russkie omografy* [Русские омографы] odpowiada wszelkim wymaganiom stawianym tego typu tekstom naukowym. Stanie się z pewnością cenną pomocą naukową wykorzystywaną na zajęciach akademickich (takich jak m.in. praktyczna nauka języka rosyjskiego, gramatyka opisowa, leksykologia, językoznawstwo porównawcze, praktyka przekładu i in.). Jest doskonałym przewodnikiem po homonimice rosyjskiej w jednym z jej aspektów. Stanowi też dobrą bazę wyjściową do komparatystyki słowiańskiej, a także typologii porównawczej.

Z pełnym przekonaniem oraz z wielką przyjemnością przedłożoną mi do recenzji pracę polecam do druku.

Wyrażam zgodę na umieszczenie mojego nazwiska na stronie redakcyjnej książki.

dr hab. Katarzyna Wojan, prof. nadzw.

Gdynia, 30.08.2017

Bibliografia

- Kaliszan, J. (2015). *Slovar' omografow russkogo Źyka*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM [Kaliszan, J. (2015). *Словарь омографов русского языка*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM].
- Kaliszan, J. (2017). *Russkie omografy*. (Seria Filologia Rosyjska / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 45). Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM [Kaliszan, J. (2017). *Русские омографы*. (Seria Filologia Rosyjska / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 45). Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM].
- Murawska, P. (2015). *Substantywno-substantywne konstrukcje łącznikowe o znaczeniu osobowym we współczesnym języku rosyjskim*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana po kierunkiem prof. zw. dra hab. J. Kaliszana. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Wydział Neofilologii.
- Wesołek, D. (2017). *Przekład slangu Nadsat w powieści „Mechaniczna pomarańcza” Anthony Burgessa w świetle teorii ekwiwalencji Eugene Nidy*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana pod

- kierunkiem prof. dra hab. J. Kaliszana. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Wydział Neofilologii.
- Wojan, K. (2007). *Wspólnota homonimiki języków europejskich (na materiale języków: polskiego, rosyjskiego i fińskiego)*. T. 1–3. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana po kierunkiem prof. zw. dra hab. J. Kaliszana. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Wydział Neofilologii.
- Wojan, K. (2010a). *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Wojan, K. (2010b). *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Wojan, K. (2011a). *Rosyjskie leksemy homonimiczne w teorii językoznawczej i praktyce leksykograficznej*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Wojan, K. (współudział: Skupińska-Dybek, E.) (2011b). *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi (= Словарь лексемных омонимов русского языка с польскими переводными эквивалентами)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Wojan, K. (2018). Homonimika rosyjska jako przedmiot zainteresowania polskich leksykologów i leksykografów. Na marginesie najnowszych prac Jerzego Kaliszana. *Studia Rossica Posnaniensia*, 43: 327–339.
- Wojan, K. (Red.) (2018 [druk 2019]). *Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego*. Wydanie specjalne: *Adama Mickiewicza jubileusz i rocznica* (Gdańsk).



NOWA SONDA HASŁOWNIKOGRAFICZNA PIOTRA WIERZCHONIA

JAN WAWRZYŃCZYK

profesor emeritus

Uniwersytet Warszawski, Polska

e-mail: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2011-3240>

(nadesłano 22.11.2017; zaakceptowano 25.11.2017)

Abstract

A New Dictionary Probe of Piotr Wierzchoń

The author presents the achievement of professor Piotr Wierzchoń, who in his research into Polish vocabulary of the 19th century focused exclusively on one year – 1898, showing that in texts published at that time as many as 150,000 different words were used, which clearly exceeds the number of entries in the “Polish Dictionary” edited by W. Doroszewski. This material allows one to re-date a number of entries included in the online “Great Polish Dictionary” of the Polish Academy of Sciences.

Key words: Polish lexicography, 19th-century vocabulary, photoquotography, re-dating entries

Abstrakt

Autor prezentuje dokonanie prof. Piotra Wierzchonia, który w swych badaniach nad leksyką polską XIX w. skoncentrował się tylko na jednym roku – 1898, wykazując, że w tekstach opublikowanych wówczas użytych zostało aż ok. 150 000 różnych wyrazów, co przewyższa wyraźnie liczbę haseł opisanych w *Słowniku języka polskiego* pod red. W. Doroszewskiego. Materiał ten pozwala redatować szereg haseł ujętych w internetowym *Wielkim słowniku języka polskiego* PAN.

Słowa kluczowe: leksykografia polska, słownictwo XIX w., fotocytatografia, redakcja haseł

Niedawno wypowiedziana została przeze mnie pewna opinia o aktualnych zainteresowaniach językoznawców polonistów (przepraszam: polonistek i polonistów) leksyką naszego języka na przestrzeni XIX wieku (zob. Wawrzyńczyk 2019: 3). Są to życzliwi, poniekąd nawiązujący do kapitalnego – choć znanego raczej niewielu recenzent(k)om – zalecenia Stefana Żeromskiego: „Krytyka musi być oględna i subtelna”. Niemniej konieczna jest jednak bardziej wyostrzona, może nawet dosadna, ocena stanu badań nad słownictwem okresu 1801–1900. Uwzględniają go w określonym stopniu wszystkie podstawowe słowniki ogólne języka polskiego, od „Lindego” do „Dubisza”, jak też liczne dziesiątki studiów, artykułów i przyczynków, rozproszonych w rozmaitych publikacjach zbiorowych i czasopismach, brak było jednak dotychczas precyzyjniejszego spojrzenia kwantytatywnego na zasoby leksykalne polszczyzny dziewiętnastowiecznej, spojrzenia wolnego od przekonania, że w ich opisie i analizie najważniejsze, wyjściowe są dane rejestrów słownikowych. Jest to jednak ujęcie metodologicznie niepoprawne, pierwszeństwo dawać należy zawsze tekstom, traktując słowniki jako wtórne źródła danych; dzieje notowań wyrazów-haseł w tzw. słownikach narodowych i im podobnych to głównie dzieje potknięć, przeoczeń rejestracyjnych autorów tych słowników¹.

Piotr Wierzczeń, który pięć lat temu przedstawił w 32 tomach dokumentację cytowaną dla ok. 80 000 jednostek nieobecnych w tzw. Słowniku warszawskim², zaczerpnąwszy ją ze źródeł prasowych lat trzydziestych XX wieku³, swym absolutnie wyjątkowym⁴ (foto)suplementem wielkiej objętości uzmysłowił dobitnie, jak wiele danych o rzeczywistym, czyli tekstowym, bogactwie leksykalnym polszczyzny pozostawało całkowicie poza świadomością środowiska badawczego.

Pozostawało i nadal pozostaje. Świadczą dosadnie o takim stanie rzeczy dwa fakty: 1° niemal zerowa cytowalność *Fotosuplementu* P. Wierzczenia w literaturze przedmiotu z obszaru językoznawstwa polonistycznego i 2° odrzucenie przez zespół rzeczoznawców Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego w Warszawie wniosku P. Wierzczenia o sfinansowanie jego pracy nad analogicznym suplementem, obejmującym lata dwudzieste XX wieku.

Hasłownikograficzne rozpoznanie przez P. Wierzczenia lat trzydziestych było pierwszą, jedyną tego rodzaju, w polskiej i światowej leksykografii, sondą. Sondy drugiej nie dano temu oryginalnemu badaczowi skonstruować dla dekady wcześniej-

¹ Pisałem o tej węzłowej kwestii w pracy: *Inny „Doroszewski”* (Wawrzyńczyk 2010: 7–11).

² Największym do dziś pod względem liczby haseł słowniku ogólnym języka polskiego (ok. 280 000 jednostek); zob.: Karłowicz, J., Kryński, A.A., Niedźwiedzki, W. (Red.) (1900–1927). *Słownik języka polskiego*. T. 1–8, Warszawa.

³ Podkreślić trzeba: prawie wyłącznie prasowych, z okresu niemal bezpośrednio po opublikowaniu ostatniego tomu Słownika warszawskiego; zob. Wierzczeń. P. (2014). *Depozytorium leksykalne języka polskiego*. T. 11–40: *Fotosuplement do Słownika warszawskiego*. Warszawa.

⁴ Na skalę światową; nie ma takiego dokonania dla dowolnego języka.

szej. W konsekwencji przeniósł on swoją energię twórczą na teren nieco dalszy. Planując obszerne studia nad okresem 1801–1900, który stanowi część zadań w ramach współtworzonego przezeń (wraz ze mną) Narodowego Fotokorpusu Języka Polskiego⁵, podjął się trudu nader interesującego: wybrał pewną⁶ liczbę tekstów źródłowych, które zostały opublikowane tylko w jednym roku - 1898, w celu ustalenia liczby różnych słowoform (tj. form wyrazowych) w nich występujących, czyli zarejestrowanych w druku, oraz liczby różnych wyrazów hasłowych, czyli haseł (w rozumieniu W. Doroszewskiego).

A oto wyniki ilościowe, które mi udostępnił: 651 823 słowoformy i 148 949 haseł.

Przyjrzyjmy się liczbie haseł. Jest ich niemal dwukrotnie mniej niż we wspomnianym Słowniku warszawskim. Liczby te mają jednak różną wartość i nie świadczą wprost o przewadze jednego zbioru nad drugim, ponieważ Warszawski obejmuje leksykę od staropolskiej do początków XX wieku, w tym wiele dialektyzmów i dubletów fonetyczno-graficznych. Dane z 1898 roku są znacznie bardziej homogeniczne, nasycone w niewielkim stopniu elementami archaicznymi, gwarowymi, obocznościami brzmieniowymi, pisownianymi.

Uderza pewna, ale niezbyt przecież duża przewaga ilościowa danych 1898 roku nad danymi Słownika Doroszewskiego⁷ (zawierającego bogatą cytografię, w odróżnieniu od Słownika warszawskiego - z dokładnymi adresami bibliograficznymi). Liczy on, jak wiadomo, ok. 125 000 haseł, jest to leksyka okresu nowopolskiego, jego siatka nie jest przeciążona dialektyzmami i dubletami fonetyczno-graficznymi. Ewidentna, pryncypialna różnica dotyczy chronologii cytatów: takich z jednego rocznika, z 12 miesięcy, w takiej ilości, w dziejach polskiej leksykografii nie zgromadził jeszcze żaden badacz.

Co wyrazy z roku 1898, użyte w drukach w roku 1898, mogą nam powiedzieć? Jak dane na ich temat mogą być wykorzystane? Osoby zainteresowane twórczym poznaniem tych danych - mające zarazem wystarczająco głęboką wiedzę o słownictwie polskim, zwłaszcza nowopolskim - mogłyby w (niedalekiej) przyszłości podejmować najrozmaitsze kwestie badawcze, studia, dociekania, gdyż zakres informacji, jaką ujawnia sonda „1898” jest znaczący, jej zlekceważenie byłoby czymś raczej niewłaściwym.

Problemów do podjęcia, z wyzyskaniem nowej sondy Wierzchonia, jest wiele. Ograniczę się tutaj do jednego tylko przykładu.

Na stronie internetowej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie jest od pewnego czasu udostępniany *Wielki słownik języka polskiego*⁸, opracowanie zbiorowe, kontynuowane, niewątpliwie godne uwagi, ciekawe i użyteczne⁹. Wprawdzie dzieło to nie

⁵ Por. stronę www.nfjp.pl.

⁶ Pewną, tj. nie wszystkie. Uwzględnienie wszystkich już nie byłoby sondą, lecz pełnym, wyczerpującym opisem faktów z zakresu hasłownikografii roku 1898. Analiza 100% dokumentów drukowanych tego rocznika nie przerasta jednak możliwości badawczych P. Wierzchonia, ponieważ stworzone przez niego pionierskie narzędzie informatyczne pozwala ogarnąć, poddać ekscerpcji dowolną liczbę źródeł tekstowych w wersji cyfrowej (w prywatnej rozmowie z P. Wierzchoniem nazwałem to narzędzie „cobotem Wierzchonia”).

⁷ Doroszewski, W. (Red.). (1958–1969). *Słownik języka polskiego*. T. 1–11. Warszawa.

⁸ Dalej będę się posługiwał skrótem: WSJP.

⁹ Użyteczność w połączeniu z dostępnością (dzięki globalności Internetu: w każdej chwili, 24 godziny na dobę) to dziś cecha fundamentalna.

prezentuje słownictwa współczesnej polszczyzny w ujęciu teoretycznie nienagannym, odpowiadającym aktualnemu stanowi teorii¹⁰ leksykografii jednojęzycznej, niemniej jest „bytem bibliograficznym” wartościowym, żywym (w odróżnieniu od tysięcy innych, martwych tworów filologicznych) - użytecznym właśnie, i zarazem, w określonym, nienegatywnym, sensie, popularyzatorskim. Przedstawione dzieło informuje użytkowników m.in. o datach rocznych „urodzin”, czyli najstarszych uzyć w źródłach drukowanych w odniesieniu do wszystkich haseł włączonych do WSJP. Jest to informacja cenna, którą na pewno zainteresuje się niejeden użytkownik słownika; umieszczona została pod zakładką „Chronologizacja”.

Zrobiłem małą próbę chaotyczno-losową, szukając haseł schronologizowanych w WSJP inaczej niż w zbiorze „1898” P. Wierzchońia, przy czym chodziło mi jedynie o redatacje pozytywne, tj. wskazujące, że należałoby informacje datacyjne WSJP poprawić - po opublikowaniu (co nastąpi niedługo) materiałów sondy drugiej Wierzchońia.

Oto seria przykładów: **agnostyk** 1900, **ankieta** 1900, **fiasko** 1900, **gapowaty** 1938, **gapowicz** 1922, **garaż** 1949, **gargulec** 1903, **pikanteria** 1908, **plemnik** 1908, **wskiok** 1900, **wstępniak** 1919, **współautor** 1967¹¹. Itd. itp. Być może te przesunięcia w czasie twórcy WSJP uznają za interesujące - nawet jeśli są minimalne, o rok czy dwa; w procesie datowania obiektów leksykograficznych zawsze powinna się liczyć skrupulatność¹².

Bibliografia

- Doroszewski, W. (Red.). (1958–1969). *Słownik języka polskiego*. T. 1–11. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Karłowicz, J., Kryński, A.A., Niedźwiedzki, W. (Red.) (1900–1927). *Słownik języka polskiego*. T. 1–8. Warszawa: nakład prenumeratorów [t. 1]; Kasa im. Mianowskiego [t. 2–6]; K. Król i W. Niedźwiedzki [t. 7]; Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego [t. 8].
- Wawrzyńczyk, J. (Red.). (2009). *Czterdzieści lat minęło nad „Słownikiem Doroszewskiego”*. Warszawa: Takt.
- Wawrzyńczyk, J. (2010). *Inny „Doroszewski”*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem.
- Wawrzyńczyk, J. (2019). *Słownik polszczyzny XIX wieku: rejestr jednostek, konteksty, lokalizacje (projekt publikacji)*. Warszawa: BEL Studio.
- Wierzchoń, P. (2014). *Depozytorium leksykalne języka polskiego*. T. 11–40: *Fotosuplement do Słownika warszawskiego*. Warszawa: BEL Studio.

¹⁰ Nadzwyczaj zaawansowanej dzięki przełomowym pracom prof. Andrzeja Bogusławskiego. Ich wykaz zob. na stronie internetowej www.nfjp.pl (pod zakładką „Bibliography”). Por. też w związku z nimi publikację: Wawrzyńczyk, J. (wyb. i oprac.) (2009). *Czterdzieści lat minęło...* Warszawa.

¹¹ Informacja niedoprecyzowana z punktu widzenia czytelnika tego artykułu WSJP. W dziale chronologicznym widnieją tylko słowniki, ogólne, które zarejestrowały ów rzeczownik, w danym wypadku na czele ich wykazu figuruje Słownik Doroszewskiego; jego odpowiedni tom został wydany w r. 1967. Niedociekliwy czytelnik może poprzestać na tej dacie, dociekliwy powinien jeszcze sprawdzić, czy hasło **współautor** w Słowniku Doroszewskiego zawiera cytaty dokumentacyjne (a jeśli zawiera, to pójść jeszcze dalej i wyszukać we właściwym miejscu ich daty - a to spory, nieoczekiwany dla użytkownika WSJP, wysiłek).

¹² Informacje pochodzące z WSJP czerpałem z Internetu w dniu 8 listopada 2019 r.

WSJP: *Wielki słownik języka polskiego*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN. (Online) <https://www.wsjp.pl/> (dostęp 22.11.2019).

Źródła elektroniczne

Narodowy fotokorpus języka polskiego. (Online) www.nfjp.pl (dostęp 22.11.2019).

KRONIKA
ХРОНИКА
CHRONICLE

NEKROLOGI I WSPOMNIENIA
НЕКРОЛОГИ И ВОСПОМИНАНИЯ
OBITUARIES AND REMINISCENCES

WSPOMNIENIE O PROFESORZE JERZYM KALISZANIE

Można odejść na zawsze, by stale być blisko.
ks. Jan Twardowski



prof. dr hab. Jerzy Kaliszan
(22.01.1947–1.10.2019)

Tak niewiele czasu upłynęło od wydania w 2018 roku jubileuszowego tomu czasopisma “*Studia Rossica Posnaniensia*”, poświęconego Profesorowi Jerzemu Kaliszanowi, a tak wiele zmieniło się w środowisku naukowym. Wszystkich dotknęła strata niekwestionowanego autorytetu naukowego.

1 października 2019 roku w wieku 72 lat odszedł od nas prof. zw. dr hab. Jerzy Kaliszan. Jakże symboliczna to data, biorąc pod uwagę fakt, że mówimy tu o wybitnym uczonym, który przez wiele, wiele lat swojej działalności akademickiej kształcił studentów kolejnych roczników studiów filologicznych w Instytucie Filologii Rosyjskiej (od 2016 roku Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej) Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Profesor od początku związany był ze swoją *Alma Mater*, ponieważ został zatrudniony w UAM zaraz po ukończeniu studiów na kierunku filologia rosyjska w 1972 roku. Już w 1977 roku obronił pracę doktorską *Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании*, poświęconą analizie polskich i rosyjskich wyra-

zów złożonych z prepozytywnymi komponentami pochodzenia greckiego i łacińskiego, która została opublikowana w formie monografii w 1980 roku.

We wspomnianym tomie jubileuszowym „*Studia Rossica Posnaniensia*” (z. XLIII, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2018) został zamieszczony pełny wykaz publikacji Profesora Jerzego Kaliszana oraz *Słowo o Profesorze Jerzym Kaliszanie*, jednakże w pełni zasadne, a nawet konieczne, wydaje się przybliżenie raz jeszcze najważniejszych publikacji cenionego zarówno w kraju, jak i poza jego granicami wybitnego rusycysty, którego nazwisko zawsze gwarantowało wysoki poziom naukowy publikacji, nie tylko tych, których sam był autorem, ale również takich, które ukazywały się pod Jego redakcją. Głównym obszarem zainteresowań naukowych Profesora było słowotwórstwo polskie i rosyjskie oraz jego związki z systemem fleksji i leksyką obu języków.

Dorobek naukowy Profesora liczy 118 prac. Ten bogaty zbiór zawiera m.in. 7 monografii, 86 artykułów, 2 recenzje i 5 tomów publikacji zbiorowych. W latach 2010–2017 Profesor Jerzy Kaliszan był redaktorem naczelnym cenionego czasopisma „*Studia Rossica Posnaniensia*” wydawanego w Wydawnictwie Naukowym UAM. W tym okresie ukazało się pod Jego redakcją 9 tomów, zawierających wiele interesujących artykułów naukowych z dziedziny rosyjskiego językoznawstwa, literaturoznawstwa i glottodydaktyki.

Z pierwszego okresu działalności naukowej Profesora Jerzego Kaliszana pochodzą m.in. artykuły: *О словообразовательном элементе “микро-” в современном русском языке* (1976), *Препозитивные блоки греко-латинского происхождения как словообразовательные элементы в русском и польском языках* (1977), *К определению словообразовательного статуса некоторых интернациональных препозитивных элементов в современном русском языке* (1979) oraz publikacje wniosków płynących z badań nad zmianami zachodzącymi w prefiksalnych typach słowotwórczych w języku polskim i rosyjskim: *Некоторые наблюдения над ростом агглютинативности в системе префиксального образования имен в современном русском и польском языках* (1979), *О некоторых факторах, свидетельствующих о росте префиксации в системе образования имен прилагательных в современном русском языке* (1979).

W latach osiemdziesiątych Profesor Jerzy Kaliszan skierował swoją uwagę ku zagadnieniom dotyczącym procesu uniwerbizacji oraz dokonującej się równolegle z nim kondensacji semantycznej. Różnym aspektom tych zjawisk poświęcone zostały następujące artykuły, np.: *Процессы семантической конденсации в современном русском языке* (1981), *К уточнению понятия универбации* (1984), *Семантическая конденсация в ее отношении к процессам универбации* (1985). W rezultacie dogłębnych badań we wspomnianym zakresie powstała monografia habilitacyjna *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке*, na podstawie której Profesor Jerzy Kaliszan uzyskał w 1986 roku stopień doktora habilitowanego. W kolejnych latach kontynuował podjętą w rozprawie tematykę, publikując dalsze artykuły, m.in.: *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском и польском языках* (1988), *Семантическая конденсация в сфере композиции* (1988), *Семантическая конденсация в аспекте омонимии* (1988), *О границах понятия семантической конденсации* (1989), *Универбизация суффиксальная в языке роsyjskim i польским* (1991).

W trakcie następnego okresu działalności naukowej Profesor skupił uwagę na homonimicznych i synonimicznych relacjach w obrębie polskich i rosyjskich derywatów słowotwórczych. Wyniki prowadzonych badań zostały zaprezentowane w kolejnych artykułach naukowych, np.: *Z zagadnień polskiej i rosyjskiej homonimii słowotwórczej* (1988), *Омонимия производных имен существительных в русском языке* (1990), *Rosyjskie homonimy słowotwórcze w sferze denominalnych rzeczowników sufiksalnych* (1993), *О певным типе homonimii derywatów rzeczownikowych w języku rosyjskim i polskim* (1996), *Об одном типе омонимии производных имен прилагательных в русском и польском языках* (1996), *О так называемой словообразовательной омонимии* (1997), *Synonimia słowotwórcza atrybutywnych nazw osobowych w języku polskim i rosyjskim* (1999), *Synonimia słowotwórcza żeńskich nazw osobowych w języku polskim i rosyjskim* (1999), *Словообразовательная синонимия в сфере наименований лиц в русском и польском языках* (1999). Każdemu z badanych zjawisk Profesor poświęcił również osobną monografię. Problematyka homonimii słowotwórczej została przedstawiona w książce *Омонимия производных слов в русском языке* (1997), a kwestie związane z synonimią – w publikacji *Synonimia słowotwórcza rzeczowników w języku polskim i rosyjskim* (2000).

Bogaty i istotny dla dyscypliny dorobek naukowy pozwolił Jerzemu Kaliszanie uzyskać w 1997 roku tytuł naukowy profesora i w 2001 roku objąć stanowisko profesora zwyczajnego w Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

Szerokie spektrum zainteresowań Profesora oraz prowadzonych badań z zakresu słowotwórstwa zaowocowało publikacjami kolejnych pozycji naukowych, np.: *О роли словообразования в развитии грамматических процессов (на примере русских имен существительных)* (1998), *О системных связях русского словообразования с грамматикой* (2003), *Глагольный вид и словообразование в русском языке* (2004), *О системном соотношении словообразования и лексики в русском языке* (2005), *On the functional parallelism between word formation and form-building in Russian* (2008) oraz wydaniem monografii podsumowującej rezultaty obserwacji i analiz: *Словообразование и формобразование в русском языке* (2005).

Kilkanaście ostatnich lat eksploracji naukowych Profesor Jerzy Kaliszanie poświęcił problematyce homonimii i homografii. Zakrojone na szeroką skalę i bardzo szczegółowe badania w tym zakresie pozwoliły stworzyć Uczonemu fundament teoretyczny dla wieloaspektowych analiz homonimii słowotwórczej w języku rosyjskim. W różnych wydawnictwach i w trzech językach ukazały się liczne artykuły, np.: *Русские субстантивные омографы* (2008), *Русские глагольные омографы* (2010), *Adjective homography in Russian* (2012), *Verbal-substantival homography in Russian* (2013), *Грамматическая субстантивная омография в русском языке* (2013), *Номография лексикально-граматyczna rzeczowników w języku rosyjskim* (2014), *Омографические триады в русском языке* (2016), *Номография выражений rosyjskich o homonimicznych формах podstawowych* (2017). Zebrany obszerny materiał faktograficzny pozwolił na wydanie w 2015 roku słownika homografów (*Словарь омографов русского языка*). Ostatnią monografią wydaną przez Profesora Jerzego Kaliszana jest pozycja naukowa z 2017 roku *Русские омографы (Номографы rosyjskie)*, stanowiąca ukoronowanie badań nad zjawiskiem homografii we współczesnym języku rosyjskim.

I właśnie tę ostatnią publikację należy przybliżyć potencjalnym czytelnikom nie tylko ze względu na chronologię jej wydania, ale przede wszystkim ze względu na jej wartość merytoryczną, miejsce w językoznawstwie rusycystycznym, a także ze względu na fakt, że znajdujemy w niej odzwierciedlenie charakterystycznego dla Profesora podejścia do materiału badawczego i sposobu prezentacji wyводу naukowego.

Monografia *Русские омографы (Homografy rosyjskie)* to opracowanie o charakterze teoretyczno-metodologicznym, w którym, według słów samego Autora, podejmuje próbę przedstawienia globalnej "charakterystyki zjawisk homograficznych współczesnej ruszczyzny, będących areną skomplikowanych i różnokierunkowych relacji pomiędzy kilkoma płaszczyznami systemu językowego – graficzną, fonetyczną, leksykalno-semantyczną, morfologiczną, słowotwórczą i stylistyczną". Szczególny rodzaj opozycji homograficznych, jaki stanowią akcentowe homografy rosyjskie, został poddany analizie według różnych kryteriów i w rezultacie Uczony wyróżnił ponad dwadzieścia typów akcentowych homografów ze względu na ich cechy leksykalno-gramatyczne, leksykalno-semantyczne, przynależność do tego samego leksemu lub różnych leksemów, właściwości strukturalno-słowotwórcze, pokrewieństwo leksykalne, liczbę komponentów w szeregu homograficznym itd., co niezwykle istotne, zachowując przejrzystość i logikę wyводу w przedstawianiu tak wielu klasyfikacji.

O otwartości i innowacyjnym podejściu badawczym Profesora świadczy zwrócenie uwagi na istnienie w systemie językowym onomastycznych (onimicznych) akcentowych homografów, a także na możliwość powstawania opozycji homograficznych pomiędzy imionami własnymi i imionami pospolitymi. Z szerokiego ujęcia tematyki wynika również wyodrębnienie akcentowych homografów stylistycznych w odróżnieniu od stylistycznych wariantów akcentowych jednego i tego samego słowa.

Imponująca jest liczba jednostek, na podstawie analizy których wyciągane są wnioski o charakterze kwantytatywnym, a także odnośnie do tendencji związanych ze zjawiskiem homografii akcentowej w języku rosyjskim i obszarach występowania poszczególnych jej rodzajów. Materiał badawczy stanowiło bowiem 49 200 par homografów wewnątrzklasowych (opozycje homograficzne wewnątrz tych samych części mowy) oraz około 4800 par homografów międzyklasowych (opozycje wyrazowe pomiędzy różnymi klasami kategoryalnymi).

Monografia *Русские омографы* różni się od innych publikacji z danego zakresu całościowym, systemowym opisem homografii akcentowej we współczesnym języku rosyjskim oraz szerokim postrzeganiem analizowanego zjawiska. Z jednej strony zapoznaje czytelników z metodologią i teoretycznymi podstawami badań, z drugiej zaś jest skarbnicą przykładów par akcentowych homografów, co przekłada się na aspekt dydaktyczno-praktyczny.

Należy jeszcze podkreślić wcześniej niedoceniany aspekt zakrojonych na szeroką skalę badań homonimii w języku rosyjskim, tzn. możliwość wprowadzenia informacji o różnicach pomiędzy poszczególnymi akcentowymi homografami do różnego rodzaju słowników tworzonych w formie elektronicznej, a także do translatorów. Dzięki rozwojowi technologii informatycznych możliwe stało się wprowadzenie tak wielu różnorodnych informacji o ogromnej liczbie jednostek językowych do różnych lingwistycznych baz danych, co wcześniej ograniczało funkcjonalność tradycyjnych

publikacji. Wyniki badań Profesora dotyczące homografów rosyjskich mogłyby wzbogacić podobne elektroniczne zbiory leksykograficzne.

Oprócz działalności naukowej i dydaktycznej Profesor Jerzy Kaliszan prowadził działalność organizacyjną i piastował wiele stanowisk. Był kierownikiem Studium Zaocznego Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1986–1987), wicedyrektorem ds. Studentkich Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1987–1993), wicedyrektorem ds. Nauki Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1993–2007), prodziekanem Wydziału Neofilologii UAM (1996–2002, 2008–2012), kierownikiem Zakładu Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1991–1996, 2000–2018).

Niezależnie od osiągnięć na polu działalności organizacyjnej, Profesor Jerzy Kaliszan zostanie zapamiętany przez osoby, które miały szczęście z nim współpracować, a przede wszystkim przez wychowanków, jako człowiek o wysokiej kulturze osobistej, niezwykle logicznym podejściu do różnych spraw, jako perfekcjonista, ale również jako osoba z poczuciem humoru, mająca duży dystans do otaczającej nas rzeczywistości. Dla wychowanków Profesor był przede wszystkim wspaniałym Mentorem, wyróżniającym się niezwykłą pracowitością i dociekliwością badawczą, wymagającym wiele od innych, ale w pierwszej kolejności od siebie, i nigdy nie szcędzącym czasu na omówienie istotnych kwestii językowych, pozwalających na doprecyzowanie werbalizacji myśli (choćby dotyczyły zmiany w tekście jednej linijki lub jednego słowa). Podobne podejście wyzawało w uczniach oraz wychowankach chęć samodoskonalenia się i sprostania oczekiwaniom swojego Nauczyciela, ponieważ wiadomo było, że o kompromisach nie ma tu mowy – jeśli coś zostało napisane, to miało być napisane najlepiej, jak tylko można w określonym kontekście.

Dlatego zawsze, pomimo odejścia, Profesor Jerzy Kaliszan będzie przy nas blisko, pozostanie w naszych sercach i w naszych umysłach, gdyż niejednokrotnie przypomnimy sobie Jego nauki, uwagi, sposób postrzegania zjawisk, a przez to nadal będzie miał wpływ na rozwój badań językoznawczych.

Najlepszemu Mentorowi,
Najlepszemu Przewodnikowi,
Najlepszemu Nauczycielowi

dr hab. Jolanta Józwiak, prof. UKW
dr hab. Katarzyna Kuligowska, prof. UAM
dr Wojciech Kamiński

JOLANTA JÓŻWIAK

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy
Wydział Językoznawstwa
Katedra Przekładoznawstwa
ul. Grabowa 2, 85-601 Bydgoszcz, Polska
e-mail: jjozwiak@ukw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0884-821X>

KATARZYNA KULIGOWSKA

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
Wydział Neofilologii
Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukrainńskiej
Zakład Języka Rosyjskiego
al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska
email: katarzyna.kuligowska@amu.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8443-4815>

WOJCIECH KAMIŃSKI

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
Wydział Neofilologii
Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukrainńskiej, Zakład Języka Rosyjskiego
al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska
email: kawo@amu.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0675-7712>
(nadesłano: 31.10.2019; zaakceptowano 4.11.2019)

SPRAWOZDANIA NAUKOWE
НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ
SCIENTIFIC REPORTS

О БУНИНЕ И ГОРЬКОМ В ВАРШАВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(Международная научная конференция *Бунин vs Горький: между двумя юбилеями*. Варшавский университет. Кафедра русистики. Варшава, 10–11 октября 2019 г.)

MAGDALENA DĄBROWSKA

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Katedra Rusycystyki
ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa, Polska
e-mail: m.dabrowska@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4014-4725>

ĘRIKA KUZMINA
(doktorantka)

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa, Polska
e-mail: e.kuzmina@student.uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8024-0287>
(nadesłano 26.10.2019; zaakceptowano 30.10.2019)

10–11 октября 2019 г. в Варшаве состоялась Международная научная конференция *Бунин vs Горький: между двумя юбилеями*, организованная Кафедрой русистики Варшавского университета (Katedra Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego) совместно с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук и Домом русского зарубежья им. Александра Солженицына и при поддержке Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» и Российского центра науки и культуры в Варшаве¹. В пленарном

¹ Организационный комитет: Магдалена Домбровска и Петр Глушковски (Кафедра русистики Варшавского университета), Татьяна Марченко (Дом русского зарубежья им. А.Солженицына), Вадим Полонский, Дарья Московская, Наталья Примочкина и Мари-

заседании принял участие Посол Российской Федерации в Республике Польша Сергей Андреев.

Эпиграфом к конференции послужили слова Иосифа Бродского: «...века одних уменьшают в объеме, пока другие растут...» (*Preseprio*, 1991 г.). И Иосиф Бродский, и Иван Бунин стали лауреатами Нобелевской премии, а вопрос – «почему не Максим Горький?» – был в «нобелевском» контексте весьма обсуждаемым. О Нобелевской премии говорили во время конференции Татьяна Марченко, автор книги *Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)* (Марченко, 2007), и Игорь Жуковский (Российский центр науки и культуры в Варшаве), который напомнил, что 10 октября 2019 г. Нобелевский комитет объявит имена лауреатов премии по литературе за 2018 и 2019 гг.² Данное событие даже породило идею организовать конференцию, которая будет посвящена Нобелевским лауреатам.

Почти все научные конференции, организованные до сих пор варшавскими русистами, были посвящены одному писателю и литературным явлениям его времени (Н.М. Карамзин, А.И. Солженицын и др.). В связи с тем, что в 2018 г. был отпразднован 150-летний юбилей Максима Горького (1868–1936), а в 2020 г. юбиларом с той же цифрой станет Иван Бунин (1870–1953), конференция *Бунин vs Горький: между двумя юбилеями* посвящена именно авторам *Жизни Арсеньева* и *Жизни Климса Самгина*. Одним из главных событий в их жизни стала революция, которая развела писателей по разные стороны. С Горьким связывалось создание соцреализма в советском государстве, Бунин стал одним из самых выдающихся представителей первой волны русской эмиграции. Несмотря на все различия, во многом обусловленные историческими событиями, их творчество составляет важнейшую страницу русской литературы конца XIX – первой половины XX вв. Свою жизнь они посвятили осуществлению новаторских художественных проектов в самых сложных политических и общественных условиях. Столетняя дистанция позволяет ученым увидеть и оценить масштаб их личности и наследия. Это первая цель варшавской конференции. Вторая, не менее важная, – дискуссия о путях развития русской литературы XX в. на фоне ее разделения на советскую и эмигрантскую, о неоднозначности ее прочтения в разное время и в разных читательских средах.

Варшавская конференция состояла из шести заседаний и круглого стола (*Как писать о Бунине и Горьком в XXI веке?*). Рабочие языки – польский и русский. Самую большую группу участников составляли сотрудники ИМЛИ РАН и Варшавского университета. Кроме того, в конференции приняли участие сотрудники Ягеллонского университета, Театральной академии в Варшаве и Технологической и гуманитарной академии в г. Бельско-Бяла (Польша), Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Дальневосточного федерального университета во

на Ариас-Вихиль (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук). Секретарь конференции – Гизеля Грабиньска (Кафедра русистики Варшавского университета).

² Как известно, премию присудили польской писательнице Ольге Токарчук.

Владивостоке, Национального исследовательского технологического университета МИСИС в Москве и Школы-студии МХАТ (Россия). Один участник – из Италии. С докладами выступили не только литературоведы, но и историки, театрологи и искусствоведы. Многие гости подарили варшавским русистам книжные новинки, которые пригодятся не только исследователям русской литературы, но и студентам-русистам. Самую большую коллекцию составляют книги по горьковедению: сочинения писателя (*М. Горький...*, 2018), сборники научных трудов (*Мировое значение...*, 2018; *Нижегородское горьковедение...*, 2018) и богато иллюстрированные фотодокументами из архивных фондов книги-альбомы (*М. Горький...*, 2019).

Первым со своим докладом выступил особый гость конференции – известный писатель и литературный критик Павел Басинский, автор биографических книг о Максиме Горьком (напр., Басинский, 2008). Писатель поднял тему воспоминаний Горького и Бунина о Льве Толстом.

В первом заседании были затронуты темы поэтики и идеологии писателей, различие их политических взглядов, а также институционный дискурс Горького. Второе заседание было посвящено теме литературно-критического дискурса Горького, а также взаимодействию Бунина и Горького с Амфитеатровым и Ролланом. Третье заседание, которое стало последним в первый день конференции, включало в себя доклады, посвященные криминальной тематике в творчестве Горького и Бунина, а также доклады об экранизациях и театральных постановках произведений писателей.

Завершением первого дня конференции стал круглый стол. Во время него организатором конференции Петром Глушковским был поднят актуальный вопрос, связанный с популяризацией научных трудов, посвященных, в том числе, писателям-классикам. Эта тема оказалась очень важной как для польских, так и для российских литературоведов. Павел Басинский поделился своими приемами, которые он использовал в написании литературной биографии Льва Толстого. Писатель подчеркнул, что, по его мнению, в популяризации классики все методы хороши. Татьяна Марченко, в свою очередь, рассказала о создании Музея русской эмиграции, идеях экспозиций и способах заинтересовать посетителей музея выставкой.

Второй день конференции начался с заседания четвертой секции, в ходе которого обсуждалась концепция «гордого человека» у Горького и Чехова, неохристианская концепция в произведении *Мать* Горького и феноменология революционного распада в творчестве писателей. В заключительном пятом заседании были представлены темы, посвященные связям Горького и Бунина с зарубежными писателями.

Стоит отметить, что докладчики также представили творчество выдающихся современников Горького и Бунина. Марина Ариас-Вихиль обратилась к творчеству Роллана, Эльда Гарэтто – к переписке Александра Амфитеатрова, Анна Енджейкевич – к Антону Чехову, Екатерина Зверева – ко Льву Лосеву, Петр Глушковский – к Мариану Здзеховскому, Эрика Кузьмина – к Андрею Упиту, Мартин Зиомек – к Федору Степуну, Валентина Соболев и Роман Мних рассмо-

трели взаимоотношения Горького и украинцев, а Павел Басинский представил Горького и Бунина сквозь призму творчества Толстого.

Участниками конференции были также Василий Щукин, сравнивший *Горького и Деревню* Бунина, Дарья Московская и Марина Уртминцева, занимающиеся институциональным и литературно-критическим дискурсом Горького, специалисты по театральным постановкам Анна Кулиговска-Кожениковска, Зинаида Кравченко и Зинаида Гафурова, историк киноискусства Анастасия Плотникова, а также философ Михал Бохун и искусствовед Анна Борс.

Многие докладчики подчеркивали, что в конференции, посвященной одновременно Ивану Бунину и Максиму Горькому, принимали участие впервые. Важнейшим выводом по итогам конференции, который был озвучен как организаторами, так и польскими и зарубежными гостями стала констатация факта, что такого рода научные мероприятия помогают по-новому рассмотреть ключевые вопросы истории русской литературы и обсудить текущее понимание литературной классики. Конференции *Бунин vs Горький: между двумя юбилеями* была посвящена радиопередача (Польское Радио – Polskie Radio; 18.10.2019, 15.00), в которой приняли участие Павел Басинский и Петр Глушковский. На вопрос журналистки Ирины Завиша «Какова концепция и основные акценты научной конференции «Бунин vs Горький»?» Петр Глушковский, ее главный организатор и преподаватель истории русской литературы в Варшавском университете, ответил: «На протяжении многих лет, наблюдая за высказываниями о Бунине и о Горьком наших студентов, можно было прийти к выводу, что Бунин и Горький находятся на противоположных полюсах, являются абсолютно разными писателями. Нынешняя конференция показала, что между ними есть много общего» (см. Завиша 2019, online).

Библиография

- Basinskij, P. (2008). *Maksim Gor'kij: mif i biografija*. Sankt-Peterburg: Vita-Nova [Басинский, П. (2008). *Максим Горький: миф и биография*. Санкт-Петербург: Вита-Нова].
- Gor'kij, M. (2018). *Sočineniâ o Nižnem Novgorode i nižegorodcah*. Nižnij Novgorod: NGOUNB [Горький, М. (2018). *Сочинения о Нижнем Новгороде и нижегородцах*. Нижний Новгород: НГОУНБ].
- M. Gor'kij... (2019): *M. Gor'kij – 150. Űbilejnyj al'бом k 150-letiu so dnâ roždeniâ Maksima Gor'kogo*. Moskovskaâ, D.S. (Otv. red.). Moskva: RAN IMLI im. A.M. Gor'kogo [М. Горький... (2019): *М. Горький – 150. Юбилейный альбом к 150-летию со дня рождения Максима Горького*. Московская, Д.С. (Отв. ред.). Москва: РАН ИМЛИ им. А.М. Горького].
- Marčenko, T. (2007). *Russkie pisateli i Nobelevskaâ premiâ (1901–1955)*. Köln–Weimar: Böhlaus Verlag [Марченко, Т. (2007). *Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)*. Köln–Weimar: Böhlaus Verlag].
- Mirovoeznačenie... (2018). *Mirovoe značenie tvorčestva M. Gor'kogo: Gor'kovskie čteniâ 2018*. Urtminceva, M.G., Ānina, P.E. (Red.) Nižnij Novgorod: Begemotnn [Мировое значение... (2018). *Мировое значение творчества М. Горького: Горьковские чтения 2018*. Уртминцева, М.Г., Янина, П.Е. (Ред.) Нижний Новгород: БегемотНН].
- Nižegorodskoe gor'kovedenie... (2018). *Nižegorodskoe gor'kovedenie: istoriâ i sovremennost'*. Urtminceva, M.G. (Red.). Nižnij Novgorod: Nižegorodskâ gosudarstvennâ oblastnaâ

universal'naâ naučnaâ biblioteka [Нижегородское горьковедение... (2018). *Нижегородское горьковедение: история и современность*. Уртминцева, М.Г. (Ред.). Нижний Новгород: Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека].

Электронные источники

Завиша, И. (2019). Бунин vs Горький – между двумя юбилеями. *Radio Poland. Русская редакция: Культура*. 18.10.2019. (Online) <https://www.polskieradio.pl/397/7838/Artykul/2386779> (dostup 19.10.2019) [Завиша, И. (2019). Бунин vs Горький – между двумя юбилеями. *Radio Poland. Русская редакция: Культура*. 18.10.2019. (Online) <https://www.polskieradio.pl/397/7838/Artykul/2386779> (доступ 19.10.2019)].

O AUTORACH

NATALYA LEONIDOVNA BAKHANOVICH /
НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА БАХАНОВИЧ

Literaturoznawca; młodszy pracownik Zakładu Związków Literatur w Instytucie Literaturoznawstwa im. Janki Kupały w Centrum Badań Kultury Białoruskiej, Języka i Literatury Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zainteresowania naukowe obejmują komparatystyczne badania literatury białoruskiej i polskiej – analizę porównawczo-typologiczną prozy małych gatunków końca XIX i początku XX wieku, wielojęzyczną literaturę Białorusi XIX wieku w kontekście europejskim, dyskurs białoruski w literaturze polskiej, związki literackie białorusko-polskie w aspekcie imagologii i inne. Autorka ponad 60 prac naukowych, w tym monografii zbiorowych *Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць* (Мінск 2012), *Паэтыка літаратурных сувязей* (Мінск 2017).

VERA ANATOLYEVNA BELOKRYLOVA /
ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА БЕЛОКРЫЛОВА

Doktor filozofii; kierownik Centrum Zarządzania Wiedzą i Kompetencjami Instytutu Filozofii w Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Do sfery zainteresowań naukowych należą: filozofia i metodologia poznania społecznego, filozofia społeczna, problemy filozoficzne współczesnych technologii społeczno-humanistycznych oraz perspektywy inżynierii społecznej w społeczeństwie postindustrialnym. Posiada doświadczenie w zakresie badań i publikacji dotyczących problemów związanych z ustalaniem interdyscyplinarnych strategii metodologicznych. Autorka publikacji: *Філософские проблемы междисциплинарного синтеза* (współaut. Д.И. Широканов и др., Минск 2015), *Китайский марксизм: модернизация теории в пространстве общественных трансформаций* („Вестні Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі: Серыя гуманітарных навук” 2018), *Социогуманитарные технологии как атрибут человекомерных систем* (w: *Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 октября 2017 г.)*. Доклады, Минск 2018), *Проблема превращенных форм и перспективы общественной рациональности* („Науковий вісник Чернівецького університету” 2008), *Превращенная форма: между субстанцией и феноменом (методологические проблемы социального по-*

знания) (w: *Мераб Мамардашвили и классическое европейское философское наследие: традиции и новации*, Пермь 2007), *Социальная реальность и реальность социального в рефлексивно-конструктивистских теориях общества* („Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі: Серыя гуманітарных навук” 5, 2006).

MAGDALENA DĄBROWSKA

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, rusycystka. Długoletni dyrektor Instytutu Rusycystyki i kierownik Zakładu Historii Literatury Rosyjskiej na Uniwersytecie Warszawskim. Od 2018 roku kierownik Katedry Rusycystyki UW. Członek Pracowni Mediów w Dawnej i Współczesnej Rosji w Instytucie Rusycystyki UW. Członek Rady Bibliotecznej UW. Specjalistka w zakresie edytorstwa i zarządzania w oświacie. Zainteresowania naukowe obejmują literaturę okresu oświecenia i romantyzmu, rosyjsko-zachodnioeuropejskie (w tym rosyjsko-polskie) związki literackie, kulturowe i naukowe oraz dzieje czasopiśmiennictwa literackiego XVIII–XIX wieku. Badaczka twórczości Nikołaja Karamzina i jego epoki. Autorka monografii na temat sentymentalizmu rosyjskiego (*Rosyjska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku*, Warszawa 2003; *Dla pożytku i przyjemności. Rosyjska podróż sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku*, Warszawa 2009) oraz redaktor i współredaktor licznych monografii wieloautorskich (m.in. *Mikołaj Karamzin i jego czasy*, współred. P. Głuszkowski, Warszawa 2017). Autorka łącznie ponad 140 publikacji naukowych w języku polskim i rosyjskim, w tym w uznanych czasopismach poświęconych w większości zapomnianym i słabo rozpoznanym zjawiskom, wydarzeniom, twórcom oraz dziełom. Redaktor naczelna serii wydawniczej „Studia Rossica”.

MAKSIM LVOVICH FIODOROV / МАКСИМ ЛЬВОВИЧ ФЕДОРОВ

Doktor nauk filologicznych w zakresie literaturoznawstwa, absolwent Wydziału Historyczno-Filologicznego Rosyjskiego Uniwersytetu Prawosławnego w Moskwie; adiunkt; sekretarz naukowy i starszy archiwista w Dziale Rękopisów Instytutu Literatury Światowej im. Maksima Gorkiego Rosyjskiej Akademii Nauk. Kierował Muzeum Fiodora Dostojewskiego w Moskwie (2002–2011). Zainteresowania naukowo-badawcze koncentrują się wokół historii teatru rosyjskiego i europejskiego oraz życia literackiego i kultury duchowej XX wieku, a także twórczości Demiana Biednego. Autor licznych artykułów, m.in. *Фонд Демьяна Бедного в ОР ИМЛИ РАН* oraz *Страсти по «Богатырям». Демьян Бедный в Камерном театре* (w: *Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации*, Moskwa 2018). Od 2008 roku jest członkiem Laboratorium Niedogmatycznej Duchowości na Uniwersytecie Gdańskim, a od 2016 roku – członkiem zespołu badawczego realizującego interdyscyplinarny projekt w ramach Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki *Kultura polska wobec zachodniej filozofii ezoterycznej w latach 1890–1939* (wdrażanego na Uniwersytecie Gdańskim pod kierownictwem dr hab. Moniki Rzeczyckiej, prof. UG).

PIOTR GŁUSZKOWSKI

Doktor, historyk i historyk literatury. W latach 2008–2012 pracownik Stacji Naukowej PAN przy Rosyjskiej Akademii Nauk w Moskwie; w latach 2012–2015 zwią-

zany z Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia; od 2014 roku pracuje w Katedrze Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego; kierownik Pracowni Mediów w Dawnej i Współczesnej Rosji UW. Główne zainteresowania badawcze to historia i literatura rosyjska XIX i XX wieku, a także polsko-rosyjskie relacje historyczno-kulturowe. Autor przeszło 90 prac naukowych, w tym monografii: *Antyrosja. Historyczne wizje Aleksandra Solżenicyna. Próba polskiego odczytania* (Warszawa 2008), *Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений* (Санкт-Петербург 2013), *Barwy polskości, czyli życie burzliwe Tadeusza Bułharyna* (Kraków 2018); za tę ostatnią otrzymał nagrodę KLIO I stopnia w kategorii autorskiej (Warszawa 2019).

DAIKI HORIGUCHI / ДАЙКИ ХОРИГУТИ

Doktor nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; docent na Wydziale Nauk Humanistycznych i Społecznych Uniwersytetu Daiwate w Morioka (Japonia). Zainteresowania naukowe obejmują słowotwórstwo, aspektologię, język łotewski oraz język rosyjski. Autor artykułów poświęconych kwestiom prefiksacji i imperfektywacji czasowników, m.in. *Vārda darināšanas brīvība un internacionālo verbu prefiksācija* („Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi” 9, 2014, Rīga), *Latvian attenuative pa-verbs in comparison with diminutives* (w: *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*, De Gruyter 2015), *Метаязыковая рефлексия в зеркале префиксации заимствованных глаголов* (w: *Мова, маўленне, тэкст*, Мінск 2017), *Дефисация синонимических глаголов в русском языке* (w: *Русистика* 2018, Шумен 2018), *Имперфективация заимствованных глаголов в русском языке* („Russian Linguistics” 42(3), 2018).

JOLANTA JÓŹWIAK

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; profesor UKW w Katedrze Przekładoznawstwa na Wydziale Językoznawstwa Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy. Autorka prac naukowych z zakresu językoznawstwa rosyjskiego i przekładoznawstwa, m.in. monografii: *Названия животных в русском и польском языках* (Poznań 2007), *Konteksty – decyzje – konsekwencje. Problemy przekładu* (Bydgoszcz 2016). Jej badania skupiają się wokół polsko-rosyjskich kontaktów językowo-kulturowych, w tym przekazu wartości kulturowych w procesie tłumaczenia oraz sposobów wprowadzania do tekstu przekładu jednostek antropomicznych, frazeologicznych i innych motywów kulturowych. Szczególną uwagę poświęca znaczeniu wyborów tłumacza i niestandardowym rozwiązaniom translatorskim. Dodatkowo zajmuje się zagadnieniami współczesnej nominacji językowej w zakresie komunikacji biznesowej i marketingowej, także w ujęciu porównawczym. Członek Bydgoskiego Towarzystwa Naukowego oraz Polskiego Towarzystwa Rusycystycznego.

WOJCIECH KAMIŃSKI

Doktor nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa rosyjskiego; starszy wykładowca w Instytucie Filologii Rosyjskiej i Ukrainskiej na Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Jego zainteresowania naukowe obejmują językoznawstwo rosyjskie, w tym leksykologię i słowotwórstwo, frazeologię rosyjską i polską, idioma-

tykę oraz paremiologię. Autor i współautor ponad 50 prac, w tym książki *Wybrane zagadnienia z gramatyki i pisowni rosyjskiej wraz z ćwiczeniami* (Poznań 1989); liczne publikacje na łamach „Acta Polono-Ruthenica”, „Slavica Quinqueecclesiensia”, „Przeгляд Русыстычны”, „Studia Rossica Posnaniensia” i in., a także za granicą (w wydawnictwach na Białorusi, Litwie, Słowacji, Węgrzech oraz w Rosji, Serbii, Uzbekistanie). Píše również w języku ukraińskim (autor licznych tekstów w tygodniku mniejszości ukraińskiej „Nasze Słowo”). Wieloletni kierownik studiów niestacjonarnych IFRiU UAM oraz kierownik Studiów Podyplomowych Kształcenia Tłumaczy Języka Rosyjskiego (12 edycji); współorganizator i sekretarz wielu edycji konferencji międzynarodowych z cyklu „Rusycystyka europejska a współczesność”; organizator 12 edycji tematycznych warsztatów dla nauczycieli języka rosyjskiego ze szkół z Poznania i Wielkopolski. Sekretarz naukowy Wielkopolskiego Komitetu Okręgowego Olimpiady Języka Rosyjskiego; wieloletni sekretarz periodyku „Studia Rossica Posnaniensia”.

ZBIGNIEW KAŻMIERCZYK

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, polonista; profesor UG w Zakładzie Historii Literatury w Instytucie Filologii Polskiej Uniwersytetu Gdańskiego; założyciel i kierownik naukowo-badawczej Pracowni Literatury Etnogenetycznej. Autor monografii *Dzieło demiurga. Zapis gnostyckiego doświadczenia egzystencji we wczesnej poezji Czesława Miłosza* (Gdańsk 2011), *Słowiańska psychomachia Mickiewicza* (Gdańsk 2012), redaktor monografii wieloautorskiej *Religijność Czesława Miłosza* (Gdańsk 2019) oraz monografii *Adam Mickiewicz i Rosjanie* (współredakcja M. Dąbrowska i P. Głuszkowski, Warszawa 2019). Napisał 135 prac naukowych opublikowanych w Polsce i za granicą – w tym w przekładzie angielskim, rosyjskim, litewskim, ukraińskim. Odślania gnostycko-manichejski obraz świata i człowieka w twórczości wybitnych autorów. Zgromadził argumenty na rzecz irańskiej etnogenezy Słowian i ukazał jej implikacje literaturoznawcze. Literaturę i myśl słowiańską czyta w perspektywie filozoficzno-teologicznej i tworzy kanon dzieł etnogenetycznej historii literatury. Wypracował metodologię do ujęcia specyfiki literatur słowiańskich jako podstawę do hermeneutyki kultur Wschodu i Zachodu oraz rozwijania komparatystyki mitologicznej.

Prezes Oddziału Gdańskiego Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza, wiceprezes Pomorskiego Towarzystwa Filozoficzno-Teologicznego. Współpracuje z Instytutem Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zastępca redaktora naczelnego „Studia Rossica Gedanensia”; członek międzynarodowych komitetów redakcyjnych periodyków: „Київські полоністичні студії” (Ukraina), „Обрії друкарства” (Ukraina), a także serii wydawniczych „Colloquia Orientalia Bialostocensia” i „Przełomy / Pogranicza”.

MAŁGORZATA KRAKOWIAK

Doktor habilitowany w zakresie literaturoznawstwa, polonistka; profesor UŚ w Instytucie Nauk o Kulturze Uniwersytetu Śląskiego. Zajmuje się genologią teorii i historią eseju literackiego, przemianami krytyki literackiej w ujęciu historycznym i opisowym, problematyką aksjologiczną i historiozoficzną w literaturze XX i XXI wieku oraz

zagadnieniem kulturowych mitów współczesności. Autorka licznych monografii: *Katastrofizm – personalizm – realizm* (Kraków 2001), *Mierzenie się z esejem. Studia nad polskimi badaniami eseju literackiego* (Katowice 2012), *O obowiązku szukania. Wybory światopoglądowe pisarzy polskich z XX stulecia* (Łomianki 2018), *Antologia polskiego eseju literackiego* (Katowice 1998); redaktorka i pomysłodawczyni: *W szkole polskich eseistów* (Katowice 2007), *Oblężenie. Strategia pisarska – postrzeganie świata – motywy literacki* (Katowice 2014); współredaktorka wielu projektów i tomów. Członek Komisji Historycznej PAN Oddział w Katowicach (od 2002) oraz Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza (od 2006).

KATARZYNA KULIGOWSKA

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa, rusycystka; profesor UAM w Instytucie Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Zainteresowania naukowo-badawcze obejmują językoznawstwo kognitywne, lingwokulturologię, słowotwórstwo porównawcze, polską i rosyjską paremiologię. Autorka dwóch monografii naukowych: *Nazwy osobowych nosicieli cech we współczesnym języku rosyjskim. Studium strukturalno-semantyczne* (Poznań 2010) i *Narzędzie w polskiej i rosyjskiej przestrzeni kulturowo-lingwistycznej* (Poznań 2018), a także artykułów z zakresu polsko-rosyjskich studiów konfrontatywnych.

LUDMILA VENYAMINOVNA KUSHNINA / ЛЮДМИЛА ВЕНИАМИНОВНА КУШНИНА

Doktor habilitowany nauk filologicznych, specjalność: teoria języka; profesor w Katedrze Języków Obcych, Lingwistyki i Przekładu w Permskim Narodowym Politechnicznym Uniwersytecie Badawczym (Rosja), translatolog i lingwosynergetyk; teoretyk i metodolog kształcenia zawodowego w zakresie przekładu oraz komunikacji międzykulturowej; twórczyni szkoły naukowej – *współoddziaływanie języków i kultur w przestrzeni przekładowej – podejście gestaltowo-synergetyczne*; autorka pojęcia „czasoprzestrzeń przekładowa” (*непереводческий хромотон*). Problematyka badawcza: przekład jako system synergetyczny, pedagogika synergetyczna, teoria harmonizacji przekładu, ekologia przekładu, kognitywne aspekty przekładu, dyskurs translatoryczny, czasoprzestrzeń przekładowa jako sposób odzwierciedlenia przekładowego obrazu świata, relacje: język – kultura – osobowość, osobowość komunikacyjna tłumacza, harmonia międzykulturowa, harmonia w systemie oceny jakości przekładu ustnego. Autorka monografii: *Динамика переводческого пространства: геитальт-синергетический подход* (Permy 2003), *Языки и культуры в переводческом пространстве* (Permy 2004), *Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства* (Permy 2009); współautorka książek: *Основы межкультурной коммуникации: учебное пособие для переводчиков* (Permy 2009), *Практикум по лингвистическому анализу текста* (Permy 2009), *Синергетическая педагогика* (Permy 2011).

ĒRIKA KUZMINA

Magister filologii rosyjskiej, literaturoznawca; absolwentka Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze oraz Uniwersytetu Warszawskiego; doktorantka na Wydziale Lingwistyki Stosowanej UW. Badaczka twórczości Iwana Łażecznikowa i jego epoki. Zainteresowania naukowe obejmują zakres literaturoznawstwa letonistycznego, polonistycznego i rusycystycznego oraz rosyjsko-łotewskich i polsko-łotewskich kontaktów literackich i kulturalnych (ze szczególnym uwzględnieniem literackiego obrazu Kurlandii i Łatgalii). Badaczka kultury staroobrzędowej na terenie Łotwy. Autorka artykułów na temat obrazu wielkiej wojny północnej w literaturze rosyjskiej, m.in. *Geopoetical Analysis of Livonia During The Great Northern War Based on The Last Novik – A Historical Novel by Ivan Lazhechnikov* („Journal of Literature and Art Studies” 2018), jak również poświęconych twórczości i poglądom Iwana Łażecznikowa. Członek Klubu Literackiego w Centrum Kultury Polskiej „Promień” w Dyneburgu oraz członek Koła Naukowego Współpracy i Dialogu ze Wschodem w Instytucie Rusycystyki UW.

ANTON LAVITSKY / АНТОН ЛАВИЦКИЙ

Doktor nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa, germanista; docent, kierownik Katedry Filologii Niemieckiej Witebskiego Uniwersytetu Państwowego im. Piotra Maszeraua (Białoruś). Zainteresowania badawcze obejmują mediolingwistykę, lingwistykę kognitywną i lingwokulturologię. Autor 70 publikacji, m.in. podręczników akademickich: *Основы перевода* (współaut. У.М. Бахтикиреева и др., Минск 2019), *Страноведение страны изучаемого языка (Германия)* (Витебск 2017), *Переводческая (учебная) практика студентов филологического факультета специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология». Ежедневник студента-практиканта* (współaut. О.П. Осипова, Витебск 2017), *Психологические основы двуязычия: сборник вопросов и заданий для семинарских занятий* (Витебск 2016).

NATALYA ALEKSANDROVNA LAZAREVICH /
НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЛАЗАРЕВИЧ

Doktor filozofii, docent; pracownik naukowy Ośrodka Badań Społeczno-Filozoficznych i Antropologicznych w Instytucie Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Podejmuje badania związane ze światopoglądową analizą aktualnych problemów współczesnej ekologii społecznej, analizą aspektów moralno-etycznych rozwoju współczesnych biotechnologii. Autorka ponad 115 prac naukowych na temat aktualnych problemów filozoficzno-metodologicznych i światopoglądowych postępu naukowo-technicznego. Opracowała specjalistyczny kurs *Filozoficzne problemy świata, społeczeństwa, bezpieczeństwa* dla Instytutu Administracyjno-Inżynierskiego. Ważniejsze publikacje: *Новые технологии и этическая оценка их применения* (w: *Стратегия выживания в контексте биоэтики, антропологии, философии и медицины*, Кишинев 2019), *Факторы формирования экологического поведения* („Труды БГТУ: Серия 6: История, философия” 1(209), 2018), *Индикаторы социальной политики в условиях технологической модернизации и трансформации социальных отношений в обществе* („Труды БГТУ: Серия 6: История, философия” 1(221), 2019), *Экологические аспекты глобальных угроз и парадигма*

устойчивого развития (w: *Глобализация, регионализация, пограничье*, под ред. М.А. Слемнева, Витебск 2018), *Technological and Environmental Bases of Modernization of Social Policy and Quality of Life Criteria* (w: *International Symposium "Experience. Knowledge. Contemporary Challenges"*, 2nd Ed.: "Landmarks and Challenges of the Social Economic Development", May 24th-25th, 2018, Bucharest, Romania), *Social and Environmental Aspects of Life Quality in Belarus* (w: *China and Belarus: Forge Ahead Together in the "Belt and Road" Construction*, Beijing 2019).

VALERY ALEKSANDROVICH MAKSIMOVICH /
ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАКСИМОВИЧ

Profesor, doktor habilitowany nauk filologicznych; znany literaturoznawca, filozof i krytyk; kierownik Ośrodka Filozofii Literatury i Estetyki przy Instytucie Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku; zastępca dyrektora Instytutu ds. nauki. Zainteresowania naukowe obejmują szeroki krąg zagadnień filozoficznych, kulturologicznych, literaturoznawczych dotyczących specyfiki funkcjonowania kultury duchowej i jej elementów strukturalnych (teorię i historię literatury i kultury, tradycji i innowacji, problematykę moralności kultury współczesnego społeczeństwa w warunkach globalizacji, kultury estetycznej i artystycznej oraz komunikacji międzykulturowej, a w szczególności rozważania interakcji „jądrowych” (substratowych) i „peryferyjnych” (superstratowych) artefaktów w kulturach pogranicza). Autor ponad 200 publikacji, w tym kilku monografii, m.in. *Беларускі мадэрнізм: эстэтычная самаідэнтыфікацыя літаратуры пачатку XX стагоддзя* (Мінск 2001), *Нацыянальны космас класікі: дыялог традыцый і наватарства ў творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа* (Мінск 2008), *Шляхам спазнання існасці: літаратурны працэс другой паловы XIX – пачатку XX ст. у постацях* (Мінск 2011). Członek komitetów redakcyjnych czasopism naukowych „Наука. Мысль” (Волжский), „Образование личности” (Москва), „Философские исследования” (Мінск).

VALENTINA AVRAAMOVNA MASLOVA /
ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА МАСЛОВА

Profesor, doktor habilitowany nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; pracownik Katedry Językoznawstwa Ogólnego i Rosyjskiego Witebskiego Uniwersytetu Państwowego im. Piotra Maszerawa w Witebsku (Białoruś). Badaczka o szerokich zainteresowaniach obejmujących takie sfery jak: teoria języka, lingwistyka kognitywna, lingwistyka tekstu, psycholingwistyka. Stworzyła nowy kierunek badawczy – lingwistykę kulturową oraz opracowała koncepcję poetyki lingwistycznej. Autorka ponad 300 publikacji, w tym wielu monografii i popularnych podręczników akademickich, m.in. *Лінгвокультуролагія* (Москва 2001 i nast.), *Нотолінгваліс в культуры* (Москва 2004 i nast.), *Современные направления в лингвистике* (Москва 2008), *Когнитивная лингвистика* (Мінск 2004 i nast.), *Введение в когнитивную лингвистику* (Москва 2004 i nast.), *Поэтический текст: новые подходы и решения* (Москва 2016), *Коды культуры в пространстве языка* (Санкт-Петербург 2015). Laureatka państwowych nagród.

MARIYA VLADIMIROVNA MIKHNOVETS /
МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА МИХНОВЕЦ

Magister filologii; pracownik naukowy Muzeum Literacko-Memorialnego F.M. Dostojewskiego w Petersburgu (Rosja). Autorka prac na temat recepcji i krytyki teatralnej twórczości Dostojewskiego, m.in. *Театральная критика конца 1910-х – начала 1920-х гг. о Достоевском: к вопросу о театральности эпического творчества писателя* („Достоевский и мировая культура” 34, 2016), *Достоевский в процессе идеологизации театральной критики 1920–1930-х гг.* (w: *Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения 2016): ч. 2: Литературоведение. Лингвистика*, Санкт-Петербург 2017), *Роман-предвестие [сопроводительная статья]* (w: *Ф.М. Достоевский, Униженные и оскорбленные*, Москва 2018), *Газетные публикации СССР в связи с юбилеем Ф.М. Достоевского в 1956 году: попытка перевода художественной системы писателя на язык советской идеологии* (w: *Translatio and History of Ideas: Ideas, Language, Politics*, Peter Lang 2018). Kurator wystaw literackich.

INESSA IVANOVNA MOROZOVA / ИНЕССА ИВАНОВНА МОРОЗОВА

Docent, doktor nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa; starszy pracownik naukowy Instytutu Filozofii w Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zainteresowania naukowe obejmują literaturę rosyjską drugiej połowy XIX wieku, spuściznę twórczości Konstantina Leontjewa, rosyjską myśl religijno-filozoficzną XIX–XX wieku oraz współczesną literaturę białoruską, a także transformację rodziny w świecie współczesnym. Autorka ponad 70 prac naukowych, w tym podręczników naukowo-metodycznych, rozdziałów książek i artykułów, m.in. *Культурное и национальное самосознание в творчестве К.Н. Леонтьева* (w: *Философские исследования: сборник научных трудов Института философии НАН Беларуси*, Мінск 2014), *Леонтьев и Ф. Ницше: pro et contra* („Studia Slobozhanica” 2014 [Харьков]), *Семья в религиозных построениях К.Н. Леонтьева* (w: *Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы*, Мінск 2014), *С верой в человечность* („Неман” 2, 2015), *Поэты Первой мировой* („Неман” 2, 2015); redaktor trzech monografii zbiorowych, m.in. *Достоевский в XXI веке* (Гомель 2002), *Триада бытия. Слово – время – личность: вторые научные чтения, посвященные памяти В.Н. Соболенко* (Гомель 2006), *Актуальные проблемы филологии* (Гомель 2008). Współpracuje z Pracownią Literatury Etnogenetycznej afiliowaną przy Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego.

VIKTOR ALEKSANDROVICH ODINOSHENKO /
ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ОДИНОЧЕНКО

Doktor filozofii; docent w Katedrze Filozofii w Homelskim Uniwersytecie Państwowym im. Franciszka Skaryny (Białoruś). Interesuje się filozofią religii, filozofią kultury oraz kwestią roli religii w kulturze białoruskiej. Autor książki *Рэлігіязнаўства: вучэбны дапаможнік* (Мінск 2018) oraz artykułów: *Культурная прастора Беларусі: праблема вызначэння* („Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія” 1, 2017), *Религи-*

оведение в современной Беларуси: проблема смены картины мира („Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология” 3, 2017), *Время культуры как проблема* („Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины” 1(106), 2018), *Десекуляризация в современной Беларуси: проблемный аспект* (w: *Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова*, 24, Витебск 2017), *Сучасная беларуская культуралогія: праблема набудовы тэорыі* („Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія” 1, 2018), *Глокалізацыя в савремнай беларускай культуры как взаімадзействіе працэсаў глабалізацыі і лакалізацыі* (w: *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки*, 17, Минск 2018), *Культурная глабалізацыя в прастранстве і часе* (w: *Культурно-цывілізацыйная дынаміка савремнага міра*, ред. В.Н. Калмыков и др., Гомель 2018), *Праваславіе как фактар культурнай арыентацыі савремнай Беларусі* („Doctrina: Studia Społeczno-Polityczne” 15, 2018) i in. Były przewodniczącą Komisji Kontrolnej „Białoruskiego Komitetu Helsińskiego” (2006–2012).

GRZEGORZ OJCEWICZ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, profesor Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Filolog śledczy, znawca życia i twórczości Iwana Bunina, Sergiusza Jesienina, św. Matki Marii z Paryża (Skobcowej); literaturoznawca, badacz XX-wiecznej emigracji rosyjskiej. Przekładoznawca i tłumacz. Autor ponad 430 publikacji. W dorobku naukowym znajdują się m.in. nowatorska monografia o Jarosławie Mogutinie *Skazani na trwanie* (Olsztyn 2007) oraz przekład tomu poetyckiego Borysa Popławskiego *Automatyczne wiersze* (Olsztyn 2009). Pomysłodawca i współautor nagrodzonej przez MSWiA książki z obszaru filologii śledczej *Zabójstwo Sergiusza Jesienina* (Szczytno 2009), a także monografii z dziejów zakonu krzyżackiego *Zabójstwo wielkiego mistrza Wernera von Orseln* (współaut. H. Bobińska, Kwidzyn–Gdynia 2015). Autor dwóch monumentalnych monografii: jednej o św. Dorocie z Mątw: *Śmiertelna pobożność. Święta Dorota z Mątw. Mity i rzeczywistość* (Szczytno 2016) oraz drugiej, o św. Matce Marii (Skobcowej) – *Stara Dusza. Fenomen Matki Marii* (Skobcowej). *Badania i materiały* (współaut. D.A. Myślak, Szczytno 2016). Ostatnio wydał *Proste prawdy. Misteria świętej Matki Marii* (Skobcowej) i *inne utwory* (Szczytno 2017) oraz – w autorskim przekładzie na język polski – dwa wybory tekstów św. Matki Marii (Skobcowej): *Jak lód jest jego duch, jak kamień – serce... Religia. Filozofia. Polityka* (Szczytno 2017), *Dwie moje Matki. Bogurodzica i Rosja* (Szczytno 2018). Współautor książki *Nie tylko brodnickie tajemnice Anny Wazówny*, która ukazała się wiosną 2018 roku z okazji 450-lecia urodzin szwedzkiej księżniczki (współaut. H. Bobińska, A. Saar-Kozłowska). Jesienią 2019 roku opublikował we własnym tłumaczeniu tom 1 *Dzienników* Georgija Efrona, syna wielkiej poetki Mariny Cwietajewej. Członek Komisji Emigrantologii Słowian przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Redaktor naczelny czasopisma „Acta Neophilologica” (2005–2013). Współredaktor i współautor serii naukowej „Luminarze Rosyjskiej Emigracji” wydawanej przez Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie od 2009 roku.

KSENIYA NIKOLAEVNA OTEVA / КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА ОТЕВА

Doktor nauk filologicznych; docent w Katedrze Literatury i Sztuki Rosyjskiego Państwowego Instytutu Sztuk Scenicznych w Petersburgu (Rosja). Obroniła pracę doktorską *Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в свете научно-философской рефлексии XX–XXI вв.: смысл и ритм* w Rosyjskim Państwowym Pedagogicznym Uniwersytecie im. A.I. Hercena (Санкт-Петербург 2011). Autorka prac m.in. *Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в переводе на язык кино («Идиот» Ж. Лампена, «Шальная любовь» А. Жулавски, «Идиот» А. Куросавы)* (w: *Translatio and History of Ideas: Ideas, Language, Politics*, 2, Peter Lang 2019), *В поисках героя: роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на петербургской театральной сцене (2012–2017 гг.)* („Достоевский и мировая культура” 36, 2018), *Образы романтических героев в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» и его экранизациях (работы Ж. Лампена, И.А. Пырьева)* (w: *Romanticism in Literature: On the Crossroad of Epochs and Cultures*, 2, Tbilisi 2017).

SIARHEI PADSASONNY / СЯРГЕЙ АЛЯКСАНДРАВІЧ ПАДСАСОНЫ

Doktor nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa; adiunkt w Instytucie Lingwistyki Stosowanej na Uniwersytecie Warszawskim. Absolwent Homelskiego Uniwersytetu Państwowego im. Franciszka Skaryny (Wydział Filologii); studia na Wydziale Psychologii. Filolog, historyk literatury rosyjskiej, badacz kontekstów kulturowych literatury rosyjskiej XIX wieku, zagadnień mentalności rosyjskiej, rosyjskiej myśli filozoficzno-religijnej, przekładu literackiego. Znaczący twórca Fiodora Dostojewskiego. Autor ponad 40 prac opublikowanych w Polsce, na Białorusi, w Rosji. W dorobku naukowym znajduje się monografia *Грех по Достоевскому* (Мінск 2007). Wykładał gościnnie w Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku (w Instytucie Filozofii). Redaktor naczelny Działu Informacji Telewizji Bielsat (TVP S.A.); dziennikarz, twórca ponad tysiąca reportaży o tematyce politycznej, społecznej, kulturowej.

GEORGIY SERGEEVICH PROKHOROV /
ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ ПРОХОРОВ

Profesor, doktor habilitowany w zakresie nauk filologicznych; pracuje w Katedrze Literatury w Państwowym Uniwersytecie Społeczno-Humanistycznym w Kołomnie (Rosja). Podejmuje zagadnienia związane z teorią literatury i tekstologią. Autor monografii *«Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: вопросы композиции* (Коломна 2013) oraz artykułów m.in. *«Дневник писателя» Достоевского: публицистика или новый жанр?* („Вопросы литературы” 5, 2013), *Художественная публицистика А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского: между риторикой и поэтикой* („Вестник Пермского университета” 1(21), 2013), *Феномен художественно-публицистического текста в журналистике* („Наша общественная жизнь” М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского) („Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки” 2(102), 2012), *«Дневник писателя» Ф.М. Достоевского в контексте эстетических положений натуралистической школы* (w: *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk. Dyskurs o współczesności*, Łódź 2010), *«Петербургская летопись»* и *«Петербургские сновы»*

дения в стихах и прозе»: о поэтике фельетона Ф.М. Достоевского (w: *Достоевский и современность*, Новгород 2014).

LARISA VIKTOROVNA RATSIBURSKAYA /
ЛАРИСА ВИКТОРОВНА РАЦИБУРСКАЯ

Profesor, doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; kierownik Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa Ogólnego w Instytucie Filologii i Dziennikarstwa w Państwowym Uniwersytecie Badawczym im. N.I. Łobaczewskiego w Niżnym Nowogrodzie. W kręgu zainteresowań badawczych znajdują się morfemika, ortoepia i fonetyka, słowotwórstwo, neologia, a także socjolingwistyka, język mediów, leksykografia dydaktyczna. Autorka i współautorka ponad 240 prac naukowych, m.in. *Уникальные части слова в историческом и современном освещении* (Niżnij Nowgorod 1996), *Уникальные морфемы в современном русском языке* (Moskwa 1998), *Словообразовательное гнездо и принципы его описания* (Niżnij Nowgorod 2002), *Основные понятия фонетики* (Niżnij Nowgorod 2004), *Основные понятия орфоэпии* (Niżnij Nowgorod 2005), *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* (współaut., Moskwa 2014), *Проблемы словотворчества в современных российских СМИ. Учебное пособие* (współaut., Moskwa 2015) i in. Członek Komisji Słowotwórstwa Słowiańskiego przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów (od 2015).

TATYANA PETROVNA SIDOROVA / ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА СИДОРОВА

Doktor nauk filologicznych w zakresie literaturoznawstwa; docent Katedry Pedagogiki i Metodyk Szczegółowych w Homelskim Regionalnym Instytucie Rozwoju Kształcenia (Białoruś). Obroniła rozprawę doktorską *Особенности функционирования библейских образов в творчестве Н. Гоголя и Я. Барышевского* na Białoruskim Uniwersytecie Państwowym w Mińsku (2007). Zainteresowania naukowe obejmują rosyjską filozofię religijną, inteligencję twórczą przełomu XIX–XX wieku, kulturę emigracji rosyjskiej. Autorka ponad 90 publikacji, m.in. dwóch podręczników naukowo-metodycznych *Культурология* (Gomel 2011), *Права человека* (Gomel 2013), serii artykułów naukowych z zakresu literaturoznawstwa, szkiców z obszaru filozofii i kultury. Zajmuje się badaniem spuścizny literackiej i teologicznej N.D. Gorodeckiej. Uprawia też publicystykę cerkiewną; twórczyni teologicznego czasopisma „Альфа и Омега” (Moskwa).

OLGA LEONIDOVNA STASHKEVICH /
ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА СТАШКЕВИЧ

Młodszy pracownik naukowy w Ośrodku Badań Filozoficzno-Metodologicznych i Interdyscyplinarnych w Instytucie Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zajmuje się pracą badawczą w zakresie filozofii społecznej. Sfera zainteresowań naukowych obejmuje problemy wiedzy społeczno-filozoficznej, zwłaszcza kwestie filozofii edukacji, współczesnej przestrzeni ogólnoedukacyjnej, moralno-duchowych aspektów kształtowania jednostki. Autorka prac m.in. *Философско-психологические аспекты воспитания воли личности в современном образовании*

(w: *Философские проблемы междисциплинарного синтеза*, ред. Д.И. Широканов, Минск 2015), *Женищина и алкоголь как злободневная социальная проблема* (w: *Молодежь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма*, под ред. О.А. Павловской, Минск 2015), *К вопросу об эволюции образов «друга» и «врага» в послевоенных Беларуси и Украине, 1945–1953* („Вестник Харьковского Национального университета” 1031(22), 2014), *Повышение функционального качества образования посредством синтеза моделей классического и инновационного образования* (w: *Инновационная сложность*, отв. ред. Е.Н. Князева, Санкт-Петербург 2016), *Особенности формирования гражданственности и патриотизма на разных этапах развития белорусского общества (от Древней Руси до начала XX века)* („Гісторыя і грамадазнаўства” 7, 2016), *Образовательная и трудовая миграция белорусской молодежи в контексте проблемы формирования патриотических установок* („Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии: Научно-практический журнал”, 4(49), 2018), *Социальные дилеммы и антропология патриотизма* (w: Л.Б. Шнейдер, О.Л. Сташкевич, *Традиции и инновации гражданского воспитания в современном образовательном пространстве*, Москва 2019), *Аттитюды патриотизма в пространстве образования и воспитания* („Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология” 50, 2018). Prezes Podstawowej Organizacji Zawodowej Instytutu Filozofii w NAN Białorusi.

JAN WAWRZYŃCZYK

Profesor, doktor habilitowany nauk humanistycznych; językoznawca, rusycysta, polonista; profesor emeritus Uniwersytetu Warszawskiego (Instytut Lingwistyki Stosowanej). Zainteresowania naukowe: gramatyka i leksyka rosyjska, leksykografia języka polskiego, leksykografia dwujęzyczna, rosyjsko-polskie językoznawstwo konfrontatywne, chronologizacja słownictwa polskiego schyłku XVII – pocz. XXI wieku, bibliografia słowiańska, bibliometria. Dorobek naukowy obejmuje ponad 200 publikacji, w tym 50 pozycji książkowych; ważniejsze książki: *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa* (współaut. A. Bogusławski, Warszawa 1993), *Słownik bibliograficzny języka polskiego*. T. 1–10 (Warszawa 2000–2012), *Inny ‚Doroszewski’* (Łask 2010), *Słownictwo nowopolskie. Redatacje* (Warszawa 2011), *O stronie ruscorporainpoland.pl* (Warszawa 2014), *Fotocytatografia polska. Koniec XVIII – początek XXI w.* T. 1–4. (Warszawa 2014–2015). Autor i redaktor wielu znaczących opracowań leksykograficznych z zakresu słownictwa polsko-rosyjskiego, twórca nowych nurtów w leksykografii.

KATARZYNA WOJAN

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; rusycystka i fennistka; profesor UG w Instytucie Skandynawistyki i Fennistyki Uniwersytetu Gdańskiego; w latach 2016–2019 pełniła funkcję kierownika Pracowni Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii; założycielka i kierownik Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej oraz Pracowni Języka Fińskiego na Wydziale Filologicznym UG. Autorka i współautorka ponad 220 prac z zakresu językoznawstwa ogólnego, słowiańskiego,

ugrofińskiego, komparatystyki lingwistycznej, nostratyki, leksykologii porównawczej, słowiańskiej, ugrofińskiej, interlingwistyki, paleolingwistyki, leksykografii przekładowej, historii leksykografii, biobibliografistyki i bibliografistyki, przekładoznawstwa, akustyki mowy, w tym 20 książek, m.in. monografii: *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym* (Gdańsk 2010), *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów* (Gdańsk 2010), *Język angielski w polskiej leksykografii. T. 1: Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2013), *Język angielski w polskiej leksykografii. T. 2: Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2014), *Z dziejów leksykografii polsko-rosyjskiej. T. 1: Słowniki lingwistyczne (bibliografia za lata 1700–2015)* (Gdańsk 2016), *Język fiński w teorii i praktyce* (Gdańsk 2016), słowników: *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* (Gdańsk 2011), *Polsko-fiński tezaurus tematyczny. Część 1: Ziemia i Kosmos* (Gdańsk 2012). Opracowała edycję tekstów źródłowych Zbigniewa Żakiewicza *W czasie zatrzymane. T. 1: Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008* (Gdańsk 2017). Twórczyni szkoły metodologiczno-badawczej w zakresie homonemiki międzyjęzykowej. Członek towarzystw naukowych, m.in. European Acoustics Association, Polskiego Towarzystwa Akustycznego, Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Krakowskiego Towarzystwa Popularyzowania Wiedzy o Komunikacji Językowej „Tertium”. Redaktor naczelna „*Studia Rossica Gedanensia*”; członek komitetów redakcyjnych umiędzynarodowionych czasopism: „*Болгарская русистика*” (Bułgaria), „*Вестник Воронежского государственного университета: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация*” (Rosja), „*Studia Scandinavica*” (Gdańsk). Współpracuje z Narodową Akademią Nauk Białorusi w Mińsku oraz w zakresie edukacji z Opetushallitus (wcześniej z Centre for International Mobility) w Helsinkach (Finlandia). Jest konsultantem Państwowej Komisji Egzaminacyjnej w sprawie przeprowadzania egzaminu na tłumacza przysięgłego języka fińskiego na Wydziale Tłumaczy Przysięgłych Ministerstwa Sprawiedliwości (drugą kadencję).

Opracowała Katarzyna Wojan